

СМОК

ISSN 0131 — 6656

ВАСИЛИИ РУДАКОВ ■ НЕПОБЕДИМЫЙ РОБИН КУК ■ СФИНКС

ДОРОТИ КАРУЗО ■ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЭНРИКО КАРУЗО

ЮРИЙ ГАЛИЧ ■ РАССКАЗЫ

11 '94

(Читайте стр. 18)

11'94 СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора
МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 23.08.94.

Подписано к печати 19.09.94.

Формат 84 × 108 $\frac{1}{2}$.

Бумага «Газетная». Печать офсетная. Усл. п. л. 15,54; Усл. кр.-отт. 17,64. Уч.-изд. л. 23,10. Тираж 98 900 экз. Заказ № 1683. Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати

и массовой информации

Российской Федерации.

Рег. № 166.

Учредитель — коллектив
редакции журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака обра-
щаться в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

11 (1561) НОЯБРЬ

© Издательство «Пресса».

© «Смена», 1994.

В НОМЕРЕ:

Проза

120

ЭДВАРД ХОХ. ПЯТНИСТЫЙ ТИГР
Криминальный рассказ

146

ЮРИЙ ГАЛИЧ. ЮНКЕР ПУШКИН. МАЙСКИЙ ПАРАД
«А-ЛА-ЛИ»
Рассказы

182

РОБИН КУК. СФИНКС
Приключенческий роман

Поэзия

13

СЕРГЕЙ ГОНЧАРЕНКО

61

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Человек и общество

4

СЕРГЕЙ ПЯТЕНКО. ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ

18

СЕРГЕЙ СМОРОДКИН. ТАИНСТВЕННЫЙ ТАГАНРОГ

32

ГРИГОРИЙ КИПЕРМАН. ПРИУМНОЖЕННЫЙ РУБЛЬ

36

ВАСИЛИЙ РУДАКОВ. НЕПОБЕДИМЫЙ

114

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. В НЕБЕ ТОЛЬКО «ДЕДУШКИ»

133

ФОТОВЕРНИСАЖ АРКАДИЯ КОЛЫБАЛОВА

270

БОРИС КАМОВ. ПОХИЩЕНИЕ ЖИЗНИ

Культура, музыка, искусство

66

ДОРОТИ КАРУЗО. ЭНРИКО КАРУЗО.
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

На нашей
обложке:
фотозтиюд
ИГОРЯ
ГНЕВАШЕВА

164

ЛЮБОВЬ БОЛДИНА. ВОЛШЕБНЫЙ МИР ТЕАТРА

179

ЗЛЬВИРА УЛАНОВА. «И СПАСАЕТ ВНОВЬ ЛЮБОВЬ...»

287

АЛЛА ТРИСТАН. МАРИЦА ГЕРЦОВСКАЯ

280

ШАХМАТЫ. КРОССВОРДЫ

12•94

3

■ **ДОРОТИ Л. СЭЙЕРС.** «СИЛЬНЫЙ ЯД»

По времени и месту вхождения в мировую детективную литературу английская писательница Дороти Сэйерс (1893—1957) относится наряду с Честертоном и Агатой Кристи к основателям столь любимого читателями жанра. После смерти Честертона именно она стала президентом лондонского Детективного клуба.

В нашей стране Дороти Сэйерс почти не издавалась, поэтому читателю будет интересно познакомиться с ее главным литературным героем лордом Питером Вимси, о котором писательница создала целый цикл романов.

■ **ДОРОТИ КАРУЗО.** «ЭРИКО КАРУЗО. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ»

«Глаза Эрико закрылись, и рука упала. Я подумала: «Наконец-то Эрико хорошо». Мне захотелось выйти на солнце, но я знала, что этого делать нельзя, никто не поймет. Издалека доносились плач, причитания и молитвы двух вошедших монахинь. Я поднялась с колен и вышла не оборачиваясь».

Читайте окончание воспоминаний Дороти Карузо о великом оперном певце Эрико Карузо.

■ **ВАЛЕРИЙ ВИНОКУРОВ.**

«ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ В АМЕРИКАНСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ»

Размышления известного футбольного обозревателя о причинах сокрушительного поражения наших футболистов в чемпионате мира-94, о кознях и интригах высокопоставленных лиц Российского футбольного союза, о судьбе тренера-неудачника, и будущем того, кто его сменил на посту главного тренера национальной сборной.

АНОНС:

ОТ РЕДАКЦИИ. Как хочется хотя бы одним глазком заглянуть в будущее! Какая она, Россия, — через пять, десять лет? Любопытно, конечно, что за технические чудеса появятся, но куда интереснее, как мы будем жить: сколько зарабатывать, на каких предприятиях работать, что покупать в магазинах?..

В роли «оракула» мы попросили выступить кандидата экономических наук Сергея Пятенко. Он работает в многонациональной корпорации «Делойт энд Туш». Его профессия — бизнес-консультант. К услугам фирмы обращаются крупные зарубежные и отечественные предприятия, банки, концерны, желающие разработать стратегию своих действий на российском рынке. А для того, чтобы выработать экономический курс, надо хотя бы отчасти быть «прорицателем», уметь предсказывать будущее (разумеется, на строго научной основе).

СЕРГЕЙ ПЯТЕНКО,
кандидат
экономических наук

ДЕНЬ ПР

4

ДВОРНЯЖКИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Хороши породистые собаки, десятилетиями беззаботно живущие в шикарных особняках и квартирах: холеные, красивые, мощные, очень здоровые, прекрасно натренированные... Но любой собаковод вам скажет: самая смышленная порода — дворняга. Пусть она неказиста, пусть нет у нее скорости гончей и хватки волкодава, но умна невероятно и пищу себе отыщет в таких условиях, когда элитный пес протянет ноги.

Прошу прощения за такую аналогию, но жители западных стран напоминают мне породистых псов. Россияне — смышленных дворняг.

Вокруг «русского характера», «загадочной русской души» много спекуляций. На самом деле у Бразилии и Южной Кореи, Турции и России гораздо больше общих

черт, чем различий. Однако, чтобы занять свою и только свою экономическую нишу, все-таки надо учитывать особенности национального характера.

Почему за каких-то несколько десятилетий японцы достигли потрясающих успехов в электронике? Ответ прост: они нащупали свой «нерв». Стали играть в «свою игру». (А победы приходят только тогда, когда играешь в «свою игру». Бразильские футболисты побеждают только если показывают свой «фирменный стиль». Немецкая команда выигрывает, когда себе не изменяет. Стоит немцам заиграть, как бразильцы, и наоборот, они обычно терпят поражение...) Японцам электроника удается, потому что она соответствует их национальному характеру: за каждым «Панасоником» стоят миниатюрные япон-

ские девушки с тоненькими пальчиками и фанатичные менеджеры, способные сделать хакари, если подведут свою компанию.

Можно ли у нас, в Центральной России, к примеру, наладить производство, соперничающее с «Сони»? Не думаю... Честь и хвала отечественным конверсионным предприятиям, которые на наших платах пытаются выпустить достойную электронику. Были мы на одном таком заводе. Изготавливают

великолепны. Мы были на другой фирме, где нам показывали математическое обеспечение, разработанное отечественными специалистами: «Делает все то же, что и «Хьюлетт-Паккард», но в три раза дешевле». Вот эта фирма играет в «свою игру». Использует наши национальные «дворянжи» качества: смысленость и боевистость.

Сколько мы знаем историй: оте-

ЯДУЩИЙ ЧТО ОН НАМ ГОТОВИТ?

там телефон. Выполняет все те же функции, что и «Панасоник». Иностранные консультанты, мои коллеги, спрашивают: «А во сколько раз его стоимость ниже, чем у «Панасоника»?» Оказывается, не «во сколько». Всего на десять — пятнадцать долларов он дешевле. Стоят в магазине два телефона: один японский — за 110 долларов и рядом наш — за 100 — чей вы выберете? Разумеется, «Панасоник». За ним традиции, марка фирмы, стиль, гарантия качества... А разница в цене не настолько велика, чтобы предпочесть «родной» телефон японскому.

Невозможно соревноваться с японцами в «их игре». Нельзя побить их в электронике, не обладая их скрупулезной способностью «вылизывать» все огрехи качества.

Однако никто не возьмется утверждать, что японские ученые

чественные специалисты выдали великолепную техническую идею. Изобрели нечто фантастическое, всем на удивление. А с внедрением никак. Разве не очевидно, что Россия способна стать мировым лидером в том бизнесе, который базируется на высоком интеллектуальном потенциале?

Мир становится все более тесным, страны и народы сближаются. Если «скрестить» смысленные русские головы с европейским или американским менеджментом и японской тщательностью, результат может быть блестящим. Примеры известны: российские мозги плюс организация дела родили непобедимую отечественную шахматную школу... А, кстати, идея вкладывать немалые деньги в те российские производства, где будет задействован наш высокий интеллектуальный потенциал, уже владеет крупными западными биз-

несменами. Больше того, мощные фирмы приступили к реализации такого проекта.

Россияне способны стать мировыми лидерами в тех сферах, где не требуются высокие технологии. Где нужен только компьютер, принтер и... голова. Например, в программировании, в банковском деле, аудите, консультировании... Западные специалисты сильны в стандартных ситуациях. Они привыкли смотреть на мир через... документ, отчет. Они слишком верят цифре, статистике. Но реальная сложность жизни не вмещается в прокрустово ложе справки, объяснительной записки.

Простой пример: западные аудиторы побывали на крупном российском предприятии. Познакомились с бумагами. Сделали вывод: дела на заводе идут блестяще, потенциал у него громадный. Предприятие решили выставить на показательный аукцион. А мы, русские консультанты, не успели по чашке кофе на этом заводе выпить, как обратили внимание: приказы, вывешенные на доске объявлений, подписаны: «и.о. генерального директора»: «А где сам генеральный?» — спрашиваем. «Под следствием», — отвечают, — в тюрьме». Под следствием оказались и другие руководители предприятия... В итоге наш прогноз относительно будущего этого завода был прямо противоположен тому радужному, который составили западные коллеги...

Вообще, на мой взгляд, и западноевропейцы, и даже американцы начинают угасать. За ними — слишком много десятилетий сытой и спокойной жизни. А для того, чтобы создавать чудо, надо быть голодными. И русские на чудо вполне способны, не переламаывая свою «загадочную душу». Хочешь иметь долги, на десятилетия,

и успешный (в мировом масштабе) бизнес — подлаживай его под национальный характер.

А всего одна отрасль производства, столь же успешная, как японская электроника или американская автоиндустрия, — например (почему бы нет?), русское программирование или высокие технологии — способна стать мультипликатором (то есть устройством для усиления) всей экономики. Ведь если ты делаешь лучший в мире автомобиль, обязательно, чтобы чехлы для него тоже были лучшими в мире. Их и так будут покупать, вместе с авто. И изготовитель чехлов тоже будет жить припеваючи. На лучшем в мире автомобильном заводе обязательно работает лучший в мире окрасчик заборов. Может, лучший в мире окрасчик живет в Австрии. Но на заводе работает свой — тот, что поближе. И хорошо живет. Так же, как хорошо живет повар в заводской столовой или тот, кто моет стекла в офисе...

ВОЗМОЖЕН ЛИ КОНЕЦ СВЕТА В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТРАНЕ?

История подсказывает: общество взрывается не тогда, когда люди борются за выживание. Тогда не до революций. Тогда всех заботит, как выжить. Революции возможны в то время, когда ситуация стабилизируется. А мы как раз подходим к стабилизации. Стало быть, к опасности социальных потрясений.

Для России непомерно нынешнее имущественное расслоение. Точнее, скорость, с которой растет разрыв между богатыми и бедными. В течение десятилетий было: 150 рублей — зарплата маленькая, 300 — большая. Теперь кто-то по-

лучает 50 долларов в месяц, а кто-то — 50 тысяч долларов.

Расслоение в России было неизбежно. Когда «богатый» зарабатывает в два раза больше, чем «бедный», такой разрыв явно мал. Но, когда он очень быстро растет на протяжении считанных месяцев, это явное «превышение скорости». Сейчас доходы десяти процентов самых богатых превышают доходы десяти процентов самых бедных в одиннадцать (по статистике) раз, а фактически, думаю, в 15 — 18.

Это предел!

Заведомо не существует обществ, где доходы десяти процентов богатых были бы в сто раз больше, чем у десяти процентов бедных. Имущественное расслоение, думаю, завершилось. Дальше «расслояться» некуда. И если люди к имущественному неравенству привыкнут, как привыкли к тому, что нет парткомов, то детонатором социального взрыва разница в заработках вряд ли станет.

Тогда «бикфордовым шнуром» народных волнений могут стать национально-территориальные проблемы. Политики, думаю, правы, когда утверждают, что никаких «разных прав» у различных территорий России быть не может. Почему у Татарии должны быть права, отличные от Брянской области? У Хакасии — иные, чем у Архангельской области? Согласно Белоруссия на такой же статус, как Тамбовщина, — можно принимать ее в рублевую зону. Нет — извините.

Если будет продолжаться нынешнее «заигрывание» с территориями, вполне возможен раскол России на «Великое княжество Московское», «Уральскую республику», «Независимую Сибирь»... Грустная картина, но ничего апокалиптического в ней нет. Вряд ли современным канадцам хуже, чем

если бы они жили в составе Британской империи. Редкая англичанка тоскует, что она теперь не «владычица морей».

ЕСЛИ БРОСИЛ ПИТЬ, ПОЗДОРОВЕЕШЬ

Можно утверждать: через десять лет жить станет лучше. Или: станет хуже. Но в чем измерять это «лучше — хуже»? В количестве колбасы на душу населения? Квадратных метров жилья? Потреблении водки?

Показателей уровня жизни может быть множество. Однако наиболее важными считаю три: валовой национальный продукт на душу населения, продолжительность жизни и детская смертность. Причем два последних зависят от первого. Но между ними — временной интервал. Если валовой национальный продукт увеличивается сейчас, то продолжительность жизни растет, а детская смертность уменьшается минимум через три-четыре года.

По всем этим трем показателям Россия находится примерно на семидесятом месте в мире. Думаю (и очень надеюсь), что через десять лет страна продвинется в этой «турнирной таблице» на 15 — 20 мест вверх.

Почему я так считаю? Строгого доказательства, разумеется, нет. Однако надо принимать в расчет следующее. До 1917 года Россия входила по этим показателям в «двадцатку лучших». Потенциал державы, природный и человеческий, высок. Затем мы свернули с нормальной дороги цивилизованного развития. Свернули на обочину, в лес, в кювет. Нас обогнали. В том числе те, кто иначе ни за что бы не обошел. Теперь мы возвратились на эту дорогу.

В силу богатых природных способностей мы должны догнать изначально менее крепких.

Вот простая аналогия. Живет человек — умный, талантливый, здоровый. Но в двадцать пять лет начинает пить. И пьет не просыхая до тридцати пяти. Ясное дело, что даже те люди, что были послабее, его обгонят — в здоровье, знаниях, карьере. Но вот человек бросил пить. Конечно, к сорока пяти годам самым здоровым он не станет. Слишком много сил ушло на пьянку. Но обогнать кое-кого из тех, кто от рождения менее талантлив и силен, он может.

Разумеется, этим рассуждениям далеко до строгих доказательств. Тут, скорее, вопрос теологии. Я верю, что будет так. Кто-то может не верить и привести сколько угодно аргументов «против».

Однако есть еще одно обстоятельство. Проводя одно из своих научных исследований, я обнаружил закономерность: бурному экономическому росту той или иной страны обязательно предшествует резкий рывок в развитии кредитно-финансовой системы. Американцы вышли в банковские лидеры к началу нынешнего века. Спустя десять — двадцать лет всех обогнала их промышленность. Однако примерно к середине столетия финансовая инфраструктура США перестала развиваться. К концу пятидесятых на первое место по развитости кредитно-банковской системы вышла Япония. Тогда ни о каком «японском чуде» никто и не слыхивал. Оно началось приблизительно через десятилетие.

О нашей банковско-финансовой сфере пока нельзя сказать, что она столь же сильна, как японская. Но она очень бурно развивается.

КОМУ ГРОЗИТ БАНКРОТСТВО?

Чем российская экономика десять лет спустя будет наверняка отличаться от нынешней? Более тесной интеграцией с экономикой мировой. Такой тесной связи с внешним миром, как, например, у Аргентины, Бразилии, Турции, у нас нет.

Спустя десять лет она, эта связь, станет ощутимой.

Хорошо ли сие для россиян или плохо? Конечно, хорошо. Если раньше, например, московскому заводу «Кристалл» приходилось конкурировать с какой-нибудь моршанской или касимовской водкой, то теперь — со «Смирноффым» и «Абсолютом». (А армянские и азербайджанские коньяки уже просто уничтожены на российском рынке.)

Если раньше раскупали отечественного разлива соки в трехлитровых банках с проржавевшими крышками, то нынче появился выбор между кипрским и египетским витаминными напитками. И, чтобы выжить, нашим производителям приходится думать не только о вкусе сока, но и о его дешевизне, удобной упаковке и рекламе. Кстати, кое-кто из тех, кто в России делает сок, с конкуренцией Запада справляется. А во многих отраслях без иностранных инвестиций сражение за покупателя не выиграть.

Сейчас много разговоров об иссякании нашего научного и технического потенциала. В смысле уровня потенциала отечественные организации я бы разделил на четыре группы.

Первая группа: те, у кого он якобы есть. Директор какого-нибудь НИИ научного коммунизма, всю жизнь занимавшегося пробле-

мой, сколько ангелов может уместиться на конце иглы, тоже утверждает, что у института высокий научный потенциал и его надо поддерживать. Это, извините, болтовня. Подобные НИИ, конечно, погибнут. Хочется сказать: туда и дорога.

Вторая группа: где потенциал действительно есть и который в самом деле погибнет. Глупо быть совсем уж безудержным рыночником и утверждать, что это хорошо. Но куда денешься? Как изменить ситуацию в огромной стране, если в полной мере финансировать, скажем, НИИ филологии, астрономии или палеонтологии?

Третья группа: уровень высок, он может быть востребован потребителями и дать большую прибыль, но не хватает приспособленности к рыночному ведению дел (недостает менеджеров-рыночников). Простой пример. Вот прекрасный зубной врач, а пациентов (и доходов) у него куда меньше, чем у менее талантливого коллеги. Почему? У второго дело поставлено лучше. Зубы лечить — еще не все. Нужна медсестра толковая, чтоб препараты подавала; нужно материалы, оборудование хорошее купить; рекламировать себя нужно. С этим у врача-умницы проблемы.

Подобных трудностей полно — полно у очень многих предприятий...

Наконец, **четвертая группа:** те, кто прекрасно приспособился к рынку. Например, недавно к нам в фирму за консультацией обратились специалисты, создавшие установку по производству топливных брикетов. Качество продукции прекрасное, цена раз в восемь ниже, чем у аналогичной западной. И такого рода лидеров довольно много.

Спустя десять лет предприятия и НИИ из третьей и четвертой

групп не только не погибнут — многие станут успешными и богатыми.

Многих волнует, не обанкротится ли его предприятие, не окажется ли он за воротами. Думаю, массовых банкротств не будет. Десяток «показательных», не больше. «Чахлые» предприятия станут «вымирать» естественным образом». Государство перестанет их субсидировать. За «ничегонеделание» будут платить ничтожную зарплату, словно детям, играющим в песочнице. И те рабочие и специалисты, кто что-то из себя представляет, станут уходить на другие заводы, которые делают то, что пользуется спросом, и которые могут платить своим людям.

ПОЧЕМ СТАКАН ВОДЫ В ПУСТЫНЕ?

9

В ответ на свое прошлое выступление в «Смене» (восьмой номер за 1993 год) я получил письмо от Любови Васильевны Романовой из Екатеринбургa:

«Очень меня задело высказывание менеджера Сергея Пятенко: «Разве учитель не может в частной школе или «приватными» уроками хорошо зарабатывать? Если он хороший учитель?»

Не спорю, может, да еще как. (Когда бизнес в нашей стране только зарождался, мне предложили 1000 рублей в месяц только за то, чтобы я отводила ребенка в школу и попутно «развивала». Моя зарплата была тогда 200 рублей.) Сегодня стоимость моего урока в школе — 300—400 рублей. Частный урок — в 20 раз больше. Могу ли я быть хорошо обеспеченным человеком? По логике С. Пятенко, могу. Почему же

я не зарабатываю? Ленива? Не хочу работать? Но тот, кто знает сегодняшнюю школу, понимает: заработать 50 тысяч там нелегко. И надо — работать! Ну и уйду на более легкий хлеб, где не надо ежедневно проверять 70 тетрадей, готовиться к шести разным урокам, да так, чтобы семьдесят детей поняли меня... Почему же я не ухожу, как не уходят десятки моих добрых, хороших и часто талантливых коллег?

Я жалею тех детей, которые учатся в частных школах. Прекрасно обученные, воспитанные, готовые к «прекрасному капиталистическому завтра», в реальной жизни они повстречаются с жестокими, жадными, способными глотку вырвать людьми. А именно такими вырастут те, чьи родители не могут платить «приватному» учителю. Это дети изначально несчастливые: выброшенные за борт жизни. Они не дадут быть счастливыми и детям банкиров.

Не может быть процветающим государство, в котором низок культурный уровень его населения. 70 процентов наших детей окажутся без образования — культура и сейчас уже доступна немногим. А учителя уходят... Уже в этом году в нашей школе некому было учить русскому языку пятиклассников. Что же вы будете делать? С кем работать еще через пять лет — с одичавшим, озлобленным быдлом?! Ибо, лишенные с детства права получить необходимое образование, они без культурных и нравственных традиций пойдут на любое зло. И будет поздно! Так вот, пока еще не поздно, НЕЛЬЗЯ, чтобы все учителя зарабатывали «приватным» образом. НЕЛЬЗЯ, чтобы у них не оставалось времени читать.

Пока я работаю. Пока. Но есть учительница, которая мой недельный заработок получает за три

часа — открыла парикмахерскую на дому. И есть учительница — торгует ювелирными изделиями. И обе ненавидят нашу жизнь за то, что ученики, не имеющие возможности стать людьми, подрастут, и тогда...»

Да, во многом вы правы, Любовь Васильевна. Да, учителя зарабатывают непомерно мало. Да, надо прибавлять зарплату. Прибавки учителям и библиотекарям требуют депутаты Госдумы. Министр финансов отвечает: «Вы законодатели. Прибавляйте. Ваше право. Откуда возьмете средства? Вот бюджет России. Вот расходы. У кого отнять, чтобы учителям прибавить? У врачей? У офицеров?»

А выход только один: надо прекратить поддерживать убыточные, нерентабельные заводы, фабрики, шахты... Тот же АЗЛК — без помощи государства (то есть нас с вами) — не выжил бы, делая машины очень скромного качества по не очень скромным ценам.

А ведь прекратить поддерживать «рухнувшие» производства — единственный надежный метод, чтобы и с инфляцией наконец справиться, и зарплату учителям, врачам, библиотекарям прибавить.

Попутно замечу, что развитие частных школ — один из способов повысить зарплату учителям школ государственных. На всех преподавателей у державы не хватает денег. Чем больше будет «частных» учеников, тем меньше останется «государственных». Тем меньше будет нагрузка на бюджет. Стало быть, больше денег из этого скромного бюджета достанется учителю государственной школы.

Но преподаватель — профессия миссионерская. Он и через десять лет, и через тридцать не будет получать много. Нигде школьный учитель много не зарабатывает. Во всем мире его зарплата составляет

процентов тридцать — пятьдесят от жалованья банковского клерка. В начале следующего века российский служащий в банке будет получать тысяч пять — семь долларов ежемесячно. Учитель, стало быть, примерно тысячи две.

А врачи станут зарабатывать много. Во всем мире эти специалисты — высокодоходная часть населения. Аргентинский хирург получает меньше американского, но все равно находится в десятке самых высокооплачиваемых профессий.

Вообще цены к началу следующего века станут в России более справедливыми и менее несуразными, чем нынче. Во всем мире примерно одинаковые ценовые пропорции. Унция золота везде стоит столько-то баррелей нефти и столько-то бутылок пива. И только в нашем отечестве проехать пару километров на такси равнозначно месячной квартплате. А продав двухкомнатную «хрущобу» на окраине нашей столицы, можно приобрести прекрасный коттедж в окрестностях Амстердама...

Все это гримасы нашей экономики. Мало пока строится квартир, а тем более — загородных домов. Поэтому и цена на имеющиеся высока. Цена растет из-за редкости товара. Ведь стакан воды в пустыне дороже, чем в центре города...

СТО БАКСОВ ДО ПОЛУЧКИ

Когда разговоры про рынок только начинались, многие относились к нему с восторгом. Потому что казалось: рынок — это когда на углу вместо универсама с пустыми полками будет супермаркет, ломящийся от продуктов. А все остальное, включая количество и качество работы, зара-

ботки, человеческие взаимоотношения, останется без изменения.

Теперь-то мы видим, что это не так. Изменилось все, включая отношения между людьми. Те, которые царили раньше, прекрасно иллюстрируются следующей ситуацией. Приходит сосед по лестничной площадке. Просит: «Дай займы сто рублей, дней через десять отдам». Занимаешь. Проходит десять дней, месяц, другой... Сосед не отдает. И все у него какие-то обстоятельства: то холодильник сломается, то машина в аварию попадет. Вроде и напоминать неудобно. И деньги — твои же! — тебе нужны, и сам же чувствуешь себя в дурацком положении...

Сейчас более характерен другой стиль: вот приходит к тебе знакомый, но не очень близкий человек. Просит сто долларов займы. Под проценты. Вы идете к юристу, составляете договор. Первый месяц, скажем, под четыре процента, не расплатился — придется отдавать с шестью процентами, и так далее... Непривычно? Жестоко? Да. Но, по моему, такой тип взаимоотношений более человеческий, чем первый.

Все мы, особенно люди старшего поколения, читали в детстве историю: занял бедняк у кулака зерно, не сумел по осени рассчитаться — тот его по миру пустил. Мы, конечно, сочувствовали бедняку. А что это на самом деле означает? Поддержку безответственности. Сочувствие разгильдяйству. Это означает, что традиции и общественное мнение возлагают на работающего человека дополнительное бремя поддержки ловкого бездельника. Поощряют разгильдяйство за счет умелых работников. Лишают работяг стимулов. И поощряют паразитов...

ГРЯДУЩЕЕ — РЯДОМ

Какой мне видится Москва 2004 года? Более светлые улицы — в прямом, чисто физическом смысле: больше фонарей и рекламы. Больше магазинов, выбор в них куда шире. Больше кафе и ресторанчиков. Более внимательны продавцы, официанты, бармены. Больше людей, знающих английский. Выше зарплаты — в долларовом эквиваленте. Они вполне сопоставимы с западными. Словом, нормальная столица нормального государства. Пока не Париж и не Лондон, но по уровню жизни похожа на Афины или Прагу.

Утопия? Очередное «прекрасное далеко»? Нет, нормальный ход событий. Так много было опубликовано в последнее время антиутопий («Невозвращенец» и «Прекрасный новый мир», «1984» и «Москва 2042»...), так много прозвучало апокалиптических прогнозов, что вроде бы иного будущего, кроме черного, у нас и быть не может. Любое не-катастрофическое предсказание уже кажется утопией.

Ждать неминуемой гибели и развала столь же бесплодно, как и светлого грядущего дня, который вот-вот наступит.

Есть обычная, нормальная жизнь.

И, простите за тавтологию, жить надо этой жизнью, жить сегодня — жить спокойно, достойно и деловито.

ДИТЯ ДОЖДЯ

Дитя дождя! В аллеях водолея —
 босой твой след и мокрая листва.
 Как накатило... Я не одолею
 печали этой — так, из озорства
 родившейся... Да нет, не так. Едва ли
 слукавлю нынче сам перед собой.
 В том сентябре они уже звучали,
 дожди печали, пахшие судьбой.
 Судьбой, сырой листвой, землей сырою
 и серебром седеющей воды.
 Ахейский дождь конем ворвался в Трою.
 Чей ход конем, охочим до беды?
 Но отсырели шахматные клетки.
 Лей, водолей, подскальзывайся, конь!
 Твой мокрый лист еще сквозит на ветке.
 Мой лист улегся на твою ладонь.
 В слезах, в дожде ли? Я не одолею
 такой тоски в минуту торжества...
 Дитя дождя! В аллеях водолея —
 твой след босой и мокрая листва.

Реет меж мглою и светом,
 тенью от дыма скользя...
 Увековечить ли? Где там!
 Даже замедлить нельзя.
 Время, меня с малолетства
 ты разлучаешь со мной.
 Может быть, ты — только средство
 с вечностью сжиться самой?
 Прошлого четкие грани,
 где же вы в зеркале лет?
 Нету пути к умиранью,
 кроме рожденья на свет.
 Гленной души трепетанье
 с первой минуты гнетет,
 но с приближением к тайне
 все беспощаднее гнет.

(Из Мигеля де Унамуну)

Ах, не затем ли преломила призма
 и луч, и хлеб внезапного сродства,

чтоб в дождь осенний сенью пессимизма
была нам тополиная листва?

Перст пессимизма и самосожженья,
упершийся в подвздох... Лишь твой укор
вернет огонь в промокише поленя,
напомнив, что вода и есть костер.
А ты забыла? Унию природы?

И то, что не дано унизить высь
кишечнополостным? Не зная брода,
прут на рожон они, покуда «брысь!»
не крикнешь. Только надо ли? Их рыла
картине мира, может быть, нужны.
И одноклеточный, и шестикрылый
в природе с нами объединены.

Они мелки. Чем мельче, тем их больше.
Инстинкт — их идол. У него в плену
они... Доразовьются. Дай надольше
нам, Бог, терпенья. Смой нам пелену
орозоведую с очей. Нет силы
целебней пессимизма. Пей и пой,
пирамидальный тополь. Шестикрылый —
мальчишка по сравнению с тобой.

Пусть снег и тьма берут листву за горло,
но вижу: белый накренив берет,
крыло пессимистичное простерла
победа света, вещая как бред.

Было слово сначала,
до начала начал.

И оно прозвучало,
все на свете зачав.

Значит, если созрело
слово вещее «будь»,
то от слова до дела
будет короток путь.

Реки руслом проходят
сквозь гранит и века.

Убежден: происходит
«речь» от слова «река».

(Из Мигеля де Унамуно)

В снегу сквозят бойницы
под солнцем пожеввым.

Недаром из больницы
 я выписан живым.
 Во мне недаром строчка
 всплывает, как со дна:
 еще одна отсрочка
 костлявою дана.
 Из мрака операций
 на белый свет иду.
 Могу не опираться
 о стены на ходу.
 Имею нынче право
 шагать я, черт возьми,
 налево и направо
 за прочими людьми.
 Имею нынче повод
 довольным быть и я.
 Не порван тонкий провод
 к основам бытия.
 Но, черная усталость,
 ты стала мне родней:
 как много нас осталось
 под белой простыней!

≡

Манна, упавшая с неба,
 слово насущное — хлеб
 тем, кто без этого хлеба
 высох душой и ослеп.

Плод, насыщающий душу
 и оживляющий плоть,
 выйди из чрева наружу,
 слово, священный ломоть.

Став и творцом, и твореньем,
 сделай же, слово, хоть раз
 вещим своим озареньем
 ты богоравными нас.

(Из Мигеля де Унамуно)

ЛИЗЕ

Какая правильная статья:
 остаться на меже. Не между,
 а пополам себя раздать,
 сверстать погибель и надежду.
 Ба! Или это не балет,
 не пот из грации, а лето

на взлете и на спаде лет,
что безразлично для балета.
Не выкорчевать, не сломать
лозу, которая, как прежде,
приравнивает, вашу мать,
наш сырый пот к святой надежде...

==

О чистом искусстве? Не надо.
Оно невозможно, покуда
поэзия — не клоунада,
не фокусничество, а чудо.
Поэту по силам задача
почище, чем чистое чувство.
Не путай, чудя и чудача,
с чудачеством чудо искусства.

(Из Мигеля де Унамуно)

==

Воздух вытеснила взвесь,
Нище, в нашей нише.
Только я живу не здесь,
а немножко выше.
Черти тянутся ко мне
затоптать копытом.
Только я залег на дне,
разведенный с бытом.
Суета сует снует
снулою сардиной.
Только лед вас подведет
лопнувшего льдиной.
Пусть гляжу во все глаза,
никого не сглажу,
ибо рожь или лоза —
в них ни ржи, ни ражу.

==

Ах, Кеведо, Кеведо,
вековечная тень!
Из былого поведай
про сегодняшней день.
Хохот тяжкий, как молот,
смех на грани тоски.
Что интимней, чем голод,
завинтивший тиски?

Чистокровная завязь
чистоганной тщеты.
Поголовная зависть
и голодные рты.
Ты в себе, будто призма,
преломил эту боль,
о король концептизма
и сарказма король.

До чего же он жуток,
смех с рыданьем вослед!
Ничего горше шуток
у Испании нет.
Тошнотворно, но разве
не целительно, чтоб
беспощадно о язве
говорил микроскоп?

(Из Мигеля де Унамуно)

≡

Обманщики? Обманутые? Или
обмылки в пене стирки мировой?
Осатанев, миряне смыли... Мы ли?
Мы — муравьи под мертвой муравой?

Впечатанные в прах душой и телом,
не знаем, хохотать нам или выть...
Но белокаменную домом белым
в который раз уже не удивить.

Слезам не верит. Крови и юродству?
Нет, на мякине нас не проведешь!
Парим за гранью горя и геройства,
на веру принимая только ложь.

4.10.93.

≡

Из бездны небесной, как некий
обвал, на безмолвие гор
обрушились с грохотом реки,
покинув ледовый затвор.

Штурмуй же, река, будто воин,
твердьни гранитные: ведь
мечтавший о небе достоин
в пучине морской умереть.

(Из Мигеля де Унамуно)

ТАШНЕСТВЕННЫЙ ТАГАН

СЕРГЕЙ СМОРОДКИН

Фото **ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ**

— На своем веку я, признаться, раз десять искал счастья. И отец мой искал, и брат искал... Брату моему один монах открыл, что в крепости, в одном месте под тремя камнями клад есть... Подходит он к месту в крепости, а у самого места солдат с ружьем стоит.

ЧЕХОВ «Счастье».

18

Странные встречи случаются в жизни. В конце пятидесятых годов, студентом, попал я на практику в степной казахстанский городок. Необычайные, непонятные люди встречались мне там.

Помню конюха, жилистого старика с косым глубоким шрамом в пол-лица. По словам старика, был он у Нестора Махно ездовым, вместе с батькой и тачанкой ушел в свое время через Днестр в Румынию... Потом перебрался во Францию, завербовался в иностранный легион, воевал в Африке. Как очутился в лагере под Карагандой, а затем на поселении, не распространялся. Помню другого знакомого, сторожа, который короткими летними ночами рассказывал о своих высоких предках, вспоминал какого-то боярина Лупоклешина, за дерзостный язык сваренного при Иване Грозном живым в котле на Лобном месте... Умирая, боярин порицал «царя-батюш-

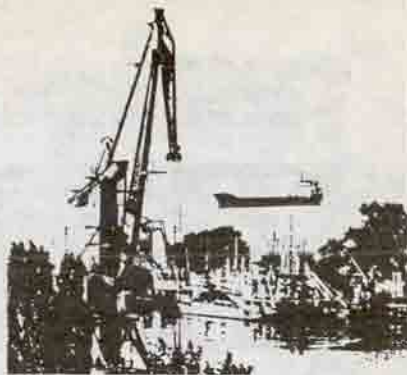
ку непотребными словами» и испустил дух «плевавшись и ругаясь», так будто бы говорилось в документе, хранившемся в семье моего собеседника несколько веков.

Но, кажется, больше всех запомнилась мне в полугородке-полупоселке Олимпиада Александровна Саввина, учившая детей музыке и языкам: французскому, английскому или немецкому — по выбору. Это была статная, в седых локонах, знавшая себе цену дама. Возраст ее не поддавался определению. Когда о нем заходила речь, обычно сообщалось: «Она еще с Чеховым танцевала...»

Под шипение примуса, на котором клокотала в кастрюле картошка, Олимпиада Александровна вспоминала свою прошлую жизнь в Таганроге, где родилась и выросла.

— Я вам скажу, без Таганрога не было бы Чехова, — настави-

РОГ

тельно говорила она, поводя плечами.— Возьмите «Лошадиную фамилию», «Хирургию», «Свадьбу», «Льва и солнце», «Накануне поста», «Огни», «Человека в футляре», «Брак по расчету», «Ионыча», «Надлежащие меры»... Да любой рассказ. Везде Таганрог!

— А «Дама с собачкой»? Там же дело происходит в Ялте.

— Да, в Ялте...— после паузы неохотно соглашалась собеседница.— Но Анна Сергеевна из Таганрога. Дочь нотариуса. Я ее знала. Жила с мужем-биржевиком на Елизаветинской. Потом убежала с цирковым наездником...

Слушал Олимпиаду Александровну, представляя, как она, гимназистка выпускного класса, дочь таганрогского врача, танцует с Антоном Павловичем Чеховым на балу.

— Длинная-длинная черная коса и белое, шелкового тюля платье на атласном белом чехле. К синему поясу приколот душистый горошек. Не лилии, не розы, как у других девиц, душистый горошек! Танцует с Антоном Павловичем падекатр. Он изящен, любезен. И в нем... Ну, как бы объяснить... женщины это чувствуют безошибочно... В нем была страстность. Да-да, тщательно скрываемая страстность!... О чем разговаривали? Ну о чем может говорить с девушкой молодой мужчина? Шутил, смеялся. Заметил, что Та-

ганрог — город таинственный, а барышни загадочные... Еще сказал: «Куда бы ни поехал, Таганрога я не миную...»

И вот брожу легкими, светлыми, ухоженными улицами этого южного российского города. Пламенеют тюльпаны, маки, настурции. Цветет белая акация. Зреет черешня. Гибкие ветви свешиваются через решетки и ограды, ложатся на пути зелеными прохладными тенями. После утонувшей в мусоре Москвы кажется: в другой мир попал.

Проходят мимо две красавицы девушки, сияя огромными туманно-черными глазами, матово-темным румянцем. Какая кровь течет в жилах красавиц? Итальянская? Греческая?.. В прошлом столетии речь греков, итальянцев была здесь такой же привычной, как русская, украинская или идиш.

С обрывистого берега разглядываю город, раскинувшийся у лукоморья. Глядя на бесконечный сине-зеленый простор, понимаешь: душа, смысл Таганрога — море. Через него почти физически чувствуется древность этих мест. Скифы и сарматы, древние эллины, приплывавшие к этим берегам на кораблях, «похожих на горы»; казаки, что мушкетным дымом окуривали сам Царьград и на своих остроносых чайках добирались из Азова до Белой Арапии — Египта.

«На море путь чист, гулять не заказано, а дорожки все показаны...»

Эту старинную песню слышал, наверное, Петр Первый, самолично на казачьей лодке замерявший здесь морские глубины, задумав основать на Таганьем Рогу крепость и гавань для флота, чтобы твердой ногой стать на Азовском, а потом на Черном море.

12 сентября 1698 года (эта дата считается днем рождения города) помечена бумага, вышедшая из московского Пушкарского приказа: «Пристани морского каравана... быть у Таганрога, а для береженья той пристани сделать шанец, чтобы в том шанце ратным людям зимовать было мочно». Здесь, в Таганроге, колыбель Черноморского флота России.

«Святой Георгий», «Цвет войны», «Слон», «Ласточка», «Отворенные врата», «Безбоязнь», «Шпана», «Скорпион», «Благое начало», «Предистинация» — всплывают в памяти названия петровских военных кораблей, бросавших якорь в этих водах.

Потом неудачный поход против турок (1711 год), унижительный Прутский договор, по которому Таганрог разорился, крепость уничтожалась...

Можно представить, что чувствовал, подписывая договор, самодлюбивый Петр, еще недавно предполагавший перенести в Таганрог столицу империи, горделиво сообщавший Меншикову: «...сие место, которое перед десятью годами пустое видели, ныне с помощью Божией изрядной город купно с гаванью обрели».

Через полвека, выиграв очередную русско-турецкую войну, Екатерина Вторая отстраивает город. Считая это событие важным, она пишет о нем Вольтеру.

Что бы сказали наши пращурь, поднявшись из могил и увидев,

что потомки делают сегодня Черноморский флот? Готовы, кажется, поделить и само «нам завещанное море», так далеко зашла бессмысленная распря.

Позабыто, что азовские и черноморские берега политы одной братской кровью, что веками, поколениями создавался флот, крепилась его сила и слава. Поистине прав поэт, писавший: «...противоборство рождает в умниках упорство и бессознательность в глупцах».

Спускаюсь желтокаменными ступенями к морю. Припекает солнце. Воздух вольный, мягкий, морской. Рыбачьи лодки у горизонта, как видение тишины и покоя. По мокрому песку иду к порту. Издалека видны краны, склады, контейнеры. Штабеля досок. Горы угля, минеральных удобрений. Свободные полосы воды между стоящими сухогрузами серебрятся словно реки.

Подходит к причалу очередной судно. Звон, грохот, лязг подтягивающегося железнодорожного состава. Гудки буксиров, пронзительные крики чаек. Но все перекрывает мерный шум моря. Мир наполнен этим звуком, покоряя своей безначальностью, бесконечностью. Вечностью.

...С отделением Украины в качестве независимого государства Россия потеряла порты на Дунае, Азовском и Черном морях, и роль Таганрога как морских ворот страны существенно возросла. Ведь в бассейнах Волги и Дона сосредоточена большая часть производственных мощностей европейской части России. Нехватка портовых терминалов для переработки грузов, особенно с судов типа «река — море», составляет, по подсчетам экономистов, около двадцати пяти миллионов тонн.

Словно по небольшому городу,

где свои улицы, переулки, дома, склады, свой транспорт, правила движения, идем со знакомым доктором Иваном Демьяновичем по таганрогскому порту.

Проходим мимо площадки с разноцветными кубами контейнеров, на которых знаки зарубежных фирм: кресты, русалки, треугольники, орлы...

— Японские... А это — Кипр. Рядом — греческие. Те, желтые, — турецкие, — называет Иван Демьянович хозяев стальных ящиков. — Импорт. Экспорта меньше. В основном сырье за моря гоним.

Иван Демьянович в свое время не один год ходил в море, был боцманом. По болезни списался на берег, но остался рядом с морем. Кажется, нет такого порта в Средиземном море, Атлантике или Тихом океане, где бы не швартовался. Спросишь: «А в Панаме, Гибралтаре или Кейптауне приходилось бывать?» Молча кивнет. Начнешь расспрашивать, пояснит: «Порт как порт». Или: «Механизмов нема. Рабочие руки дешевы, ну и не ставят технику». А то вдруг неожиданно расстроится: «Дрянь место!» «Почему?» — «Швартовы у нас там срезали».

Вспомнит давний случай и в лице переменится: «Наказывал вахтенным: не зевайте! Нет, проворонили... Был у меня артист... Рыбкин... Он прозевал». Сколько воды, наверное, утекло с того происшествия, а досада, что потеряли судовое имущество, не прошла...

Говорим с ним о таганрогском порте. Мало электроники, современных мощных перегружателей, не хватает причальных стенок...

— Деньги, деньги нужны. А откуда взять? Заводы в городе и вполсилы не работают. А в стране?.. Только и слышишь: народ в отпуска без содержания пошел... — Машет темной ладо-

ню. — А какие порты потеряли?! Новоталлинский... Вся страна строила. Современный... Да что говорить... — И, точно отвечая каким-то своим мыслям: — Капиталист денег не даст. Так, по мелочи. Зачем им конкуренты? Сырье возьмут! Лес, газ, нефть... Самим... самим надо шуровать...

Есть минута, мгновение даже, когда судно, казалось, так надежно, так крепко связанное с сушей, оттягивается от причала портовым буксиром, и все шире, шире становится разделяющая полоса воды. Она отсекает, отделяет людей, уходящих в море, от берега, от дома, от близких. Стоят у борта свободные от вахты моряки, смотрят на медленно отплывающий причал. Кто-то машет рукой, прощаясь. Миловидная высокая женщина с маленькой девочкой, прижавшейся к ней, вдруг плачет в голос. Ее чувство так открыто, так понятно — вот разлучается она с тем, с кем расставаться не хочет, — что мы, стоящие рядом на причале, невольно отводим глаза, словно заглянули в чужую распахнутую душу.

Разговариваю с главой городской администрации Сергеем Ивановичем Шило о прошлом, настоящем и будущем Таганрога. Мой собеседник — радиоинженер по образованию. Историю любит и знает.

— Таганрог создан практическим гением Петра Первого и тонким умом мудрой Екатерины Второй, — говорит Сергей Иванович, рассматривая вместе со мной фотографию старинной бомбарды. — Так писал в прошлом веке первый историк города Филевский...

К именам Петра и Екатерины добавим и третье имя — Антона Павловича Чехова. Сколько он успел сделать для города! Библиотека, музей, памятник Петру... Помог преобразовать школу в учили-

ще. Снабжал медикаментами, инструментарием больницу, амбулаторию. Ездил с подписным листом по богатым таганрогским купцам, собирая пожертвования на детский приют, и до конца жизни посылал деньги на его нужды. За считанные до кончины дни спрашивал в письме родных: отправлена ли очередная партия книг в городскую библиотеку? Хотел, чтобы город стал красивее, чище, удобнее для жизни.

Советовал, какие деревья, какие цветы выращивать, давал адреса селекционеров, чтобы городская управа выписала наилучшие сорта. И делал все деликатно, незаметно, не привлекая внимания...

— Вы спрашивали об экономическом положении города?.. Как и везде в России — сложное, — продолжает разговор мэр Таганрога. — Болезни те же: разрыв десятилетиями сложившихся хозяйственных связей, неплатежи, высокие налоги, растущие цены на энергоносители... И все же наш уровень жизни выгодно отличается от среднего по стране.

За счет чего? Попытаюсь пояснить...

На мой взгляд, чем мощнее культура, тем мощнее экономика. И не я один так считаю. Каждую неделю бываю на предприятиях, разговариваю с людьми, рассказываю о том, что делаем, советуюсь... И скажу прямо: работа театра, музыкальной школы или реставрация Пушкинской набережной волнуют людей не меньше, чем инфляция или спад производства. Такое отношение к культуре, к исторической памяти города для таганрожцев чрезвычайно характерно.

Понимаете, если работают библиотеки, музеи, картинная галерея, если люди ходят на концерты, фестивали, выставки, значит,

в городе порядок. Значит, меньше боязни, что, когда возвращаешься, предположим, с концерта или спектакля, тебя оскорбят или ограбят...

У нас не закрылась ни одна библиотека, ни один Дом культуры. Более того, появились новые высокопрофессиональные коллективы: камерный оркестр, созданный прекрасным музыкантом и замечательным педагогом Александром Николаевичем Гуревичем; камерный хор «Лик», которым руководит Валерий Алексеевич Русланов; ансамбль русских народных инструментов «Диво». Все эти коллективы муниципальные. Нашли средства из городского бюджета, чтобы артисты работали, не беспокоясь о материальной стороне дела. Конечно, у коллективов есть и свои спонсоры, но основную часть средств выделяет город. Этим самым как бы говорим: мы ценим ваше творчество. Без вас жизнь будет неполной, серой, будничной...

Сергей Иванович замолкает, смотрит в окно, за которым — море.

— И еще одно... Вы знаете, наверное, что приоритетное направление в хозяйственной жизни города — создание свободной экономической зоны — СЭЗ. Нехватка портовых мощностей на юге страны просто подталкивает, диктует нам этот путь. Таганрог может и должен стать крупнейшим торговым и транспортным центром юга России.

Понятно, нужны крупные вложения, чтобы реконструировать старый порт, построить новый. Может быть, и не один... Словом, миллиарды и миллиарды... Не рублей — долларов! Без помощи западных партнеров не обойтись. И когда ведем с ними переговоры, приглашаем послушать и хор, и оркестр. Понимают: у города

здоровая экономическая мускулатура, раз он содержит такие коллективы. Видите, какая взаимосвязь?!

Перебиваю собеседника:

— Сергей Иванович, сколько знаем примеров, особенно за последнее время, когда широко рекламировались различные амбициозные проекты, а потом, как говорят в Таганроге, «ни белья, ни веревки?»

— Свободная экономическая зона не самоцель, а рычаг, с помощью которого можно поднять качество жизни. Средства ищем сами и находим. Вот недавно был в Румынии. Там устойчивый спрос на наши зерноуборочные комбайны. Зачем возить эти машины через Украину и Молдавию? У нас же свой порт... Или греки резонно спрашивают: какой расчет отправлять цитрусовые вокруг Европы в Архангельск? Через Таганрог выгоднее, быстрее... Минимум две недели выигрыша в пути! Это же все живые деньги для города!

В прошлом и в начале нынешнего века Таганрог сложился как важный торговый, банковский центр. Наверное, преувеличением было бы сказать, что память о прошлом живет в генах, но факт, что только число предприятий малого бизнеса выросло в городе за последние годы с семисот до пяти тысяч. Сегодня в них занято уже около шестидесяти тысяч человек или почти тридцать пять процентов трудоспособного населения...

Живу в бывшем «Бристоле», где, как говорят старожилы, останавливался Чехов. Когда выхожу из чистой, уютной, тихой гостиницы (кто ездил по России, тот знает, какая это еще редкость), взгляд натывается на полустертую, почти слившуюся с асфальтом надпись

на каменной плите у подъезда: «Бр. Багдасаровы».

При Чехове «Бристоль» принадлежал этим братьям. Были они близнецы; держали ресторан с хорошей кухней и якобы кормили даже самого персидского шаха, проезжавшего через Таганрог. Шах наградил Багдасаровых орденом «Льва и Солнца», что, возможно, и послужило Чехову неким толчком к написанию одноименного рассказа.

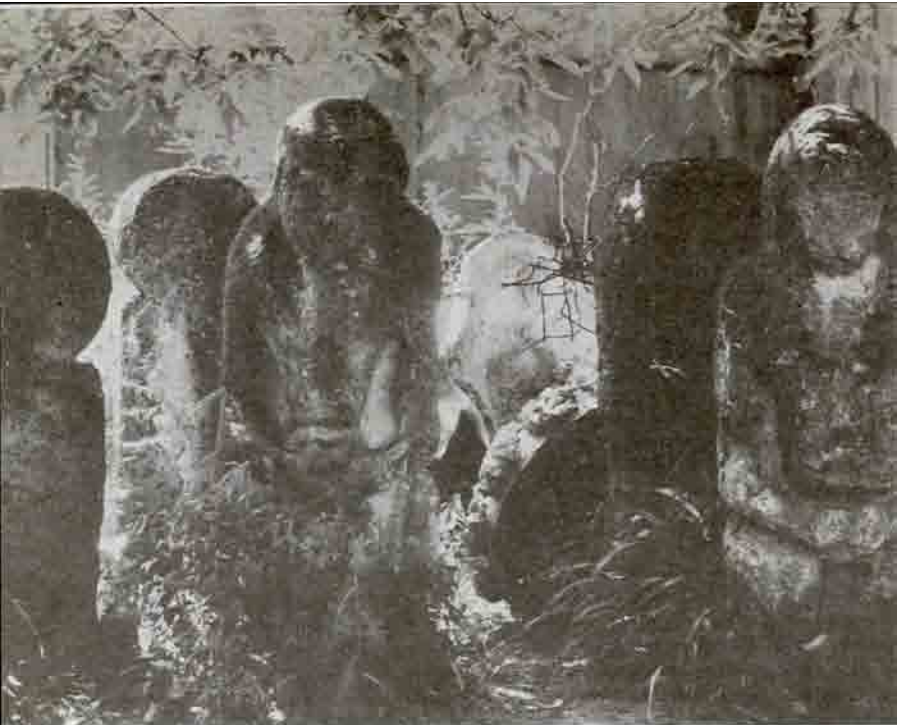
После революции одного из братьев расстреляли — «контрреволюционный элемент»; другой некоторое время обитал в подвале своей реквизированной гостиницы. Потом бесследно исчез вместе с семьей...

Плита с фамилией бывших владельцев, лежащая перед входом в гостиницу, словно напоминает, ничто не навсегда и всему свой срок. И вместе с тем истертый камень, где застыли «шаги поколений», как бы говорит, что, даже расшатанный войнами, революциями, бесконечными реформами, уклад жизни в российских городах сохранил удивительное чувство меры и достоинства: что-то можно запечатовать, а это забыть никак нельзя. Не он ли, этот уклад, и передает нам ощущение прочности, основательности...

Написал эти строки и вспомнил эпизод у памятника Петру Первому в Таганроге, выполненного великим Антокольским...

Фотограф-«пушкарь», работающий у памятника, угадал приезжего и предложил сняться «на память». Я отказался. Других клиентов поблизости не наблюдалось, и фотограф разговорился, жалуясь на размеры петровского монумента: соорудили царю такой памятник, что люди на снимке по сравнению с ним выходят маленькими.

Сначала решил, что фотограф

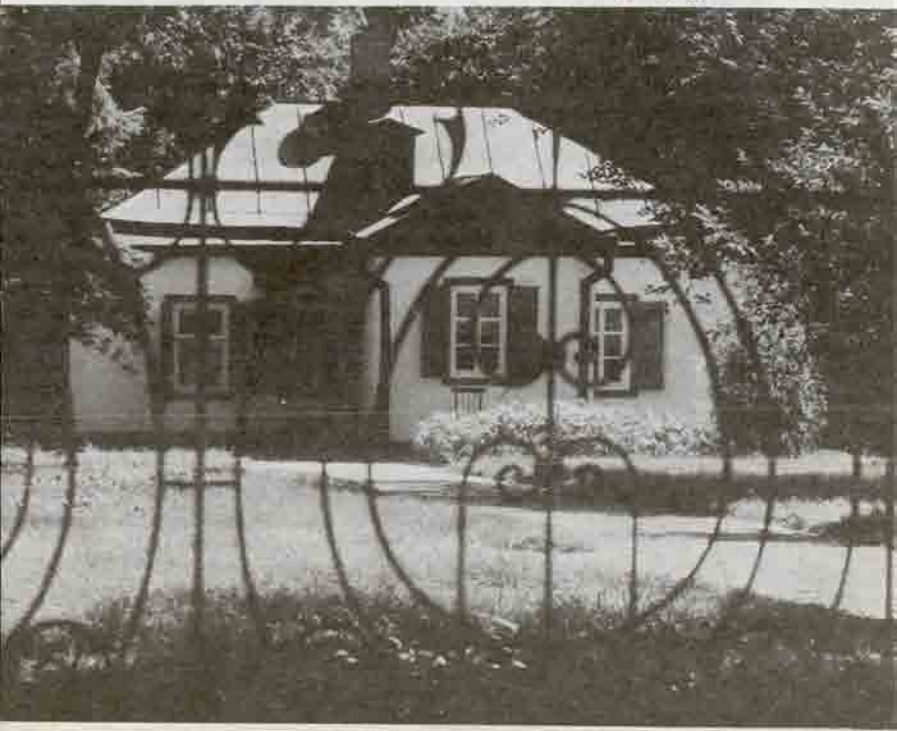
Эхо далеких веков.

Когда-то здесь были торговые ряды.

*В здании бывшей гимназии часто проходят музыкальные вечера.
Здесь родился Чехов.*

шутит. Посоветовал заказать копию памятника из фанеры, как это сделали его коллеги на Тверской в Москве, где установили фигуры президентов, и желающие могут их даже обнимать. «Нет, — не согласился «пушкарь». — Подлинность потеряется. Напишу в администрацию: будут памятник реставрировать — пусть постамент укоротят...»

Разговор с фотографом передаю «для истории» местному краеведу Олегу Павловичу Гаврюшкову. Он хмурится. Памятник Петру уже «укорачивали». В 1925 году вместо бронзовой фигуры Петра на постамент водрузили фигуру Ленина в натуральную величину. Помещенный на высокий и массивный пьедестал, вождь казался карликом, ибо были нарушены элементарные правила пропорции. И тем не менее карикатурное сооружение простояло в центре города почти десятилетие...

Историческая память, быть может, единственный вид национальной собственности, который, как и культура, передается только по наследству.

«Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья, — записал Чехов в дневнике. — Если же оно истекает не отсюда, а из теоретических или иных соображений, то оно не то».

Вдумываясь сегодня в эти чеховские слова, напоминаем себе: не забывайте уроков. Будьте спокойны, сдержанны в своем отношении к прошлому, к делам предков: «Не ищите виноватых, не сводите счетов с прошлым. Тогда расцветет наш дом и не придут в запустение наши души».

Нет, вовсе не случайно строители, реставрировавшие старый «Бристоль», не выворотили, не

разбили, не залили асфальтом плиту с фамилией бывших владельцев. В этом, быть может, на чей-то взгляд, и незначительном факте отражается все тот же характерный для таганрожцев подход к сохранению, сбережению всего, что, по их мнению, важно, дорого и, не побоимся этого слова, свято.

Память непременно входит в любой жизненный уклад. Для Таганрога, к примеру, она связана не только с именами российских царей и цариц, с великими Пушкиным, Чайковским, Чеховым, национальным героем Италии Гарибальди, полярным исследователем Седовым, актрисой Раневской или режиссером Бондарчуком, но и с теми же братьями Багдасаровыми, негоциантами Варваца и Дедальдо, авиастроителями, металлургами, портовиками — всеми, кто вносил и вносит свой вклад в сохранение, обогащение, развитие истории и культуры города.

На доме, где останавливался Чайковский, приезжая к брату, неброская табличка: воссозданием этого памятника руководил В. Янченко. Сбегаю по лестнице к морю и читаю: лестница сооружена по проекту и под руководством А. Межлумяна. Прохожу мимо особняка с «черствым, упрямым выражением» на фасаде и из лаконичной надписи узнаю, что хозяином дома был преподаватель греческого языка, инспектор гимназии А. Дьяконов, тот самый, что послужил Чехову прототипом «Человека в футляре».

Между прочим, нынешние жильцы особняка рассказывают, что когда к Дьяконову приходили снимать квартиру (он владел в городе двумя домами), хозяин осведомлялся, часто ли будущие квартиранты собираются мыть полы. И если слышал, что часто, так как любят чистоту, отказывал: «Сы-

рость разведете. А сырость для дома вредна».

Один из чеховских героев собирался заказать себе кольцо с надписью: «Ничто не проходит...»

«Если не помнить, останется одна барахолка: купил, износил, выбросил,— сказал мне парень в солдатском бушлате, реставрировавший вместе с такими же ребятами, недавно вернувшимися из армии, старый особняк на улице Чехова.— И что вспомнишь? Как покупал-продавал?»

Руководитель одного из оборонных заводов Таганрога, человек, далекий от сантиментов, расказал мне, как безуспешно уговаривал одного крупного специалиста, уехавшего из Таганрога, вернуться на предприятие.

— Говорю: получишь квартиру попросторнее, оклад повыше, интересную работу... Нет, не соглашается. Почему? Не могу понять... Жму: «Ты что же, родной город не любишь?» Слышу: «Это вы его не любите. Зачем шелковицу срубили?» — «Ты о чем? Какую шелковицу?» — «У дома Палкова. Я под ней еще пацаном бегал. Свидания назначал...» И трубку бросил. Дескать, о чем дальше говорить. Еду, проверяю: на месте дерево. Звоню. «Откуда взял, что срубили дерево? Живет твоя шелковица...» В общем, вернулся...

Я видел легендарное дерево — светлокожего гиганта с раздвоенным стволом. Возможно, под ним прогуливался Пушкин — он останавливался как раз в доме градоначальника Палкова. Под зеленой триумфальной аркой прохаживался в одиночестве император Александр I, неожиданно и загадочно скончавшийся в этом дворце от «горячки и воспаления мозга».

Кто из приезжих не замедлял шаги, пораженный величием дерева? У кого из таганрожцев не было

под ним свиданий и встреч? Сколько лет патриарху? Двести? Триста? Больше? Как хорошо, что он жив и каждую весну его листья по-прежнему отливают изумрудом. Отношение к нему — это отношение к человеческой памяти, к людям, которым он дорог. Можно пережить и распад, и разруху, и смуту, если любишь, веришь, помнишь. Возможно, это и есть тот таинственный свет, живущий в наших душах, от которого зависят способность к творчеству, терпимость, милосердие, наконец, просто доброе отношение друг к другу?!

И все же, почему Чехов назвал свой родной город — таинственным?..

Что может быть таинственного в городе, где он родился и прожил почти половину из отмеренного ему судьбой короткого жизненного срока? Где жили родственники, друзья, где известен каждый переулок, забор и, кажется, каждая выбоина на мостовой...

А может, это всего лишь случайная фраза — «и больше ничего», — как любил говорить писатель. Но, по свидетельству хорошо знавших Чехова, был он точен и скуп на слова. Говорил просто, кратко и — главное. Словом дорожил чрезвычайно. Возможно, в этой фразе скрывалась мягкая чеховская ирония?

Спросить не у кого.

Олимпиада Александровна Саввина давно умерла. Кажется, на следующее лето после так запомнившейся мне студенческой практики в степном казахском городке.

Вспоминаю ее голос и представляю, как однажды в Таганрог приезжал из Москвы Антон Павлович Чехов. Еще не «властитель дум», не «певец сумеречных настроений» и тем более не «классик», а, как сообщал «Таганрогский вест-

ник», «довольно известный автор занимательных рассказов». Вот он идет по улице с легкой тростью. Несмотря на лето, в черном пальто и в черной шляпе. Высок. Худощав. Хорош. Заходит к знакомому доктору, отцу Олимпиады Александровны, Липочки, как зовут ее домашние. Заходит, чтобы посоветоваться: не перебраться ли из Москвы в Таганрог? Не вылечит ли его болезнь родной воздух?

Несколько врачей осматривают, выслушивают, выстукивают. Мнения совпадают: нет, Таганрог не поможет. Возможно, юг Франции или Швейцария?.. Чехов откланивается быстро, сухо, будто спешит уклониться от разговора о своем недуге. Стукнула парадная дверь. Кто-то из врачей обронил: «Тэ-э-экс... Чем же он дышит? Такими легкими нельзя дышать».

Вечером Липочка, гимназистка выпускного класса, танцует с Чеховым на балу...

Ф И Р М А

«ДЮНА»,

работающая при Министерстве иностранных дел
Российской Федерации,

**ИЗГОТОВИТ И УСТАНОВИТ ВАМ
МЕТАЛЛИЧЕСКУЮ ДВЕРЬ С КОРОБКОЙ**

Фирменный замок, широкий выбор мягкой обивки.

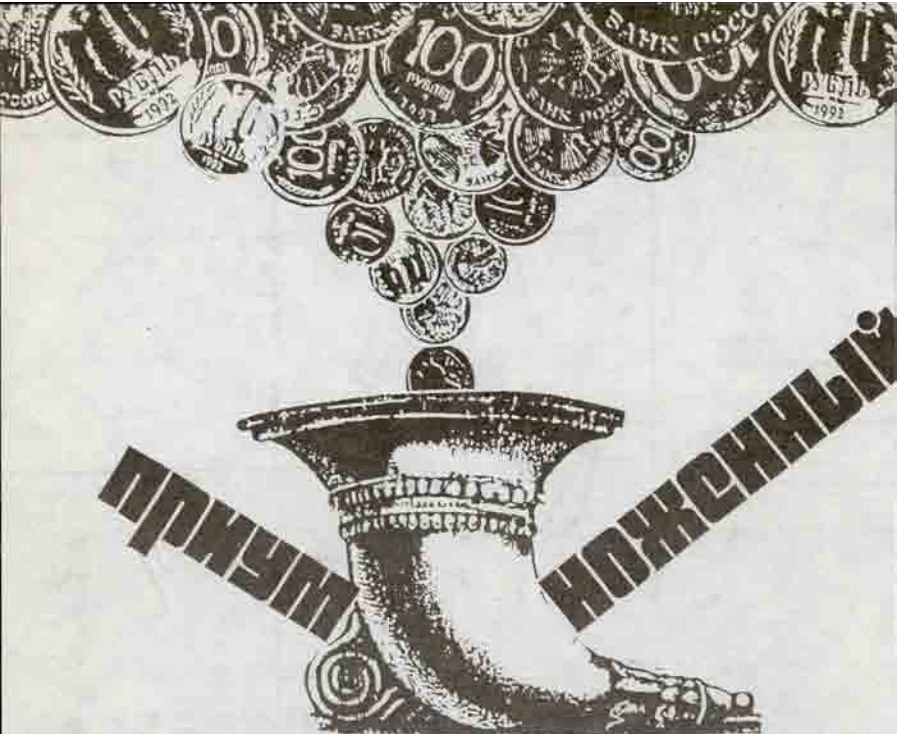
Прочность и надежность гарантируем.

Звоните сейчас, и вы освободитесь от многих проблем:

949-62-03; 476-83-59; 132-42-57.

Изготовление нестандартной мебели:

237-06-11.

**ПРИШЛО
ПОЖЕННЫ!**

На вопросы
читателей
отвечает
доктор
экономических
наук
**ГРИГОРИЙ
КИПЕРМАН.**

РУБЛЬ

Во втором номере журнала за нынешний год доктор экономических наук Григорий Киперман обратился к читателям «Смены» с предложением задавать ему вопросы о «житейской экономике», которая волнует всех.

Пришло много писем, на некоторые из них Григорий Яковлевич ответил в частном порядке. Другие, как нам кажется, представляют общий интерес...

Сейчас многие хранят свои сбережения в долларах. Но, по моему, цены все-таки увеличиваются быстрее, чем растет курс доллара. Многие говорят, что в России покупательная способность иностранной валюты падает. Имеет ли смысл, если хочешь накопить деньги, покупать доллары?

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВ,
Москва

Я не советую хранить сбережения в долларах, хотя его курс и растет. Хранить деньги в банке на рублевом счету выгоднее, чем в долларах, если процентная ставка в банке выше, чем темп роста курса доллара. Допустим, в январе доллар стоил 1000 рублей, а в декабре — 3000 рублей. Купив в начале года 1000 долларов за миллион рублей, вы к концу года можете получить 3 миллиона рублей. Но в то же время многие вполне надежные банки (я их не называю, так как не занимаюсь рекламой) дают (не только обещают, но и реально выплачивают) от 250 до 400 процентов годовых.

Следовательно, положи вы тот же миллион рублей в банк под 300 процентов годовых, то по истечении года получили бы 4 миллиона рублей — свой миллион и 3 миллиона в виде процентов на вклад. Правда, если приобретенную вами за миллион рублей тысячу долларов вы бы положили на валютный счет в банке под 30 — 35 процентов годовых, то получили бы примерно тот же результат, что и при накоплении на рублевом счету. Рублевый счет в банке был бы выгоднее валютного, если процент по вкладу был бы выше, то есть не 300, а 350 или 400 процентов. Но держать деньги в кубышке неразумно при любом варианте — как в рублях, так и в долларах.

Деньги, которые не нужны вам для текущих расходов, должны находиться в движении, в обороте, а не лежать мертвым грузом.

Прочитала во втором номере «Смены» Вашу статью «Куда вкладывать деньги?». Очень понравилась, все очень доступно, ясно написано. Нигде такой информации я не получала. Где бы и что

бы я ни читала на эту тему, все как-то заумно, мудрено, что голову сломаешь. Извините, конечно, за мою экономическую безграмотность. Ваша статья раскрыла мне глаза.

Но у меня возникли некоторые вопросы. Вот, допустим, я мелкий служащий, вернее, служащая кирпичного завода. У меня имеется 5 миллионов рублей. Я их, к примеру, вложу в свой завод. Завод прибыльный (кирпич всегда нужен), и сырье не привозное. Как скоро я буду получать дивиденды по акциям, приобретенным на деньги? И вообще, как заполучить контрольный пакет акций?

Ну, допустим, я приобрела контрольный пакет, дальше что? Меня выберут в совет директоров? А что я там буду делать, ведь я ничего не понимаю ни в управлении, ни в специфике работы, буду сидеть как «пень с глазами»...

И.Д.

Ульяновская область

Приобретая акции своего предприятия, вы (при условии его рентабельной работы) почти наверняка будете получать дивиденды. Но размер их может колебаться в зависимости от суммы полученной прибыли и принятого советом директоров порядка ее распределения. Если совет директоров сочтет целесообразным всю прибыль, оставшуюся после уплаты налогов и других обязательных платежей, направить на развитие производства и социально-бытовых объектов, то в отдельные годы дивидендов может и не быть. Правда, кроме обыкновенных, есть еще и привилегированные акции — при наличии

прибыли выплата дивидендов по ним обязательна.

Контрольный пакет Вам вряд ли нужен, так как Вы не стремитесь, как я понял, определять характер решений, принимаемых общим собранием. Но участвовать в управлении должен каждый акционер. Голосуя на собрании «за» или «против», Вы вместе с другими акционерами решаете коренные вопросы деятельности предприятия. И чем больше у Вас акций, тем больше голосов, тем больше Ваше влияние на принятие того или иного предлагаемого решения.

Пользуюсь Вашим предложением и прошу ответить на несколько вопросов:

1. Финансовые компании, имеющие лицензию на проведение денежных операций и принимающие вклады от населения, страхуют вклады и прибыли в страховых компаниях. Является ли это гарантией сохранения вклада?

Является ли выданный страховой полис юридическим документом?

Где узнать о надежности страховых компаний?

2. Если деньги положены на депозит в коммерческий банк или финансовую компанию, то должны ли браться налоги с дивидендов и какие проценты, если вкладчик — частное лицо?

3. Сейчас многие компании выпускают векселя и предлагают их населению. Правильно ли я понимаю, что, купив вексель, могу получать дивиденды в течение какого-то времени, а потом предъявить вексель к оплате? Какие в этом случае гарантии и мои юридические права?

**О. Лидов,
Самара**

1. Выданный Вам страховой полис, если он оформлен в установленном порядке, является юридическим документом и увеличивает вероятность сохранения Вашего вклада, но страховочной гарантии не дает, поскольку обанкротиться может не только финансовая, но и страховая компания.

2. Если деньги положены в банк и Вы получаете проценты со своего вклада, то они налогами не облагаются. Если же Вы приобрели в финансовой компании ценную бумагу — акцию, вексель, депозитный сертификат, то полученные по ним доходы (дивиденды и другие) облагаются подоходным налогом.

3. Приобретая вексель, Вы выступаете в роли кредитора, предоставляющего свои денежные средства в займы финансовой компании. Она становится Вашим должником. Вексель — это абстрактное безоговорочное долговое обязательство. При наступлении срока платежа (но не раньше и не по частям) финансовая компания возвращает Вам Ваши деньги и сумму процентов, начисленных за время, в течение которого она пользовалась ими. Процентная ставка должна быть указана в векселе.

Сейчас появились фирмы, которые собирают деньги за машины по полцене «сегодня», а сами автомобили поставляют, скажем, через два месяца. У нас на работе мнения разделились. Одни говорят — очередная афера, другие уверяют, что это и фирме выгодно, и нам, покупателям. А что думаете по этому поводу Вы?

И еще: сейчас есть крупные компании, которые после бешеной рекламы сами продают и сами покупают по назначенной ими же цене акции. Как Вы думаете, ку-

пить подобные ценные бумаги выгодно? Или окажешься в итоге у разбитого корыта?

ДМИТРИЙ РЕБРОВ,

г. Чехов Московской области

Фирмы, которые собирают деньги «сегодня», а товар выдают через несколько месяцев, могут быть и мошенническими, и честными. Надо внимательно считать, а может ли в принципе эта компания выполнить свои обязательства? Например, какая-то фирма собирает за автомобиль стоимостью 10 миллионов рублей всего 5 миллионов и обязуется продать его через три месяца. Сумеет ли она (разумеется, при желании с ее стороны) выполнить этот договор? Посчитаем. Сейчас эффективность банковских и торговых операций может в принципе достигать пятисот процентов годовых. Но никак не больше! 500 процентов годовых — это предел. 500 процентов годовых — это 125 процентов за три месяца. Значит, отданные Вами 5 миллионов рублей фирма, если очень постарается, может за три месяца превратить в 11 миллионов 250 тысяч рублей. Стало быть, она сможет отдать Вам автомобиль стоимостью 10 миллионов и еще на этой операции заработает 1 миллион 250 тысяч.

Если же, например, какая-то компания предлагает Вам заплатить за автомобиль такой же стоимости 5 миллионов, а сулит выдать его через месяц — они скорее всего жулики. Судите сами: через месяц Ваши 5 миллионов фирма при самом удачном раскладе может превратить лишь в 7 миллионов рублей. Конечно, обещанный автомобиль она на эти деньги купить для Вас не сумеет. Единственный способ, как фирма может выкрутиться и все-таки не на-

рушить данного обещания, — получить в этот момент деньги с другого клиента, на них приобрести машину и отдать ее Вам. А придет пора рассчитываться с этим вторым клиентом, возьмет средства у третьего. Еще через месяц — у четвертого и так далее...

Разумеется, наступит такой момент, когда у фирмы не окажется новых клиентов. Наступит крах. Руководители фирмы убегут, а тысячи людей окажутся у разбитого корыта.

Именно по такому принципу «пирамиды», когда деньги, для того чтобы расплатиться с вкладчиками, занимают у других людей, действуют компании, что, организовывая оголтелую рекламу, собирают средства у населения. Подобные «игры» — не новость в финансовом мире. В свое время ее затевал даже министр финансов Франции. Французская афера, как и все подобные, кончилась скандалом и разорением тысяч и миллионов мелких вкладчиков. В эти игры выгодно играть только если находишься в середине пирамиды и вовремя успеваешь из нее «выскочить».

ОТ РЕДАКЦИИ.

В нашей экономике появилось много нового и непонятного. Еще лет пять назад никто не мог и предположить, что едва ли не каждому россиянину придется разбираться в акциях, векселях, дивидендах... Естественно, у многих возникают вопросы: как «кроить» семейный бюджет, куда вкладывать деньги, какие покупать ценные бумаги. Совет специалиста в такой ситуации незаменим. Доктор экономических наук Григорий Киперман согласился и в дальнейшем отвечать на письма наших читателей. Пишите нам...

ВАСИЛИЙ РУДАКОВ

НЕПОБЕДИМЫЙ

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

о причине невидности и слабости здоровья сына своего Александра генерал-поручик Василий Иванович Суворов предназначал к службе статской и не только не записал ни в какой полк, а, напротив того, всячески мешал его наклонностям к военному делу, столь рано в нем открывшимся. А когда в 1741 году приехал к нему старинный приятель, Петров любимец, знаменитый Ганнибал, Василий Иванович пожаловался ему на одиннадцатилетнего своего сына, рассказав о занятиях его и причудах (так он называл страсть к военному делу). Ганнибал захотел лично поговорить с юнцом, отправился в его комнату и застал его за книгами и чертежами военных планов. Убедившись из разговора с ним в больших знаниях и еще в большей любви

его к занятиям военными науками, Ганнибал обнял мальчика, а отцу его сказал:

— Оставь, брат Василий Иванович, сына своего с его гостями. Он пойдет дальше нас с тобою.

В 1787 году Екатерина II предприняла путешествие на юг России. В Киеве ее встретил Потемкин, с ним в качестве командующего войсками был и Суворов. Он сопровождал императрицу до Херсона. По дороге он случайно встретился с французским полковником Александром Ламетом, будущим деятелем революции. Видя незнакомое лицо, он пошел к нему и отрывисто спросил:

— Кто вы? Какого звания? Как ваше имя?

— Француз, полковник, Александр Ламет, — отвечал тот скороговоркой.

— Хорошо! — сказал Суворов, повернулся и вышел. Обиженный таким допросом, Ламет загородил ему дорогу и, в свою очередь, быстро спросил его:

— Кто вы? Какого звания? Как ваше имя?

— Русский, генерал, Суворов, — был ответ.

— Хорошо! — сказал Ламет.

Суворов захохотал, обнял его, и они расстались друзьями.

В Кременчуге императрица осталась весьма довольна маневрами, произведенными Суворовым. Милости ее щедро лились на всех. Наградив довольно многих, она обратилась к Суворову:

— Александр Васильевич, не имеешь ли и ты до меня какой-нибудь просьбы?

Суворов вдруг повалился ей в ноги и говорит:

— Матушка-царица! Хозяин покою не дает: задолжал я ему.

— Много ли? — спросила Екатерина.

— Три с полтиной, матушка-царица!

Екатерина с улыбкою сделала распоряжение об уплате, а Суворов, поднимаясь с полу, с облегчением вздохнул и сказал:

— Спасибо матушке! Выручила меня, а то совсем промотался!

В Херсоне к Суворову подошел австрийский офицер в простом военном мундире и без всяких знаков отличия. Офицер этот был император Иосиф II. Суворов, делая вид, что не узнает его,

спокойно стоял и на вопрос императора: «Знаете ли вы меня?» — с улыбкою ответил:

— Не смею сказать, что знаю, — и затем, наклонясь к нему, шепотом прибавил: — Говорят, будто вы император Римский.

— Я доверчивее вас, — отвечал Иосиф, — и верю, что говорю с русским генералом, как мне сказали.

В том же 1787 году открылась вторая турецкая война, и Суворов явился в ней главнейшим деятелем.

Первыми действиями турок была высадка у Кинбурнской косы, где стоял с двумя полками Суворов. Когда с извещением о высадке явились к нему поставленные на карауле донские казаки, Суворов находился в церкви на литургии; выслушав донесение, он, однако, не тронулся с места до конца службы и потом еще велел отслужить молебен «на победу врагов и одоление».

Выйдя из церкви, он приказал полковнику Ниоти идти со своим полком на турок. Тот стал отказываться, говоря, что полк его не в силах выдержать натиска превосходящего противника. Ниоти так упорствовал, что Суворов принужден был, чтобы не потерять времени, идти сам с пехотным полком, а полковнику велел засесть в камыши и ждать приказаний.

Турки успели уже высадиться в количестве пяти тысяч человек и стали сильно напирать на Суворова, он же понемногу подавался назад. Ободренные этим, турки еще смелее погнались за ним и зашли далеко от берега. Пропустив их, Ниоти по полученному от Суворова приказанию вышел из засады и ударил с тылу. В это же время повернул и Суворов и также ударил по неприятелю. Не ожидавшие ничего подобного, турки были разбиты наголову и только небольшая часть их спаслась бегством на кораблях.

Во время сражения Суворов, как и всегда, был впереди своих солдат; в самом же начале дела у его лошади оторвало ядром морду. Он упал. Турки кинулись к нему, но несколько солдат с криками «Братцы, спасайте генерала!» успели его вывести. Вскоре после этого пуля пробила ему левую руку; он принужден был удалиться за крепость, истекая кровью, но отсутствовал недолго. Обмыв рану морской водою и перевернув рубашку сухим рукавом на рану, со словами «Помогло, помилуй Бог, помогло!» он опять поскакал в бой.

Боясь гнева Суворова, Ниоти поспешил послать к благоволившему ему князю Потемкину просьбу об увольнении в отставку. Со своей стороны и Суворов, донося князю о военном деле, не умолчал об слушании Ниоти, но получил от Потемкина ответ, что с Ниоти взыскивать нельзя, «ибо выпущен в отставку».

В Кинбурнском сражении турки отличались необыкновенным упорством, так что даже Суворов писал о них в донесении Потемкину: «Какие молодцы! С такими я еще не дрался!»

Зато и награда победителям была необычная. Суворов получил весьма милостивый, очаровавший его монарший манифест и орден Андрея Первозванного. «Такого писания от высочайше-

го престола я никогда ни у кого не выдывал», — писал он Потемкину.

В письме же к дочери своей Суворочке, воспитывавшейся в Смольном, он так описывает Кинбурнское сражение:

«У нас была драка посильнее той, когда вы друг друга за уши дерете. И как мы танцевали; в боку картеча, на руке от пули дырочка, да подо мною лошади мордочку оторвало. То-то была комедия — насилу через восемь часов с театра отпустили»...

В 1788 году началась осада Очакова под личным начальством Потемкина; в числе осаждавших войск был здесь со своим корпусом и Суворов. Осада тянулась долго; Потемкин был в крайней нерешительности, а Суворов этим раздражался, выражая свою досаду и на словах, и в письмах, и однажды даже завязал дело без приказа главнокомандующего.

27 июля турки сделали сильную вылазку на левый фланг русских войск, где находился Суворов. Благодаря своей многочисленности и быстрому натиску они сломили русские силы, и Суворов, раненный в плечо, дал знак к отступлению; сам же, признавая рану опасною, призывал хирурга и священника. Когда извлекли пулю, явился посланный от Потемкина, который до того времени уже четыре раза присылал приказания отступить, с следующим грозным вопросом: «Как он, Суворов, осмелился без повеления завязать такое важное дело?»

На это Суворов очень спокойно ответил двусицием:

*Я на камушке сижу,
На Очаков я гляжу.*

Этот дерзкий ответ, осмеивавший бездеятельность Потемкина⁸, не только в значительной степени охладил их отношения, но даже повлек за собою сильное неудовольствие Потемкина, которое не замедлило обнаружиться в следующем году.

С начала 1789 года турки с новою силою возобновили военные действия; в числе выставленных против них русских генералов Потемкин умышленно пропустил Суворова. Но тот узнал об этом вовремя и тотчас же поскакал в Петербург к государыне. Поклонившись ей, по обычаю, до земли, он с жалобным видом сказал:

— Матушка, я прописной.

— Как это? — спросила Екатерина.

— Меня нигде не поместили с прочими генералами и ни одного капральства не дали в команду.

Государыня немедленно же назначила его в армию к Румянцеву, и Суворов в самый день получения приказа об этом поскакал из Петербурга.

По прибытии на место военных действий Суворов получил приказание соединиться с австрийской армией, предводимой принцем Конбургским. Хотя принц был чином старше Суворова, но он первый приветствовал его и просил о личном свидании, чтобы установить взаимное соглашение насчет будущих дей-

⁸ Впоследствии, как известно, и Румянцев называл осаду Потемкиным Очакова осадю Трои.

ствий. Суворов дал на это уклончивый ответ, поставивший принца в недоумение. Тем не менее он отправил к Суворову второго посла с тем же вопросом. Но его не приняли, сказав, что генерал Богу молится. Спустя некоторое время принц шлет третьего посланного, который привез к нему ответ, что генерал спит.

Недоумению принца не было пределов, он не знал, что делать. Наконец, в 11 часов вечера получает от Суворова следующую записку, написанную по-французски: «Войска выступают в два часа ночи тремя колоннами; среднюю составляют русские. Неприятеля атаковать всеми силами, не занимаясь мелкими походами вправо и влево, чтобы на заре прибыть к реке Путне, которую и перейти, продолжая атаку. Говорят, что турок перед нами тысяч пятьдесят, а другие пятьдесят — дальше; жаль, что они не все вместе, лучше бы было покончить с ними разом».

Не без колебания подчинился боевому генералу методичный главнокомандующий австрийской армией, но ночное дело, закончившееся Фокшанскою победою, не только примирило его с тактикой Суворова, но даже связало их тесною дружбой.

В объяснение своего нежелания принять принца Суворов говорил: «Нельзя было; он умный, он храбрый, да ведь он тактик, а у меня план не тактический. Мы заспорили бы, и он загонял бы меня дипломатически, тактически, а неприятель решил бы спор наш тем, что разбил бы нас. Вместо же того — ура! С нами Бог! И спорить было некогда».

Рассказывают еще, что перед самым началом сражения, идя навстречу неприятелю с войсками принца Кобургского, Суворов, в виду приближающихся турок, велел остановиться, а сам, сойдя с лошади, стал купаться и оставался в воде вплоть до начала перестрелки, и только тогда вышел из воды, неторопливо оделся и отдал приказ: «Теперь с Божьей помощью пойдем на врагов, нападем и перебьем их».

Вторая в этом году и самая важная победа Суворова над турками при Рымнике была совершена также при участии принца Кобургского с его армией. Любопытно при этом их предварительное совещание. Суворов настаивал на немедленной атаке; принц указывал на страшное неравенство сил и укрепленные позиции неприятеля. Суворов, говоря, что для турок их множество «умножит и беспорядок», с усмешкой прибавил: «Все же их не столько, чтобы заслонить нам солнце», и, чтобы окончательно сломить принца, сказал, что он одними своими войсками атакует неприятеля и разобьет его. Только после этого принц согласился с планом Суворова, опять оправдавшимся самым блистательным образом. Рымникская победа произвела всеобщий восторг в России и Австрии*. Император Иосиф возвел Суворова в графы Римской империи; Екатерина II пожаловала ему орден св. Георгия первой степени, графское достоинство

* Союзников было под Рымником 25 000 против 100 000 турок. Турки потеряли более 15 000, в то время как союзники — менее 1000. Трофеи по тем временам были огромны: 100 знамен и 80 орудий. Потемкин говорил, что один Суворов стоит десяти тысяч человек. (Прим. ред.)

с титулом Рымникского, бриллиантовые знаки Андреевского ордена и шпагу, осыпанную бриллиантами.

25 ноября 1790 года Потемкин послал приказ Суворову: «Взять Измаил».

Через три дня Потемкин, уstraшенный тяжестью возлагаемой им на Суворова задачи, особенно когда узнал об отступлении от Измаила отряда Гудовича, писал Суворову: «Предоставляю вашему сиятельству решить: продолжать или оставить предприятие на Измаил. Вы на месте, руки у вас развязаны, и вы, конечно, не упустите ничего, что способствует пользе службы и славе оружия».

Потемкин опасался напрасно.

Рано утром 2 декабря после больше чем стоверстного пути два всадника подъехали к русским аванпостам: это были Суворов и казак, везший в небольшом узелке багаж генерала.

Осмотревшись и собрав сведения, Суворов увидел, что ему предстоял подвиг, может быть, более трудный, чем он полагал прежде. Крепость была первоклассная и защищалась целой армией. В Измаиле сидело 35 000 турок под ружьем; к тому же сюда собрались гарнизоны небольших крепостей, недавно покоренных русскими; им султан пригрозил смертью, если не отстоят Измаил.

42 Сделав необходимые приготовления, Суворов предварительно посылает измаильскому сераскиру письма Потемкина и свои, требуя сдачи крепости. Ответ паши: «Прежде Дунай переменит свое течение, прежде ниспадет небо на землю, нежели Измаил сдастся».

Суворов отвечал: «Я с войсками сюда прибыл; 24 часа на размышление — воля; первый мой выстрел — уже неволя; штурм — смерть; что оставляю вам на рассмотрение».

43 Ответа не последовало, и штурм был предварен приказом Суворова: христиан, безоружных, женщин и детей не трогать!

В 3 часа ночи 11 декабря взлетела ракета; войска поднялись и тронулись к назначенным местам. Всех штурмовых колонн было на сухом пути 6 да со стороны Дуная, от гребной флотилии, 3. С рассветом колонны пошли на приступ. Когда колонны приблизились на 400 шагов, турки открыли страшный огонь по всей линии. Русские прибавили шагу...

К 8 часам утра 11 декабря крепость была в руках русских и через шесть часов совершенно очищена от турок, оставивших убитыми 26 000; пленных взято до 10 000, с ними 265 пушек, знамен больших и малых 373, лошадей 10 000, судов 42 и всяких харчевых и боевых припасов — множество... Со стороны русских было до 9 тысяч убитыми и ранеными.

Измаильский штурм далеко превосходил очаковское дело. Сам Суворов смотрел на него, как на что-то исключительное. Года два спустя, проезжая мимо одной крепости в Финляндии, он спросил своего адъютанта:

— Можно ли взять эту крепость штурмом?

— Какой крепости нельзя взять, если взят Измаил! — отвечал адъютант.

Суворов задумался и после некоторого молчания сказал:

— На такой штурм, как измаильский, можно пускаться один раз в жизни.

Почти так же, как Суворов, смотрела на него и Екатерина: «Почитаю измаильскую эскаладу, — писала она Потемкину, — города и крепости за дело, едва ли где в истории находящееся».

27 апреля 1794 г. Суворов получил высочайшее повеление отправиться на войну с Польшей, повеление, которое обрадовало его более всего. В каких-нибудь две недели он на протяжении нескольких сот верст обезоружил до 8000 повстанцев, не прибегая к оружию, без пролития крови.

Следующим была победа пред Крупчицами над Сераковским, у которого было громадное войско и очень выгодная позиция.

Победа эта дорого стоила войскам Суворова и самому главнокомандующему; лично распоряжаясь сражением, он беспрестанно носился с места на место и немедленно являлся туда, где замечал колебание или недостаточную энергию; несколько его слов: «вперед», «коли», «руби», «бей» — вливали в солдат новую силу, удесятерляли их храбрость.

Лишь только прекратилось сражение, утомленный, прошедший без сна несколько ночей, Суворов подъехал к дереву, стоявшему на бугорке, слез с лошади и, перекрестившись, сказал: «Слава в вышних Богу!» Выпил затем свою порцию водки и закусил сухарем; его бессменный казак Иван постлал ему плащ, а вместо подушки положил свою сумку, и Александр Васильевич, лёгши на приготовленную постель, заснул богатырским сном.

Но долго отдыхать было некогда, некогда было запастись провиантом: Суворов решил гнаться за Сераковским, торопившимся к Бресту. И когда один из генералов, подойдя к нему, сказал, что мало хлеба и необходимо засушить сухарей, он коротко отвечал:

— Не надобно! Разве у поляков нет хлеба? — И часа через два отдал приказание «патронов не мочить», которое старые солдаты объясняли новичкам, что будет, значит, переправа через реку вброд; затем быстро пошел по направлению к Бресту. Через двое суток он уже извещал Румянцева о Брестской победе над Сераковским и Красинским в таких выражениях: «Брестский кортус, уменьшенный при Крупчице тремя тысячами, сего числа кончен при Бресте... Поляки дрались храбро, наши войска платили их отчаянность, не давая пощады... По сему происшествию и я почти в невероятности. Мы очень устали».

Во время Брестского сражения было отнято русскими до 28 орудий; указывая на них, Суворов сказал генералу, доносившему о сушении сухарей: «Если бы мы остались сушить сухари, то пушки бы наши пропали и неприятель бы ушел».

Вскоре после этого Ферзен разбил наголову войска Костюшки и самого его взял в плен. Поляки поспешили к Варшаве. Суворов пошел вдогонку и в местечке Кобылке встретил значительный отряд, который после непродолжительного, но кровопролитного сражения был почти весь перебит.

Во время этого побоища екатеринославским кирасирам пришлось стоять под самыми выстрелами неприятельской батареи. Ряды их быстро редели, полковой командир послал адъютанта Ф. К. Ковалевского с просьбой о перемене позиции. Не успел последний подскочить к Суворову, как тот, очевидно, догадавшись о цели его приезда, сейчас же озадачил его вопросом:

— Помилуй Бог! А что делается в Кобылке? (Кобылка была позади неприятеля.)

— Вас ожидают, ваше сиятельство.

— Хорошо! А рыба там есть?

— Есть и очень много.

— А какая рыба?

— Окунь, щуки, караси...

— А умеют там жарить карасей?

— Не только карасей, и кирасиров хорошо жарят...— И тут же, пользуясь случаем, адъютант Ковалевский передал Суворову свое поручение.

— Хорошо, помилуй Бог, хорошо! Скажи, чтобы кирасиры спешились, отняли пушки у неприятеля, оборотили их и стреляли по ним.— Батарея не более как через час была взята.

После Кобылки оставалась одна ступень до Варшавы — Прага*, перед которой, сверх ожидания поляков, Суворов уже стоял с многочисленными войсками и на другой день после сражения при Кобылке и вечером того же дня отдал приказ готовиться к штурму.

44 Перед самым делом Суворов обыкновенно объезжал ряды солдат, обращался ко многим из них поименно, шутил, острил и таким образом вселял в них непоколебимую храбрость. Так было, конечно, и перед штурмом Праги.

Долго и ожесточенно пришлось биться русским, чтобы добраться до зубцов стен Праги; не менее страшное кровопролитие происходило и на улицах этого предместья, где, по донесению самого Суворова, «каждый шаг был покрыт побитыми, все площади устланы телами...».

На общую беду, под конец боя спрятавшиеся в домах, не исключая и женщин, стали бросать камнями и всем, что ни попадалось под руку. Это еще более усилило ярость солдат: бойня дошла до апогея...

В 9 часов утра 24 октября все было кончено; продолжался лишь пожар да грабёж...

«Едва таскавший ноги», Суворов доносил Румянцеву: «Сиятельнейший граф! Прага наша!»

В следующей реляции, более подробной, он, между прочим, писал: «Редко видел я столь блистательную победу; дело сие подобно измаильскому». На самом же деле пражский штурм имел большее историческое значение.

Однако многие и в то время и впоследствии упрекали Суворова за резню во время этого штурма и он отвечал на это следую-

* Прага — предместье Варшавы.

щими словами: «Если бы я дал десять сражений и в каждом убил бы до 2000 человек, едва ли о том бы говорили, и война с ее ужасами тянулась бы два или три года. Я все покончил одним разом. Число убитых меньше, чем то, что в начале предполагали, и держава, как и сама Польша, успокоятся».

На другой день после штурма Праги явились из Варшавы депутаты; они привезли Суворову письмо от короля Станислава, который просил «посредничества» его и уверял, что «жители хотят защищаться, если не будут обнадежены в безопасности жизни и имущества», а со своей стороны требовали перемирия на неделю для заключения переговоров.

На это Суворов через своего дежурного генерала дал такой ответ: «Договоры не нужны. Войско обезоруживается, и всякое оружие отдается русским. Король утверждает в своем достоинстве. Русские вступают немедленно в Варшаву. Жизнь и имущество жителей безопасны. Ответ через 24 часа».

Депутаты были ошеломлены такими умеренными требованиями и со слезами на глазах просили представить их Суворову. Он поджидал их, сидя перед своей калмыцкой кибиткой на обрубке бревна, и, заметив, что они подходят нерешительным шагом, быстро вскочил с обрубка, бросил свою саблю и с криками «мир!» «мир!» стал обнимать депутатов и затем угостил их вином и разными закусками, не скупясь при этом на шутки и остроты.

Самые переговоры велись в виде приятельской беседы, и депутаты уехали, очарованные главнокомандующим.

Однако варшавский магистрат не желал принимать суворовских условий, снова просил перемирия, но Суворов был непоколебим, а народ, боявшийся резни, стал настойчиво требовать сдачи и даже производить уличные беспорядки.

Наконец 29 октября состоялся торжественный вход русских в Варшаву при звуке музыки и громе барабанов. Суворов ехал верхом, окруженный своими генералами. Он был в виц-мундире, без орденов, на казачьей лошади. У моста встретили его городские власти и поднесли ему хлеб-соль и ключи города, серебряные и позолоченные. Он взял их, перекрестился, поцеловал и сказал:

— Благодарю Бога, что они куплены не так дорого, как... — при этом обернулся к Праге и утер слезы.

«Всемиловитейшая государыня! Ура! Варшава наша!» — доносил он императрице.

«Ура! Фельдмаршал Суворов!» — достойно отвечала последняя.

На другой день после сдачи Суворов явился к Станиславу и изъявлял ему свое почтение как королю. Когда тот попросил его освободить одного пленного офицера, то он сказал:

— Если угодно, я освобожу вам их сотню... двести... триста... четыреста... так и быть, пятьсот...

В тот же день было освобождено более 500 офицеров и других пленников.

Варшавским депутатам Суворов обещал именем императрицы, что все будет предано забвению, но, получив высочайшее

повеление об аресте главнейших инсургентов, он, рассказывая, в присутствии многочисленного общества вскочил на стул и сказал:

— Императрица вот какая высокая, а Суворов вот какой маленький, — и при этом, сойдя со стула, присел на пол.

При получении фельдмаршальского жезла Суворов велел отнести его в церковь для освящения, а сам в одной куртке расставил девять стульев и стал перепрыгивать через них, приговаривая: «А таки перескочил!.. А таки перескочил!.. Салтыков позади!.. Долгорукий позади!» — и так всех девятерых старейших генералов (двух Салтыковых, Долгорукого, Эльмита, Прозоровского, Мусина-Пушкина, Каменского и Каховского), а когда перепрыгнул через последний стул, перекрестился и произнес:

— Помилуй Бог матушку-царицу! Милостива ко мне, старику! Затем облекся в фельдмаршальскую форму и прошел в церковь.

Пробыв в Варшаве до ноября 1795 г., Суворов отправился в Петербург, и его проезд был настоящим торжеством. Как он ни старался скрываться, его встречали губернаторы, чиновники, войска, горожане, народ... Последний всюду стерег его по дороге и оглашал воздух кликами: «Ура! Суворов!»

— Помилуй Бог! Они меня уморят! — говорил и плакал от радости.

При этом, конечно, не обошлось и без комических случаев.

На втором или третьем ночлеге по выезде из Варшавы, в какой-то деревеньке, ехавший впереди Суворова его адъютант Тищенко приготовил для него теплую хату, но не догадался осмотреть в ней запечье, где спала глухая старуха. Когда приехал Суворов, то, по своему обыкновению, разделся донага, окатился холодной водой и, чтобы распрямить одеревеневшие от долгого сидения члены, стал прыгать по хате, напевая **по-арабски** разные изречения из корана. В это время проснулась старуха, выглянула из запечья, приняла Суворова за черта и закричала во весь голос:

— Ратуйте, с нами небесная сила!

Перепугался и Суворов от этого внезапного вопля и также стал кричать. Сбежался народ, и старуху вывели полумертвую от ужаса.

В Гродне готовил Суворову торжественную встречу князь Н. В. Репнин, ожидая его перед заставой с почетным рапортом. Узнав об этом, Суворов уселся в кибитку, велел закрыть себя рогожей и с поваром на козлах проскакал мимо кн. Репнина. Между тем дормез, в котором он ехал до того, еще не появлялся, и когда он поравнялся с ожидавшими фельдмаршала кн. Горчаковым и кн. Репниным, то последние, конечно, нашли его пустым и были еще более удивлены, когда узнали, что фельдмаршал только что проскакал мимо них в кибитке, покрытой рогожей.

В Стрельне ожидала Суворова присланная государыней парадная придворная карета. Облекшись в фельдмаршальский

мундир, со всеми орденами, Суворов совершил весь переезд до Петербурга 4 января 1796 г. при двадцатиградусном морозе в одном мундире и с открытой головой. Спутники его, генералы Исленьев, Арсеньев и другие, поневоле следовали его примеру и, конечно, подъехали к Зимнему дворцу полузамерзшими.

Императрица очаровала Суворова своим ласковым приемом, подарила ему богатую табакерку с изображением Александра Македонского, сказав, что «никому не приличен более вас портрет вашего тезки — вы велики, как и он», и отвела ему для жилья Таврический дворец; Суворов быстро пробежал по комнатам вплоть до спальни, где уже готова была пышная постель из душистого сена и ярко горел камин; в соседней комнате стояла гранитная ваза, наполненная невскою водою, с серебряным тазом и ковшом для окачивания.

На другой же день начались к нему визиты почти всех высокопоставленных лиц, его друзей и завистников, и с последними-то он выкидывал разные шутки.

Бывая на собраниях в Зимнем дворце, Суворов не скупился на насмешки и разные выходки.

— Однажды в Петербурге на бале, — рассказывал он сам впоследствии, — в 8 часов вечера императрица изволила меня спросить:

— Чем потчевать такого гостя дорогого?

— Благослови, царица, водочкой! — отвечал я.

— *Fi done!* Что скажут красавицы фрейлины, которые с вами будут говорить?

— Они, матушка, почувствуют, что с ними говорит солдат. Вдруг изволит подносить мне сама рюмку тминной, любимой моей водки. Я выпил за ее здоровье и, обливаясь слезами, пал к ее стопам и успел лишь сказать:

— Твое снисхождение, монархиня, делает меня твоим рабом.

Раз за обедом Екатерина, желая оказать внимание сидевшему около нее князю С. Ф. Голицыну, сказала, что спала эту ночь очень спокойно, зная, что на карауле находился сын Голицына. С. Ф. Голицын встал и поклонился. Суворов, сидевший по другую руку государыни, тотчас же обратился к Голицыну с вопросом:

— Отчего ты, батюшка, не прислал кого-либо из сыновей ко мне в Варшаву за Георгием? — И, указывая на некоторых сидевших за столом, в том числе и на князя Бяратинского, хваставшего своими подвигами, прибавил: — Они получили даром.

Вступление на престол Павла Петровича, как известно, ознаменовалось ломкою всего, созданного в предыдущее царствование. Сильно коснулась эта ломка и военного дела, и войск, которые стали преобразовывать на прусский или гатчинский лад. Суворову, конечно, не могли нравиться эти преобразования, и он явился открытым и едким порицателем новшеств.

В одном того времени письме он говорит: «Россия не Пруссия, и русскому государю не достанет зрения за всем усмотреть».

И затем: «Русские прусских всегда бивали, что ж тут перенять... я лучше прусского покойного короля; я милостью Божией баталий не проигрывал... Солдаты не веселы, унылы, разводы скучны, шаг уменьшают в $\frac{3}{4}$, и так на неприятеля вместо 40—30 верст».

Получив в войска палочки для образцов и меры солдатских кос и буклей, Суворов отозвался: «Пудра не порох, букли не ушки, коса не тесак, я не немец, а природный русак».

Когда Суворову замечали, что его причуды неуместны и что тем нарушается военная дисциплина, он отвечал:

— Мне поздно переменяться. Доложите императору, что матушка его Екатерина тридцать лет терпела мои причуды и я шалит под Рымником и под Варшавою, а для новой дисциплины я слишком стар!

6 февраля 1797 г. был дан высочайший приказ, отставлявший Суворова от службы, а вскоре прискакал в местечко Кобринно и коллежский асессор Николаев с высочайшим повелением: «Привезть Суворова в его боровицкие деревни и перепоручить Вындомскому (городничему боровичскому), а в случае надобности требовать помощи от всякого начальства».

Приходилось расставаться с войском и ехать; прощание с ним Суворова было истинною драматическою сценою. Суворов, одетый простым гренадером, явился перед собранным фанаторийским полком, снял ордена, положил их на барабан и сказал:

— Прощайте, ребята, молитесь Богу... может быть, придет еще время, когда Суворов опять явится среди вас и возьмет назад эти ордена, которые он заслужил победами...

Вскоре после отставки фельдъегерь привез пакет от императора. Суворов был в бане; фельдъегерь потребовал, чтобы его немедленно допустили к нему. Доложили об этом Суворову, и он приказал его ввести. Когда фельдъегерь вошел в жарко натопленную баню, Суворов, парившийся на полке, спросил его, на чье имя и от кого привезен пакет. Фельдъегерь ответил: «От государя к фельдмаршалу Суворову».

— Фельдмаршал находился обыкновенно при армии, а я в деревне, — ответил Суворов, — и пакет не ко мне.

Фельдъегерь с неприятным пакетом так и вернулся назад. Явился к Суворову Николаев и изложил ему свое поручение.

— Сколько времени дано на сборы? — сказал на это Суворов.
— Слишком много! Не только в деревню, но бить турок и поляков собирался я в один час.

Немедленно же взял под мышку небольшой ящичек с бумагами, накинул на себя старый плащ, простился с домашними и вышел на крыльцо. Здесь уже стояла дорожная карета.

Суворов отказался сесть в нее.

— Для чего мне карета? — говорил он, — и во дворец царский ездая я в почтовой тележке.

После двадцатидневного утомительного пути по весенней распутице 5 мая Суворов прибыл на своей тележке в родное село Кончанское.

Скучно и крайне однообразно потекла здесь жизнь опально-

го фельдмаршала. Вставал он в два часа ночи и, окатившись холодной водой, отправлялся на сельскую колокольню звонить, служил в церкви заутреню и обедню, в продолжение которых исправлял обязанности пономаря и дьячка, пел на клиросе, читал Апостола и непременно громким голосом, подавал священнику кадило и т. п. Обедал в 7 часов и потом отдыхал.

По воскресеньям заходил он после обедни на водку к священнику; иногда принимал сам гостей, соседних дворян, или ездил к ним. После отдыха отправлялся гулять по деревне. Здесь бегал и прыгал с деревенскими ребятишками, играл с ними в бабки*, по праздникам принимал участие в хороводах и танцах молодых парней и девок, внимательно разбирал споры крестьян, благотворил им и т. д. Носил обыкновенно канифасный камзолчик, заменяемый в высокотожественные дни фельдмаршальским мундиром без штыря, но с орденами; нередко ходил и в одном нижнем белье.

Но при этом он неустанно следил за всем происходящим как в России, так и в Европе. Не раз утренняя заря заставляла его за планами, картами и книгами...

Но в феврале 1798 года император вдруг смягчился к Суворову и фельдмаршалу дозволял приехать в Петербург, для чего даже прислал его племянника кн. Горчакова, своего флигель-адъютанта.

Суворов не только не обрадовался полученному от государя приглашению, но даже отказывался ехать в Петербург, отговариваясь старостью и плохим здоровьем. Лишь после долгих и настоятельных убеждений кн. Горчакова старик согласился отправиться в путь, но не иначе, как «на долгих».

Прискакав в Петербург, кн. Горчаков убедился, что император Павел с нетерпением его ждал.

— А что, приедет граф? — был его первый вопрос, как только он увидел кн. Горчакова.

Тот объяснил, что дядя по болезни не может ехать на почтовых, а приедет на своих, и по требованию императора приблизительно назначил день его приезда.

Тогда государь дал приказ немедленно же доложить ему, когда приедет граф, «в котором бы ни было часу».

Но старик не торопился и приехал только через два дня после назначенного кн. Горчаковым срока. Последний в ту же минуту, как кибитка кончанского опального остановилась у Петербургской заставы, доложил государю. Было 10 часов вечера; император, по обыкновению, уже разделся на ночь, но, однако, вышел, накинув шинель, к кн. Горчакову и велел ему привезти Суворова на следующий день в 9 часов утра. Из вопроса кн. Горчакова, в какой форме повелено будет представиться графу (так как он был отставлен без мундира), император ответил:

* Когда однажды его застал за этим занятием какой-то гость и выразил свое удивление, то Суворов сказал: «В России теперь так много развелось фельдмаршалов, что делать им нечего, а потому и приходится играть в бабки».

— В таком же мундире, какой вы носите (то есть общем армейском).

Мундир племянника пришелся почти в пору старому дяде: нашили звезды, кресты, и на следующее утро в девятом часу Суворов отправился во дворец, сопровождаемый князем Горчаковым. Ожидая в приемной возвращения государя с прогулки, Суворов успел подшутить над несколькими из бывших тут придворных и, между прочим, с графом Кутайсовым (крещеным турчонком) говорил по-турецки.

Около 9 с четвертью часов император подъехал верхом к Зимнему дворцу, и Суворов немедленно же был приглашен в кабинет. После часовой здесь беседы с глазу на глаз Павел Петрович пригласил фельдмаршала к разводу.

В угоду старику государь производил учение батальону скорым шагом, водил его в штыки и проч. Но Суворова это не подкупило. Он отворачивался от подходящих взводов, подсмеивался и подшучивал над окружающими, всячески выказывал свое умышленное невнимание и беспрестанно подходил к кн. Горчакову, говоря: «Нет, не могу более, уеду». Кн. Горчаков убеждал его потерпеть, внушал, что уехать с развода прежде государя неприлично, но старик был упрям.

— Не могу больше, брюхо болит, — сказал и уехал, не дождав-шись конца развода.

Государь заметил проделки Суворова, но молчал; вернувшись же во дворец, позвал кн. Горчакова в кабинет и сурово спросил его:

— Что значит все это?

Тот, крайне смущенный, старался привести все, что только мог придумать, в извинение своего дяди, но Павел прервал его и начал вспоминать свой разговор с Суворовым:

— Я говорю ему о заслугах, которые он может еще оказать отечеству и мне; веду речь к тому, чтоб он сам попросился на службу, а он вместо того кинется в Измаил и начинает длинно рассказывать штурм. Я слушаю, пока не кончит, потом снова навожу разговор на свое, вместо того, гляжу, мы очутились в Праге или Очакове...

Потом государь говорил с некоторым удивлением о поведении Суворова на разводе и, наконец, сказал князю Горчакову:

— Извольте же, сударь, ехать к нему, спросите у него самого объяснения его действий и как можно скорее привезите ответ; до тех пор я не сяду за стол.

Князь Горчаков поскакал к Суворову и передал ему слова императора, на что Суворов, бывший в сильном раздражении, сказал:

— Инспектором я был в генеральском чине, а теперь уже поздно опять идти в инспектора. Пусть делают меня главнокомандующим, да дадут прежний мой штаб, да развяжут мне руки, чтобы я мог производить в чины, не спрашиваясь... Тогда, пожалуй, пойду на службу. А не то — лучше назад в деревню; я стар и дряхл, хочу в монахи...

Князь Горчаков возражал, что не может передать таких речей государю.

— Ну ты передавай, что хочешь, а я от своего не отступлюсь,— сказал Суворов.

Приехав во дворец, князь Горчаков сказал государю, что дядя его был слишком смущен присутствием его величества; не помнит хорошо, что говорил; крайне сожалеет о своей неловкости и в другой раз будет уже говорить иначе и с радостью воспользуется царской милостью, если его величеству угодно будет принять его службу.

Выслушав это сообщение, государь строго сказал Горчакову:

— Хорошо, сударь, я поручаю вам вразумить вашего дядю, вы будете отвечать за него.

После того император не раз приглашал Суворова к столу своему и на развод и вообще обращался с ним милостиво, постоянно наводя разговор о службе. Но старик отвечал уклончиво, ссылаясь на болезнь и дряхлость, и не переставал «блажить», подшучивая при каждом удобном случае над новыми правилами службы, над обмундированием и снаряжением. То усаживался целые четверть часа в карету, показывая вид, будто никак не может справиться с торчащею сзади шляпою; то на разводе прикидывался, будто не умеет снять свою плоскую шляпу и, долго хватая за поля то одной рукой, то другой, кончал тем, что ронял ее к ногам сумрачно смотревшего на него императора; то нарочно перебегал и суетился между проходившими церемониальным маршем взводами, что считалось крайним нарушением порядка и боевого благочиния, и при этом выражал на лице своем то удивление, то недоумение; часто шептал себе под нос и крестился; а когда раз государь спросил его, «что это значит?», ответил, что читал молитву «Да будет воля Твоя».

Каждый раз после подобной проделки Павел обращался к князю Горчакову и грозно требовал от него объяснений, тот, испытывая, так сказать, в чужом пиру похмелье, ездил к дяде, объяснялся с ним, убеждал, но получал прежние реплики и привозил императору вымышленные ответы, диаметрально противоположные действительным.

Так прожил Суворов в Петербурге около трех недель; наконец, удучив свободную минуту, он попросил императора отпустить его в деревню на отдых. Павел с неудовольствием ответил, что не может удерживать его против воли, и Суворов, поблагодарив императора, в тот же день выехал из Петербурга.

В конце 1798 г. Суворов, которому было в то время 68 лет, под влиянием разных невзгод и особого душевного настроения написал императору следующее прошение:

«Вашего Императорского Величества всеподданнейше прошу позволить мне отбыть в Нилову новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу...»

Ответа на это прошение не последовало. Вместо монастыря Суворову предстояло еще более прежнего широкое военное поприще. 6 февраля 1799 г. флигель-адъютант Толбухин вручил ему следующее письмо от императора:

«Сейчас я получил, граф Александр Васильевич, о настоятель-

ном желании Венского Двора, чтобы вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и мой корпус Розенберга и Германа идут. Итак, посему и при теперешних европейских обстоятельствах долгом почитаю не от своего только лица, но от лица и других предложить вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезда в Вену».

В полном восторге, чуть не плача от радости, старик целовал царские строчки, побежал в сельскую церковь, велел отслужить молебен и молился усердно, стоя на коленях.

— Час собираться, другой отправляться, — приказывал он своему камердинеру. — Еду с четырьмя товарищами. Приготовь 18 лошадей. Денег взять на дорогу 250 рублей. Егорке бежать к старосте Фомке и сказать, чтоб поверил такую сумму. Еду не на шутку, да ведь я же служил здесь дьячком и пел басом, а теперь еду петь Марсом.

Живо проскакал в своей кибитке старый фельдмаршал и прямо остановился у Зимнего дворца; немедленно же был принят государем, кинулся к его ногам и слезами выражал свою признательность. Павел поднял старика, обнял его — и прошлое было забыто.

Рекою полились милости царя на Суворова; он сам надел на него цепь ордена св. Иоанна Иерусалимского большого креста. При этом Суворов упал на колени и произнес:

— Боже, спаси царя!

— Да спасет Бог тебя для спасения царей, — ответил император.

В конце февраля 1799 г. Суворов выехал из Петербурга; ехал он нескоро вследствие распутицы и нездоровья и делал довольно продолжительные остановки. Первая такая остановка была в Митаве; в замке герцога, где проживал тогда французский король Людовик XVIII. Желających представиться Суворову собралось в приемном зале очень много из высшего общества. Вдруг отворилась дверь, показался Суворов, босой, в одной рубашке, сказал: «Суворов сейчас выйдет» — и скрылся. Через несколько минут он появился снова, но уже в полной парадной форме и сделал прием, после которого пошел пешком по городу, сопровождаемый огромною толпою любопытного народа, зашел на гауптвахту и с большим аппетитом поел вместе с солдатами каши.

Явившись затем к Людовику XVIII, Суворов низко кланялся ему, почти касаясь рукою пола, и поцеловал край его платья. Растроганный до слез король, обнимая его, говорил, что он твердо уверен в его, Суворова, победе, на что тот отвечал упованием на помощь Божию и надеждою увидеться с Людвигом в следующем году во Франции.

14 марта, вечером, Суворов приехал в Вену, остановился в доме русского посольства, где в отведенных для него комнатах не было ни зеркал, ни бронзы и вообще никакой роскоши и была приготовлена постель из сена, а утром поехал к императору. Толпы любопытных образовали шпалеры по всем улицам от посольского дома до дворца. Везде гремели восклицания: «Виват

императору Павлу!», «Виват Суворову!», на что последний отвечал: «Виват императору Францу!» * Более получаса вел Суворов с императором разговор наедине, который остался неизвестным.

24 марта Суворов выехал из Вены к театру военных действий. Он ехал день и ночь, несмотря на дурные дороги и темные ночи. В Штейермаркских горах ночью дормез его упал в реку. Суворов сильно ушибся.

— Ничего, — отвечал он, когда ему изъявляли сожаление, — жаль только, что церковные ноты мои подмокли, боюсь, что не по чем будет петь: «Тебе Бога хвалим!»

В Виченце к нему присоединился генерал-квартирмейстер маркиз Шатлер и, согласно поручению Венского кабинета, стал объяснять Суворову план действий по карте, а Суворов, зажмурив глаза, повторял только: «Штыки, штыки!»

Первая встреча его с войсками произошла в Вероне, она была в высшей степени задушевная и благодаря присутствию множества народа и всевозможным приготовлениям необыкновенно торжественная.

Генералы той и другой армии (русской и австрийской), городские власти и депутаты, явившиеся к нему на прием, услышали от него, что он прислан «выгнать из Италии бездомных, ветреных французов, восстановить тишину, защитить нравы...». Когда же остались одни русские генералы и несколько австрийцев, Суворов попросил Розенберга познакомить его с сослуживцами. И, когда Розенберг представлял всех, называя имя и чин, он стоял навьтяжку, с зажмуренными глазами и, кого не знал, открывал их, и с поклоном говорил:

— Помилуй Бог, не слышал! Познакомимся!

При знакомом же имени обращался ласково, приветливо и особенно тепло отнесся к молодому Милорадовичу:

— А, это Миша! Михайло.

— Я, ваше сиятельство!

— Я знал вас таким (показывая рукою на аршин от пола) и едал у вашего батюшки Андрея пироги. О да, какие были сладкие! Как теперь помню. Помню и вас, Михайло Андреевич! Вы хорошо тогда ездили верхом на палочке. О да, как же вы тогда рубили деревянную саблю! Поцелуемся, Михайло Андреевич! Ты будешь герой! Ура!..

— Генерал-майор, князь Багратион, — проговорил Розенберг.

— Князь Петр! Это ты, Петр! — вскрикнул Суворов. — Помнишь ли ты... под Очаковым!.. с турками!.. в Польше!.. — И с распростертыми объятиями подвинулся к Багратиону, обнял его и расцеловал.

Когда окончилось представление, Суворов быстро проговорил несколько наставлений из своего катехизиса и, немного подумав, сказал Розенбергу:

— Ваше превосходительство, пожалуйста мне два полчка пехоты да два полчка казачков!

— В воле вашего сиятельства все войско, которых прикаже-

* По словам гр. Риобьера, он кричал: «Виват Иосиф», и на замечание спутников, что теперь царствует Франц, отвечал: «Помилуй Бог, не помню!»

те? — отвечал Розенберг, не понявший фельдмаршала. Суворову этот ответ не понравился, равно как и другие его, «несуворовские», ответы, и он начал гневно ходить по комнате и повторять: «Намека, догадка, лживка, лукавка, краткомолвка, краснословка, немогузнайка».

Когда Розенберг и на другой день ответил по-прежнему насчет «двух полчков», вышел вперед Багратион и сказал:

— Мой полк готов, ваше сиятельство!

Фельдмаршал живо обернулся к нему и проговорил:

— Так ты понял меня, князь Петр? Понял!.. Иди! Приготовь и приготовься! Помни! Голова хвоста не ждет, внезапно, как снег на голову.

Сделав смотр войскам в Валеджио, Суворов сказал:

— Шаг хорош — победа! — немедленно направил два корпуса (Багратиона и Края) к г. Бершина. Последний без особого труда был взят, и этот первый успех Суворова произвел сильное впечатление и в Вене, и в Петербурге.

Решившись затем переправиться через быструю Адду, высокие берега которой были укреплены батареями, Суворов сказал:

— Победа, слава и безопасность воинов наших зависят от этого подвига. Медленность наша умножит силы врага нашего; быстрота и внезапность расстроят и поразят его. Широта реки не сузится, высота берегов не понизится. Русский Бог силен! С Ним перелетим полетом богатырским; с Ним победим!!! Ура!

Адда была перейдена, и многочисленные французские войска разбиты наголову.

54

Пожаловав за это дело Суворову бриллиантовый перстень, Павел писал: «Дай Бог Вам здоровья! О многолетии Вашем опять вчера молились в церкви, причем были и все иностранные министры».

На третий день после победы при Адде совершился торжественный въезд Суворова в Милан. День был теплый, ясный, притом праздничный (первый день Пасхи). Народ теснился в улицах; все окна, балконы, даже крыши были усеяны зрителями. Все с нетерпением и любопытством желали видеть «необыкновенного героя».

Когда на другой день фельдмаршал выходил из собора, из народа стали бросать ему под ноги венки и ветви, многие становились на колени и ловили его руки или полу платья. Растроганный Суворов прослезился, благословлял каждого, благодарил, советовал молиться Богу, испрашивая у него спасения.

— Как бы не затуманил меня весь этот фимиам, — говорил он потом, — теперь ведь пора рабочая.

В тот же день у него был назначен парадный обед; когда собрались гости — почетные жители и австрийские генералы, — он начал со всеми христосоваться и даже с пленными французами, заставляя их отвечать: «Воистину воскрес!» Один из тех пленников, генерал Серрюрье, так понравился Суворову, что он тут же во время обеда объявил его свободным, но взял слово не служить в эту кампанию против соперников и, отдавая ему шпагу, сказал:

— Кто так владеет шпагою, как вы, тот не может быть лишен ее.

Серрюрье, пользуясь любезностью фельдмаршала, стал просить освобождения и всего отряда, взятого при Верерно, но получил в ответ:

— Черта эта делает честь вашему сердцу; но вы лучше меня знаете, что народ в революции лютое чудовище, которое должно быть укрощаемо оковами.

Потом, обнадежив генерала, что с пленными будут обходиться хорошо, он произнес двустипные Ломоносова:

*«Великодушный лев злодея низвергает;
Но хищный волк его лежащего терзает».*

— Переведите эти стихи французскому генералу, — сказал Суворов кому-то из близ сидевших и прибавил: — Я читал их наизусть по взятии Варшавы депутатам польским.

В Милане Суворов составил и план дальнейших действий, который привел в удивление Шатлера, спросившего:

— Когда, ваше сиятельство, изволил все это обдумать?

— В деревне, у себя: времени там было много, — отвечал Суворов.

Но этот план был отвергнут, и, по повелению императора Франца, Суворову нужно было идти к Турину, занятому французами.

На другой день жители Турина открыли ворота, Суворов торжественно вступил в город. Между тем французы, засевшие в цитадели, продолжали обстреливать русских и горожан. Ночью своей бомбардировкой они даже угрожали дому, где спал Суворов, и перепуганный этим денщик прибежал к нему с предупреждением.

— Оставь меня, я спать хочу, — ответил фельдмаршал и вернулся к стене.

Когда Суворов сделал распоряжение генералу Кейму поторопиться осадой туринской цитадели, некоторые генералы решились представить ему разные трудности для взятия этой крепости. Но он, страшно рассердившись, закричал:

— Пустое! Аннибал, пройдя Испанию, переправясь через Рону, поразив галлов и прейдя Альпы, взял в три дня Турин. Он будет моим учителем.

Затем сам пошел навстречу французам, которых вел Макдональд, и разбил их на берегах Тидонье исключительно благодаря скорости, с какою пришли передовые корпуса армии, и личному участию фельдмаршала. Он все время разъезжал по фронту и только повторял:

— Вперед, вперед! Коли, руби!

За эту победу последовала новая и более замечательная, при р. Тербии, продолжавшаяся три дня без перерыва, 7, 8 и 9 июня.

В первый день битва окончилась к 11 часам вечера, но Суворов без больших потерь мог поздравить войска с первою победою.

На другой день полк Розенберга был окружен в три раза сильнейшим неприятелем; солдаты его едва могли держаться. Розенберг поскакал к Суворову, а тот, изнеможенный от зноя,

лежал на земле в одной рубашке, прислонившись к огромному камню, и на вопрос Розенберга об отступлении сказал:

— Попробуйте сдвинуть этот камень! Не можете?.. Ну так и русские не могут отступить... Ступайте, помилуй Бог, ступайте, держитесь крепче!.. Бейте! Гоните!..

Вслед за Розенбергом подъехал к Суворову и Багратион.

— Что, Петр, как? — спросил его фельдмаршал.

— Худо, ваше сиятельство! Силы упали; ружья худо стреляют; неприятель силен...

— Помилуй Бог, это не хорошо, князь Петр!.. Лошадь!.. — И вслед за этими словами Суворов быстро сед на коня и понесся к войскам. Подъехав к одному из отступавших батальонов, он стал кричать:

— Заманивайте, ребята, заманивайте... шибче... бегом, — и сам ехал впереди отступавших.

Сделав таким образом сотни две шагов, он командовал «стой» и поворотил батальон вперед против неприятеля; а артиллерии приказал усилить огонь. Солдаты ободрились, тогда Суворов поскакал к другим частям армии, и всюду при его появлении «люди разом оживлялись, пропадала усталость, являлась энергия, ружья стреляли лучше»... Приказав затем ударить в барабаны, он быстро повел всех на неприятеля, и последний, полагая, что это свежие войска, стал отступать.

Третий день бились не менее ожесточенно, и в ночь на 10 июня Макдональд отступил.

Суворов гордился этой победой, одержанной русским штыком, указывал на совпадение ее с той, которую здесь одержал в 218 г. до Р. Х. Ганнибал над римлянами.

Император Павел был в восторге от нее; послав обильные награды войску, он самому Суворову пожаловал свой портрет, оправленный в бриллианты, и писал: «Поздравляю Вас Вашими же словами — слава Богу, слава Вам».

19 июля сдалась Мантуя, считавшаяся одною из сильнейших крепостей в Европе. Возводя за это Суворова в княжеское достоинство с титулом италийского, император Павел писал: «Примите воздаяние за славные подвиги Ваши; да пребудет память их в потомках Ваших к чести их и славе России».

Довольный на первых порах и наградой, и тем, что теперь можно было перейти к наступательным действиям, Суворов вскоре был огорчен предписаниями гофкригсрата и даже решился подать прошение об отставке; но Павел Петрович удержал его и, со своей стороны, предоставил ему полную свободу действий. Пока шли переговоры с Венским кабинетом, про который фельдмаршал писал: «Везде невежественный гофкригсрат, робкий кабинет, неискореняемая привычка быть битым, унтеркунфт, бештимтзаген»... французы успели значительно усилиться, и новый главнокомандующий, Жубер, остановился близ г. Нови с большим войском.

Здесь произошла одна из упорнейших и кровопролитных битв. Суворов, подобно тому как при Терби, в течение всего дня (4 августа) разезжал между солдатами, ободрял их, летел первым

в огонь и действительно успел уничтожить значительную часть французской армии.

Впечатление от этой победы повсюду было потрясающее. Директория французская была так напугана Суворовым, что даже решилась объявить награду в два миллиона ливров тому, кто доставит его голову. Узнав об этом, фельдмаршал велел призвать себе пленного француза и, отпуская его домой, сказал:

— Желая тебе счастливого пути домой, но прежде всего объяви от меня директории: сумма, за голову мою назначенная, велика; да у вас и денег столько нет. Скажи еще директории: я постараюсь сам принести к ним голову мою вместе с руками.

Но эти попытки со стороны директории лишить жизни Суворова не окончились. В доме одного маркиза ему поднесли блюдо с каким-то кушаньем. Суворов быстро взглянул на принесшего, тот побледнел, затрясся и немедленно же ушел.

Где-то на обеде ему поднесли мороженое, но Суворов, посмотрев на принесшего, сказал:

— Это нас не удивит: мы из земли мороженой, но с теплыми сердцами.

Мороженое тотчас же было унесено.

После новийского сражения Суворов мечтал о наступательном движении в Генуэзскую Ривьеру, но вместо того возникшие недоразумения с Венским кабинетом заставили его просидеть в бездействии в г. Асти три недели.

Из Асти Суворову против его воли, но по предписанию императора Франца, с которым согласился и Павел Петрович, приходилось идти в Швейцарию на соединение с Римским-Корсаковым, только что вероломно покинутым эрц-герцогом Карлом, стоявшим во главе многочисленной австрийской армии.

— Выдавая из меня сок, нужный для Италии, бросают меня за Альпы, — говорил фельдмаршал в минуты негодования и скорби. — Уже с неделю я в горячке больше от яду венской политики... Сия сова (то есть Тугут, первый министр и правая рука австрийского императора) не с ума ли сошла, или того никогда не имела.

После взятия с превеликим трудом считавшегося неприступным Сен-Готардского перевала Суворову предстояло разгрызть еще один орешек — овладеть Чертовым мостом в узком ущелье реки Рейс, предварительно исправив его. Мост этот возвышался на 75 футов над водой; будучи длиною около 30 шагов, он состоял из двух каменных арок. С моста дорога делала крутой поворот, продолжая извиваться лентой по ущелью. Если бы оборона его республиканцами не была слаба, атакующим пришлось бы очень плохо; но, к счастью, через два или три часа русские были уже на той стороне и спустились в Муттенскую долину, потеряв немало людей и лошадей при переходе через опасный Росштокский хребет.

Скоре пришло известие о полном разгроме армий Римского-Корсакова и Готце. Суворов таким образом оставался один с небольшой армией, не имевшей ни продовольствия, ни обуви, ни патронов, против многочисленных неприятельских войск, к тому

же предводимых опытным Массеной. Глубоко озабоченный фельдмаршал созвал военный совет. Первым явился князь Багратион и увидал Суворова в полном фельдмаршальском мундире, сильно встревоженным, быстро расхаживавшим по комнате, ничего и никого не замечавшим.

Вскоре прибыли великий князь, генералы и полковники; Суворов, встретив их поклоном, остановился, закрыл глаза и задумался. Но не прошло и минуты, как он «точно молнией» подарил всех взглядом и с воодушевлением, энергично заговорил:

— Корсаков разбит и прогнан за Цюрих! Готце пропал без вести, корпус его рассеян. Прочие австрийские войска, шедшие для соединения с нами, опрокинуты и прогнаны. Итак, весь операционный план для изгнания французов из Швейцарии исчез, и, быстро объяснив безвыходное положение армии, он сравнил свое положение с положением Петра I при Пруте... и закончил так: — Помощи теперь нам ожидать не от кого; одна надежда на Бога; другая на величайшую храбрость и на высочайшее самоотвержение войск, вами предводимых...

После совещания о плане предстоящих действий решено было на другой день пробиться через неприятельские войска к Гларсу; но это стоило невероятных усилий в течение двух дней. Наконец неутомимый старец-герой привел уцелевшие войска в Гларис, а оттуда в Вельдкирх; здесь и закончилась Швейцарская кампания Суворова.

Пожаловав Суворову звание генералиссимуса, император писал ему: «Всюду и всегда побеждали Вы врагов, и Вам не доставало одной славы — победить природу. Ставя Вас на высшую степень почестей, уверен, что возвожу на нее первого полководца нашего и всех веков».

В Линду Суворов получил приказ императора вернуться в Россию. К удивлению всех, он оказался веселым, несмотря на незаконченную кампанию, и немедленно же выступил в поход, делая значительные остановки.

Высоко чтивший Суворова курфюрст саксонский прислал к нему своего живописца, знаменитого Шмидта, для снятия портрета, который должен был украшать Дрезденский музей. Узнав об этом, Суворов сказал своему секретарю:

— Зачем изволит беспокоиться его светлость, откажи ему и скажи, что я мальчишка.

Пораженный этими словами, последний воскликнул:

— Судить, кто вы, не ваше дело, предоставьте это Европе. Ужели вы заставите художника сказать вам, что сказано было Монтескье, отказавшемуся также от портрета: разве в отказе этом менее гордости?

Суворов запрыгал, поставил посередине комнаты стул и велел ввести живописца. Едва только показался в дверях убеленный сединами маститый старец, как Суворов тотчас обнял его и поцеловал, затем, отскочив от него, сказал по-немецки следующую речь:

— Его светлость курфюрст желает иметь мой портрет. Ваша кисть изобразит черты лица моего: они видны, но внутреннее человечество мое сокрыто. Итак, скажу вам, любезный господин

Шмидт, что я проливал кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближнего, во всю мою жизнь никого не сделал несчастным; ни одного приговора на смертную казнь не подписал; ни одно насекомое не погибло от моей руки. Был мал, был велик (и при этом вскочил на стул); при приливе и отливе счастья уповал на Бога и был непоколебим (тут он сел на стул), как и теперь.

Шмидт тотчас же, любуясь на неподвижно сидевшего Суворова, взялся за кисть.

Окончив работу, художник показал портрет Суворову, но он, едва взглянув на него, сказал:

— Полезны ли были вам мои психологические рассуждения о самих себе?

— Очень, — отвечал тот, — для начертания характеров пригодно все, даже мелочи... Я не Рубенс, но он бы в первый раз позавидовал моему счастью!

По дороге в Россию Суворов захворал: в Кобрине лихорадка, или называемая им «огневица», усилилась; императором был прислан лейб-медик Вейкерт, который потребовал немедленного отправления на теплые воды, но Суворов на это сказал:

— Помилуй Бог, что тебе вздумалось? Посылай туда здоровых богачей, прихрамывающих игроков, интригантов... Там пусть они купаются в грязи, а я истинно болен. Мне нужна молитва, деревенская изба, баня, кашница и квас...

Как ни старался Вейкерт, фельдмаршал не принимал его лекарств и советов, а слушался больше своего фельдшера Наума.

Наконец состояние его здоровья улучшилось, и поезд его тронулся из Кобрина; но на дальнейшем пути Суворову пришлось захворать еще сильнее... от незаслуженного нравственного потрясения. Вместо торжественной встречи со всеми войсками и покоев в Зимнем дворце старого фельдмаршала ждала в Петербурге новая опала — император по неизвестной причине вдруг и круто переменялся к нему; Суворов должен был остановиться в отдаленном доме Хвостова, в котором он пролежал более двух недель, совершенно больной и часто в полном забытьи.

За несколько дней до смерти Суворова Павел I прислал узнать о состоянии здоровья фельдмаршала графа Кутайсова. Когда Суворову доложили о прибытии графа, он сказал: «Просите». Кутайсов подошел к постели больного в красном мальтийском мундире, с голубою лентою через плечо.

— Кто вы, сударь? — спросил у него Суворов.

— Граф Кутайсов.

— Граф Кутайсов? Кутайсов? Не слышал. Есть граф Панин, граф Воронцов, граф Строганов, а о графе Кутайсове я не слышал. Да что вы такое по службе?

— Обер-шталмейстер.

— Прежде чем были?

— Обер-егермейстером.

— А прежде?

Кутайсов запнулся.

— Да говорите же!

— Камердинером.

— То есть вы чесали и брили своего господина.

— То... точно так-с.

— Прощка! — закричал Суворов, — поди сюда, вот посмотри на этого господина в красном мундире с голубою лентою. Он был такой же холоп, как и ты, да он турка, так он не пьяница. Вот видишь, куда залетел! И к Суворову его посылают. А ты вечно пьян, и толку из тебя не будет. Возьми с него пример, и ты будешь большим барином.

Кутайсов доложил государю, что Суворов в беспамятстве и без умолку бредит.

6 мая 1800 г. Суворова не стало. Император, узнав об этом, задумался и тихо произнес: «Вот еще один герой, заплативший дань природе!» — и велел отдать почести бранным останкам Суворова, но не как генералиссимуса, а как фельдмаршала.

Зато народ спешил отдать последний долг великому человеку; по всем улицам, прилегавшим к похоронному шествию, «не было ни проезду, ни проходу»... «Печаль и уныние выражались на всех лицах».

В числе поджидавших печальную процессию был и государь, стоявший с небольшой свитой на углу Невского и Садовой; по приближении гроба он снял шляпу и по примеру зарывавшего навзрыд генерал-майора Зайцева, стоявшего за его спиной, прослезился и весь тот день был невесел, не спал всю ночь и только повторял: «Жаль».

КОНКУРС

ДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

ОЛЕГ ЕВГРАФОВ
ОКСАНА КИРИЛЛОВА
СЕРГЕЙ СМИРНОВ
АЛЕКСАНДР ИВАНОВ
МАРИЯ СМИРНОВА

АЛЕКСАНДР РЯЗАНОВ
ТАТЬЯНА КАРГАЛОВА
ВИТАЛИЙ ГОЛУБЕВ
МИЛЕНА БОГДАНОВА
ВИТАЛИЙ РОЗЕНБЕРГ

ОЛЕГ ЕВГРАФОВ,

28 лет, программист,
Москва

—
*Что-то было вчера
Что-то завтра
покажется в полдень*

*Слишком много ответов
Но вопросов
не помнит никто*

*И большая жара
Раздевает людей по погоде
Слишком буйное лето
Разгулялось в подвалах метро*

*Только ситец и шелк
Драпируют аляпистым фоном
Раскаленный асфальт
Где, как ангел,*

*истома парит
Дождь почти подошел
Но его задавило вагоном
И как содранный скальп
Солнце в выжженном небе
болит...*

ОКСАНА КИРИЛЛОВА,

26 лет, лаборант,
Днестровск (Молдова)

Потайную открою дверь —
Пять ступенек вниз позовут.
Я войду, как в пещеру зверь —
Там ступени годами зовут.
Я спущусь по ступеням тем,
Что ни шаг — моложе на год —
И увижу высокую тень
Человека, который ждет.
Обернулся: утробный смех,
Дикий взгляд на дверной проем...
Почему по ступеням вверх
Мы с тобой не ушли вдвоем?

СЕРГЕЙ СМИРНОВ,

27 лет, журналист,
Кингисепп

ИЮЛЬСКИЙ ГОРОД. ЗАСУХА

С утра высокой температурил,
был раздражителен и слаб.
Дождя целебная микстура его спасла б.
Но, как назло, с небес ни капли,
а в небесах, как на беду,
одни лишь только дирижабли
плывут в горячечном бреду.

Светило плавится в стакане,
и в зыбком мареве звезды
в каком-то бешеном канкане
несутся голые сады.

Звенят трамваи и цикады,
ветра вершат свои дела —
метут сухими языками
перспектов сонные тела.

Ворчат врачи и фармацевты
над грудой мазей и пилюль,
их бестолковые рецепты
развевал по ветру июль.

А где-то там, за горизонтом,
готовя громовой удар,
гроза раскрыла синий зонтик

как Божий дар!

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ,

18 лет, студент,
Пермь

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ АНГЕЛ

*Электрический ангел летит над погибшей планетой.
Электрический ангел рождает смятение в душе.
Освещая пространство холодным*

искусственным светом,

*Он внимает словам из затертых газетных клише.
Электрический ангел корректен, бездушен и краток,
И холодная сталь мчит его, как пургу февраля.
Но за райские сны он берет сатанинскую плату...
Он летит, и под ним, словно сон, проплывает земля.*

МАРИЯ СМИРНОВА,

18 лет, секретарь,
Москва

*Я душой встревоженной
Не смогу понять —
Что как боль подкожная
Мне родная мать!*

*Я себе — виновной —
Не смогу простить
За чертою ровной
Порванную нить.*

*Словно два характера:
Солнце и луна!
Всю любовь для матери
Выплесну до дна.*

АЛЕКСАНДР РЯЗАНОВ,

30 лет, слесарь-сборщик,
Северодвинск

*Смотрю в твои глаза.
В них что-то есть:
Усталое, как перекур рабочих,
Игривое, как ласки белой ночи,
Кричащее,
как радостная весть.*

*Но не хотел бы твой увидеть взор
Обидой опаленным и потухшим;*

Холодным,
безразлично равнодушным,
Как вымытый казенный коридор.

ТАТЬЯНА КАРГАЛОВА,

27 лет, сотрудница музея,
Казань

Пусть все возвратится на круги свои,
но возможно,
Что ныне распался времен исторический том.
Вот дымом пахнуло из века иного тревожно.
Снежинки с гравюры
мелькают теперь за окном.

Мазстро незримый играет отчаянно нежно.
Метели бушуют в лучах кружевных фонарей.
Не знаю, в столетье каком,
но дорогою снежной
Спешит человек, и его кто-то ждет у дверей.

ВИТАЛИЙ ГОЛУБЕВ,

16 лет, учащийся,
Ровно

Никого уже нет. Корабли не вернулись из моря.
Черствый хлеб мерзлоты в том краю,
где сосна до звезды.
И пьянит, и дурманит голодная дерзкая волн,
Только тень на остывшей земле от воды
до воды.

Мне не хочется верить, что мы —
нелюбимые дети
На распятой земле, где от слез солонют моря,
Страшен тот, кто за палку берется,
изведавший плети,
Чтобы лопнула в небе струна золотая моя,
Чтобы в плаче зашлась на дороге разбитая лира,
И бумажный кораблик поплыл по студеной реке...
Ничего, ничего не хочу, только хлеба и мира
И сосновое небо, чтоб стыла звезда вдалеке.

МИЛЕНА БОГДАНОВА,

24 года, врач,
Москва

Рассветная сырость... Туманный шелк.
И запах древесной коры... Излом,

*Срисованный угольным карандашом
С рисунка ветвей. Одинокий дом*

*Чуть виден в тумане. Из бездны глыб,
Деревьев, камней, очертаний скал
Звезда улетает в созвездье Рыб —
Наверное, та, что всю жизнь искал...*

*Наверное, так улетят миры,
А ты в неизвестности, как дурак,
Все шаршишь в кармане вокруг дыры
И пальцами ловишь сырой табак...*

*И кажется — август совсем промок,
И слезы покажутся наяву...
Земля ухлывает куда-то вбок,
Под ноги успеет подстелить траву...*

ВИТАЛИЙ РОЗЕНБЕРГ,

26 лет, дворник,
Таллинн

В ПРОДОЛЖЕНИЕ И. БРОДСКОГО

*Как только соотечественник может
постичь очарованье этих строк,
так я обзираю потолок
в подъезде, но меня тревожит,
что европейским боизам не дано
по скучной схеме лаковых привычек
понять идею авангарда спичек,
на штукатурке слипшихся в панно.*

ЭНРИКО КАРУЗО

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

*Я посвятила эту книгу
памяти его матери, поскольку
Энрико ее очень любил.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мой рассказ начинается не в хронологической последовательности. Я выбрала такой момент жизни, когда могу оглянуться назад и заглянуть вперед, как если бы стояла в дверном проеме между двумя знакомыми комнатами. Это история двух жизней, слившихся в одну, и об этой жизни я и пишу.

Для меня письма Энрико являются такой же значимой частью книги, как и та, что написала я сама. В них полно орфографических ошибок, они трогательны, полны юмора, грусти и мудрости возраста. Иногда это почти библейские тексты.

Мне было двадцать пять лет, когда я вышла замуж за Энрико, и двадцать восемь, когда он умер. Когда я пишу о нас, мне снова двадцать пять, и я вновь проживаю эту прекрасную и трагическую жизнь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Жарким пыльным августом мы целый день ехали от Флоренции до Генуи. Один раз остановились в тени розового дома с нежными фресками и съели арбуз. Энрико, родившийся в Неаполе и любивший итальянское лето, выглядел так, словно не ощущал жары. Он сочувственно улыбнулся, посмотрев на мое страдающее распаренное лицо, и сказал, что до заката мы уже будем в аэропорту, где сможем отдохнуть в прохладе.

На следующий день мы плыли в Америку, поскольку уже

нельзя было оставаться на нашей вилле в Тоскании. Хотя война почти год как кончилась, в Италии летом 1919 года было неспокойно. После серии стачек и голодовок страна ополчилась против правительства, и теперь периодически вспыхивали революции, не дававшие никакого результата. Через год эта ситуация вылилась в марш до Рима. Волнения охватили даже Сигну, маленький городок, где мы жили, находящийся в сорока милях от Флоренции и до войны славившийся редким трудолюбием обитателей. Мужчины работали допоздна, возделывая виноградники для приготовления прославленного вина «Кьянти», а женщин и девушек нельзя было встретить без пучка соломы под мышкой. Они плели знаменитые во всем мире шляпки из итальянской соломки. И теперь шестьсот таких крестьян, злых и голодных, заявили на нашу виллу, повалили чугунные ворота и потребовали у нас зерно, вино и оливковое масло из погреба. Энрико попросил их предводителя предъявить разрешение на обыск от начальства. «Мы сами начальство», — заявили они. Он не стал спорить, а просто сказал, что будет рад, если нам оставят одну машину и еды на десять дней. Они увезли масло, вино и зерно на тележках, размахивая красными флагами, и все это продали голодным людям. Позднее прислали нам деньги — жалкие медяки — с извиняющейся запиской.

68 Благодаря уверенности и присутствию духа Энрико, я никогда не боялась нашей местной революции. За две недели до этого стала свидетельницей еще одного примера его спокойствия при встрече с катастрофой. В полночь свирепые сторожевые собаки, охранявшие нашу виллу, начали рваться с цепи и выть по-волчьи. Через десять минут моя кровать заходила ходуном. Я включила свет и увидела, что стены покосились. Энрико из соседней комнаты спокойно произнес: «Иди сюда, Доро, встань в дверях, здесь толстые стены. Это землетрясение». Мы стояли рядом в полном молчании и слышали, как во всем доме падали на пол вещи. Его сила передалась мне, и я приняла его поддержку без лишних слов. Слова нам никогда не требовались. Мы понимали друг друга без них.

За землетрясением последовал страшный ливень. Во Флоренции рухнули целые кварталы домов, но наша вилла не пострадала, разбились только окна и двери. На следующее утро под деревом кипариса в парке мы нашли мягкий ковер из маленьких мертвых певчих птичек, сбитых с веток грозой.

Наше лето в Сигне оказалось столь беспокойным, что мы совершенно не сожалели о неожиданном отъезде, хотя я и любила виллу Беллосгардо. Ее построили в пятнадцатом веке на вершине холма в парке, украшенном статуями, прудами, искусственными садиками и длинными аллеями старых кипарисов. Аллеи вели к балюстраде бельведеров, и с каждого открывался прелестный вид на Тосканию. Из-за обширности поместья у нас поблизости не было соседей, и внешний мир давал о себе знать лишь сонным звуком старого монастырского колокола. Монастырь находился в пяти милях от нашей земли.

Энрико взял на себя все расходы по содержанию поместья

и отдал фермерам половину земли в обмен на их труд. Везжая из Сигны, оставлял виллу на попечение Мартино, своего старого слуги, работавшего у него в течение двадцати двух лет и только недавно ставшего мажордомом. Для Мартино главным в жизни было только удобство и счастье его идола.

Все лето Энрико разучивал «Еврейку»^{*} и множество новых песен. Акомпаниатор каждое утро приезжал из Флоренции, и они в течение трех часов работали в музыкальной комнате. Вечером Энрико развлекался тем, что делал декорации для огромного кукольного театра, для чего купил на выставке в Париже пятьсот или шестьсот кукол. Им более двухсот лет, а их костюмы сшиты фрейлинами королевы Неаполя еще в то время, когда существовали Королевство Неаполь и две Сицилии. Сцену соорудили в комнате, примыкающей к часовне, она составляла двадцать футов в длину и возвышалась на два фута над полом. Я не могла находиться в этой комнате подолгу, мне становилось плохо: он работал с горячим рыбным клеем, и даже при открытых дверях и окнах стояла страшная вонь.

Я часто чувствовала себя одиноко в Сигне, хотя никогда не бывала одна. С нами жили еще двадцать человек: несколько гостей, а остальные — родственники. Поначалу я не могла различить, кто есть кто, поскольку не говорила по-итальянски, а они не знали английского. С нами жили сыновья Энрико — Фофо и Мими — мисс Саер, гувернантка Мими, воспитывавшая мальчика. Она обожала его, а Энрико так боялась, что обращалась к нему только шепотом.

Я догадалась, что Джованни — брат Энрико, потому что он выглядел как карикатура на него. По характеру они совершенно не походили; там, где Энрико был добр и открыт, Джованни — фальшив и замкнут. Меня он ненавидел, но тщательно скрывал свои чувства, особенно когда Энрико находился рядом.

Донна Мария, их мачеха, — очень религиозная дама семидесяти пяти лет с красивыми седыми волосами. Она говорила на своем национальном диалекте с таким сильным акцентом, что даже Энрико с трудом ее понимал. Она боготворила его и ненавидела Джованни. Однажды они с ним поссорились, и Джованни так вскипел, что сорвал с нее соломенную шляпу и откусил от поляй большой кусок.

Фофо, старшему сыну Энрико, двадцать четыре года, он служил в армии и все еще носил форму. Блондин маленького роста, болезненно-худенький, слабый и угрюмый, за столом он часто разражался горькими рыданиями. Мими, напротив, — крупный, толстый четырнадцатилетний мальчик в белом матросском костюмчике; при нем всегда находилась гувернантка. У него уже ломался голос, пробивались усики, а ноги покрывали густые волосы. Ему не разрешалось играть с другими детьми, и он провел большую часть своих детских лет в Англии с мисс Саер.

В католической Италии дети, рожденные вне брака, имеют легальный статус при условии признания их отцом. То, что мальчики — незаконнорожденные дети Энрико, а их мать живет

* В российских театрах спектакль шел под названием «Дочь кардинала».

в Южной Америке, никогда меня не беспокоило. Самое большое доказательство доверия ко мне Энрико — его просьба (вскоре после нашей свадьбы) пойти в банк и отправить матери мальчиков ежемесячное содержание.

Я так и не смогла понять, кто же остальные люди — знакомые и незнакомые, — живущие вместе с нами в Сигне, считая это само собой разумеющимся, поскольку Энрико — глава семьи. Я никогда не спрашивала, нравится ли ему, что они находятся при нем, или нет, потому как никогда не задавала ненужных вопросов. Все мы ели в банкетном зале, большой и внушительной комнате. Родственники проглатывали горы спагетти и рыбы, пили из маленьких чашечек прозрачный бульон и ели куриное белое мясо. Я всегда сидела рядом с Энрико. Даже когда мы обедали в Нью-Йорке у знакомых, он спрашивал хозяйку, можно ли нам сесть рядом. «Иначе, дорогая мадам, — говорил он обычно, — мы не придем. Видите ли, я женился на Доро, чтобы быть рядом с ней».

Дворецкий Энрико Марио обслуживал на вилле только нас, остальные слуги обслуживали родственников. Мне нравился Марио. Семнадцать лет назад он работал грузчиком на вокзале. Энрико понравилось, как Марио донес его багаж, и он немедленно предложил ему работу. С тех пор они по всему миру разъезжали вместе. В начале лета Марио признался мне, что уже девять лет помолвлен с Брюнеттой, но сеньор не разрешает им жениться. Он умолял поговорить с ним, «потому что теперь сеньор так счастлив со своей женой». Я выполнила его просьбу. «Нет, — нахмурился Энрико, — человек не может служить двум господам. Жена моего дворецкого станет главой дома, а дворецкого у меня не будет». Через некоторое время я вновь вернулась к нашему разговору, и он смягчился: «Марио может выехать за три дня до нас, если хочет жениться. Тогда они с женой присоединятся к нам на корабле. Но я не желаю ни видеть ее, ни слышать о ней. В Америке за нее отвечаешь ты. — Отвернувшись, добавил: — И запомни: никаких детей».

Машина скользила вниз по бульжным улочкам Генуи, затем по ширсу, забитому высокими коробками со спагетти и канистрами с оливковым маслом. Марио ждал нас у доков и открыл дверь автомобиля. «Спасибо, сеньора, — прошептал он. — Брюнетта прячется в каюте».

«Данте» — маленькое судно, без претензий, но у нас были капитанские каюты и собственная палуба. Во время путешествия я не видела никого, кроме Энрико, моей горничной Энричетти, Марио и Мими.

Я пыталась привести мысли в порядок — столько всего произошло со мной за короткое время. Еще год назад я была в доме отца, где жила с тех пор, как покинула Монастырь Святого Сердца. Он был вдовцом с тремя детьми, когда женился на моей молодой матери. Вначале у них родился мой брат, их первенец. Через шестнадцать месяцев, родив меня, мама заболела, и я не помню, чтобы в детстве видела своих родителей часто, только за ужином и по вечерам, когда они желали мне спокойной ночи.

Мое детство прошло с братом и няней, присматривавшей за нами, пока мы не выросли настолько, чтобы пойти в школу. За эти годы я узнала, что отец закончил Военно-Морскую Академию Соединенных Штатов, служил под командованием адмирала Фаррагута во время Гражданской войны и демобилизовался, едва ему исполнилось двадцать. Затем он работал редактором в «Сайентифик Американ», а через несколько лет начал изучать право. Он стал блестящим юристом, авторитетом в делах флота, автором серьезных книг по электричеству и хорошим художником-любителем.

После свадьбы отец с матерью устраивали пышные обеды для друзей. Хотя в то время я была слишком мала, я помню множество знаменитых имен: адмирал Дьюви, адмирал Фиск, адмирал Сайбери, удивительный Штейнмец и профессор Пулин, великий физик и изобретатель, родившийся на ферме в Сербии. Он построил точно такую же ферму в Норфолке, штате Коннектикут, а однажды летом отец снял для нас дом по соседству. Профессор любил детей, я проводила с ним много часов и, гуляя по полям, слушала всякие истории о его родине. На ферме он выращивал скот и как-то, облокотившись о забор и любуясь на свое стадо, сказал мне: «Посмотри на этих животных и не забывай, что еще ни один, даже самый великий, ученый так и не научился превращать траву в молоко».

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, мама стала инвалидом и не могла больше жить в Нью-Йорке: врачи порекомендовали ей уехать в сельскую местность, подальше от всех нас. Брата отправили в закрытую школу, а меня — в Монастырь Святых Сердец. Я пробыла там четыре года, а потом решили, что я должна жить с отцом и вести хозяйство — к тому времени обе мои сестры по отцу вышли замуж, и он жил один. Годы беспокойства о моей матери и ответственность за пятерых детей, видимо, сломили его, поскольку в нем не осталось ничего от того общительного, веселого и доброго человека, о котором часто рассказывала сестра.

Из монастырской жизни, лишённой событий и проблем, я вошла в дом, где царили напряжение и тирания. Должно быть, для отца мучительно было передать свой налаженный дом в мои неопытные руки, а мысли молодой девушки не могли хоть сколько-нибудь заинтересовать человека с его знаниями и талантами. И все же если б он меня любил, то мог бы примириться со мной. Но, к несчастью, я ему даже не нравилась, и его раздражение было нескрываемым и неконтролируемым. Не могу объяснить его неприязнь ко мне, разве что, я вызывала у него просто скуку. У него оказался вспыльчивый характер, и вскоре я поняла, что он безрассудный, буйный и эгоистичный человек, вызывающий во мне ужас. Презирая людей обыкновенных, отец не позволял никому из моих друзей приходить к нам. Со своими друзьями встречался только в Университетском Клубе и никогда не приглашал их домой обедать. Когда возвращался с работы, звук поворачиваемого в замке ключа заставлял мое сердце колотиться. Из прихожей он грозным рыком возвещал о своих желаниях — бифштекс на ужин, и если вместо бифштекса гото-

вили баранину, взбегал по ступенькам, выкрикивая в мой адрес обвинения, что я нарочно морю его голодом. Всякий раз, как я заболела, раздражался яростным сарказмом. Орал на меня, когда президент Вильсон не соглашался с его мнением, обвинял в ошибках слуг и сердито взирал через обеденный стол. Поскольку отец никогда не проявлял ни интереса, ни гордости по поводу моей внешности, то позволял мне лишь самый скромный гардероб, и с такой неохотой, что в конце концов я научилась никогда не просить того, без чего могла обходиться. Каждый вечер я сидела с ним в библиотеке, настолько напуганная, что не могла произнести ни слова, и боялась, как бы молчание не вызвало у него очередной приступ ярости.

Через год отец уже не мог выносить моего дрожащего присутствия и пригласил гувернантку моей двоюродной сестры мисс Б. поселиться у нас. Эта тридцатилетняя итальянка прекрасно пела. Хотя отец и заявил, что она будет моей подругой, вскоре я поняла, что ей отведена другая роль — развлекать его. Он с восторгом слушал ее пение, а она — его игру на пианоле. Он делал для нее все, и поскольку оба любили музыку, часто вывозил ее в оперу и на концерты. Меня, конечно же, с собой никогда не брали.

Мисс Б. имела влияние на отца, успокаивала, спорила с ним. Совершенно его не боялась, потому и нравилась. Постепенно она заинтересовала его Италией, своей семьей, своими друзьями. Приглашала знакомых на обед, и отец был с ними дружелюбен. Меня они игнорировали, хотя я и сидела за столом на месте матери, но чувствовала себя ненужной, одинокой и глупой.

72 Так прошло шесть лет, и вот однажды мисс Б. сказала: «Я иду на крестины. Мои друзья попросили меня одолжить им ложки. Ты позволишь взять твои?» Я ответила: «Ну, разумеется». У меня было двенадцать чайных ложечек, принадлежавших моей бабушке, — мое единственное сокровище. «Отец младенца — знаменитый учитель пения, — продолжала она, — И Карузо будет крестным отцом. Ты можешь пойти на вечер, если хочешь». Я приняла предложение с благодарностью и начала ломать голову над тем, какое из двух платьев надеть: темносинее из саржи или голубое из шелка. Остановилась на шелковом голубом и широкополой ярко-красной шляпе.

Я пришла прежде, чем гости вернулись из церкви. В доме приятно пахло свечами и пирогами. Нанятые официанты разговаривали шепотом, а я одиноко стояла на верхней ступеньке лестницы. И вот открылась входная дверь, и я услышала радостный смех и итальянскую речь. Вошел мужчина в пальто с большим меховым воротником и начал подниматься по ступенькам. Это был Карузо. На полпути остановился и посмотрел на меня. В это мгновение я поняла, что выйду за него замуж.

Мисс Б. представила нас друг другу в своей обычной шумной манере, по-итальянски. Карузо тихо ответил по-английски. Я догадалась, что она приглашает его на обед. Он подождал, пока она закончит говорить, и обратился ко мне: «Ведь это в доме вашего отца, синьорина?» Мне удалось выдать: «Да, мистер Карузо».

В тот день мисс Б. провела на кухне несколько часов, готовя соусы и неаполитанские пирожки. Прибыл Карузо в широком плаще, переброшенном через плечо, и в огромной синей фетровой шляпе. На нем были дымчато-голубой костюм с бархатными лацканами, шелковая кремовая рубашка, виндзорский летящий галстук, белые носки и черные лакированные туфли. (Позднее он признался: «Я надел его, чтобы ты меня запомнила».)

За обедом он не обращал на меня особого внимания, а разговаривал в основном с отцом и только по-английски. Через несколько дней прислал нам три билета, чтобы мы послушали его в «Аиде».

С тех пор он часто приходил к нам обедать. Мисс Б. и отец без умолку болтали о музыке. Энрико слушал. Он продолжал присылать нам билеты в оперу, иногда брал нас с мисс Б. покататься в автомобиле. Она поясняла: меня приглашают только потому, что в его стране не принято, чтобы незамужняя женщина отправлялась кататься с мужчиной одна. Он сидел между нами и рассказывал всякие истории из своей жизни — всегда по-английски. Она слушала с понимающей улыбкой, от которой меня тошнило.

Через три месяца после того, как мы познакомились с Энрико, как-то февральским вечером я собиралась на обед к друзьям, и он предложил подвезти меня. Помог мне сесть в машину, протянул шоферу адрес и, усаживаясь рядом со мной, сказал: «Ну, а теперь, Доро, скажи, когда мы сможем пожениться?»

В те месяцы, когда Энрико приходил в наш дом, отец часто недоумевал: «Не понимаю, почему Карузо нравится бывать здесь — он явно не влюблен в мисс Б., а с тобой обращается как с ребенком». Ему не приходило в голову, что я нравлюсь Энрико.

И вот Карузо пришел официально просить у отца моей руки. Я дрожала от страха. Прислушивалась к их разговору, стоя у камина, соединяющего мою комнату с библиотекой. После того, как они обменялись приветствиями, услышала голос отца: «Хорошо, хорошо, хорошо». Думаю, он так сильно удивился, что не смог ответить «нет».

С этого момента отношение ко мне мисс Б. резко изменилось. Оказывается, она была влюблена в Карузо и клялась, что найдет средство расстроить наш брак.

Мы снимали на лето дом в Спринг Лейк, и Энрико часто приезжал к нам на выходные. Именно там я учила его, как правильно произносить слова арии по рукописи, присланной ему Джорджем М. Коханом.

Когда мы находились все вместе, мисс Б. держалась приветливо, но, оставаясь со мной наедине, повторяла угрозу. И в августе я почувствовала в отце перемену. Он перестал со мной разговаривать и устраивал продолжительные совещания с мисс Б. в библиотеке. Через неделю он объявил: «Я решил, ты можешь выйти замуж за Карузо, но он должен выдать тебе полмиллиона долларов наличными».

Мне сразу стал понятен их план. Отец не нуждался в деньгах, у него их было много. Видимо, мисс Б. заявила, что не останется

в доме, если я выйду замуж, потому что пострадает ее репутация. Тогда отец начал искать повод забрать назад согласие.

Это было ужасно. Я никогда не осмелюсь попросить у Энрико полмиллиона долларов, а если решусь на такое, то он сам не захочет на мне жениться.

Рано утром я позвонила Энрико и сказала, что сегодня же выйду за него замуж.

Мои приготовления к свадьбе оказались весьма незатейливыми. Просто попросила подругу позволить записать на ее счет стоимость платья и шляпы. Сатиновое синее платье с длинной бахромой и маленькая шляпка с перьями — таков мой подвенечный наряд.

Мы обвенчались в церкви на Мэдисон авеню.

Вскоре отец, не поставив в известность ни мою мать, ни кого-нибудь из своих детей, удочерил мисс Б., удовлетворив таким образом ее желание соблюсти приличия и остаться в его доме. Я никогда больше не видела их. Всех нас он лишил наследства, а после смерти мамы оставил все состояние мисс Б.

Эти события произошли больше года назад. Я стала женой величайшего в мире певца и уже ждала ребенка. Когда я сообщила об этом Энрико, он ответил: «Что посылает Господь, то мы должны беречь».

Контраст между моей жизнью у отца и жизнью с Энрико подобен взлету с земли в стратосферу. Поскольку в доме отца я привыкла к жесткой дисциплине, то подсознательно ждала, что и Энрико будет обращаться со мной так же. Но через две недели после свадьбы поняла, каким будет мой новый мир.

74 Как-то жарким вечером я наполнила ванну. Пришел Энрико, и я поспешила к нему в студию. Он протянул мне маленькую золотую коробочку. Там находилась моя первая в жизни чековая книжка, на первом листе стояла цифра пять тысяч долларов. По своей чудовищной неопытности я не знала, как принимают такие подарки, и сказала так же, как говорила отцу, если он давал мне доллар: «Спасибо, я постараюсь быть экономной и не тратить деньги сколько смогу». Энрико возразил: «Но, Доро, это тебе, чтобы ты порадовалась». Едва понимая, что произошло, я отправилась в свою комнату как оглушенная. Проходя через гостиную, увидела: из-под двери спальни течет вода. Я ужаснулась. Моя комната напоминала озеро, а ванная — Ниагару. Я бросилась выключать воду, затем в страхе посмотрела на причиненный ущерб. Из-за моей легкомысленности не только испорчен дорогой ковер, но и затоплены комнаты внизу. Ну, конечно, он теперь все у меня отберет, будет в гневе и несколько недель не станет со мной разговаривать. Я села, опустив ноги в воду, и разрыдалась. Вошел Энрико. С минуту он смотрел, как я горюю, затем прошлепал по воде через всю комнату и поцеловал меня. «Нет, нет, моя Доро, — сказал он. — Пустяки. Ковер заменят и здесь все приведут в порядок. И никогда больше не смотри на меня со страхом».

Через неделю Энрико торжественно открывал концерты в Центральном Парке. Эскорт полицейских на мотоциклах сопровож-

дал нашу машину. Когда мы поднялись к нашим местам, мне вручили большой букет роз «Американская Красавица», перевязанный красными, белыми и синими лентами. Я подумала: «Как рассердится отец, если увидит меня». Голос Энрико и люди вокруг показались нереальными.

Дома за ужином Энрико спросил: «Что у тебя с руками?» Они были покрыты маленькими ранками от шипов. «Это от роз», — ответила я. — Я вспомнила отца». «Когда-нибудь ты забудешь прошлое и перестанешь бояться», — заверил Энрико.

Пять дней мы простояли в Азоре, где корабль загружали углем. Матросы бегали по лестницам с корзинками угля на спине в клубах черной пыли.

«Пойдем на берег, — предложил Энрико. — Я понюху машину». На старом с облупленной краской «форде» мы сначала заехали на почту, и Энрико купил португальские марки для своей коллекции. Я изумилась, услышав, как он свободно объясняется по-португальски. «Я много раз выступал в Бразилии», — объяснил он. «Но ведь не говоришь же ты по-русски, хотя и шел в Санкт-Петербурге?» «Говорю. Я выступал там несколько сезонов — уйма времени. Мне несложно выучить язык». Я каждый день открывала в нем что-то новое. Меньше чем за год он научился говорить на семи языках, но никогда не упоминал об этом.

Оказавшись снова в море, в один из прелестных долгих тихих дней я валялась в шезлонге и наблюдала за Марио. Он быстро двигался по палубе. Сначала принес стол, облокотился на него, потряс — стол стоял устойчиво. Потом принес стул с прямой спинкой. Сел на него, проверил, покачал из стороны в сторону. Затем положил на стол ручки, чернила, линейку и несколько больших листов бумаги. «Как Брюнетта?» — заинтересовалась я. «Спасибо, синьора, ужасно страдает от морской болезни», — просяил он.

Во всем белом, спокойный и уверенный, вошел, улыбаясь, Энрико. Он водрузил на нос большие очки, достав их из портфеля, на котором было написано «Музыка», и уселся за стол. Марио протянул ему пожелтевший листок с нотами.

«Какая красивая неаполитанская песня. Она называется «Ты, которая не плачет». Я перепишу ее». Он тщательно примерился и нарисовал палочки. Стол не шелохнулся. Марио ушел.

«Ну, вот, — произнес наконец Энрико, — я закончил». И протянул мне листок. Ноты были красивыми, выпуклыми, все одинакового размера и четкости. «Как тебе это удастся?» — удивилась я.

«Еще мальчиком — лет восемнадцати-девятнадцати — я хотел учиться петь, брать уроки, но денег не было. Тогда стал работать у своего отца на мельнице: носил большие мешки с мукой на спине. Хорошая работа, она сделала меня сильным, но я ужасно уставал. Мне не платили, ведь я считался учеником. И чтобы заработать, сидел по ночам на тротуаре под фонарем и переписывал для студентов ноты песен, типа этой. Платили несколько лир, и я их откладывал, чтобы купить башмаки. Пришлось проделать долгий путь, чтобы добраться до уроков

музыки... Я запишу эту песню на пластинку, когда мы доберемся до Нью-Йорка».

ГЛАВА ВТОРАЯ

В Нью-Йорке нас встретили Бруно Зирато, менеджер симфонического оркестра нью-йоркской филармонии, Фучито, секретарь и аккомпаниатор Энрико, и обычная толпа репортеров и поклонников. После событий в Италии так приятно вновь оказаться в стране довольных людей, а в отель «Никербокер» ехать в комфортабельном маленьком зеленом автомобиле «ланция», за рулем которого наш шофер, преданный Фитджеральд.

В номере прохладно, повсюду расставлены цветы, порядок идеальный. Номер находился на девятом этаже, окна выходили на Сорок Вторую стрит и Бродвей, и пока нас не было, во всех четырнадцати комнатах заменили мебель. В угловой комнате располагалась столовая, рядом студия Энрико с видом на Сорок Вторую стрит, далее ванная, офис Зирато, комната Мими, кабинет, гардеробная и комната Марио. На Бродвей выходила наша спальня, гостиная, моя ванная комната, комната Энричетты и еще две новые ожидали появления малыша.

Марио, провозивший наш багаж через таможенную, осуществлял контроль за сложной процедурой распаковывания. Он отдал ключи от музыкального чемодана Фучито, от чемодана с документами Зирато, от моего Энричетте, а сам занялся багажом Энрико. Энрико путешествовал со своими одеялами, простынями и наволочками, поскольку мог спать только на льняном белье, и в отелях, поездах и на пароходах белье менялось ежедневно. В чемодане, сделанном на заказ, хранились духи, туалетная вода и все виды пульверизаторов, ингаляторов и лекарств, необходимых для горла певца. Впервые увидев эту гору багажа, я была в шоке.

У Марио находились списки содержимого каждого чемодана, а внутри на крышке прикреплялся второй экземпляр. После того, как списки проверялись, их отдавали Энрико — совершенная система, исключая потери и путаницу. Энрико только один раз четко разъяснял, чего хочет, и больше никогда не давал советов и не искал виновных. Но если его инструкции не выполнялись или выполнялись слишком медленно, он становился совсем другим человеком. «У тебя что, кочан капусты вместо головы? — ревел он. — Ты думаешь, я бы мог петь, если бы работал, как ты? Ты думаешь, что можно любоваться небом и мечтать, а работа делается сама? О Боже! Кто меня окружает — статуи?» Его недовольство всегда принимало форму эмоциональных риторических вопросов, а потом он поворачивался спиной к виновным и медленно удалялся из комнаты.

По-настоящему Энрико сердился, только встречаясь с несправедливостью. Если кто-нибудь пользовался его именем, чтобы повернуть свои делишки, или замыслил против него козни, ущемлял его достоинство, вот тогда он становился холодным, высокомерным и язвительным. Всегда проявлял яростное негодование, если задевалась его репутация артиста, а вот ложь

и слухи в отношении личной жизни скорее ранили его, чем злили. Никогда не отвечал на них: знание человеческой природы научило его — отрицать что-либо бесполезно.

Когда Энрико готовился петь «Еврейку» в «Метрополитене», эта музыка стала фоном нашей жизни. Фучито приходил в девять утра и сразу же начинал играть. Мы слышали слабые звуки пианино, пока пили кофе. Прежде я и думать не смела о черном кофе на завтрак, но после замужества приобрела все преимущества. Что ел Энрико, то ела и я, если он не ел, я тоже не ела. У нас не было двух жизней, мы, двое, жили одной.

Каждое утро Марио приносил газеты. Энрико просматривал музыкальную критику, карикатуры и новости. В девять, завернувшись в огромный белый халат, отправлялся в ванную. Марио готовил для него ванну с вербеновой солью и устанавливал паровой ингалятор. В ванне Энрико не пел. После ингаляции, занимавшей полчаса, он устанавливал зеркало напротив окна, широко открывал рот и засовывал маленькое зеркальце, каким пользуются дантисты, глубоко в горло — рассматривал голосовые связки. Если ему казалось, что они слишком розовые, он смазывал их специальным раствором. Доктор Холбрук Куртис лечил его нос и горло, но о голосовых связках Энрико заботился сам.

Тем временем Марио вызывал парикмахера. Кресло ставилось у окна, рядом лежала партитура «Еврейки». Теперь Зирато ожидал указаний, держа наготове тетрадь и карандаш. Бедный Зирато. Я часто жалела его. Он по-настоящему любил Энрико и очень старался угодить, но от волнения проявлял чрезмерное усердие. И это злило Энрико.

Из ванны Энрико выходил, подобно римскому императору, готовому приветствовать своих подданных. Пока парикмахер брил его, Фучито играл, а Энрико следил за музыкой по нотам, не отбивая такта и не подпевая. Иногда давал Зирато распоряжения относительно встреч, писем и телефонных переговоров.

Тем временем Марио бесшумно ходил по комнате, неслышно открывая ящики и шкафы. Ему приходилось укладывать одежду очень аккуратно, каждая вещь имела свое место и ежедневно должна оказываться непременно там же. Одеваясь, Энрико тихонько напевал, тщательно прислушиваясь к музыке, доносящейся из соседней комнаты. Он мог одеваться машинально, если вещи были на местах, если же нет, прерывал работу и требовал принести нужное. Он был требовательным, но никогда не капризничал. Одевшись, шел к Фучито в студию, где приступал к настоящей работе. Разучивая роль, никогда не пел в полную силу, а только насвистывал, мурлыкал, объясняя Фучито, чего от него хочет. И лишь потом начинал петь в полный голос.

Двух часов интенсивной работы оказывалось достаточно. К этому времени Зирато уже заваливал стол письмами для ответов, фотографиями для автографов, чеками на подпись. Энрико накидывался на эту работу с тем же рвением, с каким занимался пением. Подписывал многие чеки с просьбой о материальной помощи — их он получал ежедневно. Не знаю ни одного случая отказа. Вскоре после нашей свадьбы я ему сказала: «Не может быть, чтобы все эти люди заслуживали твоей

помощи». «Ты права, Доро,— ответил он,— но можешь ли ты сказать, кто из них заслуживает, а кто нет?»

Когда нам хотелось прогуляться, мы уезжали вверх по Риверсайд Драйв, выходили из машины и шли пешком, а машина следовала за нами. Если собиралось слишком много людей поглазеть на нас, забирались обратно в машину, отъезжали подальше и снова выходили. Иногда пытались гулять по Пятой авеню. Энрико любил полюбоваться витринами, но люди останавливали его, чтобы позвать руку. Мы редко выбирались в общественные места, театры или шикарные рестораны, потому что сразу собирались огромные толпы. Такое внимание Энрико никогда не относил лично к своей персоне. «Мое лицо нетрудно запомнить»,— говорил он. «Но они любят тебя»,— возражала я. «Нет, им просто любопытно».

Ему дарили любовь, но он ее не принимал. Не хотел, чтобы на него гладили и заговаривали с ним чужие люди всякий раз, как он выйдет из дома, хотел быть частным лицом, когда не пел. Хотел иметь право гулять по улицам, смотреть на витрины, покупать одну розу вместо дюжины. Часто с грустью говорил: «Почему они не дают мне покоя? Почему моя жизнь должна принадлежать всем?»

Он нашел способ защитить свою внутреннюю жизнь, надевая на публике маску — смеялся, гримасничал, разыгрывал из себя клоуна, дергал за кисти занавес в «Метрополитене», выходя на поклон после спектакля. И научился никогда не снимать эту маску вне дома.

У Энрико не было близких друзей, хотя группа итальянцев приходила в наш дом каждый день, и каждый называл себя «ближайшим другом Карузо». Они являли собой как бы свиту Энрико. Никого из них он не любил в отдельности, но все вместе они, видимо, что-то значили для него. Они его развлекали, говорили с ним по-неаполитански, вели к столу, когда он не мог идти сам, и искали предметы искусства для его коллекций. А в награду купались в отраженных лучах славы Энрико, получали бесплатные билеты в оперу, громадные комиссионные от продавцов антиквариата и разносили легенду о простодушном Карузо всюду, где появлялись. Прошло немало месяцев, прежде чем я узнала, как опасны такие придворные.

Самым большим другом Энрико среди артистов «Метрополитена» был баритон Антонио Скотти. Он проживал в «Никербокере» в номере прямо под нашим, и хотя мы встречались редко, но всегда здоровались чрезвычайно сердечно.

Красивый, с большим шармом, холостяк Скотти пользовался огромной популярностью. Однажды Энрико вернулся из его номера и высыпал мне на колени целую горсть колец с бриллиантами, сапфирами и изумрудами. «Я принес тебе подарок, Доро»,— сказал он. Но как только я начала благодарить, то заметила извиняющееся выражение на его лице. Я сразу же собрала кольца и без колебаний попросила вернуть их Тото Скотти, а на словах передать, что хотя его последний любовный роман и закончился, тем не менее, я уверена, вскоре ему будет кому

подарить эти кольца. Не говоря ни слова, Энрико вернулся в гостиничный номер этажом ниже.

Энрико был не просто несложной натурой, он был элементарен, словно построен из крупных блоков. Глубоко человеческий, с безграничным чувством юмора, добрый, преданный человек. Простота его конструкции слишком бросалась в глаза, чтобы в нее верили сразу. Публика создавала тайну из того, что в действительности представляло собой просто человека.

Юмор Энрико возвращался несколькими поколениями труженников земли. Зимой, когда улицы покрывались льдом и завывал ветер, он вставал к окну, смотрел, как несчастные люди переходили площадь Таймс, и со смехом кричал: «Доро, иди скорее! Посмотри, как их сдувает!» Ликуя, он считал, сколько сорвало ветром шляп, сколько сломалось зонтиков, и через стекло предупреждал: «Осторожно, там скользко».

В цирке становился артистом труппы с того момента, как входил в двери Мэдисон Сквер Гарден. Стремясь все увидеть, словно ребенок, привлекал к себе внимание. Из своей ложи подыгрывал клоунам, корчил им рожи, а когда они уходили с арены, наклонялся, чтобы пожать им руки. «У нас вместе смешно получается», — шептал он заговорщически и считал, что я и все вокруг смеются над клоунами, ни сном, ни духом не догадываясь, что сам устраивал настоящий цирк.

80 Энрико жил так, чтобы экономить жизнь, а не голос. В тишине восстанавливал жизненные силы, затраченные на пение. Источник его жизни находился в нем самом. С детских лет пел, как поют птицы, без правил, от сердца. С девяти лет пел альтом в церкви, в течение года. А в девятнадцать слушал, как маэстро Верджин учит других молодых певцов. Тот год прослушивания стал единственным музыкальным образованием, которое он получил. А музыкальность, техника пения, стандарты качества и нюансы, передача эмоций — все шло изнутри.

Он не зависел от других людей, не нуждался в чужих советах, пребывал в уверенности, что источник таланта только в нем самом. Он родился с голосом, а целеустремленность, восприимчивость, мужество и цельность сделали его голос великим.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Энрико удостоили одиннадцати наград: итальянских — Ордена Кавалера, Ордена Воинской Доблести и Ордена Короны Италии, немецких — Ордена Красного Орла Пруссии и Ордена Королевского Бельгийского Ордена Леопольда, английского — Ордена Майкла и Ордена Британской Викторины, французского — Легиона Чести и Пальмы Академии.

Америка — страна, не награждающая орденами за достижения в искусстве. Но совершенно неожиданно Энрико признала полиция Нью-Йорка, и эта награда обрадовала его больше, чем все иностранные ордена и медали. Через десять дней после нашей свадьбы его пригласили петь в Шипсхед Бей на Лонг-

Айленде в честь ежегодных игр, устраиваемых нью-йоркской полицией. Тогда я впервые появилась в качестве жены Энрико, и когда мы шли к нашим местам, сто тысяч людей стоя аплодировали, подбадривали и выкрикивали добрые пожелания. И вот через четыре месяца в наш номер зашел комиссар полиции Энрайт, и состоялась скромная церемония, на которой Энрико провозгласили Почетным Капитаном полиции Нью-Йорка. Как только золотой значок прикрепили к его сюртуку, Энрико спросил комиссара: «Могу я теперь арестовывать людей?» Мистер Энрайт ответил — может. «Тогда я немедленно должен отправиться в «Метрополитен». Я подшучу над мистером Гатти».

Любовь к Америке глубоко укоренилась в сердце Энрико. За четыре года первой мировой войны он не только собрал двадцать один миллион долларов благотворительными концертами, но и направлял значительные суммы в организации освобождения союзников, в американский Красный Крест. Также превратил все свои довоенные накопления в правительственные облигации Соединенных Штатов и вложил весь доход, гонорары и жалованье в облигации Свободы. Однажды пришел в контору Эдвардза, налогового инспектора Второго Района, и заявил, что хочет уплатить подоходный налог. Господин Эдвардз напомнил: налоги нужно платить только через несколько месяцев. Энрико возразил: «Спасибо, я знаю. Но если буду ждать, со мной может что-нибудь случиться. Лучше заплачу сейчас, и деньги будут принадлежать Соединенным Штатам, а это хорошо».

У Энрико была собственная галерея искусств на Пятнадцатой стрит рядом с Пятой авеню. Там он хранил коллекцию антиквариата: мебель, бархат, парчу, бронзу, мрамор, эмаль, сосуды для благовоний, табакерки и часы, украшенные драгоценными камнями. После нашей свадьбы он обставил гостиную предметами из своей галереи. Больше всего любил бронзу и особенно один маленький светильник. Часто, вернувшись после спектакля, открывал чемодан, перебирал фигурки и брал в руки маленький светильник. «Какой красивый, — говорил он. — Я очень люблю его тихо-тихо поглаживать».

Мне нетрудно ответить на вопрос: «Почему ты вышла замуж за Карузо?» — но мне никто его не задавал. Все спрашивали: «Почему Карузо на тебе женился?» Конечно, бестактно, но я не обижалась, да и сама себя спрашивала о том же. Вокруг полно девушек гораздо красивее меня, многие говорили по-итальянски и знали о музыке гораздо больше. Думаю, Энрико привлекла моя бессловесность. В монастыре меня воспитывали в большой строгости. Там носили скромную черную форму, волосы зачесывали назад, за едой не разговаривали и слушали, как кто-то из детей читает вслух «Жития Святых». Я не знала, хорошенькая я или нет, там не было зеркал, а от мыслей такого рода нас тщательно оберегали. Если, стоя на коленях в часовне, я предавалась земным мечтам вместо молитвы, какая-нибудь монахиня подходила, дотрагивалась до моего плеча и шепотом напоминала: «Дитя мое, смхни независимое выражение с лица». Я никогда

не отвечала, не спорила. Научилась ценить молчание, сосредоточенность и смирение.

Энрико не любил обсуждать свое пение, а поскольку я ничего не понимала в музыке, ему не приходилось выслушивать дурацкие комментарии, ненужные советы и бессмысленную критику. Дома он никогда не говорил со мной о работе. Все, связанное с пенем, обсуждалось в конторе «Метрополитена» или в студии. И наоборот, в своих письмах, адресованных мне, он сообщал о репетициях, спектаклях и контрактах.

Его замечания о других артистах почти никогда не имели отношения к музыке. Однажды, после того, как он спел в дуэте с сопрано, известной больше своей красотой, чем голосом, я спросила, как ему нравится ее пение. «Не знаю, — ответил он. — Я ее никогда не слышал».

Я любила слушать, как Энрико поет, и часто приходила в «Метрополитен». Конечно, мне нравилась атмосфера театра — на сцене актеры выглядели красивыми, в ярких костюмах, и по контрасту с моей прежней жизнью в отцовском доме там все было прекрасно.

После нашей свадьбы я впервые оказалась в ложе. Энрико пел «Силу судьбы». На мне были белое бархатное платье, бриллианты и пинцилла. В вестибюле толпа расступилась, и меня под руку провел мой красивый старый дядюшка. Все заулыбались и забормотали комплименты, а я ничего не видела от счастья.

После второго действия я пошла в уборную Энрико. «Тебе нравится, моя Доро?» «О да, — выдохнула я, — замечательно. Когда свет зажигается, все смотрят на меня, а когда свет гаснет, они видят тебя». Энрико расхохотался.

За два дня до этого Нью-Йорк праздновал ложное перемирие. Мы сидели в столовой отеля «Никербокер», прислушиваясь к гулу на улице, когда вошел управляющий мистер Рейган и сказал, что толпа зовет Карузо. Мы вышли на балкон, где развевались два огромных флага — итальянский и американский. При виде Энрико толпа обезумела. Он спел национальные гимны Америки, Англии, Франции, Италии. Толпа взревела: «Еще!» — и он предложил им спеть вместе с ним. Раздались тысячи голосов, и над всеми звучал голос Энрико. Я попросила садовника в вестибюле прислать нам все цветы, какие у него есть, и мы разбросали с балкона тысячи алых роз, белых гвоздик и синих фиалок. Толпа внизу дралась за них и радовалась, радовалась, радовалась.

Энрико никогда не похвалялся тем, что он «величайший тенор мира». Казалось, ему гораздо больше льстило, если скаковую лошадь называли в его честь, чем все дифирамбы, расточавшиеся его голосу. (Он ничего не понимал в скачках, но ежедневно просматривал сводки новостей в поисках клички Энрико Карузо. Эта лошадь, за карьерой которой он следил с неиссякаемым интересом, так ни разу и не выиграла, но Энрико ставил на нее десять долларов всякий раз, как она участвовала в забеге.) Энрико никогда не осознавал красоты своего голоса, просто

чувствовал, когда пел хорошо. И только на пластинках слышал то, что слышат другие. «Да, это хорошо, голос красивый, — говорил он изумленно. Но всегда с легкой грустью добавлял: — С красивым голосом нетрудно достичь вершины. Но остаться там трудно».

Я понимала: чем лучше он пел, тем большего от него требовали. Он не мог себе позволить спуститься ниже и подгонял себя нещадно. Пел не потому, что ему нравилось, а потому, что должен был. Я видела, как он приходил ужинать после роскошного выступления. Есть не может, сидит за столом со слезами на глазах, протягивает ладонь: «Пепел». Говорить что-либо бессмысленно. Его пять раз вызывали на поклон. Именно поэтому он и плакал, понимая: такие вещи нельзя выразить словами. Я ничего не говорила. Мое молчание успокаивало его.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В день спектакля музыка в доме не звучала и Энрико мало разговаривал. В безмолвные часы он рисовал карикатуры, наклеивал вырезки и перебирал коллекцию редких золотых монет, которую начал собирать в 1907 году; тогда он пел в Париже в театре Сары Бернар.

Он часто говорил, что предпочел бы рисовать, а не петь, и хотя никогда не брал уроков рисования, был великолепным карикатуристом. Когда он рисовал себя, то не смотрелся в зеркало, а лишь ощупывал контуры лица левой рукой, пока правой водил по бумаге карандашом. Собрание его карикатур опубликовали в «Ла Фоллия». Издатель газеты Марзиале Сиска предложил ему баснословные деньги за карикатуры, чтобы публиковать их ежедневно в газете, но Энрико ответил: «Я не хочу, чтобы мне платили деньги за то, что я так люблю делать. Моя работа — пение, с вами мы друзья, и я сделаю для вас карикатуры даром». Однажды во время прогулки мы увидели в витрине магазина автографов карикатуру президента Вильсона, сделанную Энрико. Узнав, что она стоит семьдесят пять долларов, он пришел в восторг: «Хорошая плата за десятиминутную работу. Давай бросим петь и начнем рисовать».

Очень часто говорили, что Карузо не нервничал перед выступлением. В этом нет ни капли правды. Он всегда страшно нервничал и даже не пытался этого скрыть. Говорил: «Конечно же, я нервничаю. Всякий раз, как я пою, я чувствую, что кто-то ждет случая провалить меня, и я должен драться, как бык, чтобы защититься. Артист, который хвалится, что он не нервничает, — либо не артист, либо дурак».

Дотошный в вопросах сценической внешности, Энрико наносил грим с учетом мельчайших деталей и требовал, чтобы все костюмы были исторически точными.

Грим Елизара в «La Juive» был самым сложным из всех его ролей не только из-за тяжелых бровей и длинной бороды, но и из-за приклеенного носа. Нос страшно раздражал его. «Разве я могу

с этим петь? — кричал он, — Мне неудобно, и борода меня щекочет. Дайте ножницы, я ее отрежу — мне плохо». Марио и Зирато отводили глаза и не отвечали. Несчастный гример и костюмер, становившийся мишенью этой тирады, отступал назад и чувствовал облегчение только с моим появлением. Я опускала руки на плечи Энрико и улыбалась в зеркало. «А, это ты, Доро. Хорошо». — Он мгновенно успокаивался, просил сигарету и, улыбаясь моему отражению, медленно ее выкуривал через длинный мундштук черного дерева. Докурив сигарету, подходил к умывальнику и набирал в рот соленую воду, затем выплевывал. Марио протягивал ему коробочку со шведским нюхательным табаком. Энрико брал понюшку, прочищал ноздри, потом выпивал стакан виски, запивая минеральной водой, и, наконец, съедал четвертинку яблока. В карманы он укладывал две маленькие бутылочки с теплой соленой водой, на случай прополоскать горло во время спектакля. Когда все было готово, Марио протягивал ему талисманы: коралл неправильной формы, священные медальоны и старинные монеты — все нанизано на толстую короткую золотую цепь. После раздавался стук в дверь, и ассистент директора сцены Вивиани спрашивал: «Можно начинать, мистер Карузо?» Перед тем как выйти на сцену, он обращался к покойной матери, мысль о ней придавала ему силы. Более никто не желал ему удачи, ибо он уверял, что это приносит несчастье.

Энрико было двадцать четыре, когда он впервые пел в Ливорно. В той же опере с ним пела сопрано Джачетти. Молодая и очень красивая женщина. Энрико полюбил ее, и она его тоже. Они не смогли пожениться по многим причинам, но жить стали вместе. Через некоторое время родился сын, через несколько лет — второй. Энрико не был счастлив, но и через десять лет, несмотря на многие беды, все так же ее любил. Он уже спел несколько сезонов в Лондоне и купил дом с садом для детей и их матери.

Постоянно находиться с ними он не мог. Однажды уехал выступать в Южную Америку и, как обычно, оставил преданного Мартино следить за домом. По возвращении нашел одного Мартино: Джачетти уехала и забрала с собой детей. Она оставила ему письмо, что больше его не любит и никогда не вернется. Она даже не сообщила, куда уехала.

Энрико в отчаянии посылал телеграммы во все города, где она могла находиться, но ответа не получал. Его сердце было разбито. Тем не менее пришлось открывать сезон в Лондоне. По иронии судьбы первым спектаклем оказались «Паяцы». В тот вечер Энрико не пришлось изображать Канио, он действительно был брошенным любовником, который пел о собственной трагедии.

Наступил сентябрь, и приближалось наше первое расставание. Энрико отправлялся в Мексику на оперный сезон за самые большие деньги, которые когда-либо платили певцу: 15 000 долларов за спектакль. (В «Метрополитене» ему платили 2500 дол-

ларов. Он пел дважды в неделю, и контракт предусматривал для него право покупать пятьдесят билетов в ложу за полцены на каждый спектакль.)

Зирато, Марио и Фучито должны были сопровождать его, а я же не могла поехать. Через три месяца ждала появления ребенка. Я чувствовала себя несчастной, оставаясь без него, и очень беспокоилась. Головные боли, мучившие Энрико последние несколько лет, стали еще более жестокими. Весь год он пел одну оперу за другой, в то время как его голова раскалывалась от пульсирующей боли.

Перед тем как уехать в Мексику, он впервые спросил о Брюнетте, жене Марио. Я сказала ему, что нашла для Брюнетты работу у Бенделя. Он остолбенел. «Кто-то из моего дома работает на кого-то другого? Это же невозможно! Мне нужно повидаться с Марио». Я пошла за ним в гладильню.

«Какого черта? Ты позволил Брюнетте работать вне дома? Ты сошел с ума? Скажи ей, чтобы она немедленно ушла от Бенделя. Она будет работать у синьоры: шить для малыша. Никто не был так глуп, как ты». Марио молчал. В дверях Энрико обернулся. «Сними большой номер с ванной для вас обоих, здесь, в отеле рядом со мной». И, уходя, коротко бросил: «Твое жалованье теперь увеличено вдвое».

ГЛАВА ПЯТАЯ

В начале осени Энрико уехал в Мексику.

Меня переполняло чувство одиночества, единственным утешением было прикасаться к тем вещам, которых касался он. Я перебирала его одежду, расклеивала фотографии в альбомах, рассматривала коллекцию марок и слушала его пластинки. Мы ежедневно посылали друг другу телеграммы и писали письма, иногда два-три раза в день. Его головные боли усилились, и я все время беспокоилась. Дни проходили быстрее, когда я была занята. Я шила одеяльца для ребенка, делала вышивку на детском белье и на платящих. Мне никогда не приходило в голову, что может родиться мальчик. Он хотел девочку, значит, должна появиться девочка.

Первое письмо пришло с вокзала, а после этого я получала ежедневно по письму или по два.

В поезде на Мехико после Филадельфии,
17 сентября 1919 года

Дорогая моя Доро!

Во-первых, умоляю простить меня, если я буду писать тебе на моей маленькой машинке, потому что поезд идет как черт и невозможно писать ручкой. Иногда кажется, тело отрывается от ног. Мы кажемся как люди, которые выпили бачонков виски!

Уверен, что ты меня простишь за «Корону» и мой английский с надеждой ты поймешь, что я скажу, как страдал, когда поезд

отбыл из Нью-Йорка. Я почувствовал внутри что-то, что не могу объяснить. Все вокруг было темно, и мое сердце перестало биться на время. Мои глаза были закрыты, и в уме была только ты. Это было чувство красоты, и я думал, что такой сон будет оправдывать меня, пока не приехал в Мехико, но я сделал ошибку, потому что когда мы прибыли в Манхэттен Трансфер, люди спугнули мечту. Но я в мечтах даже когда люди говорят, и буду в мечтах, пока не вернусь назад.

Теперь я должен расставаться с тобой с печалью. Дорогая моя Доро! Я тебя люблю и буду тебе верен пока не придет страшный суд. Я храню тебя в моем сердце.

Твой РИКО

4-й день пути в Мехико, из Ларедо.

20 сентября 1919

Моя Дорогая Доро, вся моя!

Вчера вечером в Сан-Антонио получил твою чудесную телеграмму, которая не дает мне спать всю ночь, и еще не сплю потому что ночью мы делаем пересадку и утром рано вставать, и потому что ты была рядом и я слышал, как твой голос говорил мне много милых и хороших слов так сладко, как я никогда не слышал!

Для меня была такая большая радость, что ты рядом со мной, а я всегда рядом с тобой своей душой.

Сегодня утром очень рано мы прибыли в Ларедо... Все пошло не так, потому что Пуинзо забыл ключ от чемодана, который мы привезли из Италии, и один чемодан потерялся, и у меня много беды с мексиканская таможенница. К счастью, мы нашли хорошую девушку, которая посмотрела весь чемодан и после того, как я объяснял дело и видя, что я не мог открыть замок, она поняла и сказала, что мы можем идти.

Утром я получил телеграмму, где ты говоришь, что плакала над моим письмом, ты теперь понимаешь меня? Уверяю, что никто не поможет мне писать слова, и даже если я делать ошибку, я не спрашиваю как надо. Я хочу знать твой язык хорошо, чтобы говорит много нежных слов, но ты знаешь, что мой словарь очень маленький, и я стараюсь сказать как сильна и велика мой любовь к тебе, моя дорогая.

Я еду мимо жалкой местности, большое пустое поле и никого вокруг, а если есть кто-нибудь, то он грязный и вонючий. Теперь мы начеваем видеть вдаль большую цеп гор, которая отражает очень красивое и голубое небо, напоминает мою красивую страну. Очень жарко, и два дня мы страдаем ужасно из-за это. Надеюсь будет прахалада.

Я скоро вернусь и больше не поеду вокруг света без тебя.

Так тепло, что я начемай чувствовать немножко усталость, думай, мне надо немного отдохнуть.

Я посылаю тебе письмо и мою большую любовь и много, много миллионов поцелуев.

Всегда твой поверь РИКО

Дорогая моя Доро!

Наконец мы приехали после очень долгого путешествия, и какого путешествия! До американской границы все было неплохо, потому что дорога и комфорт были достаточно хорошие, но когда мы переехал границу Рио Гранде, начиналось другое. Машина «пульман» была неплохой, но комфорт очень мал — воды недостаточно — белье постельное очень плохое, еда тоже. Страна интересная сначала, потом, последний день, все надоело, всегда то же.

Мы ночуем в Салтильо, где берем эскорт из пятьдесят солдат, который правая часть нас сюда. Они говорят, что эта мера предосторожность, ничего больше. Я был уверен, что ничего не случается, и ничего не случилось.

В Салтильо я отправлял тебе телеграмму, там принял ванну, немножко поужинал в одном из лучших отелей, и наконец пресса города прибыла интервьюировать меня. Я сказал много хорошего и все было довольно.

...В семь мы вошли в этот большой дом. Дом политика из старого правительства, строили во французском стиле, но нет картин и никаких мелочей. Немного холодно, но довольно удобно.

Много слуг и огромные залы, нас обслуживают 100, и много места прыгать вверх и вниз.

Я принял хорошую ванну и вкусно завтракал. Мы заняли комнаты, а потом я пошел смотреть город.

Красивые авеню, памятники слишком большие для улицы, дома как во всей южно-американской стране. Температура очень теплая немного действует на моя голова. Большое передвижение автомобилей, очень большие шляпы и узкие брюки.

Я не знаю, моя самая дорогая, поймешь ли ты, но продолжаю.

В половине третьего мы пообедали, потому что не хотим есть ночью из-за температуры. Прекрасная еда и очень домашнему. Наш повар говорит немного по-французски и, похоже, мы поладим.

Я думаю, что слишком много говорю о себе, как результат, я начинаю говорить о тебе.

Во-первых, много спасибо за ту радость, которую ты дала мне, посылая телеграммы каждый день, и я надеюсь, что ты продолжишь так делать, потому что мне надо слышать, как ты говоришь со мной, когда я так страшно скучаю по тебе, и день, когда я получу от тебя письмо, станет для меня большой радостью.

Что делает наша дорогая крошка?* Она доставляет тебе много беспокойства? Надеюсь, нет! Пожалуйста, моя драгоценная, напиши мне скорей, чтобы я знал все, что происходит с тобой.

* Энрико полюбил нашу дочь прежде, чем она родилась

Кажется, прошло очень много времени с тех пор, как мы расстались, и когда я думаю о времени, когда я должен буду оставить тебя навсегда, мне кажется, что сойду с ума!

Прости, дорогая, но меня хочет видеть человек из газеты.

Я вернулся. Я был очень добрый и очень вежливый. Мое кровяное давление должно быть очень низким, потому что я очень спокойный и очень уважительный со всеми.

В соседней комнате музыкальный ящик своим «тин-тин» или «блюм-блюм» бьет меня по голове, и все мысли уносит прочь.

Лучше я останавлиюсь, а иначе не знаю, что напишу дальше.

Твой навеки РИКО

85, Калле Букарели, Мехико.

22 сентября 1919, 11.30 вечера

Моя Доро!

Ты удивишься, когда увидишь, что пишу в такой поздний час, но когда ты узнаешь причину, ты скажешь: «Бедный мой Рико!» Я тебе расскажу. После того, как сегодня вечером я написал тебе письмо, у меня было еще интервью с газетчиком и с мистером Ривера, импресарио, до восьми. В это время я был очень усталым, и моя голова причиняла много беспокойства, и я прошеу уйти в постель. Я пью стакан молока и три аспирина и через немного времени начинаю спать.

В половине одиннадцатого я просыпаюсь и чувствую, будто кто-то меня уколол. Я фключил свет и посмотрел кругом и ничего. Я подумал что то моя усталость, но вот снова кус в шею. Я хлопал себя по шее и в ответ на моей руке увидел пятно крови. Да, это была кровь клопа! Я посмотрел вокруг постели и нахожу три таких отвратительных бестий! Я их убил всех и снова отправился спать. Я выключил свет и пытался спать, но потом снова кус! Я вставать и всю постель переворачиваю, и там под маталас еще один подлый насеком! Брр! Я убивал всех, но мое тело продолжает ужасно чесаться! Теперь я вижу на моей рубашке много пятен крови, это значит, что я убивал их своим телом.

Мне было смешно, потому что я никогда этого не испытывал, но привыкнув к тарантулам на борту, я думал, что это ерунда, но их так много и такой плохой запах, что меня заташнивает, и я весь чесаться. Я не знаю, что делать, потому что все спать, а я устал и думаю, что проведу остаток ночи, разгуливая по комнате. Постель был такой чистый и выглядел таким комфортабель, когда я лег спать, что я думал, что проведу комфортабельную ночь. Но вот я не спать. Не знаю, что делать. Я чувствую себя таким одиноким и здесь так холодно, и я даже боюсь тот шум, что делает моя ручка при писании. Я хочу остановиться, потому что мне надо почесаться, ну, вот и я. Я весь красный, у меня почти вся кожа поцарапана. Боже, боже! Как ты подумываешь, что мне делать, лечь и попробовать спать? Думаю, так. Если меня опять кусать, я провести остаток ночи писать тебе.

Теперь ты спокойно спишь, словно ангелочек. Я так далеко. Моя душа рядом с тобой, и она целует тебя за меня.

Спокойноночи, сокровище мое РИКО

Букарели 85, Мехико

...Я рад, что вся твоя семья о тебе заботится, и я чувствую, что они и мои родные и я всех люблю.

Я отправил открытку нашей дорогой мамочке и надеюсь, что она чувствует себя очень очень хорошо. Если будешь писать ей, не забудь передать от меня привет, я ее люблю, как и свою родную маму.

...В шесть часов я пришел домой и лег спать, потому что в моей голове страшная боль.

В 8.35 мы отправились в театр, где все мексиканские оперные артисты дают представление в мою честь. Там было многолюдно и когда я вышел из авто, громкий и долгий аплодисмент разорвал тишину улицы.

Мы пошли в ложу, которая была украшена цветами и флагами, и когда меня увидели, публика встала и снова раздался аплодисмент и урра.

Представление началось со второго акта «Риголетто». Нет плохо. Потом второй акт «Баттерфляй». Прекрасно. Голоса красивые. Потом был один акт концерта. Это было очень смешно, потому что там были люди, которые не умеют петь, а публика очень суровая. Потом был второй акт «Аиды» и представление закончилось.

89

Я приехал домой очень усталый и быстро пошел спать.

Только ты в моем уме и сердце, и мне плохо оттого что я далеко от тебя.

Поверь твой навеки РИКО

Букарели 85, Мехико,

29 сентября 1919, 4 часа дня

Самая дорогая моя Доро!

...Как я уже говорил тебе в моей телеграмме утром, я чувствую себя гораздо лучше и думаю, что вечером будет большой успех.

Я очень боялся последние дни, потому что моя голова причиняет мне много беспокойства.

Слава Богу, сегодня я чувствую себя превосходно, даже несмотря на дождь.

Этот город очень смешной. Один момент совсем ясно, а через другой момент много туч, темноты и дождя как река, а потом через полчаса опять все чисто. Такая переменчивая погода действует на меня очень плохо, и на всех остальных тоже. Фучито нездоров, я думаю, все в доме уже заплатили дань: сначала Пунзо, потом Марио, я и теперь Фучито. Скоро будет очуред Зирато. Надеюсь, все будет орайт и скоро пройдет этот месяц.

Ну, что, нет новостей от Мимми? Если он напишет тебе, ответь ему, в обратном случае нет.

Теперь я живу с надеждой получить от тебя письмо до того как начнется спектакль, если нет, я тебе не буду больше писать.

С любовью и тысячей поцелуев.

Твой навеки РИКО

Букарели 85, Мехико,
30 сентября 1919

...Успех вчера был огромный. Сначала я очень нервничал, а публика очень восхищалась. Можно было услышать, как муха двигаться по зала. Я спел первую арию с большим чувством и был очень малый аплаудисмент... И тут Марио приносит мне три телеграммы. Открою одну... Нет! Вторую... Нет! Надеюсь, что третья... Урра! Это твое чудесное послание! Да, это как раз то, что ты отправила после спектакля, но не то, где пожелания и которого я жду так сильно. Ничего, у меня есть от тебя весточка, и я знаю, что ты здорова, и я доволен, даже моя головоболь быстро уходит. Теперь я могу сказать моя дорогая Доро. Спасибо тебе, и я продолжаю спектакль.

Я очень нервничал после первой песни, потому что чувствовал, что публика очень плохо подготовлена, потому что до начала сезона многие газеты говорили, что я старый и на закате, но когда я пою «Largo» дуэтом в первом акте... Какой взрыв! Все были в восторге и мы перестаем петь на некоторое время. С этого момента я взял публику. В конце акта я взял две верхние ноты очень сильно и красиво, энтузиазм был до зенита. Но мое сердце! Он прыгает ужасно и я почти падаю! Меня много вызывали и много поздравляли потом в моей уборной. Второй прошел прекрасно, и публике очень нравилось, потому что получалось понимание. Я никогда не слышал такой шум после арии даже в «Метрополитене». Ты помнишь, какой большой шум делает погода когда мы были дома, в Италии? Все громко хлопали и кричали «Браво, браво, браво!». Жара, платочки и шарфы мушин и женжин были как знамена. Почти десять минут они аплодировали и вызывали меня на бис, но я не мог из-за нервов, я был очень возбужден, и спектакль закончился замечательно. Очень плохо, что мне плохо аккомпаньировали, потому что другие артисты были очень слабыми. Пресса сегодня просто прекрасный, и я рад, потому что теперь все у меня в руках.

Теперь я иду делать свой туалет, потому что уже поздно, и я должен ехать на рипитизию.

С любовью РИКО

Букарели 85, Мехико,
3 октября 1919, 2.35 ночи

Моя Доро!

Не говори, что пора спать, потому что сильно поздно. Я не хочу спать, потому что хочу говорить с тобой. Я знаю, что

поздно, и особенно после спектакля, но у меня есть один долг, и я не хочу спать, пока его не выполню. Вот и я.

Продолжал по порядку. После того, как я простился с тобой моим последним письмом, я начинал делать мой туалет и потом поехал в театр. Весь переполнен. Была опера, как я говорил тебе в телеграмме «Бал-маскарад». Я был немного нервный, потому что нет письма от тебя, но я извиняю тебя, потому что знаю, что ты не знаешь, когда я пою.

Моя душа немного волновалась. Мои мысли и презентасьон были не лучшими. Сопрано очень слабое. Папи от отказался дирижировать, в результате ты поймешь, какие были мои чувства, когда я отправлялся спать после всех стараний, которые я старался весь день из-за моей головоболити.

Я прибыл в театр в 8 вечера, гримировался, оделся быстро и в 8.45 представление начинается. Моей первой песне аплодировали, но я замечаю, что публика плохая реакция. Первый акт закончился двумя вызовами.

Второй акт начинается хорошо, потому что у мадам Безанзони, которую мы видели в ресторане у Пейна, очень красивый голос. Затем было трио со мной и сопрано. У сопрано слабый голос, и публике не нравится. Затем мы поем трио и нет успех. Потом следует моя баркарола, и в первой же части я схватил публику за нос, и был взрыв аплодисментов. Я делаю знак рукой, говоря «Еще не заканчивается». Затем я пою вторую часть, и в конце песни был полный. В третьем акте у меня дуэт с сопрано и трио с баритоном. Эти два отрывка успех не были, потому что эти двое знают только флиртовать и большие ничего. Если бы я был публикой, я сделал бы ту же вещь, что делала публика. Ши! Ши! В четвертом акте я не пою и не выхожу на сцену с первой по вторую часть, так всегда было. Потом, после первой части заканчивается 4 акт, и они начинают вторую часть и ничего не говорят мне. Но я услышал свою музыку и прыгнул на сцену как бомба. Публика поняла, оркестр повторил музыку два раза, я успел к своей песне. Там у меня есть хорошая фраза, и публика была в восторге. Финал был отличный, и в конце концов я должен был три раза выходить один. Все закончилось хорошо, но сопрано была очень неуспех.

Извини, я должен идти в постель, позволь мне спать.

Я люблю тебя РИКО

5 октября он спел «Кармен» под открытым небом в «Эль Торео». Впервые он выступал на арене для боя быков, его слушало 22 000 зрителей.

Букарели 85, Мехико,

понедельник 5 октября 1919, 7 часов вечера

Дражайшая моя Доро!

Только сейчас у меня есть возможность взять ручку и написать тебе. Надеюсь, ты на меня не сурдита, потому что я должен быть кратким, а тво письмо не уйдет завтра утром.

Тогда я начинаю со вчера, и точно с того момента, как тебя оставил.

Когда я сделал все приготовления, я отправился в Плаца. Это арена для боя быков, где теперь есть сцена для оперы. Был красивый солнечный свет, но мой голос как полночь, темный, очень темный, и я дрожал. Я одеваюсь быстро и надеваю что-то на горло и готов к выступлению. Точно в половине четвертого мы начинаем, и я выхожу. Аплодисмент меня приветствует, но без энтузиазма. Я начинаю петь, голос сильный и ровный, но я быстро оценивать себя и думать, что все хорошо до самого конца. Затем идет дуэт с Мичелой, плохо, очень плохо, и в конце дуэта я нервничаю, потому что Мичела поет плохо, мой голос звучит нехорошо и гложет, а публика аплодировала. С этого времени погода начинает меняться, появлялись большие облака, и прежде чем закончился первый акт, начался дождь, мы с Кармен все мокрые. Мы думали, что публика уходит, но никто не двигается. В конце акта нас несколько раз вызывали. Второй акт начинается с сильный дождь, и это был большой спектакль. Тысяча зонтов открылась и закрыла всю Плацу. Мы не видим ни одной головы и не слышим оркестр. Мы надеемся все время остановиться, но публика остается. Начинаю петь романса, и в середине не знаю почему, причина дождь или мое состояние, выходит неправильная нота. Быстро думаю «Сейчас начинается революция», но никто не скажет ничего, и я пел до конца, а публика приняла с жаром и энтузиазмом, и была большая овация. Но дождь идет все сильнее. Мы закончили акт, и нас пять раз вызывали. Было забавно видеть одно огромное черное пятно по всей Плаца, иногда красное, иногда синее — все зонты.

Третий акт был самый плохой, и мы все также продолжали, но в конце стало невозможно. Я спрашиваю: «Когда мы перестанем?» Кто-то отвечает: «Когда публика скажет, чтобы мы перестали». Но никто не сказал ни слова. В конце мне устроили большую овацию, в этом акте я был в хорошей форме, потому что голос согрелся. Кто-то плохо придумал сказать публике, что спектакль закончился, потому что артисты не хотят петь из-за погоды. Я был в своей уборной, готовился к последнему акту, и услышал большой шум. Уборная находится под лестницей Плаца точно там, где готовят быков. Затем я услышал этот шум, и это было как революция. Я отправил человека посмотреть, что случается, и мне говорят, что случилось. Быстро я сказал публике, что спектакль будет продолжаться. И все вернулись на места, потому что они начинали ломать сцену. Затем мы заканчиваем оперу, и сильный ливень, и половина публики не слышит ничего, потому что шум бьет по зонтам. Мы все мокрые, и только поэтому был успех, а как артисты, мы все были очень плохие.

Утром пресса была неплохая, только в одной газете говорится о несчастии, но по-доброму.

...Несколько человек приехало для того, чтобы отвезти меня к месту, которое называется «Маленькая Венеция» — человек сорок мужчин и женщин. Меня немного раздражало поведение Фучито и Зирато, потому что они выглядели так, будто

никогда в жизни не видели женщин. Мне это неприятно, я не люблю, когда люди думают про них плохо, а в результате и про меня тоже, потому что они у меня служат. Люди не имеют своей меры. Теперь я им обоим покажу и никогда не возьму с собой развлекаться.

Спокойной ночи, любимая, до завтра.

Всей душой шлю тебе свою любовь РИКО

Мехико,

7 октября 1919. 6 часов вечера

Дорогая моя Доро!

Значит, дорогая моя, ты плакала над моим письмом? Почему? Есть ли у меня сила с моим плачем англизким заставить тебя плакать? Я не хочу, чтобы твои прекрасные глаза плакали. Я хочу, чтобы ты смеялась, когда ты одна и плакала, когда я рядом, чтобы я мог тебе помочь. Ты не должна плакать даже в шутку, и я никогда не сделаю так, чтобы ты плакала. Ты должна радоваться жизни и моей любви.

Теперь новости из моей жизни. Сегодня утром я оплатил здесь первый чек за две недели в 1860.00 долларов. Тумаю, что это оч много, но я должен заплатить. Представь, я плачу за полотенца и матрицы и аренду дома за два месяца. Такой расход связан с тем, что в доме не было мебели, а поскольку он такой большой, нам нужно было много вещей. Когда я буду уезжать, я отправлю все вещи, которые не смогу увезти с собой, в госпиталь.

В 2 часа дня мы вышли в город обедать. Нас пригласил мистер Трипьеда, но лучше называть его «Онопьеда», потому что он малообразован. Он говорит, что обед будет «по-домашнему», но было очень много людей из итальянской колонии, начиная с министра. Но это ничего. Обед был прекрасный. В конце Трипьеда встает и говорит речь: «Я должен поблагодарить коммендаторе Карузо и министра за ту честь, которую они имели, придя в мой дом». Я в это время делал зарисовку и услышал то, что он сказал, и со смехом поправил: «Это вам честь». Все смеются. Он сказал: «Извините. У меня немного коньяка в голове и я сделал ошибку». Было смешно. Но он продолжал и приглашал меня, чтобы я помял, что итальянская колония очень бедная, и спрашивает не спую ли я для бедных. Это было во время обеда. Я перестал рисовать и сказал несколько слов, поблагодарил и заметил, что нет необходимости устраивать такой. Лукуллов обед, лучше отдать его бедным и показать свою благотворительность. Я сказал это, чтобы всем посмеяться, я хотел сказать, что мне не нужен обед для того, чтобы я делал благотворительность. Я не знаю, как присутствующие поняли мои слова, но наступила тишина, будто я сделал что-то неприличное. Весь мир одинаков!

Спокойной ночи, сокровище моей души, и люби меня так, как я люблю тебя, много, много.

Всегда твой РИКО

Моя единственная и любимая Доро!

Сегодня утром вскоре после того, как я проснулся, я спросил, есть ли письмо. Ответ был: «К сожалению, ни одного». Мое лицо сделалось черным, и я выругался в адрес тех бандитов, которые на прошлой неделе взорвали поезд, потому что подумал, что все твои письма сгорели в огне, но я успокоился и сказал себе: «Подожди».

Потом я начинаю думать, сколько дней я буду без твоих писем, и мой мозг работает очень сильно. «Конечно», — говорю я себе. — «Есть телеграф», но это не одно и то же, потому что в телеграмме всегда чувствуется холод или жар рук работников, которые передают слова.

В час дня отправился к парикмахеру подстригать волосы и ногти, потому что и те, и другие стали очень длинными, в три я вернулся. Мы пообедали, а потом Зирато как сумашедший хлопывает себя по лицу и говорит: «Коммендаторе, простите меня! Я скотина! Умоляю, простите меня!» и опускает руку в карман и достает четыре твоих письма, которые пришли, пока меня не было. Представь мой радость! Спасибо, дорогая!

Нет, моя Доро, невозможно, чтобы ты любила меня больше, чем я тебя. Ты молода и не знаешь достаточно о жизни и любви. Я встретил тебя, когда мое сердце было печально из-за обстоятельств жизни, но когда ты подняла его и избавила от тяжести, он отдал всю силу своей любви для тебя, я хочу говорить, что он выбросил весь яд, который в нем был столько лет, и принял в себя новую любовь, это любовь к моей любимой нежной Доро. И вот я говорю, что невозможно, чтобы ты любила меня больше, чем я тебя, и когда-нибудь мы увидим, кто из нас прав. Доро, Доро, я обожаю тебя!

Я рад был получить хорошие новости о Мимми, и надеюсь, что он станет по-настоящему мужчиной.

Спасибо, дорогая, что ты положила шелковые подушечки в ящики моего бюро, я знаю, что они мне очень понравятся.

Скажи малышке, чтобы вела себя тихо. Это огромная радость, и я благодарю Бога за это счастье.

Спокойной ночи, моя обожаемая женушка, нежно обнимаю тебя.

Поверь мне твой и всегда РИКО

Букарели 85, Мехико

Любимая Доро!

Вчера вечером во время репетиции я не мог выдать из себя ни звука, а сегодня утром, прежде чем начинать свой туалет, посмотрел на свои голосовые связки, и они очень красные. Можешь представить себе состояние моих нервов! Затем я продолжаю заниматься своим туалетом и после ван-

ны пошел опять в постель спать до 12 часов. Я позвал Марио узнать, который час, потому что у меня нет часов, разбились, он мне сказал, затем дал мне два письма от тебя и я прижимаю их к сердцу. Я читал их три раза и вставал. Посмотрел свое горло снова, чтобы узнать, было ли мое лечение эффективным. Да, связки стали немного лучше. Я одеваюсь, иду гулять, день хороший.

...Я теперь понимаю, почему ты просишь меня заплатить что-нибудь Джозефу. Лучше подожди меня, потому что я сложу все деньги вместе и разделю между кредиторами. Я никогда не скажу тебе, правильно ты делаешь, или неправильно, но дам тебе увидеть вещи и понять то положение, в котором мы находимся. Я хочу видеть тебя всегда довольной и счастливой, и если однажды у меня кончатся деньги, я буду работать на бирсе, чтобы ты радовалась жизни.

Я твоей душой и телом. Все поцелую и всю свою любовь я посылаю моей обожаемой Доро.

РИКО

«Самсон и Далила» был его четвертым спектаклем, и он вновь выступал в театре «Эсперанзо Айрис».

Мехико.

10 октября 1919, 4 часа вечера

Дражайшая моя Доро!

Когда я вчера оставил тебя, я начал пробовать голос. Что за голос, дорогая! Совершенно треснутый. Но понемногу собрался и с нервами до самых волос отправился в театр. Еще немного приготовления, и я вышел вовремя. Первая песня прошла нормально, но когда Самсон пытается убедить людей, я устал. Вместо того, чтобы усилить голос, осторожно вышел на верхнюю ноту, и первая сцена проходит, но никаких аплодисментов. Затем трио. Хорошо. Во втором акте голос согрелся, и дуэт прошел прекрасно. Последняя сцена прошла хорошо. Я поблагодарил Господа. Публика не проявила энтузиазма после первой сцены, но в конце нас вызывали пять или шесть раз.

Я сообщил тебе в телеграмме, что не буду тратить деньги, потому что боюсь, что не закончу выступления и должен буду вернуть аванс. Ты знаешь, что у меня часто бывают плохие мысли, и иногда я не ошибаюсь.

Спасибо тебе, дорогая, за то, что находишь время писать мне каждый день. Да, дорогая, если человек родился квадратным, нельзя сделать его круглым. Мне очень жаль, но лучше твоему другу позволить сделать что-то для жены, иначе их жизнь будет короткой. Конечно, жена должна понимать, что муж работает и должен иметь привилегию командовать. Не давай никаких советов, потому что, как мы говорим «Не вмешивайтесь в дела мужа и жены». И позаботься о другой своей подружке,

потому что если она так ужасно влюблена в Капитано, ничего изменить нельзя.

Спокойной ночи, моя единственная любовь, моя любимая и дорогая.

РИКО

Мехико,

11 октября 1919, 5 часов вечера

Любимая моя Доро!

Как всегда, начинаю писать тебе с того момента, когда оставил тебя, потому что мне так легче, и в то же время ты точно знаешь, что я делаю днем и ночью.

96 Должна была быть репетиция «Марты», но в последний момент мне по телефону сообщили, что репетиции не будет, и просили остаться дома и, если не возражаю, послушать певицу. В половине девятого Папи, импресарио, и еще несколько мушкетеров пришли с маладой дамой. Как ты знаешь, у нас нет хорошего сопрано, импресарио ищет кого-нибудь, чтобы починить недостаток. Она поет, голос неплохой. Когда я сказал, что она хорошо поет, импресарио сказал, что она будет петь со мной в «Манон» Пуччини. Мне все равно, потому что я не хочу проблем. В десять часов я ушел спать и все мысли были о тебе. Я звал тебя много-много раз нежными именами, но мне никто не отвечает, и повторяя «Доро, моя Доро», я начинаю спать. Ах, дорогая, ты не представляешь, как мне хочется домой. Кажется, что я здесь уже тысячу лет, и я все время считаю, сколько еще дней должно пройти.

Одинок ли я без моей Доро? Я хочу умереть (в шутку) и чтобы мексиканцы отправили мое тело к тебе, а ты увидишь, что я живой и никогда больше не уеду от тебя. О, любимая, ты не знаешь, как я тебя люблю. Потом ты узнаешь и полюбишь меня также. Мое сердце так сильно бьется, я думаю, он хочет улететь к тебе, никогда, никогда больше я не покину тебя. Когда я вернусь, я возьму тебя к кузнецу, и он сделает кольцо, которое прикует твою ногу к моей.

Я думаю, дорогая, что с моим страданием я должен перестать работать и вернуться в мою страну, где тепло. Иначе я свалюсь, как плод сваливается с дерева. Я боюсь оставить тебя, умереть, и я хочу, да, я очень хочу оставаться с тобой рядом дольше, дольше и наслаждаться твоим очарованием и нежностью.

У Мимми голос? Не думаю. Рад, что людям он нравится и надеюсь, что его не испортят.

Теперь с печалью я должен оставить тебя, потому что мне надо ложиться.

Любовь, объятия и нежные поцелуи от твоего РИКО

12 октября он спел «Бал» на арене для боя быков в страшную грозу.

Мехико,
12 октября 1919, 6 часов вечера

Милая моя Доро!

Вот и я после ужасного дня, и я объясню тебе, но должен как всегда начинать с того момента, как оставил тебя.

В 3.30 начинается представление. Голос хороший и настроение прекрасное, но появлялось несколько темных облаков, и в конце первого акта начинался дождь, тонкий, тонкий. Мы начинаем второй акт и успех большой уже даже в первом акте. Я пою эти два акта прекрасно, и все довольны, им очень нравится. Но во втором акте, когда я пою баркаролу, где слова «я борюсь с ветрами, молниями и громами», действительно начался ветер, молнии и гром. Потом облака открылись, и вада полилась как шторм. Я ушел в уборную одеваться к третьему акту и был готов, когда вада вдруг начинает течь в мою уборную. Так мы оставались примерно полчаса, а публика ждала, закрывшись плащами и зонтиками. Когда я понял, что в уборной больше нельзя оставаться, я вышел и, закрывшись от воды, обратился к публике: «Что мы собираемся делать?» Они мне отвечают: «Идти домой». Я разделся под дождем, который шел в моей уборной, и поехал домой.

Кажется, в первый раз за всю мою карьеру я получил немного денег и не отработал их.

Как ты думаешь, что, если я отдам половину чека бедным? Мне не хочется брать эти деньги, но импресарио ничего не отдал обратно публике. И не понимаю, почему я должен отдавать свои деньги бедным. Думаю, я их pošлю моим бедным родственникам.

Твой РИКО

Букарели 85, Мехико,
14 октября 1919, 4 часа дня

Дорогая моя Доро!

Вот я весь перед тобой и начинаю рассказывать с того момента, как оставил тебя вчера...

В десять часов я отправился спать. Была боль, но не очень сильная. Я стараюсь скоро уснуть, и у меня получается, но в половине двенадцатого я просыпаюсь из-за шума. Это был Зирато, который думал, что я не сплю, потому что я забыла выключить свет и он отдал мне две твои телеграммы. Прежде, чем я открыл их, я услышал, как твой нежный голос говорит: «Рико-Рико, я здесь!», я посмотрел вокруг и конечно никак не было, только Зирато ждал ответа. Я прижал твоё дорогое послание к сердцу после того, как читал три или четыре раза, и я опять начинаю засыпать. В два часа я опять просыпаюсь, а твоё письмо рядом с моими губами! Я целовал его много раз.

Довольный, я встаю и иду к парикмахеру делать массаж. Все до сих пор говорят о «Марте». Похоже, что от этой оперы все с ума сошли.

Как и ты, я все время хочу писать тебе, и когда мне не дают этого делать, я бешенный и черный, пока не беру ручку и не начинаю: «Моя любимая Доро». Тогда мое лицо меняет выражение, и я становлюсь любезный и спокойный.

Я получил письмо от Мимми, невыразительное. Я отвечу ему также.

Теперь я должен уходить с большой печалью. Я отвечу завтра на твое милое письмо от седьмого. Дражайшая моя Доро! Я так тебя люблю.

Я храню тебя в своем сердце.

Твой РИКО

Букарели 85, Мехико,
16 октября 1919, 7.30 вечера

Дражайшая моя Доро!

...После того, как я прочитал твои письма, я почувствовал себя лучше, и мистер Стефанини сказал: «О, уважаемый! Вы забыли, что приглашены на бой быков». «Да, помню, — отвечаю я. — Но я должен пойти и написать моей дорогой и любимой женочке. Я не еду». Между нами произошла небольшая борьба, и он убедил меня, сказав, что очень плохо оставаться в комнате одному и работать мозгом, и я могу сделать это позднее.

Я подумал, что он прав, и пошел на бой быков. Какое впечатление, дорогая! Я не рассказываю тебе, потому что это вызовет у тебя отвращение, как и у меня, и я думаю, что в этом и была причина третьего приступа за этот день. Я ушел, не дождав-шись конца и начиная чувствовать себя плохо. Вернулся домой. Но в каком состоянии! Как мне было плохо, дорогая! Ни аспирина, ни электрическая подушка, ни другие средства не принесли скорого облегчения! Два часа страдания! Но когда я почувствовал, что могу двигать шеей, я поднялся и сидя так, подумал, что если напишу тебе, я буду чувствовать себя лучше и вот результат — я чувствую себя лучше.

Вечно твой РИКО

Мехико,
18 октября 1919, 5 часов вечера

Моя дражайшая Доро и любимая!

...Я поехал в театр в очень плохом состоянии. Я попробовал голос и удивился его легкости. Затем я стал немного спокойнее с нервами, но была боль в затылке. Спектакль начинается, из своей уборной я услышал, как проходит первый акт. Никто не знал роль. Ты должно быть помнишь, что я не был на генеральной репетиции, и спектакль был моей последней репетицией. Я услышал, что сопрано и меццо делают много неправильного, это сделало меня нервный, потому что я думал о своем дуэте, трио и квартете.

Вторая сцена, рынок, хор стал фальшивить и публика высказала свое неудовольствие страшными свистами. Я вышел с баритоном, и он начинал петь гадким голосом. Публика в гневе, потому что этот мужчина старый артист. Я начинала даргетто и с удивлением услышал, что в моем голосе нет блеска, но мой опыт заставил публику аплодировать в конце моего соло, и оркестру было много аплодисментов. Но я не был удовлетворен. Нас вызывали четыре раза.

Мы начинаем второй акт и до ноттурно (ноктюрна) было много ошибок, фальши и ситуаций. Представь, у Марты не было цветов и за десять секундо до того, как выйти, я замечал и говорил ей. Она не понимала. Потом я увидел, что у нее на шляпе цветы и пока пел сказал ей взять один. Ничего! В тот момент, когда я должен взять цветок у нее из-за корсета, я взял цветок из ее шляпы, и публика смеялась. После песни «Последняя роза лета» у нас самая интересная часть дуэта, и в тот момент, когда никто не ожидал, вышли Нэнси и Планкет. Сохраняя присутствие духа, я поменял слова, и вместо того, чтобы петь Марте, я дал понять, что они пришли рано. Они ушли, жестикулируя. Мы продолжаем дуэт, и нам много аплодировали. Публика вызывает меня много раз, но вместо этого я ухожу в свою уборную. Я вышел, чтобы спеть ноттурно. Я спел песню всей душой, и все были воодушевляемые. В конце 6 вызовов.

Затем идет третий акт, где романс. Ах, дорогуша, не знаю, где я взял этот голос! Я никогда не пел эту арию так красиво. Двадцать минут меня не отпускали, публика сошла с ума. Они просили повторить, но я не стал.

Потом идет концертато, где моя знаменитая фраза «*Maria a te perdonne Jddio*». Я спел эту фразу с большим чувством и силой, так что публика и артисты заплакали, и те, и другие аплодировали с энтузиазмом. После многих вызовов моя уборная заполнилась всеми друзьями, с которыми я здесь познакомился. Я увидел, что один из них так сильно дрожит, что пришлось ему оказывать помощь. У всех на глазах были слюзы и все целовать мои руки.

Чувства были так велики, это абисняется тем, что я никогда в жизни так не пел, и я обратился к публике своим чувством. Это потому, что за меня в это время молилась моя Доро. Тогда я подумал послать тебе записку и прежде, чем продиктовать телеграмму Зирато, который начинал плакать, сказал: «Даже с головной болью я пою прекрасно». Он был под влиянием чувств в связи с успехом и моим страданием. Бедняга! Я гладил его по голове, потому что он стоял на коленках, и он говорит: «Простите меня. Слишком сильное чувство!» Потом он ушел отправлять тебе телеграмму.

Последний акт прошел оллрайт, и нас много раз вызывали. Когда я садился в автомобиль, собралась толпа, и все жмут мне руку, а одна дама поцеловала меня.

Мы вернулись домой, легко поужинали, и я лег спать. Я засыпаю с твоим именем на губах.

Всегда твой РИКО

Мехико,
воскресенье 19 октября 1919, 1 час дня

Дражайшая моя Доро!

Я в постели, страдаю с прошлой ночи, с тех пор, как оставил тебя. Всю ночь, дорогая, боль беспокоит меня, и утром тумал сойти с ума. Вот уже три дня, как я ужасно страдаю, и ничто не снимает боль. Я уже сжег все тело, но и это не спасает. Представь, в каком настроении через два часа я буду петь Самсона! Задыхаюсь, в желудке шар, все нервы от носа до шеи страшно болят. В макушке я чувствую, будто там все время молнии. Глаза запали, веки тяжелые. Плохое настроение и никакого желания что-то поделать. Голова ходит вверх и вниз как колокол, и все нервы внутри причиняют боль. Ах, боже! Что мне делать? Это, конечно, расплата.

Я не хочу больше тебя беспокоить своей болью. Неприятно иметь дело с больным.

Твой РИКО

19 октября он спел Самсона в Торео. Он чувствовал себя очень плохо и в телеграмме сообщил, что на арене он «сильно молился, чтобы началась буря, но небо было чистым». Он сказал, что заложил в нос бальзам Бенге, растер голову и шею и, даже не пробуя голос, вышел петь. К его огромному удивлению, «все прошло хорошо до самого конца».

Букарели 85, Мехико.
22 октября 1919, 7.30 вечера

Моя родная и любимая Доро!

Есть поговорка: «Хороший день начинается с утра», и то же самое наоборот, утро начинается плохое, и конец плохой.

Потом мы отправились в театр в половине десятого и там ложа вся была украшена цветами. Спектакль начался с самого большого успеха артистки, чей был бенефис, она благодарит к публике и говорит, чтобы приветствовать великого артиста Карузо. Был огромный взрыв аплодисментов и яркий свет. Я был вынужден встать и поблагодарить публику. Мы находились там до половины двенадцатого, а потом вернулись домой. Конечно, мне не понравилось, потому что ничего не было интересного, ни музыки, ни артистов. Глухости, плохие голоса и ординарные испанские тапацы. Я страдаю из-за двух вещей. Во-первых, головная боль, и во-вторых, я потерял так много времени, а мог бы провести его с тобой. Если бы ты была со мной, тебя бы это раздражало также, как и меня.

В два часа дня я отправился в театр на единственную репетицию «Паяцев». В четыре я дома, обедаю. Был один господин (судья, которого назначили писать обо мне статью). Мы обедали и говорили. В пять я пришел к приятелю мистера Стефанини

послушать, как поет его сестра и дать свое мнение. Была сцена, потому что я сказал правду о голосе девушки, а она начала горько плакать, сумятица и всех кто был. Я не знаю, как вышел из ситуации, но вышел. Вообрази! Она хочет, чтобы я пел один вечер для нее, чтобы оплатить стоимость учения. Я почти подрался с ее братом, когда мы вышли, и он, смеясь мне в лицо, сказал: «Ах, Карузо, вы не знаете, как многим я вам обязан». Я не понимал. Он продолжает: «Вы спасли меня и девушку, потому что она думала, что она замечательная певица, а это беда с утра до ночи». Мы все смеялись, и я поехал домой.

И там я нахожу две твои телеграммы об анонимных письмах, меня очень рассердил этот собачий сын, который мешают нашему счастью. Я был в ярости. Это, должно быть, тот же самый человек, который присылал прежде и другие.

Люди используют невинные вещи, чтобы причинять нам боль, и думают, что мы станем сердиться. Вовсе нет. Мы должны радоваться, зная, что у нас столько врагов, и это позволяет нам понять, что люди нам завидуют из-за нашего счастья и положения. Конечно, первое впечатление плохое, но если как следует подумать, почему люди это делают, мы должны гордиться и смеяться над этим.

Да, дорогая. Маленькое дорожке большого, им надо больше чем нам. Тем не менее не думай о цене за дорогую Пучину, которая связала нас на всю жизнь. Она станет сладостью и увеличит наше счастье.

Твои письма, дорогая, такие интересные и добрые. Мне они очень-очень нравятся. Ты прекрасна в своих ошибках. Ты в том же положении, что и твой Рико. Он не знает английского, но он старается сделать себя понятным. Ты его понимаешь? Да? Значит, и он тебя понимает. Знаешь, почему? Потому что мы созданы друг для друга.

Каждый ребенок в глазах матери красив, и ты увидишь, что и для нас ребенок будет таким же, но для других он будет отвратительный.

Скучаю ли я по моей жене? О! Обожаемая моя!

Всю нежность, всю ласку, всю доброту и любовь шлет тебе
РИКО

Мехико,

25 октября 1919, 6 часов вечера

Моя самая дорогая Доро!

Я так виноват, что не писал тебе вчера! Я тогда начну с представления «Паяцев». В 8 часов вечера я вышел из своего автомобиля у дверей театра и увидел, что фасад театра украшен цветами. Я прошел через служебный вход и как только вошел внутрь, я увидел движение людей, и когда пересек сцену, чтобы пройти в свою уборную, там стояло четыре ряда работников театра, которые приветствуют меня громкими аплодисментами. Антидверь моей уборной и эта дверь были украшены моими фотографиями, пальмами и цветами. Антидверь — обыч-

ное место, где все работники сцены хранят вещи. В этот вечер из нее сделали маленькую гостиную для приема короля. Флаги, пальмы, цветы, картины и разные растения — все вокруг выглядело очень пестрым (живописно). Все улыбались и хлопали, и говорили: «Да здравствует наш любимый тенор!» Хористы, все работники сцены и начальники были помыты как для великого события.

Все ждут «Паяцев» после маленького концерта, где все артисты, принимавшие участие, были очень плохи.

Мы начинаем, и, как всегда, публика не понимает мои фразы, но им нравится. Я не был удовлетворен, потому что чувствовал, что между мной и публикой нет связи. Во-первых, потому что от «Паяцев» ждут слишком много, поскольку билет стоит втрое дороже, чем обычно. Во-вторых, концерт был очень плохой. И, в-третьих, там был один осел, который меня нервировал.

Однако мы прибыли к концу второго акта. Я не знаю, как спел ариозо, но я знаю вот что: меня буквально забросали цветами, которые прибывали со сцены, из ложи, из партера и с галерки, и был страшный шум. После пятого вызова я начинаю понимать, что происходит вокруг меня. Шум был потому, что публика поднялась и стала вопить как один человек, женщины выглядели безумными. Думаю, что было много, много вызовов, из-за этого мне чуть не стало плохо, потому что демонстрация была такой сильной, что мое сердце было тронут. Знаешь, о чем я думал и что искал посреди этой демонстрации? Тебя. Да, мои глаза пытались найти в зале ложу с моей Доро. Тебя не было! Я думаю, что если бы ты там была, ты бы заплакала от радости.

Забавно, о тех же вещах я писал Мимми в моем последнем письме. Похоже, его совершенно не волнует студия. Тем хуже для него. Я для него сделал все возможное и не моя вина, если из него получится осел.

Как много у тебя для меня сюрпризов? Надеюсь, очень много? Я целую твой платочек.

Я тебя люблю.

Спокойной ночи.

РИКО

26 октября он пел в «Аиде» на арене для боя быков.

Мехико,

26 октября 1919, 8.30 вечера

Моя единственная любимая Доро!

Вот я после спектакля «Аида», был настоящий триумф. Было немного нервозностей, но закончили мы спектакль очень хорошо. Я опишу тебе, как все идет.

Сегодня был очень хороший день, и солнце светило страшно жарко. Мы начинаем спектакль и в тот момент, когда надо выходить, сцена освещена солнцем. У меня в глазах как душ из

солнечных лучей, очень жарко. Как шведская баня. Я был вынужден закрыть глаза, невозможно смотреть на дирижора. Бас, хуже плохого хориста, начинает петь, и голос как у старой собаки, которая делает «Гав! Гав!». Все это меня нервнрует, и я начинаю петь с закрытыми глазами и солнцем на лице. Невозможно хорошо петь, и моя ария снята без чувства, и случайно я не пускаю петуха перед концом. Я закончивал хорошо и мне аплодировали. Но публика понимает, что я не удавленник, потому что овация без энтузиазма. Вторая сцена была тоже самое, и не было энтузиазма даже несмотря что я пел хорошо. Кто-то сказал, что причина бас.

Сцена триумфа прошла. Наступила сцена Нило (Нила). Я собрался и взял публику. Было много вызовов, люди сошли с ума. Я не знаю нужные слова, чтобы выразить, что публика делает, Шалаяны, зонты, платочки в течение всей арии, и крики, которые доходили до неба. Думаю, многие люди охрипли на много дней.

Я должен отдавать душу, чтобы взять публику.

Всю мою любовь и всю душу шлет тебе

Твоей РИКО

Букарели 85, Мехико,
28 октября 1919, 6 часов вечера

Миа адората Доро!

В половине первого я отправился к итальянскому консулу за визой. Там произошла неприятность. Здесь все конторы закрываются в час и прибавучи в консульство немножко поздно, я велел Зирато подняться и спросить, вовремя ли мы, а сам ждал в авто. Он пришел и сказал мне: «Консул хочет вас видеть». Я вышел и пошел искать консула, или вице-консула, кем он оказался, и он грубо и с дурным настроением сказал мне: «Уже второй час и контора закрыта». Бизтро я понял что что-то не так и очень любезно говорю этой скотинке (потому что он маленький и безобразный): «Вы правы, и я вернусь вечером. Ровно в три». Зирато нервничал. За много дней он впервые нервный, и я не знаю причину. Сам он говорил, что иногда у него нет желания работать и ссылался на перемену погоды.

В три я пришел в консульство. Я нахожу вице-консула очень любезным, совсем не таким, как утром. Мы оба хотим чтобы обисниться и очень вежливо он говорит мне, что не зарегистрировал утром мой паспорт потому что человек, который пришел к нему (Зирато), дурно воспитан и громко кричал. Я извиняюсь за Зирато, говоря, что он глуховат, и тогда все олайт.

Но, между нами, Зирато редко ведет себя не так, как должен. Он внимательный и, более того, он ведет себя так, словно он сам Карузо. Думаю, у мексиканца в голове все вверх тормашками. Неважно. Это не мое дело, но если он будет продолжать делать так, ему нужно уходить. Может быть, он переменится.

Я надеюсь, что Господь будет добр к нам и даст мне долгую жизнь, чтобы быть с тобой. На сегодняшней неделе я буду

у американской границы, и ты можешь себе представить, с каким волнением. Я жду того дня, когда буду рядом с тобой.

Знаешь ли ты, что каждый вечер, каждую ночь и утром и днем я громко зову тебя? Да, Дорогая, как безумный я говорю: «Доро! Где ты?» Никто не отвечает. Я чувствую такую печаль и уместно говорю: «Она дома, но я слышу ее шаги рядом!»

В этот день через неделю я буду всего за три дня от тебя.

Спокойной ночи. Я навсегда прощаюсь с тобой. Не беспокойся и позволь мне быть рядом с тобой и на коленях сказать тебе, что я тебя люблю.

РИКО

ГЛАВА ШЕСТАЯ

После возвращения из Мексики у Энрико не было ни одного свободного дня, но на короткое время головные боли отпустили, и он почувствовал себя бодрым и энергичным. По вечерам перед сном он прочитывал строчки из оперы «Еврейка» по несколько раз. Никогда не учил слова по-настоящему, уверяя, что запоминает их ночью, если пробежал глазами перед сном. По утрам у него проходили репетиции в «Метрополитене», поскольку он должен петь эту оперу через десять дней после «Тоски», которой открывался сезон. Помимо репетиций, записывал пластинки в «Камдене» для компании «Виктор», — самая тяжелая работа, куда труднее, чем петь в опере. В этом процессе ему не нравилось абсолютно все. «По утрам у меня голос холодный и тяжелый, — жаловался он. — Я не хочу петь».

104 Первые пластинки Энрико записал не для компании «Виктор». Он уже пробовал это делать в Италии в 1896 году на «восковых цилиндрах» с помощью записывающего устройства, присланного из Германии. Во время записи примитивная машина поломалась, и из Берлина пришлось прислать другую. В 1896 году он сделал несколько пластинок для маленькой итальянской компании звукозаписи, которую впоследствии купил «Виктор».

Для «Виктора» первые записи сделаны в 1903 году в «Карнеги-холле», где в то время располагалась лаборатория звукозаписи, и, поскольку с ним не подписывался контракт, он получал деньги наличными. Тогда и началась его дружба с мистером Кэввином Годларом Чайльдом, главой департамента звукозаписи компании «Виктор».

В студии «Камден» в Нью-Джерси он пел в короткий квадратный рожок, соединенный с записывающим устройством. Оператор, находящийся за перегородкой, подавал знаки через маленькое окошко. Никому никогда не разрешалось заходить за перегородку, потому что за ней скрывались секреты компании «Виктор». Музыканты, аккомпанирующие Энрико, сидели на вертящихся стульях в дальней части комнаты. Контроль за звуком и громкостью достигался их перемещением, поскольку в те дни не существовало усилителей.

Он начинал петь с оркестром. Затем говорил, какие хочет внести изменения, и пел песню снова. «Хорошо», — говорил он и делал знак оператору. Закончив петь, он сразу же прослуши-

вал запись и обсуждал ее с мистером Чайльдом. Хорошо ли записалось? Понравится ли публике? Пластинку нельзя было проигрывать повторно, запись производилась на воске, и пластинка разрушалась. Вновь и вновь он пел одну и ту же песню. Если скрипка звучала слишком громко, скрипач сползал со своего стула и отправлялся в более отдаленную точку комнаты. Если Энрико не нравилось, как записался голос, он требовал повторной записи. В конце концов часа через два достигался относительно приемлемый результат. С этой пластинки делалась медная, а с нее, в свою очередь, штамповали черные пластмассовые. Всякий раз в «Камдене» он пел в лучшем случае две или три песни и, хотя рвался домой, никогда не бросал работу незаконченной и не пропускал ничего, что можно улучшить. Через два дня мистер Чайльд привозил образцы в Нью-Йорк, и они с Энрико вновь прослушивали их. Если им что-то не нравилось, пластинку уничтожали, а Энрико возвращался в «Камден» переписывать все заново.

Однажды ему пришлось петь «*Cujus animan*» из «*Stabat Mater*» Россини очень много раз, пока запись не удовлетворила. Когда все было кончено, он вытащил из галстука жемчужную булавку и протянул обессилевшему трубачу. «Вы заслужили награду, — сказал он. — Я уже думал, вы сломаетесь».

В качестве свадебного подарка компания «Виктор» прислала нам лакированный, черный с золотом, китайский патефон. На внутренней стороне крышки была прикреплена золотая пластинка «*La donna e' mobile*». Это была первая песня, которую он записал для них в 1903 году.

До января 1920 года компания «Виктор» платила Энрико гонорары, которые составили 1 825 000 долларов.

Была середина декабря, и ребенок должен был вот-вот родиться. Мы перебрали сотни имен, но лишь вечером перед рождением Энрико вдруг решил, что мы должны назвать ее Глория, «потому что она станет венцом моей славы».

Она родилась 18 декабря 1919 года в половине одиннадцатого вечера. Первые слова, которые я услышала: «Драгоценная моя, это девочка». Держа ее на руках, он объявил, что, помимо имени Глория, у нее должны быть и другие: «Грацианна, в благодарность матери, которую звали Анна, Америга, ведь она родилась в Америке, Виттория, потому что мы выиграли войну, и Мария, в честь Девы Марии. Энрико заказал шампанское для всего персонала отеля и дал крохотной Глории каплю с кончика своего мизинца. Его счастье было безграничным. Когда на следующий день он исполнил «Любовный напиток», галерка вопила: «*Viva papa!*»

Однажды утром, месяц спустя, мы в детской наблюдали, как Нэнни купает и одевает малышку. «Зачем вы надеваете на нее все это? — спросил Энрико. — Как же вы сможете с помощью этих одежек держать ей спинку? Вы не пеленаете ее?» «Нет, Рико, дорогой, мы надеваем на нее платице». — Как забавно. В Италии пеленают. Ты не хочешь запеленаться, Пучина?» Он поднял ее и поднес к окну, открыл ей рот пошире и заглянул

в горлышко. «Посмотри, Доро, у нее все, как у меня. Будет она петь или нет, но глотка у нее, как моя».

Я смотрела на их лица в солнечном свете. Они так походили друг на друга, что мне захотелось плакать.

Компания «Метрополитен-опера» давала спектакли в Филадельфии по вторникам каждые две недели. Они выезжали в специальном поезде, и, когда выступал Карузо, мы отправлялись с ним. В дороге Энрико всегда молчал, ведь ему предстояло петь, но после спектакля по дороге в Нью-Йорк он пребывал в приподнятом настроении и всех нас одаривал своим обществом. Мы брали с собой большие корзины с курами, котлетами, салатами, фруктами, вином, сыром и сладкими свежими французскими булочками. Энрико приглашал своих лучших друзей — Скотти, Амато, Де Люка, Ротиера, Дидур и других сотрудников компании — поужинать с нами и рассказывал истории своей юности. Вспоминал былые дни, когда пел две оперы по воскресеньям в театре «Меркаданти» в Неаполе и летний сезон в Солерно, когда был так голоден, что во время антрактов спускал маленькую корзиночку на веревке из окна своей уборной, чтобы продавец сэндвичей наполнил ее. Рассказал о вечернем спектакле в Брюсселе, когда не осталось даже стоячих мест для студентов университета, и любители музыки, не имея возможности попасть в театр, собрались на улице и кричали в окно его уборной. Тогда он открыл окно и спел для них оперную арию перед тем, как выйти на сцену. И еще историю, как впервые (в девятнадцать лет) пел в театре маленького городка близ Неаполя. Его освистали и прогнали со сцены, потому что он, не зная о своем выступлении в тот день, перепил за ужином красного вина. Энрико вернулся домой, уверенный, что его карьере конец. Впав в отчаяние, даже думал покончить с собой. Но на следующий день публике настолько не понравился сменивший его тенор, что они потребовали «маленького пьяницу». Спешно послали за Энрико, и в тот вечер у него был первый в жизни успех. Наутро прибывшие к нему фотографы, дабы сделать снимки подающего надежды молодого дарования, застали его голым в постели: он отправил в стирку свою единственную рубашку. Завернувшись в скатерть, Энрико гордо позировал перед камерами с самым серьезным выражением лица. Этот снимок — первая опубликованная фотография Карузо.

106

Энрико любил рассказывать всякие истории, но никогда не сплетничал и не слушал сплетен. «Зачем они тратят время на болтовню? — спросил он однажды после того, как мы вернулись со званого обеда. — Если хочешь сказать что-нибудь хорошее — говори, а нет — помолчи». Поскольку терпеть не мог, когда с ним носятся, как со знаменитостью, общественные мероприятия в его честь не занимали никакого места в его насыщенной жизни. Хорошо известная дама из Филадельфии позвонила однажды и спросила, можно ли ей устроить обед и бал в честь невесты. «Ой, как здорово!» — подумала я. Никто никогда в мою честь не

устраивал обедов. Но, прежде чем я успела что-либо произнести, Энрико сказал Зирато: «Зачем она нас беспокоит? Разве не знает, я работаю? Скажи ей, мы не любим компаний. Она делает это не для нас, а для себя». Несмотря на разочарование, я промолчала. Энрико посмотрел на меня. «Тебе грустно, моя Доро? Я, может быть, эгоист? Просто мне так нравится быть с тобой вдвоем». Никакие вечера, какими бы роскошными они ни были, не доставляли мне такого счастья, как общество Энрико.

У Энрико на музыку не хватало времени. Мы никогда не ходили вместе в оперу. Думаю, он ни одной и не слышал за двадцать лет, кроме тех, в которых пел сам, и даже тогда не стоял за кулисами и не слушал, как поют другие артисты. На симфонические концерты тоже не ходили. Однажды попали на дебют Тито Чипа, тот выступал с программой неаполитанских песен. Мы опоздали, сели в последнем ряду в зале, где нас никто не видел, и через пятнадцать минут ушли. «Зачем мы вообще ходили?» — спросила я. «Потому что он тенор. Все нормально», — загадочно ответил он.

Энрико не играл на фортепьяно, мог лишь брать несколько аккордов, но не огорчался из-за этого. Ему никогда не аккомпанировали пианисты-любители, и сам он никогда не пел «для развлечения» на вечеринках. По контракту с «Метрополитеном» не имел права где-нибудь еще выступать, не получив официального разрешения. Я знаю лишь один случай, когда он нарушил это правило. Мы пошли на водевиль, спектакль устраивался для солдат и матросов в «Манхэттен Опера Хаус». Мы думали, нас никто не заметит, и сели на дальние места в ложе, но один мальчишка в переднем ряду крикнул: «Карузо!» Спектакль приостановили, публика завопила и затопала, а управляющий пришел в нашу ложу. «Мистер Карузо, все хотят, чтобы вы исполнили «*Over There*». Энрико без колебаний отправился на сцену. Спел песню, но публика не хотела его отпускать. Отмахиваясь и выкрикивая: «Все!» — он торопливо направился ко мне. «Мы должны немедленно уйти, — прошептал он. — Я должен сказать Гатти о нарушении контракта». Я ждала его в машине у служебного входа, пока он разговаривал с Гатти. Вернулся сияющий. «Он меня прощает».

Энрико давал уроки пения единственному человеку — Рикардо Мартини. Ему не нравилось учить, он считал: «Петь — одно, а учить — другое. Разве могу объяснить, как я пою? Выпячиваю грудь — вот так. А живот втягиваю — вот так. То, на чем сидят, тоже втягиваю. И пою». Без комментариев выслушивал объяснения специалистов — «методику Карузо», — «потому что я должен быть вежливым». Однажды после разговора с серьезным профессором вокала заметил: «Он больше меня знает. Давая уроки, он берет зонтик; открывает — ученики поют «ИИИ-ААА», затем медленно-медленно закрывает — они поют «ААА-ИИИ».

Энрико во время пения никогда не думал о том, что происходит с горлом, а что с языком. «Я думаю о словах арий, а не о музыке. Ведь сначала пишется либретто, а потом композитор делает мелодию, как фундамент и дом. Люди считают, что

я легко пою и легко отношусь к жизни на сцене, но они ошибаются. В такое время я работаю в самую большую силу. И не должен показывать, что работаю, когда пою: это и есть искусство».

У Энрико были глубокое и очень высокое небо, широкие скулы и ровные плоские зубы — все это придавало необычайный резонанс тону. Он мог положить в рот яйцо, сжать губы, и никто не смог бы догадаться, что там яйцо. Огромная грудная клетка при пении расширялась до девяти дюймов. «Он что, никогда не дышит?» — удивлялись люди, если фраза, не прерываемая дыханием, все длилась и длилась до самой последней ноты. Но сами по себе голосовые связки у него были обычные, как и у большинства певцов.

Его часто спрашивали, каковы особенности великих певцов. «Большая грудь, большой рот, девяносто процентов памяти, десять процентов ума, много работы и кое-что в сердце», — отвечал Энрико.

Он обладал феноменальной памятью. Знал шестьдесят семь ролей и к своему репертуару (более пятисот песен) постоянно еще что-то добавлял.

С возрастом его голос становился богаче, сочнее, глубже. Он пел по-французски, по-итальянски, по-испански и по-английски, но никогда не соглашался петь по-немецки, несмотря на просьбы кайзера. По этому поводу он заявил берлинской прессе: «На итальянском языке легче всего петь. В нем пять чистых гласных и очень мало согласных. Совершенно не могу петь по-немецки, в нем слишком часто повторяются согласные, а резкий акцент не дает правильно произносить фразу и лишает мой голос нужного блеска. У зарубежных артистов, поющих на немецком, лучше техника, вот и все».

Во время одного интервью ему задали вопрос: «В каком возрасте у певца голос лучше всего?» «У женщин не могу сказать, но для теноров, думаю, от тридцати до сорока пяти. До тридцати еще нет ни мастерства, ни сердца. А после у них уже есть и то, и другое. Мне было десять лет, я жил в Италии и пел, и пел хорошо. Когда исполнилось двадцать, я пел, и, возможно, пел лучше. Когда перевалило за тридцать, у меня был голос, опыт, мастерство, и я пел еще лучше».

Хотя к тому времени, как ему исполнился двадцать один год, Энрико спел в нескольких маленьких театрах Неаполя, он считал, что официальный дебют состоялся лишь 16 ноября 1894 года, в опере «Друг Франческо», в неапольском «Нуове». Он получил восемьдесят лир за вечер, и ему предложили выступить в четырех спектаклях. Опера успеха не имела, но молодой тенор понравился.

Двадцать пять лет спустя, 22 марта 1919 года, в «Метрополитене» состоялся его юбилей — пятьсот пятидесятый спектакль на сцене. Бедный Энрико боялся этого вечера. Он должен был исполнить акт из трех разных опер: «Напиток», «Паяцы» и «Пророк». Уезжая в театр, сказал: «Все, кроме меня, развлекутся».

В конце представления я пошла за кулисы. Подняли занавес. Энрико переделался в вечерний костюм и сидел в маленьком

золотом кресле рядом с огнями рампы, его окружали певцы и весь персонал «Метрополитена». Он выглядел встревоженным. Слушал цветистые речи и ни слову из них не верил. В глубине сцены стоял стол, заваленный подарками: серебряная ваза от руководства «Метрополитена», еще одна, от музыкантов оркестра, кубок от хора, огромный пергамент от владельцев лож театров Нью-Йорка, Филадельфии и Бруклина, золотая медаль от Гатти и множество других подарков. Кульминацией стало вручение флага города Нью-Йорка, символа пяти с половиной миллионов человек. Он принял все с такой простотой, с какой принимают глоток воды, и произнес вымученную маленькую речь. Я подумала: а что он чувствует? Вспоминал ли маленького мальчика, который переписывал ноты на улицах Неаполя по ночам?

Юбилей перетек в наш дом. Энрико сделал руками беспомощный жест, показывая на подарки, лежавшие на столе и стульях в гостиной. «Что со всем этим делать, Доро?» Подарки производили пугающее впечатление. Гигантский ковер ручной работы из грубой черной шерсти с красными цветами занимал половину пола. Серебряные кубки и вазы, рамы для картин и столовые приборы перемежались с охашками роз «Американская Красавица». Дюжины тростей и зонтов с золотыми, серебряными и костяными набалдашниками, запонки из оникса с большими бриллиантами, одиннадцать старинных часов с эмалью, картины, наши портреты в золоченой раме, вышитые на шелке. Коробки с игральными картами для покера и шахматами — игры, в которые он никогда не играл, и сигары «Корона-Корона», которые он никогда не курил. Здесь было неисчислимое количество золотых карандашей, золотых ручек, золотых портсигаров, золотых ножей для разрезания бумаги и множество вставленных в рамки пергаментов, подписанных сотнями музыкантов. В центре стола на серебряном подносе между дугами огромной подковы из роз, перевязанной красными, белыми, синими и зелеными лентами — смешение цветов Америки и Италии, — лежали сотни телеграмм.

«Боже мой, куда все это деть? — стонал Энрико. — Ну, ладно, публике понравилось, а для «Метрополитена» это хорошая реклама... А теперь я хочу спать».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Энрико состоял из двух половин: человека и гения. Мое понимание его зависело от того, насколько я отдавала отчет в том, чем в данный момент обусловлены его поступки. Я не всегда могла сразу осознать, кто передо мной в данный момент, человек или гений, и результат всегда оказывался ошеломляющим.

Его ревность поражала, хотя он и предупреждал меня, как только мы поженились: «Ты не будешь разговаривать ни с одним мужчиной, если меня нет рядом». Такая просьба не показалась невыполнимой, для меня это было лишь еще одной возможностью сделать что-то для него.

Весной, перед тем как отплыть в Италию, мы отправились в Атланту с компанией «Метрополитен-опера». Вечером, после первого спектакля, два его старых друга пригласили нас пообедать и потанцевать. Вечер был теплый, мягкий и звездный, столы располагались вокруг танцплощадки под деревьями, увешанными гирляндами. Мы сели за стол вместе с хозяином Джимом, крупным, толстым весельчаком и его хорошенькой женой Фэнни Мей. Я сразу поняла: они боготворят Энрико.

После обеда заиграл оркестр. И я неожиданно почувствовала, как на меня нападает приступ застенчивости. «Что я здесь делаю,— в отчаянии думала я,— среди незнакомых людей? Ведь они разглядывают меня и улыбаются только потому, что я жена величайшего тенора в мире». В этот момент Энрико пригласил меня на танец. Я взглянула на него и отказалась: он тоже сделался чужим. «Ладно, чуть позднее. Фэнни Мей?» И они пошли танцевать. Я видела, как они кружатся вдвоем, мое смущение прошло, и я вновь почувствовала себя естественно. Хозяин пригласил меня, и я сразу же согласилась. Энрико увидел нас и, когда мы проплывали мимо, сказал: «Я хочу поговорить с тобой после танца». Он ждал меня за столом. «Мы едем домой»,— объявил он. «Но, Энрико, мы не можем так поступить с Фэнни Мей». «Не имеет значения. Я так решил. Возьми пальто». Я недоумевала.

110 Как только мы вернулись в отель, он сразу же взорвался: «Зачем ты танцуешь с другим, отказав мне? Зачем ты такое делаешь — с этим толстяком?» «Но, Рико, он твой друг». «У меня нет друзей. А я — я ничто? Я не важен? Важен только хозяин?» Он кричал, я пыталась что-то объяснить, но от моих слов его ярость только росла. «Вот, значит, как. Тебе не нравится быть женой Карузо?» Я разрыдалась.

И тогда произошла перемена. Гневный блеск в глазах погас, они наполнились слезами. «Горе мне! — рычал он. — Что я тебе наговорил? Что я наделал? Ой, плохо, плохо, ты плачешь из-за меня!» Он метался по комнате, бился головой в стену. Кровь и слезы текли по лицу Энрико. Я пыталась остановить его, но — невозможно. Он продолжал всхлипывать. «Прости, Доро, мне так жаль». Я умыла его несчастное лицо, затем уложила в постель, села рядом и стала баюкать, приговаривая: «Ну, ну, Рико», — пока он не уснул. Я инстинктивно поняла, что не Карузо-человек устроил мне дикую сцену, а Карузо-гений, чья натура жила в тех же космических пределах, что и его искусство.

Мы никогда не вспоминали о том злополучном вечере. Несколько месяцев спустя он сказал: «Я хочу, чтобы ты стала толстой и никто на тебя не смотрел». И вздохнул.

Всякий раз, возвращаясь с улицы, Энрико переодевался и дома, за исключением тех случаев, когда принимал гостей, не носил костюм. Он надевал темно-красный, зеленый или синий парчовый халат с кушаком, серо-голубые брюки и мягкие рубашки. Когда мы поженились, я удивилась количеству одежды в гардеробе. В одном шкафу находилось восемьдесят пар ботинок, в другом — пятьдесят костюмов. «Зачем тебе так много?» —

спросила я. «Есть две причины. Во-первых, мне нравится. Вторых, другим нравится. И еще я раздаю людям, если просят...»

Через несколько дней после свадьбы отец прислал мне маленький чемоданчик. В нем лежали все мои вещи, оставленные дома. Совсем немного: книги, фотографии, два платья и зимнее пальто. Когда я распаковывалась, вошел Энрико. «О, как мало вещей». Он взял пальто. «У тебя есть потеплее, меховое?» «О, да, красивое и теплое». «Понятно». Его голос стал очень нежным. «Я хочу, чтобы ты не хранила их, Доро. Я хочу дать тебе все. Сегодня подарю тебе другое пальто». В тот же день он отвез меня к Джозефу на Пятую авеню. Впервые я вошла в такой магазин — полумрак, запах дорогих духов. Мы с управляющим сидели перед невысоким помостом. Я трепетала, а Энрико чувствовал себя, как всегда, непринужденно. Манекенщицы, одна за одной, проходили по помосту, демонстрируя соболя, горноста, шиншиллу, крота, бобра. К шубам прилагались муфты и шляпы. «Что тебе нравится, Доро?» О Господи, все выглядело так дорого! Я и не мечтала о таких мехах. Шуба из крота была самой короткой, возможно, дешевле остальных. Я робко произнесла: «Может быть, ту маленькую, из крота?» «Да, красивая, — согласился Энрико и сказал управляющему: — Мы покупаем все».

Поскольку я совершенно не разбиралась в нарядах, Энрико сам выбрал для меня гардероб и даже следил за аксессуарами. Начал он с того, что заказал для меня шестьдесят девять костюмов, пятнадцать вечерних платьев, двенадцать дневных, восемь деловых костюмов, шитых у портнихи, шесть жакетов, двенадцать вечерних пелерин, четыре платья для чая, двенадцать пижам для дома. Дважды в неделю я ходила в оперу и всякий раз надевала что-то новое, поэтому приходилось несколько раз в сезон обновлять гардероб. Каждое утро у меня была примерка. Уже через час от бесчисленных поворотов на одном месте начинала кружиться голова. Но безжалостные портнихи продолжали подкалывать булавками, сметывать, драпировать и подшивать до тех пор, пока я не начинала задумываться о мрачной перспективе роскошно одеваться.

Однажды мне очень понравилась шляпа Энрико в «Риголетто», украшенная красной бархатной короной, с широкими полями, обшитыми синим сатином, и с длинным белым страусовым пером, спускающимся за ухо. К сожалению, мой восторг произвел сильное впечатление на Энрико. Через месяц, поправляясь после воспаления легких, я лежала в постели. В дверь постучали, и раздался голос Энрико: «У меня для тебя подарок». Он вошел, следом за ним появились Марио и Энричетта, у каждого в руках было по большой коробке. В них лежало шесть шляп «Риголетто» шести разных цветов. Как кстати! Ведь теперь у меня появились серьезные проблемы в поиске нарядов, чтобы носить эти шляпы.

Украшения Энрико заказывал с такой же расточительностью, в точности описывая то, что хочет, и методично выбирал дизайн. Через месяц большая шкатулка для драгоценностей наполнилась комплектами всевозможных украшений. Они подходили к моим нарядам и являлись обычными аксессуарами, как носовые платки или перчатки. В стену нашей спальни встроили сейф, и толь-

ко Энрико и я знали шифр. В нем мы держали драгоценности и золото «для экстремальных ситуаций».

В тот вечер, когда он пел, я, выбрав драгоценности, убирала коробку в сейф и ехала в театр через три квартала. В середине первого акта мои мысли неизменно сосредоточивались на сейфе: закрыта или нет? Как только Зирато приходил, чтобы проводить меня за кулисы, я отправляла его домой проверить, заперт ли сейф. Если сейф оказывался открытым, я летела домой и запира-ла, надеясь, что Энрико не заметит моего отсутствия. Нечестно взваливать ответственность на Зирато в случае, если что-нибудь пропадет.

Иногда певцы обращались к Энрико за критикой, и он становился безжалостным во время прослушивания. Встречались хорошие голоса, но чаще — безобразные. Женщины из общества особенно старались: я помню одну, настоявшую на исполнении всего репертуара даже после замечания Энрико, что ее голос не подходит для оперы. «А что такое с моим голосом?» — удивилась она. «Он слишком старый», — резко ответил он.

Как-то раз маркиза С., обезоруживающе красивая женщина, и ее малюсенький супруг нанесли нам визит. Энрико познакомился с ними еще в Италии. Она гастролировала по всей Европе, профессионально пела, а муж аккомпанировал ей на фортепьяно. Она собиралась исполнить для избранной публики Дебюсси в театре «Принцесс» и надеялась, что впоследствии ее будут приглашать на домашние вечера. Если б Энрико пришел на концерт, она с уверенностью бы сказала, что будет иметь успех.

Мы пришли и сели в первом ряду. Давали утренний спектакль, и публика, в основном женщины, пришла в восторг при виде Карузо. Многие сделали вид, что знакомы с ним, строили глазки и хихикали. «Что за глупые создания?» — пробурчал он.

На сцене стояли пальмы, фортепьяно и высокое итальянское кресло. При появлении маркизы раздались вежливые аплодисменты. Одета в черное бархатное платье, длинное, облегающее, она плавно проплыла к креслу и села. Ее волосы, черные, как шелк, ниспадали по обе стороны белого, как лотос, лица; нос и рот словно с миниатюры; продолговатые глаза казались огромными под синими тенями. На коленях она держала муфту и сидела неподвижно, словно стеклянная. Ее крошка-муж проскользнул и занял место за фортепьяно. Она запела Дебюсси.

Публика сидела замороженная — все, кроме Энрико. Он закатил глаза и уперся носом в набалдашник трости. После концерта муж подошел к нам в вестибюле, трясась от возбуждения.

— Пойдемте со мной, — сказал он, — там собралась толпа, но маркиза вас примет.

— Я еду домой, — сказал Энрико.

— Но... — попытался возразить человек.

— Я еду домой, — повторил Энрико и бросил через плечо: — Можете прийти к нам вечером обедать.

За обедом Энрико смеялся, болтал, рассказывал без умолку всякие истории. И ни словом не упомянул о концерте. Маркиза

становилась все менее разговорчивой. Выждав, пока не подали кофе, она наконец решилась:

- Карузо, что вы скажете о моем выступлении?
- Очень красивое, — без колебаний откликнулся Энрико.
- Но что вы думаете обо мне?
- Очень эффектны — кресло, муфта, все.
- А мой голос, пение?
- Хотите знать мнение Карузо-артиста или Карузо-друга?
- Конечно, артиста.
- Ну, что ж... Вы не поете, потому что не умеете.
- Как вы можете так говорить? Я семь лет училась у Жана де

Резке!

— Тогда, мадам, вы оба потеряли время. У вас нет голоса, вы не знаете, как надо петь. Но вас будут приглашать на выступления, потому что вы красивы.

Она поднялась из-за стола и ушла.

На следующий день к нам зашли миссис Бельмонт и миссис Реджинальд де Ковен. Они присутствовали на концерте и хотели спросить у Энрико его мнение. Если он хорошо отзовется о певице, они пригласят маркизу выступать на свои домашние вечера.

— Она очень эффектна и имела большой успех, — заверил их Энрико.

Они ушли довольные.

Непонятные головные боли, терзавшие Энрико три месяца в Мексике, возобновились в январе, не ежедневно, но достаточно часто, и это держало его в нервном напряжении. В такие периоды необходимость петь по утрам причиняла мучения. Ему приходилось рано вставать, распеваться, лечить горло и «официально» одеваться, что он ненавидел. Однажды утром, перед выступлением в мюзикле Багби в «Уалдорфе», он проснулся с ужасным приступом. Пока он одевался, я видела, как вена на его виске набухла, а пульс на шее бился с такой силой, что голова заметно дрожала. Он перемерил по крайней мере с десятков воротничков, прежде чем подобрал удобный. Наконец произнес: «Позволь мне лечь». Глаза его воспалились, веки почти закрывали их. Зирато приложил лед к запястьям, но не помогло. «Может быть, позволим Багби?» — спросила я Зирато шепотом. Он покачал головой: «Пока не надо». Энрико медленно сел. «Пошли. Мне надо петь».

На сцене он ничем не выдал своих мучений. Закончив программу, все пел и пел на бис. А потом наконец сказал: «Спасибо, но я заканчиваю; страшно голоден, я, знаете ли, не завтракал». Такая откровенность произвела чарующее впечатление: великий Карузо, отгороженный огнями рампы, стал для публики душевным личным другом. Уходя, я слышала, как одна женщина сказала: «Какой он милый, правда?» И ее приятельница ответила: «Такой душа, я его хорошо знаю». Голос Карузо привел их в восторг, а его слова сделали родным. Они не заметили, как билась вена в виске. Энрико был хорошим шоуменом.

Окончание следует.

Перевод с английского ТАТЬЯНЫ ШАШКОВОЙ.

Последствия развала Аэрофлота мы испытали на себе, возвращаясь в июле из Якутии. Одна из вновь образованных компаний под названием «Красноярские авиалинии» продемонстрировала нам возможности дикого авиарынка.

Рейс № 102 Мирный — Красноярск — Москва начался точно по расписанию.

Но на подлете к Красноярску нас ждал маленький сюрприз. Приятный радиоголос предупредил пассажиры, следующие до Москвы, забирайте свои вещи, ибо в Красноярске предстоит смена самолета и экипажа.

На выходе спросили у стюардессы: долго ли ждать другого самолета? «Ну что вы, — ответила она, — он готов, через час улети-те».

После часа ожидания узнали в справочном бюро аэропорта сле-

дующее: Аэробус Красноярск — Москва (рейс № 150) оказался недозагруженным. Наполнить его решили пассажирами из Мирного. Самое грустное, что рейс этот отбывал по расписанию спустя пять часов. Стюардесса соврала нам, вероятно, опасаясь скандала на борту.

В Москву мы кое-как долетели. Не важно, что опоздали на последнюю электричку из аэропорта Домодедово. Не важно, что едва успели на последний поезд в метро. Не важно, что попали домой в середине ночи. Не важно, что домашних встревожила наша непонятная задержка (всем памятна катастрофа под Иркутском, Междуреченском). Главное — дома...

С коммерческой точки зрения эта ситуация понятна: будут гонять полупустые самолеты — разорятся. Правда, сегодня пассажир уже не бесправен. Он мог бы предъявить иск «Красноярским авиали-

ВЛАДИМИР
АНИСИМОВ

Фото
ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

в небе только

“ДЕДУШКИ”

ниям» и вернуть свои деньги — вплоть до полной стоимости билета (а это, между прочим, почти полмиллиона). Умножьте-ка полмиллиона на сотню пассажиров! Но авиаторы точно учитывают психологию, характер россиянина: он отходчив. В полете кляли красноярцев последними словами, а как приземлились... Да черт с ними со всеми, буду я еще по судам таскаться. Спорю на что угодно: ни один из наших полутчиков не попробовал отстоять свои права. Отчасти в силу характера, отчасти из-за незнания законов и собственных прав.

И все-таки «большая» авиация дает кое-какие гарантии попадания в нужный населенный пункт, обеспечивает относительную безопасность полета. «Малой» авиации развал Аэрофлота и экономические реформы принесли еще большие трудности, причем как пассажирам, так и летному составу. В этом мы убедились, общаясь во время якутской командировки с работниками Мирнинского авиапредприятия.

...В ожидании рейса на буровую сидим у Валерия Федоровича Сытника, инженера ПАНХ (неудобоваримые у нас наименования. Если расшифровать аббревиатуру, получается «инженер. Применения Авиации в Народном Хозяйстве»). Хотя оно уже не народное...).

Сытников отлетал в Сибири почти четверть века. Сейчас на пенсии, но ее, пенсии, по известным причинам на жизнь не хватает.

У авиаторов своеобразное «законодательство»: летчик-пенсионер, независимо от возраста, имеет право трудиться только в наземных службах. Общий доход Сытника — около шестисот тысяч. Но эту сумму необходимо разделить на 2,5 — именно во столько раз (в среднем) продукты в Якутии доро-

же, чем в центре России. Один пример: десяток яиц в Москве стоил меньше тысячи, здесь — 2600...

— В восьмидесятом году я взял несколько соток под огород. Знакомые удивлялись: неужели мне, командиру вертолета, денег не хватает? Хватало... Сбережений тысяч тридцать, да пенсия ожидалась 180 рублей. Думал, куплю в России дом тысяч за десять... Так все и гавкнулось. Якутия оплачивает переезд за пределы республики из расчета пять тонн груза на члена семьи, но куда я поеду? Некуда... Я-то хоть страну, границу посмотрел во время отпуска. А ведь многие приезжали сюда ради заработка. Отказывали себе во всем, жили на ящиках, питались макаронами. Теперь-то все заводят огороды, и никто этому не удивляется. А у меня уже налаженное подсобное хозяйство. Картошка, капуста, свиньи, куры, кролики... Да и как иначе, если весной мешок картошки стоил сто тысяч?

Якутия переживает то, что «остальная» Россия пережила год-полтора назад.

Раньше рейсы для народного хозяйства считались у авиаторов самым выгодным делом. В эскадрилье, где работает Сытников, 6—7 вертолетов летали в две смены. Теперь один-два вылета за день. Из девятнадцати экипажей осталось десять, грядет новое сокращение. Причина проста: у заказчиков нет денег на авиаперевозки, дешевле завозить грузы по зимнику. Бывшие богатые работодатели — нефтяники и газовики — сами сидят на мели. Многие буровые законсервированы. А ведь парк вертолетов Ми-8 был закуплен именно под обслужива-

ние буровиков... Летим с бригадой на одну из

сохранившихся буровых. У них вахтовый метод: пять дней — работа, пять — отдых. Впрочем, и дома не до отдыха. У сидящего рядом со мной помбура Володи трое детей, а зарплату не выдают пятый месяц. «Отдых» — это работа на огороде, поиски всевозможного «калыма», сбор и сдача в торговлю грибов, ягод.

Вертолет заставлен ящиками, мешками с продуктами. На буровой по крайней мере нет забот с питанием. Но тут Володя предлагает мне понюхать, что им выдали на продуктовом складе. Я нагибаюсь к торчащему из мешка куску мяса. Н-да...

А у командира нашего МИ-8 Мирзо Мурсалимова удачный день — целых два рейса. Кто не знает, поясню: заработок пилотов зависит от количества налетанных часов.

Нынче в России около трех сотен авиакомпаний! Был случай в Якутии, когда самостоятельной авиакомпанией объявил себя... экипаж АН-2. И не надо ссылаться на западный опыт: мол, у них там много (но не триста же?) компаний, поэтому за счет конкуренции повышается уровень сервиса, безопасности полетов, снижаются цены. Во-первых, их опыт отрабатывался десятилетиями. Во-вторых, наши бывшие идейные противники не извели мгновенного краха единой авиасистемы.

Унижающий национальное самолюбие факт: министерство транспорта США договорилось с московскими коллегами о проверке наших самолетов на соответствие международным стандартам безопасности. Госдеп США предупредил соотечественников: избегайте полетов на российских самолетах.

Вряд ли американцы доберутся до аэропортов Якутии... Впрочем,

с одним из них мы случайно познакомились в Ленске. Вместе с командиром звена самолетов АН-2 Виктором Кожуховым встречали вице-президента крупной фирмы господина Бауэра. Ему захотелось облететь на двухместном вертолете земной шар по маршруту Даллас — Даллас. Разукрашенную рекламной машину приветствовали население аэропорта и мэры города. Американец очень спешил: заправился, выложил пачку долларов и улетел в Якутск.

— Хороша машина? — спросил я у Виктора.

— Красивая игрушка. Оборудование в кабине — глаз радуется. Но для наших сельских площадок она не подошла бы. Лыжи, низкая посадка. Нет, такой машине нужны хорошие условия.

Г-н Бауэр улетел, а мы остались на грунтовой полосе на фоне ветеранов авиации — АН-24, АН-2. В тридцатитысячном Ленске нет бетонки. После дождя глинистую полосу моментально развозит, и связь с внешним миром прекращается. Зато в 7-тысячном Вилюйске, где принимают полтора рейса в день, бетонные плиты уложили, ведь оттуда родом сам секретарь обкома!

Старейшина авиации, долгожитель АН-2 работает аж с 1947 года! Наверное, самая надежная «антоновская» машина. Но безнадежно отставшая от современных требований по уровню комфорта. Перепад температур в Якутии — от плюс тридцати в июле до минус шестидесяти в январе. Летом жуткое пекло в кабине, зимой не спасают даже унты.

— Неужели нет ему достойной замены? — спрашиваю Кожухова.

— Нет... АН-38 великоват для местных линий.

— А Л-410?

— Не на всех наших аэродромах он сможет сесть. Да и что это

за аэродромы? Кусок поля, обозначенный флажками. С некоторыми даже радиосвязи нет. Летим, не зная обстановки. Бывает, прилетишь, осмотришь сверху площадку — и назад.

Тридцатилетняя лётная молодежь уходит на пенсию: ей легче, чем «старикам», воспринять реформы и начать новую жизнь. А старая — унижена нищенскими расценками. Если раньше час полета оценивался до пяти рублей, то нынче — до 1700. Соотношение можете вычислить сами... Кожухов полюбопытствовал, сколько будет получать, выйдя на пенсию. Насчитали 93 тысячи (с учетом районного коэффициента 1,8). А если вернется в родную Воронежскую область, то коэффициент отнимут, несмотря на президентские обещания. Товарищ Кожухова как-то сказал ему: «Приехал сюда с одной гитарой — с ней и уезжаю». Виктор был недавно в воронежском авиаучилище. Когда-то там был конкурс — 25 человек на место. Сейчас недобор.

Парадокс: при массовых сокращениях в авиации есть свободные вакансии. Якутскому порту не хватает 40 техников, механиков. В улусах (районах) нужны диспетчеры. Светлана Карташова, инженер кадровой службы национальной компании «Сахавиа», съездила в Академию гражданской авиации. Так никто из выпускников, услышав о якутских окладах, даже разговаривать с ней не стал.

В самом деле: у командира АН-2 при удачном стечении обстоятельств, большом налете часов заработок составляет 700—800 тысяч (помните, что его надо делить на 2,5?). У второго пилота—75 процентов от зарплаты командира. И так далее... Кто пойдет, кому это нужно? Раньше каждый второй подросток мечтал стать летчиком,

сегодня мечты спустились с небес на землю.

А на каких машинах летают сибирские пилоты? Старые «Антоны» держатся лишь на опыте местных умельцев.

— Я перегонял отремонтированные самолеты с заводов Красноярска, Хабаровска, — рассказывал Кожухов. — Посмотрел, кто там работает. Сплошь пацаны! Делают так, что домой летишь на честном слове. А потом наши механики месяц доводят машину до более-менее приличного состояния.

Несколько лет назад Борис Николаевич Ельцин говорил республикам: берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить.

Все ли сумели соизмерить аппетиты с возможностями? Республика Саха (Якутия) потенциально очень богата: алмазы, уголь, лес, нефть, газ... И в то же время не в силах задействовать эти богатства на подъем экономики. Какая, скажем, польза от нефти, если нет средств на освоение месторождения?

«Суверенизация» затронула также интересы авиаторов. Создание национальной авиакомпании привело к новым убыткам. Самолет, вылетевший за пределы республики, обслуживается по расценкам, принятым для ближнего зарубежья, — на 40 процентов дороже.

Чтобы выжить, авиаторы вынуждены «продаваться» богатым спонсорам. Так, мирнинское авиапредприятие потеряло самостоятельность, став одним из подразделений акционерной компании «Алмазы России — Саха». Хозяева частично покрывают убытки, но и диктуют свою волю.

Авиация (пассажиры тоже) попала в зависимость от коммерческих интересов спонсоров. Рейс нерентабелен? Отменить! И поселки,

райцентры оказываются отрезанными друг от друга.

Самое страшное: подчинена коммерции безопасность полетов. Если в пункте назначения вдруг испортилась погода, летчик все равно сядет, не уйдет на запасной аэродром. Он знает: если уйдет, то привезет в свою организацию вот такой дополнительный счет за обслуживание, горючее, взлет и посадку. Спасибо ему, мягко говоря, не скажут. А то и выгнать могут. Это прежде командир был номенклатурой республиканского управления гражданской авиации. Новые хозяева вольны принимать-увольнять без лишних «формальностей». Так что лучше рискнуть при посадке...

По мнению якутских авиаторов, система транспортной безопасности должна быть единой. «Да,— говорили наши собеседники,— было много глупых ограничений и инструкций. Мы скрипели зубами, но выполняли их. Нынешняя вольница, снижение дисциплины — худшее зло».

Валерий Сытников вспоминал, как однажды инспектор отрезал его бортмеханику талон нарушения за появление на работе не в форме. Сейчас никого не интересует, как одет экипаж. Мелочь? Все начинается с малого.

«Заяц» на борту считался чрезвычайным происшествием. Теперь это нередкое явление: «договориться» с экипажем стало значительно легче.

О перегрузках самолетов ради коммерческой выгоды и связанных с ними авариях уже столько написано... Не слышно только об уголовных делах по таким случаям.

...Как бы там ни было, в небе Якутии мы чувствовали себя спокойно. Авиаторы Сибири, Севера — отменные мастера своего

дела. Суровые условия здешних мест — лучшая школа летного мастерства.

Жаль, что многие мастера уходят. А молодежь перестала мечтать о небе...

ЭДВАРД ХОХ

ПЯНИСТ

Рисунок ВЯЧЕСЛАВА ЛОСЕВА

БИТИР

Вечерами, выходя на крыльцо подышать свежим воздухом и наблюдая, как рабочие электронного завода, расположенного на окраине поселка, медленно разбредаются по своим домам, он мысленно благодарил судьбу за то, что не принадлежит к их числу. После ужина к нему нередко подсаживалась Глория, чтобы посмотреть, как главы семейств играют в мяч со своими отпрысками или как прогуливаются в ближайшую лавку на углу за буханкой хлеба или пачкой дешевых сигарет. Это было мирное, вполне устоявшееся соседство, когда никто не проявляет излишнего любопытства и не сует нос куда не следует.

— Никки?

— Да?

Он с улыбкой взглянул на Глорию, присевшую на перила крыльца и болтающую своими красивыми длинными ногами. Это была бесподобная девчонка, которая, правда, слишком любила поговорить.

Он сам частенько подумывал о том, чтобы жениться на Глории. Ему даже порой представлялось, как он проводит остаток своей жизни на этой улочке и по вечерам ходит на угол за пивом. Но долго размышлять об этом ему не хотелось.

— Когда-нибудь сможем, — сказал он, и это был ответ на все вопросы.

Чуть позднее, около десяти, раздался телефонный звонок. Глория нехотя поднялась и исчезла в доме.

— Это тебя, — раздался ее голос.

Он прошел в дом и взял трубку.

— Ник Вельвит? — спросил его незнакомый голос.

— Да.

— Я хотел бы поговорить с вами о деле.

— Когда? Сегодня вечером?

— Да. Если можете, приходите в отель «Форстер», номер 229.

Ник улыбнулся в трубку.

— Я не веду деловые разговоры в гостиничных номерах, где можно только спать или заниматься любовью.

— Хорошо. Тогда где?

— В сквере напротив гостиницы. Около фонтана.

— В темноте? — неуверенно пробормотал голос.

— Лучше всего я работаю в темноте. В одиннадцать часов.

Приходите один.

— Как я вас узнаю?

— Я вас сам узнаю, — сказал Ник и повесил трубку.

Он всегда их узнавал. Они все были на одно лицо.

Глория вернулась с крыльца.

— Кто это, Никки?

— По поводу работы. Вернусь около полуночи.

Направляясь к дверям, он натянул свитер. Ночи здесь порой бывали прохладными.

Ник Вельвит родился в нью-йоркском Грин Виллидже как раз в то время, когда «итало-американские аборигены» успешно отражали нашествие цыган. Ник укоротил свое первоначальное

имя, звучавшее как английское растянутое слово «сыр», и вместе с другими парнями, исключенными за плохое поведение из средней школы, отправился «воевать».

С годами его работа начала приобретать конкретную форму, и сейчас, приближаясь к сорока, он стал признанным специалистом. Ему звонили, к нему приезжали издалека, потому что в определенных делах он не имел себе равных в мире.

Ник Вельвит был вором. Причем особого сорта.

Он никогда не крал денег, никогда не крал для себя. Вернее, крал по заказу, забирая вещи, которые для других воров были слишком большими, необычными и порой даже очень опасными. Крал из музеев, из правительственных учреждений и у промышленных корпораций. Он умудрился похитить статую римского бога Меркурия прямо с фронтона здания почты и витражное стекло из музея средневекового искусства. Однажды даже выкрал целую бейсбольную команду, включая менеджера, тренеров и весь их спортивный инвентарь.

Нельзя сказать, что Ник любил свою работу или заранее стремился сделать ее постоянным родом своих занятий. Но, когда это произошло, он не особенно печалился.

Гонорары были солидными. Работал он только раза четыре-пять в году, не более недели каждый раз. Повидал мир и познакомился с некоторыми интересными людьми.

Однако Гарри Смит, который стоял в тени около фонтана, как гангстер времен сухого закона, ожидающий лодку с контрабандным грузом из Канады, не принадлежал к их числу.

Нику не понравился не только его внешний вид, но и то, как он представился Смитом. Имя Нику тоже не понравилось.

— Вельвит, мне порекомендовал вас один человек из Чикаго, — произнес Смит, отбарабанивая слова, как электрическая пишущая машинка.

— Что ж, может быть.

— Мы будем разговаривать здесь? Может, поговорим у меня в номере?

Ник Вельвит улыбнулся.

— Там слишком легко установить подслушивающие устройства. Мне бы не хотелось, чтобы мои деловые разговоры были записаны на пленку.

Гарри Смит пожал плечами.

— В наши дни, черт побери, вас могут подслушивать где угодно. Может быть, это делают уже сейчас.

— Вот почему мы будем стоять у фонтана. Шум воды хорошо заглушает разговор. Переходите к делу.

Гарри Смит вышел из тени деревьев в круг света, отбрасываемый фонарем над их головами. Это был грузный мужчина с рябым лицом, напоминающий небольшую гориллу.

— Мы хотим, чтобы вы выкрали одну вещь, — произнес он.

— Я так и предполагал. Мои услуги стоят дорого.

— Сколько?

— Не менее двадцати тысяч. Конкретно зависит от характера дела.

Гарри Смит шагнул опять в тень.

— Мы хотим, чтобы вы выкрали тигра из зоопарка.

Ник уже давно научился не выказывать удивления. Он просто кивнул и сказал:

— Расскажите о деле подробнее.

— Зоопарк расположен в городе, в Глен-Парке. Нас интересует так называемый «пятнистый тигр» из Юго-Восточной Азии. Считается, что это очень редкое животное.

— Так уж и редкое?

Человек пожал плечами, и Нику почему-то вновь на ум пришла горилла.

— Один принц со Среднего Востока готов хорошо заплатить за этого тигра. Мы, со своей стороны, согласны уплатить вам двадцать тысяч.

— За животных — тридцать, — перебил его Ник. — Это более опасное предприятие.

— Мне необходимо посоветоваться.

— Ради Бога. Вы знаете, где меня найти.

— Подождите! — Гарри Смит схватил Ника за плечо. — Мы должны провернуть это дело в понедельник утром. Поэтому необходимо все решить прямо сейчас.

— Сперва я должен побывать в зоопарке.

— У вас будет почти три дня. Суббота, воскресенье, понедельник.

— Тридцать тысяч?

Смит еще какое-то мгновение был в нерешительности.

— Хорошо. Пять плачу вперед.

Они ударили по рукам, и Ник отправился назад к Глории, чтобы упаковать вещи в дорогу. Облака на ночном небе постепенно разошлись, и над его головой появились звезды.

Их было трое: Гарри Смит, Кормик, высокий, стройный англичанин, и высокая, стройная блондинка, отзывавшаяся на имя Джинни. Чувствовалось, что девушка — подруга Кормика, который — и это не вызывало сомнений — был мозговым центром операции. Ровным, монотонным голосом он отдавал приказания Гарри Смигу.

— Мне необходимо осмотреть место, — сказал Ник.

Кормик пожал плечами.

— Осматривайте, что хотите.

— Почему это должно произойти в понедельник утром?

— Вам платят не за то, чтобы вы задавали вопросы, мистер Вельвит.

Они сидели в фургончике-прицепе позади нового черного автомобиля с откидным верхом. Автомобиль и прицеп, так же как и девушка, принадлежали Кормику.

— Расскажите мне что-нибудь об этом тигре, — попросил Ник, потягивая из стакана шотландское виски.

Кормик, похоже, смог бы даже в колледже читать лекции по зоологии.

— Обыкновенные тигры довольно часто содержатся в зоопарках, но есть очень редкие виды, к числу которых относятся уссурийские тигры с тяжелым, толстым мехом, тигры-альбиносы

и китайские серо-голубые тигры. Но самым редким, долго считавшимся легендарным, является так называемый «пятнистый тигр» — необычный пестрый зверь. Известный нам экземпляр был пойман несколько лет назад у китайско-индийской границы и подарен зоопарку, расположенному в Глен-Парке. Возможно, это единственный экземпляр, содержащийся в неволе, и поэтому наш принц готов за него хорошо заплатить.

— Мне потребуется некоторое снаряжение.

Англичанин кивнул.

— У нас есть маленький закрытый грузовичок. Джинни будет за рулем. Она неплохо водит машину. Необходимо выкрасть тигра из клетки и на этом грузовичке вывезти его из зоопарка.

Ник закурил сигарету.

— Зоопарк охраняется?

Кормик кивнул.

— У них целый штат охранников, которые главным образом следят за тем, чтобы подростки не подходили слишком близко к клеткам. Известно, что в прошлые годы дети часто беспокоили животных.

— Дожили! Защита животных от людей! — хмыкнул Ник и расслабился. Его охватило чувство приближающегося успеха, хотя он никогда не поддавался своим ощущениям, даже тогда, когда предстоявшие дела казались слишком легкими.

— Будет лучше, — сказал он вдруг, как будто только что подумал об этом, — если утром со мной пойдет Джинни. В такое время одинокий мужчина в зоопарке может показаться подозрительным.

После секундного колебания Кормик одобрительно взмахнул рукой.

— Как хотите. Возможно, это хорошая мысль, ведь в понедельник она будет с вами.

— А где будете вы? — спросил Ник.

— Будем ожидать вас здесь, в фургончике. У нас заказан самолет. Он сперва перевезет тигра в Канаду, а затем на Средний Восток.

— У вас могут возникнуть трудности при перевозке тигра через границу. Как вы собираетесь их преодолеть?

Кормик улыбнулся.

— Разве я спрашиваю у вас, как вы будете красть тигра из клетки?

Ник прикурил вторую сигарету.

— Очень рад, что не спрашиваете. В данный момент я даже представить себе этого не могу.

Субботнее утро было прохладным. Высокие белые облака скользили по небу, то и дело закрывая солнце. Ник помог Джинни выйти из машины, и они обошли лужу, оставшуюся после утренней поливки. Прекрасный день для прогулки в зоопарке.

Ник опустил два пятидесятицентовика в щель турникета, и они вошли в зоопарк.

— Я еще помню то время, когда вход был бесплатным.

— В маленьких городках и сейчас не платят. Правда, там они не платят и за охрану.— Джинни двинулась по направлению к одетому в униформу мужчине, стоявшему у вольера с белыми медведями. Сбоку у него болталась кобура с револьвером, а на груди красовалась квадратная серебристая бляха местной службы безопасности.

— Им что, разрешается носить оружие?

— Не знаю. Скорее всего он незаряженный.— Джинни пожала плечами.

— Будем считать, что он все-таки заряженный. Ну и где этот пятнистый тигр?

— По дорожке прямо. Давай на всякий случай зайдем в обезьянник. Вдруг охранники за нами наблюдают.

Она оказалась проворной и сообразительной девчонкой. Нику нравилось быть с ней. Даже в зоопарке. Даже в обезьяннике.

Они медленно приближались к клеткам с кошачьими. Ник внимательно присматривался к жизни зоопарка. Грузовик с мусором. Выезжает через служебные ворота. Служитель. Поливает из шланга бетонную дорожку около тюленей. Старый торговец. Наполняет шарики из баллона с газом. Что-то сзади, около главных ворот, привлекло внимание Ника, и он спросил:

— А откуда здесь бронированная машина?

Джинни через плечо бросила на него взгляд.

— Это машина из банка. Забирает вчерашний улов полтинников.

— Полтинники — это деньги.

— Забудь о них. Самое лучшее — они бывают ужасно довольны, если за выходные набирается две-три тысячи долларов. Мы же находимся здесь ради более стоящей выгоды.

Наконец они оказались перед клеткой, которую искали.

— Да, он большой. Все правильно.

Пятнистый тигр оказался массивным зверем с забавной мордой. Такого пестрого меха Ник никогда еще не видел. Животное пружинистыми шагами кружило по клетке. Казалось, оно подчеркивало свое превосходство и над львом, и над обычным тигром, находящимися в соседних клетках. Н-да. Не хотелось бы повстречать такого зверя темной ночью где-нибудь у китайско-индийской границы. От встречи с ним становилось не по себе даже в солнечный день в зоопарке.

— А мне он нравится.— Джинни пожала плечами.— Такое ощущение, что он готов вот-вот на тебя броситься, даже несмотря на эти прутья.

— Может быть, он еще и бросится. Моя задача — как-то извлечь его оттуда.

— Кормик просто сумасшедший! Кто-нибудь слышал о краже тигра из зоопарка?!

Ник улыбнулся.

— Я выкрадывал и более странные вещи. Однажды, например, я украл десять тонн разменных аппаратов.— Говоря это, Ник продолжал внимательно присматриваться к обстановке. У всех клеток с обеих сторон имелись соединяющиеся дверцы,

у пятнистого тигра они были наглухо закрыты. Дверь в задней стене вела в логово зверя. Единственным выходом была небольшая дверца спереди, предназначавшаяся для подачи корма тигру и чистки клетки. Ник изучил цепь висящего замка на дверце и решил, что она не будет представлять проблемы.

— Достаточно насмотрелся, Ник?

— Пожалуй, да.

Они побрели дальше — мимо верблюдов, какое-то время постояли у лохматого длинношерстного старого бизона, который, казалось, понимал, что он — один из немногих своих уцелевших сородичей. Ник пришел в уныние и был рад вновь оказаться в машине.

Когда они вернулись в фургончик, Кормик разливал выпивку. Он улыбнулся и протянул стакан Нику.

— А я уж было думал, что вы привезете тигра с собой.

— Насколько я помню, вы хотели получить его в понедельник. Гарри Смит поудобнее устроился на стуле.

— Правильно. В понедельник утром. Без четверти девять.

— Почему такая точность?

Англичанин медленно потягивал виски.

— В это время нас будет ждать самолет. Так вы сможете выкрасть тигра?

— Ночью это было бы проще, — заметил Ник.

— Только не при такой охране. Вы не смогли бы выехать через главные ворота. Днем по крайней мере можно подойти к клетке, не привлекая внимания.

Ник прислонился к стене, не отводя взгляда от длинных ног Джинни, когда она устраивалась на сиденье.

— Иногда даже неплохо привлечь внимание. А теперь расскажите мне, что вы собираетесь делать после того, как я выкраду этого тигра.

— Джинни поведет грузовичок-пикап, — начал объяснять Кормик. — Она будет следовать вашим указаниям до тех пор, пока вы не выберетесь из зоопарка. Затем привезет вас сюда. Мы выплатим вам остальную сумму и заберем грузовик. Доставить животное на самолете в Канаду — это уже наша забота.

— А грузовичок выдержит тигра?

— У него толстые стены с отверстиями. Выдержит.

Ник Вельвит кивнул и произнес:

— Мне нужно кое-что приготовить.

Он позанимствовал машину Джинни и направился в город, в магазин различных мелочей, который в субботу вечером, к счастью, был еще открыт. Здесь он купил пистолет, стрелявший усыпляющими пулями. Так, на всякий случай. Вдруг тигру не понравится, что его похищают.

Вечером в воскресенье Ник вместе с Джинни вновь отправился в зоопарк, чтобы изучить униформу служителей. Между прочим, ему хотелось также присмотреться и к Джинни.

— Как ты познакомилась с Кормиком? — спросил он, когда они проходили мимо террариума.

— Ну, как это всегда происходит? Я была танцовщицей в небольшой шоу-оперетте, неподалеку от Бродвея. Мечтала когда-нибудь создать свою собственную труппу. Он сказал, что мог бы мне помочь и вложить немного денег.

— И выполнил свое обещание?

— Только после завершения данного дела. А потом, конечно, будет еще какое-нибудь дело. Потом опять еще. Но вообще-то он парень неплохой и держит Гарри на своем месте.

— Давно вы втроем?

— Около года. Одно время с нами была еще девчонка Гарри, но она быстро вышла из игры. Гарри частенько лупил ее, а ей это не нравилось.

— А как Кормик узнал обо мне?

Джинни повернулась к нему, улыбаясь.

— В определенных кругах, Ник Вельвит, ты знаменит. Но я никогда не думала, что ты такой красавчик.

Ник красотой не отличался и знал об этом, поэтому перестал смотреть на ее ноги и насторожился.

— Давай пойдем назад, — предложил он.

По пути к выходу Ник остановился перед стойкой продавца воздушных шаров и приобрел два шара — синий и красный. Синий он отдал Джинни, а красный выпустил и, наблюдая за его полетом, долго смотрел, как он поднимается и летит на слабом ветерке...

В понедельник, на рассвете, шел дождь. И Ник проклял все на свете, считая, что удачи не видать. Он уже собирался предложить отложить дело, как к восьми часам небо начало светлеть, и дождь превратился в вялую изморось.

Все собрались в фургончике на заключительное совещание. Кормик пожал ему руку.

— Удачи тебе, Ник. Остальные деньги будут ждать тебя.

— Не могли бы вы сказать, где будете?

— Джинни знает. Мы увидимся сегодня вечером.

Ник быстро оделся в костюм, похожий на форму служителя зоопарка. Затем проследовал за Джинни в машину и сидел там, пока она парковалась около торгового центра на окраине городка. Потом они направились к грузовичку.

— Все в порядке, босс, — сказала Джинни, появляясь из-за грузовичка. — Какие приказания?

— Служебные ворота будут открыты. Мы въедем через них, а затем я оставлю тебя одну. Как только я подойду к клетке с тигром, ты медленно подьедешь, развернешься и задом подгонишь грузовичок к загородке вокруг клетки.

— А что в это время будут делать охранники?

Он ей объяснил.

— Ты — отличный парень, Ник Вельвит. Уверен, что это работает?

— Если нет, значит, я окажусь в брюхе у пятнистого тигра.

— А может, нам стоит купить еще один шарик, чтобы быть уверенными наверняка?

Он поднял глаза и присмотрелся к движению пушистых белых облаков.

— Пожалуй, в этом нет необходимости. Направление ветра примерно такое же, что и вчера.

Проверив содержимое своих карманов, он убедился, что все на месте.

Когда Джинни на грузовичке медленно въехала через служебные ворота, охранник зоопарка с удивлением повернулся и двинулся в их сторону. Ник выскочил из машины и поспешил вперед.

— Вы работаете здесь? — окликнул его охранник.

— Да. Чищу клетку тигра.

— Что? — Охранник с озадаченным видом продолжал идти к нему.

— Кто-то ночью бросил туда бутылку, а она разбилась.

Ник надеялся, что настоящий служитель еще не обнаружил стекла и не убрал его. Ему пришлось метнуть бутылку из-за ограды с расстояния пятидесяти футов, но его бросок, как всегда, был точен. Бутылка упала там, где нужно, как раз в углу клетки пятнистого тигра, и разбилась вдребезги.

Охранник повернулся, уставился на разбитое стекло и на расхаживающего по клетке тигра.

— Кто этот проклятый идиот? Я должен написать рапорт.

— Ночной дежурный уже сообщил об этом.

— Да? Хорошо. — Охранник уже поворачивался, собираясь уйти, а Ник перепрыгнул через внешнюю загородку перед клеткой, как вдруг, будто эта мысль только что пришла ему в голову, охранник спросил:

— А где ваше удостоверение? Я что-то не помню вас...

— Положите, пока я закончу, — ответил ему Ник. — Видите, руки у меня сейчас заняты. — Он прикрыл корпусом висящий замок и одним движением мощных кусачек перекусил цепь.

— Что?..

Дверца клетки начала открываться.

— Не двигайтесь! Не нужно лишних неприятностей.

— Эй, умник! Ты собираешься чистить клетку этими кусачками? Какого черта тебе здесь нужно?

Ник быстро поднял тяжелые кусачки и стукнул охранника по голове. Тот закатил глаза и стал медленно оседать на землю. В это время другой рукой Ник что-то вытащил из своего кармана.

Подошел грузовичок, и Джинни поставила его в нужное положение. Кто-то закричал, Ник увидел бегущего к ним служителя. Охранник, стоявший вдали, у ворот, тоже повернулся и пошел в их направлении.

Ник на мгновение застыл, а затем метнул в приближающиеся фигуры две дымовые пашки.

— Ник!

— Поторопись! У нас только одна минута. — Он вытащил из грузовичка доску и положил ее поперек перил к дверце клетки. Затем просунул еще одну дымовую пашку в клетку и открыл дверцу машины как можно шире.

Испугавшийся тигр сперва повернул к своему логову, затем передумал и бросился прочь из клетки по доске в ожидающий его грузовичок.

— Готово! — крикнул Ник, резко выдернул доску и с шумом захлопнул заднюю дверь машины. — Давай выбираться!

Один из охранников прорвался через дымовую завесу и не успел еще схватиться за кобуру, как раздался выстрел.

— Бегут от главных ворот, — сказал Ник, вскакивая на сиденье рядом с девушкой. — Что там происходит?

Джинни не произнесла ни слова. Она со всей силы нажала на акселератор, и грузовичок рванул вперед, к служебным воротам, которые все еще были открыты. Охранник выстрелил им вслед, но они уже были далеко.

— В машине долго оставаться нельзя. Небезопасно.

Ник бросил взгляд в боковое окошко, когда они пролетали мимо главного входа в зоопарк. Там стояла бронированная машина с открытыми дверцами. Около нее на мостовой лежали два тела в униформе.

— Что ты скажешь об этом? — зарычал Ник.

— О чем?

— Черт побери, ты прекрасно знаешь, о чем! Твои друзья обвели меня вокруг пальца!

Джинни, мастерски крутя баранку, свернула в сторону, на пыльную ухабистую дорогу. Тигр сразу же начал рычать.

— Перестань ныть, — бросила она Нику. — Свои деньги ты получишь.

— Кормику вовсе не нужен был тигр! Вам безразлично, выкраду я его или нет. Все это задумано только для отвлечения внимания охранников на то время, пока Кормик и Смит разбирают банковский броневичок.

— Я не думала, что будет стрельба, — сказала Джинни, не сводя глаз с дороги.

— Если бы я попался, ты бы меня просто бросила. И все это сделано ради каких-то нескольких тысяч в полтинниках?

Джинни презрительно фыркнула.

— Пошевели мозгами, Ник. По утрам в понедельник банковская машина объезжает всех клиентов и собирает выручку за выходные. Если повезет, можно заграбастать до миллиона долларов.

— Кормик и Смит ждали в зоопарке, набросились на инкассаторов и забрали у них ключи. В зоопарк вошли оба инкассатора?

— Они всегда так делают, — ответила девушка, — так как уверены, что эта стоянка столь же безопасная, как и у церкви. Нам следовало только сбить с толку охранников зоопарка. Вот почему ты здесь.

— А также сделать из меня хорошего козла отпущения.

— Мне очень жаль, Ник.

Тигр позади них вновь зарычал.

— Бьюсь об заклад, нет! Ты пошла со мной для того, чтобы я не нарушил вашего графика.

— Конечно. Потом я брошу этот грузовичок и этого проклятого тигра, а сама пересяду в свою машину. Извини, Ник, ты не на эскурсии.

Ник быстрым движением выключил зажигание. Грузовичок фыркнул и, останавливаясь, по инерции покатил по пыльной дороге.

— Говори, — приказал он.

Джинни рывком открыла боковую дверь и побежала. Он выпрыгнул вслед за ней. Она быстро обернулась, вынимая руку из своей сумочки.

— Я в состоянии позаботиться о себе сама, Ник, — сказала Джинни, наставляя прямо ему в живот маленький пистолет.

— Идиотка! — Его рука также быстро выхватила из бокового кармана пистолет. Он упал на колено и нажал на курок, выпустив усыпляющий заряд в запястье ее руки за секунду до того, как она выстрелила.

Ник бросил спящую девушку посреди поля и повел грузовичок к торговому центру, где Джинни оставила свою машину. Весть об ограблении уже передавалась по радио, и он слушал это сообщение с выражением полного безразличия.

«Сегодня утром при налете у зоопарка убиты два инкассатора. Двое вооруженных мужчин в масках захватили банковскую машину и похитили около семисот тысяч долларов. Охрана зоопарка была сбита с толку похищением тигра прямо из его клетки. Кражу осуществили неизвестные мужчина и девушка. Украденный зверь редкой породы крайне опасен».

Въезжая в торговый центр, Ник выключил радио, затем передумал и включил громкую музыку. Тигр снова начал рычать. Нику вдруг захотелось узнать, мог ли действительно существовать принц, готовый выложить за этого тигра тридцать тысяч долларов.

Он нашел в бардачке машины Джинни дорожную карту и стал внимательно изучать ее. На ней карандашом были нарисованы четыре круга. Он нахмурился и погрузился в раздумья. Кормик и Смит не могли быть около зоопарка, в аэропорту или на том месте, где он в последний раз видел их. Таким образом, логически этих двоих можно было разыскать только в одном месте. Ник решил проверить.

— Эй, мистер, скажите, — окликнул его кто-то, когда он возвращался обратно к грузовичку, — у вас там какое-то животное?

Ник улыбнулся.

— Да. Моя собака. Здоровенная псина.

— Судя по рычанию, похоже на то.

Ник продолжал улыбаться, пока выруливал на шоссе. Он надеялся, что ему больше не придется пускать в ход свои усыпляющие пули.

Он поехал на прежнюю стоянку грузовичка, но Кормика и Смита там не было. Ник припарковал грузовичок среди деревьев неподалеку и стал ждать. Уже почти стемнело, когда Кормик и Смит появились на окраине лагеря. Ник улыбнулся.

Когда совсем стемнело, он медленно подъехал на грузовичке, встал задом к фургончику и вышел из машины.

— Черт возьми, что там за шум? — раздался голос Гарри Смита. Дверь фургончика распахнулась. Появился Кормик с пистолетом в руке.

— Кто здесь? Это ты, Джинни?

— Только тигр. Как договаривались, Кормик.

— Вельвит!

— Да, Вельвит. Голодный и уставший, но в нормальном расположении духа.

Ник открыл заднюю дверь грузовичка.

Тигр прыгнул в сторону освещенного фургончика и сбил Кормика с ног. Гарри Смит, стоявший позади своего напарника, завопил от ужаса.

Чуть позже Ник всадил в тигра усыпляющую пулю и выгреб всю добычу налетчиков. Спокойно протиснулся через начинающую собираться толпу потрясенных зевак и смылся до того, как на дороге показалась первая полицейская машина.

Ник Вельвит остановился в лавочке на углу, чтобы купить упаковку из шести банок холодного пива. Он шел медленно, наслаждаясь теплым вечером, пока не показался его дом и он не увидел Глории, сидевшей на крыльце.

Ник улыбнулся и ускорил шаг.

— Привет, Никки,— сказала она.— Останешься дома?

— Да, на некоторое время,— ответил он и открыл банку пива.

Перевод с английского СЕРГЕЯ ШПАКА.

ТЕЧЕНИЕ

ДНЯ

в фотографиях
АРКАДИЯ
КОЛЫБАЛОВА

— Я не стремлюсь «ухватить» экстремальные ситуации, — говорит Аркадий. — Мне не нужен герой. Обычный человек в привычной для него житейской обстановке — вот что привлекает меня.

Это художническая концепция Колыбалова.

И это, можно сказать, суть его собственной жизни. Хотя внешне она достаточно многолика.

Исток — райцентр Пучежа Ивановской области. Затем армия, десантные войска. Позже мы видим Колыбалова в Москве, на ЗИЛе — слесарем, сотрудником заводской многотиражки. Был он и студентом художественного училища... Первые два снимка опубликовал в «Московском комсомольце».

Аркадий Колыбалов — человек не суетной. Его мало кто знает из фототусовочной публики. Печатается только в еженедельнике «Россия», где и работает в штате. Ни разу не выставлялся, престижных призов и дипломов нет. Нынешнее «сменовское» представление его читателю — первый серьезный фототворнисаж фотографа Колыбалова.

— Может, я ленивый по части «себяустройства», но думаю так: если работы мои чего-то стоят, то им место и в каталогах, и в памяти людской найдется, — говорит Аркадий.

Наверное, он прав. Во всяком случае, американские издатели среди российских фотографов-профессионалов особо отметили А. Колыбалова, отобрав для публикации и выставок триста его работ.

...Течение равнинных российских рек раздольно и негромко, как течение дня в провинции, столь любимой фотографом Колыбаловым. Всмотритесь в фотографии. Вроде бы все обыденно, привычно. Но лица эти, эти глаза — там стремнина!

В них истинная глубина «глубинки».

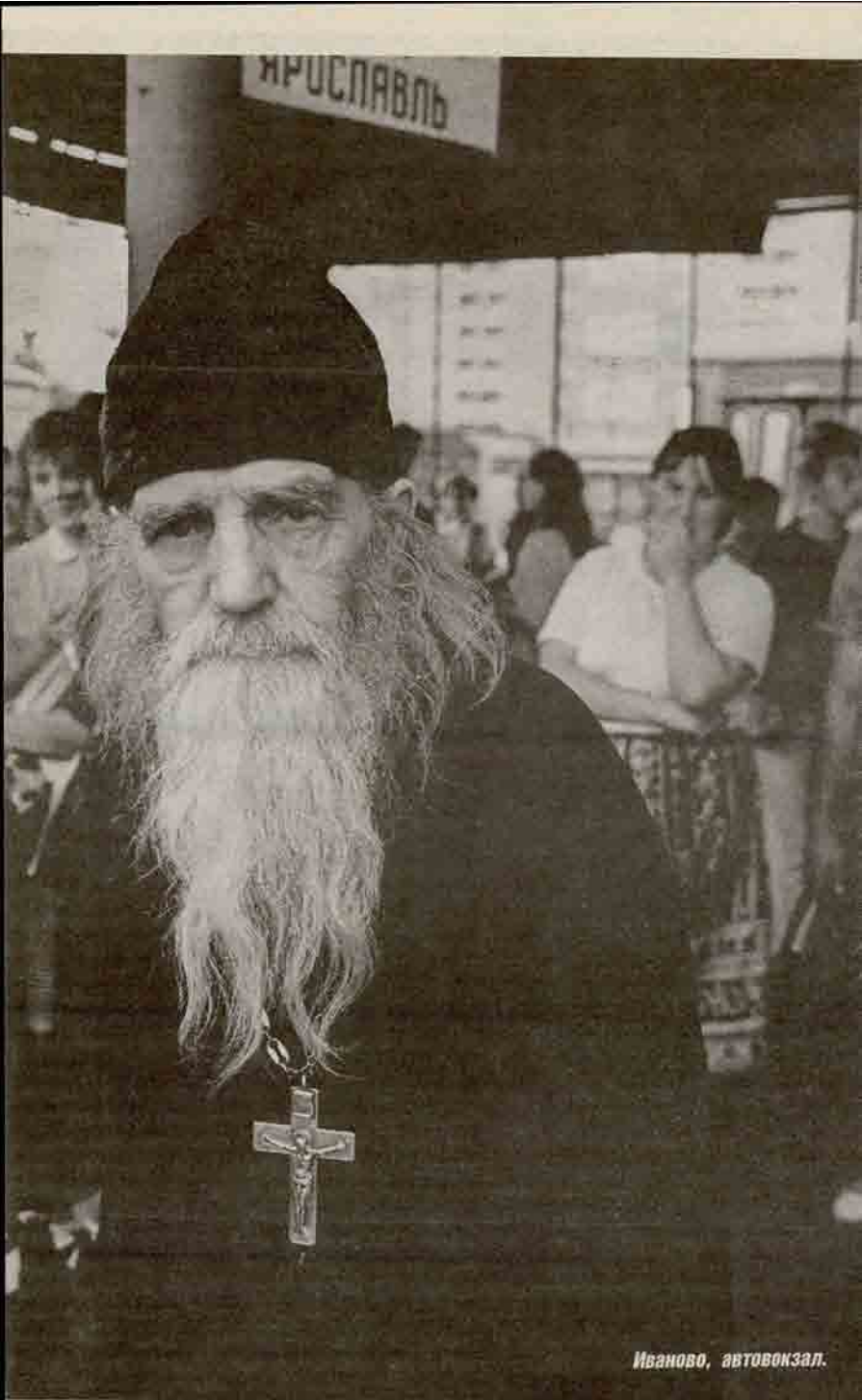
И это, по-моему, удалось «поймать» фотографу.

ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

Трудная дорога.

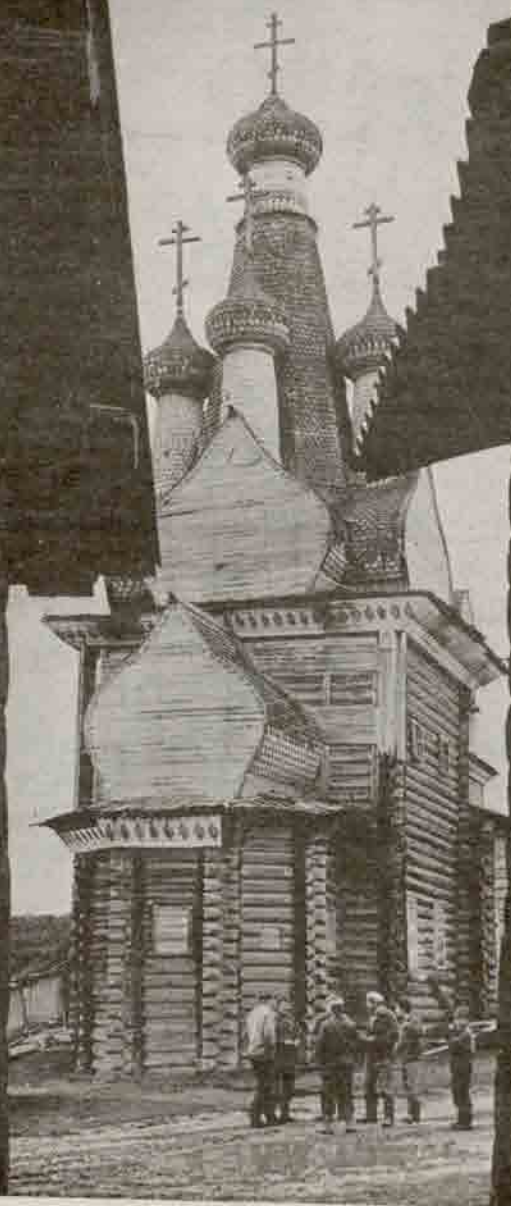

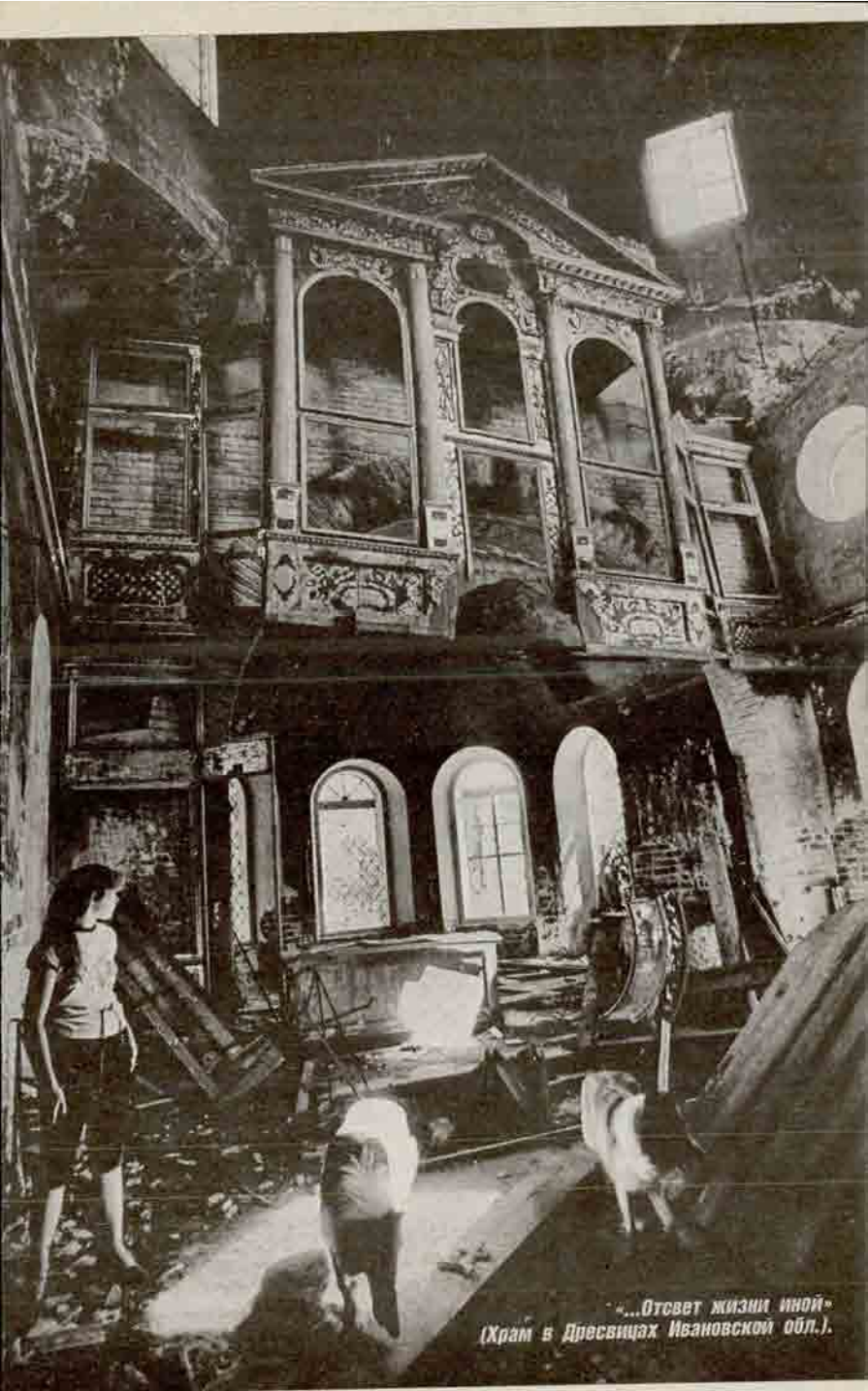
Иваново, автовокзал.

Перед путиной...

Кулола (деревня Кимжа, Архангельская обл.).

«...Отсвет жизни иной»
(Храм в Дресвицах Ивановской обл.).

Благодарение (Архангельская обл.).

Соловецкий монастырь: мир входящему.

Скорбь... (станция Свободы, Курская обл.)

Поморское кладбище (пос. Кайдал, Архангельская обл.)

Батюшка.

Уго... (Архангельская обл.).

Одним из крупнейших предвоенных центров русского литературного зарубежья была Рига. Конечно, ей трудно тягаться с Парижем, Берлином или Прагой, где долгие годы жили и творили крупнейшие русские писатели, гордость русской литературы XX столетия: Иван Бунин, Иван Шмелев, Владимир Набоков, Марина Цветаева, Гайто Газданов, Аркадий Аверченко, Нина Берберова, Владислав Ходасевич и многие другие. Однако и в Ригу часто приезжали и останавливались, хотя бы ненадолго, Аркадий Аверченко, Иван Бунин, Иван Лукаш, Ирина Одоевцева, Георгий Иванов, здесь выходили литературно-художественный журнал «Перезвонь» и газета «Сегодня», в которой большое место занимали литературные материалы.

Наиболее влиятельным русским писателем из живших постоянно в ту пору в Риге был Юрий Галич. Книги Галича сегодня не выходят. Но, возможно, со временем вернется интерес к русской литературе, и издатели откликнутся на интерес читателей.

О Юрии Галиче (настоящее его имя Георгий Иванович Гончаренко) известно очень мало. Можно лишь с достаточной степенью достоверности утверждать, что он родился в 1877 году и умер в декабре 1940 года. Родился на Украине, учился в Гвардейской школе в Петербурге (где лет за шестьдесят до него учился Лермонтов), некоторое время в детстве жил в Варшаве (где товарищем его детских игр был будущий известный террорист и писатель Борис Савинков), по окончании военных учебных заведений служил в армии, ко времени революции дослужился до генеральского чина. После революции некоторое время находился на Дальнем Востоке, вел активную литературную жизнь во Владивостоке в период Дальневосточной Республики, участвовал в издании газет и журналов. Впоследствии переехал на Запад и осел в Риге. Здесь и развернулся как писатель. До революции у него вышел лишь один сборник стихов. В Риге он выпустил более дюжины книг: среди них и сборник стихов «Орхидея» (Владимир Набоков откликнулся на него разгромной рецензией), и сборники рассказов — «Гусарские сказки», «Волчий смех», «Легкая кавалерия», «Китайские тени», и путевые очерки «Золотые корабли».

Стиль прозы Юрия Галича по-военному несколько суховат, лаконичен, писатель не является мастером в построении сюжета.

Но у него есть другие достоинства: он точно, подробно, убедительно, без литературных изысков воспроизводит быт, характеры (особенно военных), всякого рода обычаи, ритуалы, церемонии (официальные и неофициальные). В определенном смысле его роман «Заериада» (1931) можно назвать энциклопедией жизни закрытого военного учебного заведения дореволюционной России, а по многочисленным рассказам мы можем ясно представить себе картину жизни, подробности давно ушедшего быта, особенности взаимоотношений в различных классах русского общества начала нашего столетия. Юрий Галич не делает никаких выводов, не навязывает своего мнения, он просто рассказывает, и мы убеждаемся, что это интересный собеседник, которого стоит послушать.

ЮНКЕР ПУШКИН

то было тогда, когда начальником николаевского училища был суровый педант, генерал Плеве, а командиром эскадрона — полковник Сухомлинов, брат будущего военного министра. Проспект, соединявший Египетский мост с балтийским вокзалом, назывался тогда Новонетергофским проспектом, а в училищном сквере еще не стоял красивый мраморный памятник лейб-гусарскому поручику Лермонтову, славному питомцу «школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров»...

Одним из питомцев был и Сергей Пушкин.

Он приходился внуком поэта и сыном почетного опекуна, генерала от кавалерии, Александра Александровича Пушкина.

По внешности он чрезвычайно напоминал своего деда. Маленький, сухощавый, со смуглым продолговатым лицом, с русыми курчавыми волосами, с толстыми губами, с ясным взором серо-голубых глаз.

Это был живой портрет великого поэта, с его африканским «ганибаловским» профилем.

К наукам он не имел ни способностей, ни влечения. Но одним дарованием обладал в полной мере. Сергей Пушкин был превосходным ездоком. Пожалуй, лучшим во всем эскадроне.

Я иначе себе его не представляю — или в манеже, берущим головоломные препятствия, или же в дортуаре второго, «лермонтовского» взвода, сидящим верхом на деревянной кобыле и предлагающим, на пари, выдернуть из-под его плотно прижатой к седлу ляжки носовой платок.

Это удавалось не всякому.

Даже обладавшему большой физической силой нашему взводному, великому князю Борису Владимировичу. Ибо «плюс» у Сергея Пушкина был очень развит.

Бойкий, склонный к шаловливым выходкам, чистосердечный, прямодушный юнец, он был прекрасным товарищем и пользовался всеобщей любовью.

Он вечно разгуливал по эскадрону в кавалергардской фуражке. В этот полк он рассчитывал выйти по окончании училища: «Бренчат кавалергарда шпоры!..»

Впрочем, едва ли он подозревал, кому принадлежат эти знаменитые строфы. Сергей Пушкин не увлекался поэзией, даже произведениями своего деда.

Он увлекался вольтижировкой и верховой ездой. Не пропускал ни одного конского состязания в михайловском манеже и любил посещать по субботам цирк Чинизелли.

Веселые, незабвенные годы!..

Пушкин сидел в классе на задней скамейке. Лекции посещал неохотно. Так называемые «сугубые науки» — химия и механика — не давались ему совершенно.

Когда лектор, артиллерийский академик, маленький капитан Козловский (много лет спустя ставший известным по участию в кронштадтском восстании 1921 года) вызывал, бывало, его к доске, Пушкин выводил мелом — H_2O , и познания его этим исчерпывались.

Капитан Козловский ухмылялся в свою черную бороду и тоненьким голоском говорил:

— Очень хорошо, Пушкин!.. Но стихи вы, наверно, пишете еще лучше!

И ставил ему шестерку.

Когда в класс приходил батюшка — отец Жилин, прозванный юнкерами в шутку «штабс-ротмистром», Пушкин обращался к нему с неизменной фразой:

— Господин штабс-ротмистр, расскажите нам о скопцах!

Класс давился от смеха.

— Пушкин, оставьте ваши непристойные шутки! — кротко отвечал каждый раз батюшка. — Я уже беседовал с вами об этих зловредных сектантах.

Историю конницы читал генерального штаба полковник Дедюлин, сделавший блестящую карьеру и в звании генерал-адъютанта занимавший впоследствии должность дворцового коменданта.

Он вызывал Пушкина, предлагал ему рассказать о битве под Росбахом в 1757 году и знаменитой атаке Зейдлица. Попутно задавал ряд летучих вопросов, вроде следующего:

— Ну, а скажите нам, Пушкин, почему Петр Великий не мог принять участия в этом славном сражении?

— Петр Великий был занят великими реформами? — бойко отвечал Пушкин при дружном хохоте класса.

— Правильно! — говорил Дедюлин и ставил ему шестерку.

Читавший фортификацию инженерный капитан Коллонтай, супруг знаменитой впоследствии советской «послицы», также не мог похвастать познаниями своего ученика. Тем более преподававший механику инспектор классов генерал Будаевский, завоевавший уважение юнкеров белой подкладкой своего сюртука и своеобразными выражениями старого конника:

— Что за шум в хвосте колонны?.. Разрядить коридор!

И даже в языках, за исключением разве французского, Пушкин спотыкался и хромал на обе ноги. Короче сказать, науку он игнорировал. И отношение к ней определял краткой юнкерской формулой:

«Никаких языков — кроме копченых!

Никаких тел — кроме женских!

Никаких карт — кроме игральных!

Никаких историй — кроме скандальных!»

Но, как сказано выше, он был превосходным наездником.

И старый сверхсрочный вахмистр Белявский, занимавший в училище должность берейтора, питал к нему большую симпатию:

— Господин Пушкин мае добрые шенкеля!.. Господин Пушкин буде большой енерал! Чи «Хвортуна», чи «Эхватор» — для господина Пушкина усе единственно! — с достоинством произносил Белявский, покручивая усы и щелкая хлыстом по кожаным леям. — Чередниченко, вертай коней у тую манэж! — добавлял он, обращаясь к взводному, направлявшемуся со свежою сменой.

Пушкин пользовался, впрочем, общей симпатией...

На вечерних переключках он стоял обыкновенно в задней шеренге, укрывшись от начальнического взора, небрежно прислонясь поясницей к перилам «корнетской» лестницы.

Когда эскадронный вахмистр выкликал по списку его фамилию: — Пушкин? — он отвечал по-козлиному:

— Э!

Ловкий, подвижный, в коротком мундирчике, в синих рейтузах, плотно обхватывавших его мускулистые ноги, в савельевских шпорах с «малиновым» звоном — таким он запомнился мне навсегда, и я вижу его как сейчас...

Сергей Пушкин добросовестно поддерживал традиции «школы» и по отношению к молодым юнкерам был «строг, но справедлив».

Безжалостно поворачивал их двадцать раз «налево — кругом». Контролировал свежесть перчаток, носового платка, португепи. Спрашивал про отличия кавалерийских полков — георгиевские петлички, серебряные трубы, ленты на полковых штандартах:

— Молодой!.. Стоянка ябургского полка?.. Что на вальтрапе кавалергардов?.. Правильно, молодой!.. Кругом!.. Ать-два!.. Ногу выше!.. Доложите капралу, что корнет Пушкин вами доволен!..

Кроме того, спрашивал про «бессмертие души рябчика» и требовал безукоризненного знания лермонтовской «Звериады» — единственного стихотворения, которое с грехом пополам знал сам наизусть.

Впрочем, он знал еще несколько шансонеток.

Лежа рядом, на соседней койке, он ежедневно брэнчал на гитаре и напевал:

За ууу-жи-ном,

В компа-нии весе-лой...

На юнкерских пирушках, устраивавшихся на частной квартире или в отдельном кабинете известного петербургского ресторана средней руки, он всегда принимал деятельное участие...

Благодаря «звонкому» поведению и малой успешности в науках, Сергей Пушкин не мог выйти ни в кавалергарды, ни вообще в гвардию.

В тысяча восемьсот девяносто шестом году он вышел корнетом в двадцать второй драгунский полк, стоявший в Тирасполе.

В том самом Тирасполе, который в настоящее время в честь убитого красного генерала Котовского с комической бесперемонностью переименован большевиками в Котовск.

Прослужив в полку около года, Сергей Пушкин застрелился.

Вот страничка воспоминаний, связанная с именем поэта и одного из его потомков, за которым невольно вырастала тень великого деда.

МАЙСКИЙ ПАРАД

1

и назывался «майским», хотя происходил обыкновенно в апреле, вслед за пасхальными праздниками.

Кое-где, по оврагам, еще лежал снег. Но уже веяла радостная теплынь. Сквозило нежное серебро, жемчужовые ткани, лазоревые тона. В чисто умытом небе смеялось солнце.

За два дня до парада полк переходил из Гатчины в Петербург. Полк шел по старой, хорошо знакомой дороге походным порядком, в касках, в вицмундирах и в шинелях, поверх которых были надеты кирасы.

В Пулковке делалась остановка. Лошадям отпускали подпруги, задавали дачу овса. После полудня, подойдя к Нарвским воротам, подтягивали хвосты эскадронов и снова слезали с коней. Осматривалась седловка. Всадники оправлялись.

— По коням!.. Полк са-ди-ись!

Снова вырастал лес синих пик с желто-синими флюгерами. Вряцали тяжелые палаша. Гулко стучали о камень подковы.

Впереди ехал командир — свиты его величества, генерал Христофор Платонович Дерфельден, внук известного в свое время суворовского сподвижника, бравый генерал с черными бакенбардами. Тут же, на серой кобыле, держался полковой адъютант. За ним двигались на белых конях литаврщик и хор трубачей.

Штаб-трубач взмахивал серебряным корнет-а-пистоном, звучал старый марш, и полк проходил Нарвские ворота, вытягиваясь вдоль Обводного канала длинной лентой четырех эскадронов.

Лошади дробно стучали подковами по мостовой. Справа тинулись каменные строения, слева — канал с грязной маслянистой водой, с бурными оползающими откосами, покрытыми рыжей травой.

— Кирасиры идут! — слышались голоса.

Со всех сторон стекался народ. Школьники, подмастерья, простоволосые бабы. Кое-где уже распустилась первая клейкая зелень. Доносились пасхальные перезвоны. Пахло весной, кожами, запахами столицы. Над городом висело дымное марево. И в этом мареве сверкал золотой купол Исаакиевского собора.

Полк останавливался в лейб-казачьем манеже.

В день парада, когда Невский проспект уже кипел и бурлил суетливой городской жизнью и многотысячные толпы столичного люда заливали широкие тротуары, к Марсову полю со всех концов стекались войска.

Пехота, артиллерия, кавалерия в блеске парадных доспехов тянулись по улицам, оглашая воздух ржанием и топотом лошадей, бряцанием оружия, грохотом орудийных запряжек. В десять часов начинался высочайший объезд. В полдень начинался парад.

Сначала проходила пехота...

В густых батальонных колоннах, сверкая щетиной штыков, мерным шагом проходил полк за полком. Впереди шла строевая рота пажей, юнкера военных училищ, гардемарины морского корпуса. За ними — преображенцы, семеновцы, измайловский полк, егеря. Весь цвет страны, собранный под историческими знаменами, оваянными легендами и дымом сражений. Каждый полк в своеобразном отличии, в своей характерной особенности, освященной вековыми традициями.

Пестрели значки жалонеров, плавно колыхались знамена, гремела музыка и глухой раскат барабанов:

— Трам-там-там... Трам-там-там...

За первой гвардейской дивизией шли московцы, лейб-гренадеры, павловцы, финляндцы. Гренадеры — лейб-кампанцы императрицы Елизаветы Петровны — носили золотой аксельбант. Павловский полк — в высоких гренадерках, горевших, как золотые свечи.

Люблю сиянье шапок медных,

Насквозь простреленных в бою...

Они так и хранились — в своем старом виде, со следами вражеских пуль и штыковых ударов. Полк проходил особым порядком, держа ружья «на руку».

Затем следовали четыре батальона гвардейских стрелков в малиновых лацканах. Четвертый батальон — «Императорской Фамилии», в широких кафтанах со сборками, в квадратных барашковых шапочках, с золотым ополченским крестом.

За пехотой следовала гвардейская артиллерия...

Конница в ожидании очереди стояла возле Марсова поля.

Кирасиры ее величества, спешившись, стояли на Дворцовой площади, возле Певческого моста. Рядом стояли уланы и конные гренадеры.

Обыкновенно, оставив при эскадронах необходимый наряд, командир полка с прочими офицерами направлялся в расположенный по соседству, на Мойке, ресторан «Донон». Это был излюбленный полковой ресторан.

Входили в знакомую, убранную коврами залу, снимали каски и располагались за длинным столом. На нем уже стояли граненые графинчики с водкой и большие подносы с икрой, балыком и горячей закуской. Это был легкий утренний завтрак. Из года в год, каждый раз на этот торжественный день, хозяин ресторана «Донон» встречал офицеров этим маленьким угощением и считал за особую для себя честь.

Завтрак продолжался не более часа. Однако случалось, что

после завтрака два-три офицера дальнейшего участия в параде не принимали и под надежной опекой отправлялись домой. Это было редко, но все же случалось.

Когда прохождение пехоты и артиллерии подходило к концу, конница выходила по Мильонной улице на Марсово поле и строилась «ящиком», в резервном порядке.

Тыл примыкал к казармам павловского полка. Фронт смотрел на трибуны, пестревшие на зеленеющем фоне Летнего сада.

Издали можно было видеть колыхающиеся флаги, море голов, весенние туалеты, шляпы, белые зонты, цветы, пятна военных и придворных мундиров.

Звучали литавры и трубы. Раздавалась команда. Сверкали сабли и палаши...

2

Парад кавалерии открывал императорский конвой, в красных черкесках, на кровных, горячих конях. За ним следовали николаевское училище и офицерская кавалерийская школа.

Потом сведенные хоры трубачей кирасирской дивизии отъезжали в сторону, становились лицом к царской ставке и под красивый марш из «Дам Бланш» проходил первый полк русской конницы — кавалергарды.

Он проходил позкадронно, развернутым строем, на эскадронной дистанции один за другим. Сверкая кирасами и золотыми касками с серебряными орлами, в белых мундирах, с лесом красных пик и бело-красными флюгерами. Верхом на рослых гнедых лошадях, убранных красным вальтрапом с серебряным галуном и гвардейскими звездами по углам. Солдаты — светло-волосые северяне, гиганты с серыми и голубыми глазами.

Сочетание цветов — белого и красного с серебром — производило впечатление особого изящества и благородства. Это был прославленный русской истории старый доблестный полк. Тот самый полк, в котором после знаменитой аустерлицкой атаки, вызвавшей восхищение Наполеона, осталось в рядах всего семнадцать человек. В нем служил цвет русской аристократии. Для службы в кавалергардах требовалось не только наличие значительных средств, но и старинное дворянское происхождение. В этом отношении полк был в известной степени «родовым». Служили по преимуществу одни и те же фамилии, от прадеда к правнуку и так далее. Полк комплектовался главным образом представителями старой земельной аристократии.

Светлейшие князья Голицыны, светлейшие князья Салтыковы, князья Волконские, князья Долгоруковы, князья Путятинны и Гагарины, светлейшие князья Орбелиани, князья Кочубей и Багратион-Мухранские. Князья Юсуповы, графы Сумароковы-Эльстон и князья Кантакузины, графы Сперанские. Графы Шереметевы и Мусины-Пушкины, Ланские, Араповы, Дашковы, графы Голенищевы-Кутузовы и графы Менгдены, маркизы Паулуччи, графы Гендриковы и графы Игнатьевы, Шиповы и Скоропадские, Толстые, Брянчаниновы и Воеводские, Розанко, Чертковы, Половцевы, Звегинцевы и некоторые другие фамилии числились в списках полка.

За кавалергардами, в том же порядке, проходила конная гвардия.

Она сидела на вороных лошадях, вся в золоте, на темно-синих вальтрапах с золотым галуном, с синими пиками и желто-синими флюгерами. Конная гвардия производила еще более величественное, грозное впечатление. Тяжелые, огромные лошади, огромные люди, черноволосые, жгучие, преимущественно из южных черноземных губерний. А четвертый эскадрон весь чернобородый.

Этот полк считался также одним из самых блестящих полков гвардейской конницы. И притом наиболее «дорогим». Служба в рядах конной гвардии требовала от офицеров весьма больших средств. Он считался также почему-то самым надежным и наиболее верным престолу. И сто лет тому назад, конной атакой на Сенатской площади, им усмиряли восстание декабристов. Он не был столь родовит по своему составу, как кавалергарды, но все же блистал целым рядом самых знатных имен.

В нем служили князья Долгорукие, князья Трубецкие, князья Белосельские-Белозерские — все природные Рюриковичи. Князья Оболенские, Манвеловы и князья Шаховские. Князья Козловские, хан Нахичеванский и принц Мюрат. Графы Шуваловы, Гудовичи и Тышкевичи, графы Нироды, Палены, Комаровские. Герцоги Лейхтенбергские, Новосильцовы, Молоствовы, графы Бенкендорфы и бароны Жирар де Сукантон. Козлининовы, Зиновьевы, Суровцевы, Струве, Жемчужниковы и другие.

Полком командовал некогда великий князь Павел. В позднейшие годы в полку служили великий князь Дмитрий Павлович и князь Иоанн Константинович.

За конной гвардией следовала вторая бригада.

Царскосельские кирасиры, или иначе кирасиры его величества, представляли сочетание белого и желтого цвета с серебром. Это также было роскошное зрелище. Солдаты, по преимуществу рыжеволосые, сидели на крупных караковых лошадях, украшенных желтым вальтрапом. В руках — желтые пики с бело-желтыми флюгерами. Они проходили под звучный полковой марш с оригинальными басовыми эффектами, который приписывался императору Николаю Павловичу.

Царицены кирасиры представляли некоторый контраст.

Черноволосые, на золотисто-рыжих конях, под голубым вальтрапом с золотым галуном и звездами по углам, в белых мундирах, золотых кирасах и касках, с синими пиками и флюгерами голубо-желтого цвета, они производили более нежное, мягкое, ласкающее глаз впечатление...

Слегка сыроватый грунт Марсова поля пестрел оттисками бесчисленных конских подков. Трибуна напоминала настоящий цветник. В самом центре, на сером коне, в форме гвардейских гусар, стоял император, выделяясь белым пятном на общем фоне. Два государевых штаб-трубача из императорского конвоя стояли тут же, несколько позади, и по приказу царя подавали аллюры. Сигнал немедленно подхватывали хором полковых трубачей и мягким, бархатным рокотом разносился по Марсову полю:

— Тарарам-там-там-там!

Полк, сперва полэскадронно, проходил рысью.

По примеру эскадронного командира офицеры одновременно брали палаши «подвысь» и одновременно же, не доезжая нескольких шагов до государя, опускали клинок за шпору, круто повернув голову. Это был самый важный момент. Охватывало маленькое волнение. Чувствовалось, что тысячи взоров в эту минуту устремлены на тебя. Нужно было пройти, равняясь по ниточке, следя за конем и знаком эскадронного командира.

Пропустив эскадрон, государь произносил достаточно ясным и громким голосом:

— Хорошо, кирасиры!

— Рады стараться, ваше императорское величество! — неслось в ответ из ста двадцати глоток.

Только первый батальон преображенцев удостоивался другого приветствия. По установившейся веками традиции императоры говорили батальону:

— Спасибо, братцы!

Миновав царскую ставку, эскадроны перестраивались во виводную колонну. Подходя к дворцу принца Ольденбургского, заходили правым плечом, огибали плац и снова становились на прежнее место, тылом к казармам.

За кирасирской дивизией следовала казачья бригада — лейб-казаки в красных мундирах и в голубых — атаманцы.

3

Солнце стояло над головой и огненным светом заливало роскошное зрелище.

В голове второй гвардейской дивизии шли конные гренадеры, на вороных лошадях, под темно-зеленым вальтрапом с золотыми царскими вензелями, в своих оригинальных черных касках с щетинистым гребнем и красною лопастью, оканчивавшейся золотой кистью. В таких касках когда-то разгуливали по Европе суворовские войска, а честь создания этого головного убора принадлежала Потемкину. Конные гренадеры были в темно-зеленых мундирах с красными лацканами, в густых красных бахромчатых эполетах, со стянутыми крест-накрест белыми лакированными портупейями.

Лейб-улань, рыжие на рыжих конях, под синим вальтрапом, в синих мундирах с красными лацканами и этишкетом, в золоченых чешуйчатых эполетах, в длинных синих чикчирах с красным генеральским лампасом, в лихо одетых набок уланских шапках с белым развевающимся султаном, производили легкое, изящное впечатление. Они проходили обыкновенно галопом, с тонкими бамбуковыми пиками в руках. Эти пики были боевым трофеем, доставшимся после разгрома египетской конницы в атаке под Курук-Дере.

Гвардейские драгуны скакали на гнедых лошадях, под черным вальтрапом с серебряными царскими вензелями, в черных мундирах с красными лацканами, в высоких драгунских киверах эпохи Отечественной войны.

В заключение карьером проходили лейб-гусары.

Это было, пожалуй, самое эффектное зрелище.

В алых мундирах с золотыми шнурами, в белых, отороченных мехом ментиках, на небольших кровных серых конях, покрытых раззолоченным чепраком, в высоких бобровых шапках с белым султаном, они пронеслись, как снежный буран на залитом солнцем плацу. Солдаты, все как один, красавцы брюнеты. Лейб-эскадрон — в маленькой острокопечной бородке.

Это был также один из самых блестящих полков, отличавшийся дружной полковой жизнью. В нем начал службу молодым субалтерном и закончил командиром полка великий князь Николай Николаевич. В нем служил когда-то великий князь Павел. В лейб-гусарском полку командовал эскадронам, в бытность наследником, царь.

Это был также аристократический полк, насчитывавший не один десяток дворянских родов с звонкими историческими именами.

В нем служил некогда фельдмаршал Гурко. В его рядах числились графы Воронцовы-Дашковы, князья Мещерские и Щербатовы, светлейший князь Лопухин-Демидов и светлейший князь Юрьевский. Князья Святополк-Мирские, Енгальчевы и Масальские, Нарышкины и Раевские, графы Толстые и Остен-Сакены, Татищевы и Скалоны, Орловы, Мятлевы, Безобразовы, Петрово-Соловово, графы Игнатьевы, Рибопьеры, Клейнмихели, Велепольские, князь Барклай де Толли, сиамский принц Чакрабон, князь Сайн-Витгенштейны, Волковы, Вороновы, Князевичи.

В нем служил великий князь Борис Владимирович, а впоследствии — князь Гавриил и погибший в минувшей войне князь Олег Константинович.

За гусарами пронеслась гвардейская конная артиллерия.

Парад заканчивался кавалерийской атакой...

Генерал-инспектор, великий князь Николай Николаевич, как неподвижное изваяние сидя на чалом коне посреди поля, подымал саблю. Звенела труба. Сабля резким движением опускалась. И пять тысяч коней, с места, кидались в атаку.

Дрожала земля. Клубилась пыль. Летели комья земли.

Когда пыль расходилась, перед императором неподвижно стояли полки. И только ржали разгоряченные кони...

Под звуки старинных маршей, длинными лентами, полки снова тянулись по улицам оживленной столицы, приостанавливая уличное движение, приветствуемые цветами, девичьими улыбками.

Радостно звучали перезвоны колоколов.

— Христос Воскресе! — смеялись бойкие барышни.

Офицеры ловко подхватывали цветы и посылали воздушные поцелуи.

Яркое солнце играло на молодых лицах, на зелени скверов, на серебре и золоте шлемоблещущих эскадронов, на золотом куполе сквозившего в голубой дымке Исаакиевского собора.

Это была красивая страница из прошлого.

Это была настоящая сказка, которая никогда больше не повторится.

«А·ЛА·ЛИ»

1

А -ла-ли — зов рогов, звук призывной фанфары, возвещавшей тремя звонкими восклицаниями окончание охоты и сбор. И по трубным сигналам, наполнившим полевые просторы серебряной трелью, тысячекратным эхом, отдававшимся в березовых рощах, ельниках, в сосновом бору, слеталась «охота». Голосисто ржали разгоряченные лошади. Заливалась гончая стая, терзая затравленного козла. Охотники слезали с коней, отпускали подруги, отдыхали на зеленом ковре...

Низкие, приземистые строения в стиле ампир, с толстыми стенами, с колоннами, со старинным николаевским орлом на фронтоне, манежи, конюшни, аудитории занимали целый квартал в том удаленном углу невской столицы, который составлял некогда вотчину светлейшего князя Таврического.

Память не сохранила, каково было первоначальное назначение этих каменных корпусов екатерининского века. В середине прошлого столетия в них помещалась «Берейторская Школа», потом «Образцовый Учебный Эскадрон» и, наконец, «Офицерская Кавалерийская Школа». Она состояла из двух офицерских курсов, отдела полковых наездников и кузнецов, школьного эскадрона и отделения генерального штаба.

Во главе школы стоял генерал-майор Алексей Алексеевич Брусилов. Целый ряд выдающихся офицеров и знаменитый берейтор, англичанин Джемс Филлис, состояли в качестве руководителей.

Их было больше десятка. Из них нельзя не отметить помощника начальника школы, полковника Химец, полковников Давыда Дитерихса, Вилламова и князя Багратиона, погибшего впоследствии в Ессентуках от большевистской руки одновременно с генералами Рузским, Радко-Дмитриевым, Смирновым.

«Богом езды» считался кавказский драгун, подполковник Мерчуле. Это был классический ездок и руководитель, впоследствии так же зверским образом умерщвленный большевиками в гражданской войне. Он был зарыт в землю живым, вместе со своим маленьким сыном.

В школе служили ротмистр Пушкин и подполковник Павлицев, внуки поэта по боковой линии. Штабс-ротмистр Мясоедов,

родной брат казенного впоследствии жандармского полковника Мясоедова. Полковник Олсуфьев и Божерянов, ротмистр Абелов, Васильев и Руднев, Таранов-Белозеров, принц Мюрат и другие.

Правителем дел по учебной части состоял сын бывшего военного министра, генерального штаба полковник Сергей Ванновский, убитый впоследствии на войне, в кавалерийской атаке под Русской Равой. Известный впоследствии по корниловскому выступлению, покончивший жизнь самоубийством полковник Крымов состоял одним из лекторов тактики.

Назойливое внимание обращал на себя хлыщеватый ротмистр Далматов. Офицер скромного кавалерийского полка, благодаря исключительной ловкости и женитьбе на богатой особе, он проник в великосветское петербургское общество, добрался до царскосельских кругов и, расположив к себе императрицу, стал личным «лейб-фотографом» царской семьи. Это именно он проделал, для очередного столичного «бума», опыт сорокадневной голодовки. Впоследствии с тою же ловкостью, с какой добрался до царских чертогов, он занял видный пост — чуть ли не инспектора красной конницы.

В заключение нельзя не упомянуть про представительного кавалергардского ротмистра, барона Маннергейма — будущего финляндского генералиссимуса. В то время, с длинным бичом в руке гоняя по манежу унтер-офицерскую смену «наездников», он едва ли подозревал о своей громкой карьере...

2

158

Брусилев был превосходный начальник. Горячо преданный делу, пользовавшийся большим авторитетом, державший подчиненных в твердых руках. Он проводил в школе весь день — или в ложе манежа, или в аудиториях. Был молчалив, замкнут, неразговорчив. На сухом, бесстрастном лице редко появлялась улыбка. Требовательный к другим, был строг и к себе. Жил он уединенно. Знали только, что он женат на скромной, болезненной женщине, имеет маленького сына-пажа, досуги посвящает военным наукам. Знали еще, что пользуется расположением генерал-инспектора кавалерии, великого князя Николая Николаевича и часто бывает у него во дворце.

Его не любили, но уважали.

Кто бы подумал, что этот державшийся как-то в тени, сравнительно незначительный генерал, служивший в школе с чина поручика Тверского драгунского полка, всецело связавший себя с лошастью, манежем и парфорсной охотой, через каких-нибудь десять лет окажется в роли крупного, обласканного боевым счастьем, русского полководца?..

Служба в школе неслась образцово. Строгая рука начальника чувствовалась во всем. Работа требовала больших физических усилий. Вначале было утомительно. Потом постепенно втянулись. Четыре лошади в день, четыре часа верховой езды — «доездка», «выездка», «казенно-офицерская» и собственная лошадь — были порцией более нежели достаточной.

Припоминаются мельчайшие детали.

В темный ноябрьский день, при тусклом освещении электри-

ческих фонарей, офицерская смена брала в манеже препятствие — глубокую, обшитую досками канаву, с отвесными стенками, так называемый «гроб». Лошадь штабс-ротмистра Фертова оборвалась задом и упала в канаву, придавив всадника всею массой. Фертов сломал позвоночник. Это произвело тяжелое впечатление.

На следующий день, когда тело бедного офицера еще покоилось в школьной церкви, Брусиллов, со всеми инструкторами, брал лично в манеже роковой «гроб».

Время от времени Брусиллов приказывал выстроить курс и производил осмотр оружия и снаряжения — шапек, биноклей, револьверов. Заметив у офицера заржавленный или несоответствующий клинок, повышенным голосом бросал:

— Это не шашка — с-стрррам!

Когда оскорбленный пьяным рабочим Тихоновым штабс-ротмистр Добродеев ударом своей кавказской «гурды» снес ему начисто голову, Брусиллов отдал приказ, в котором благодарил офицера за умелое владение оружием при защите своей чести.

Однажды, в январе, в столовую вбежал взволнованный полковник Химец. В сопровождении адъютанта вошел Брусиллов:

— Япония объявила России войну!.. Занятия отменяются... В два часа — в Зимний дворец!

Он произнес эту фразу совершенно спокойно, своим обычным бесстрастным голосом, таким же точно, каким делал замечания во время езды. Через два часа школа, в полном составе, собралась во дворце. Предшествуемый вереницей георгиевских кавалеров, окруженный высшим генералитетом, показался царь. Император был заметно взволнован и выглядел бледнее обыкновенного...

С наступлением лета школа переходила в Красное Село.

Она помещалась на крайнем левом фланге «Авангардного Лагеря», в деревянных бараках и флигелях, возле деревни Виллози и Кавелахты.

Работа стала более интересною. Из аудиторий и душевных манежей занятия выносились в открытое поле.

Припоминается, как на экзамене рубки штабс-ротмистр Гвахария, извлекая быстрым движением острый клинок и прижав для этого локтем ножны, перерезал себе все жилы на левой руке и замертво упал с лошади. На другой день поручик одного из драгунских полков от неудачного падения на «каменной стенке» получил трещину черепа.

Но, в общем, все шло сравнительно благополучно.

Занятия велись с увлечением. Офицеры пользовались большим досугом. После утренней прогулки или пробега по красносельским полям уезжали на музыку в Павловск, усердно посещали коломяжские скачки, веселились по столичным загородным садам.

Сведения с театра войны были неутешительными. Первоначальный подъем быстро прошел. Война грозила принять затяжной характер. Она не была популярною в массах и ясно вскрывала недочеты и военной системы, и внешней и внутренней политики. Началась полоса террористических актов. Случайно посе-

тив пятнадцатого июля столицу, пришлось быть свидетелем убийства на мосту через Обводный канал министра внутренних дел статс-секретаря Плева...

В начале августа школа переезжала в Поставы.

До станции Свенция эшелон следовал по варшавской железной дороге. Оттуда сворачивал по узкоколейке на местечко Глубокое.

Поставы — владения графов Пржездецких.

От станции дорога вела через еврейское местечко и вскоре выводила к огромному зданию, носившему название «замка». В нем размещался офицерский состав. В прилежавших постройках и в ближайшей деревне, за озером, располагались лошади, вестовые, псарь, доезжачие, своры гончих собак.

Это был сезон парфорсных охот...

3

Сезон начинался охотами по «искусственному следу».

Накануне охоты один из офицеров-инструкторов прокладывал «след». Верхом на лошади, влача за собой на длинной бечевке губку, смоченную мочой лисицы, офицер делал на местности большую петлю, протяжением в пять-шесть верст.

С рассветом под окнами замка раздавалась охотничья «фанфара». Следовал легкий утренний завтрак, после чего, во главе с начальником «охоты» Брусилковым, офицеры выходили из замка и направлялись к выстроившимся на главной аллее вестовым с лошадьми. Брусилков подавал команду:

— Господа офицеры!.. Садись!..

Вся группа приблизительно в сто человек, предшествуемая «мастерами» охоты, доезжачими в красных фраках и черных бархатных шапочках, держащими на смычке свору в пятьдесят — шестьдесят черно-желтых гончих собак, направлялась шагом к пункту охоты.

Приостанавливались, подтягивали подпруги, пригоняли покороче, по-«полевому», стремяна. Собаки, почуяв лисий след, с неудержимым тявканьем начинали рваться из рук доезжачих. Офицеры, стоя полукругом за начальником «охоты» и помощниками его — «мастерами», плотно усевшись в седле, разбирали поводья. Брусилков выжидал несколько минут, потом подымал руку со стеклом и резким движением опускал. Собаки спускались и кидались по следу. За ними бросалась «охота».

Это была головоломная скачка.

С места до места, неотступно следуя за лающей стаей, «охота» шла полевым галопом. Преодолевались плетни и канавы, скакали по пахоте, глубоко зарываясь в рыхлую почву, вязли в болоте, перескакивали ручьи. Проносились по нивам, жнивьям и мелким кустарникам, забирались в густой и «рубленный» лес, рискуя ежеминутно наскочить на пень и на полном ходу покатиться кубарем, через голову, вместе с лошадью.

Однако редкая охота кончалась неудачным падением, с переломом ключицы или ноги. В большинстве случаев всадник отделялся синяками, ушибами, иногда растяжением сухожилия. При падении почти всегда виноват был ездок. Все искусство

заклучалось в том, чтобы плотно сидеть в седле, вести лошадь правильно на препятствие и не суетить беспокойным движением...

Охота по «живому зверю» была еще интереснее.

Она производилась таким же порядком, но вместо «лисьего следа» собаки бросались за выпускаемым из клетки диким козлом — «данизлем».

В этом случае ни местность, ни продолжительность и ход «охоты» не могли быть известными заблаговременно. Все зависело от настроения «данизля» и проворства его ног. Охота начиналась обычно бешеным темпом, но когда, заскочив в гущу, козел сбивал гончаков со следа, «охота» переходила в рысь, иногда в шаг и даже приостанавливалась.

Выправив след, снова неслись за козлом, пока собаки не настигали и не впиались в его тяжело дышавшие бока. Первый, подскочивший к козлу, спрыгивал с лошади и хватал его за рога или ногу. Счастливцев получал почетное звание «короля охоты», и за обедом в его честь подымали бокалы с шампанским.

Иногда, впрочем, сбив с толку собак, быстроногий козел уходил от преследования и исчезал навсегда...

А-ла-ли!.. А-ла-ли!..

Высоко задрав серебряные рожки, доезжачие оглашали поля звонкою переливчатой трелью. «Охота» съезжалась. Участники слезали с коней. По традиции украшали петлицу еловой веточкой. Отдыхали на тенистой лужайке...

Наблюдая Брусилова, можно было завидовать его небольшой сухощавой фигурке, служившей образцом ловкости и отваги. Он скакал всегда в голове, на кровной английской лошади, зорко следя за ходом «охоты».

В период парфорсных охот он становился более доступным, принимал участие в общих пирушках, шутливо подтрунивал над неудачными ездоками. В частности, с офицерами генерального штаба неоднократно вступал в беседы на военные темы, сокрушался неудачами на фронте и резко порицал Куропаткина, как стратега:

— Я никогда не верил в его таланты!

4

С началом мировой войны Брусилов, как известно, назначается командующим восьмой армией. Удар на Галич является первым лавровым листом в венке его побед.

Затем с молниеносной быстротой следуют его дальнейшие успехи на полях Галиции, кровавая борьба на Сане и героическая эпопея отхода русских войск в пятнадцатом году, как следствие преступной небрежности в снабжении и неподготовленности к затяжной войне. Затем приостановка на известном рубеже и подготовка к новому удару.

Удар этот не заставил себя долго ждать. Удар, вылившийся из первоначального демонстративного нажима. Известный всем «брусилковский» удар шестнадцатого года, могучим эхом прокатившийся по Европе, спасавший катастрофическое положение Италии и сокрушивший, казалось, окончательно боевую мощь

австрийских армий и вкрапленных германских корпусов, с пленением трехсот пятидесяти тысяч человек.

Брусиллов — крупное, значительное имя.

На должности главнокомандующего южным фронтом он пользуется широкой, легендарной известностью. С ним неизменно связываются успех и боевое счастье. Осыпанный высокими отличиями, облаканный сверх меры царем, он выдвигается в ряды талантливейших полководцев...

Каким же образом этот дотоле скромный человек, терявшийся в лучах овеванных былою славой маститых ветеранов, стал знаменитостью — Сен-Сиром, Ланном, Массеном, в росийском исключительном масштабе?

В натуре этого человека соединились все черты, необходимые для полководца. Широкий кругозор и редкий здравый смысл. Решимость, твердость, воля. Упорство и настойчивость в преодолении преград и достижении поставленной задачи. Находчивость и опыт. Порыв и ледяное хладнокровие. Знакомство с психологией масс и военные познания, доставшиеся ценой долголетних, усидчивых занятий.

Затем особое искусство выбирать талантливых и добросовестных сотрудников. А главное — счастливая звезда, создавшая ему благоприятную и соответственную обстановку. Счастливая звезда, не покидавшая его в минуты самых тяжелых испытаний.

Для полноты картины следует отметить, что боевая деятельность Брусиллова протекала исключительно на австрийском фронте, конечно, далеко не равноценном германскому, этой «могиле высшего командования».

С началом революции звезда его померкла...

Быстро протекал осенний сезон. Охота, верховые прогулки по живописным поставским окрестностям, пикники с местными барышнями и дамами, пирушки, мелодичные звуки «фанфары» под окнами замка — все это ярко и навсегда запечатлелось в сознании.

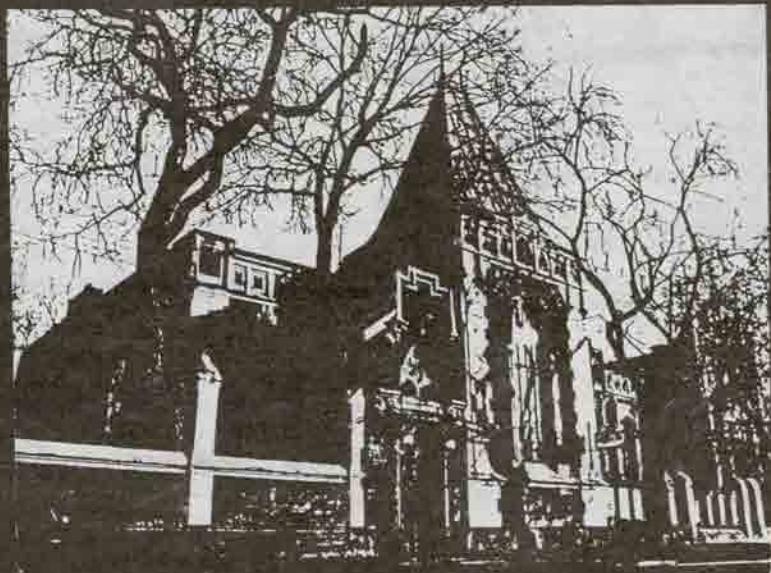
Неотступно стоят перед глазами и соратники по мундиру. Судьба многих трагична и необычайна. Одни пали в великой войне. Другие расстреляны большевиками. Третьи влачат на чужбине скорбное существование.

Но еще более необычайной представляется судьба бывшего начальника школы, генерал-адъютанта и славного полководца императорской армии, закончившего земную юдоль членом большевистского Реввоенсовета.

Э-у тайну он унес с собой навсегда...

**Предисловие и публикация
СТАНИСЛАВА НИКОНЕНКО.**

В Москве на некогда Лужнецкой, а сейчас улице Бахрушина, стоит красивый старинный особняк. Архитектура его необычна: построенный в 1896 году по проекту Гиппиуса, он вобрал в себя, казалось бы, несовместимые стили, но элементы их настолько виртуозно скомпонованы, что не вступают в противоречие, а дополняют друг друга и воспринимаются как незаурядное произведение искусства. Особняк знаменит. И не только архитектурной эклектикой. Здесь уже сто лет располагается Театральный музей — единственный в России, единственный в мире. В нем собрана уникальная коллекция русской театральной культуры, хранятся и выставляются материалы, иллюстрирующие театральный процесс прошлого и настоящего. А когда-то особняк-музей был просто домом, жилищем. И принадле-

жал он необыкновенному человеку, посвятившему всю свою жизнь театру. — Алексею Александровичу Бахрушину.

Участок земли, на котором построен особняк, Алексей Александрович получил в качестве свадебного подарка после женитьбы на дочери миллионера-суконщика Вере Васильевне Носовой. Тогда вокруг здания из красного кирпича шумел зеленый сад, в саду били фонтаны. Увы, и роскошный сад, и красивые фонтаны остались лишь на выцветших старинных фотографиях. Но, к счастью, несмотря на все революции, войны, мы и сейчас можем восхищаться сказочностью интерьера.

Переехав в новый дом, молодожены вначале расположили коллекцию в трех комнатах в полуподвальном этаже, остальные же комнаты использовались как жилые и хозяйственные поме-

щения. Но вскоре полуподвальный этаж был занят целиком, и пришла очередь жилого верха, детской, буфетной, а затем и коридоров, конюшен и каретного сарая...

Сейчас музейные фонды насчитывают около двух миллионов экспонатов — портреты актеров, режиссеров, драматургов, композиторов, эскизы декораций и костюмов, афиши, макеты и всевозможные театральные реликвии, одним словом, все, что может запечатлеть образ спектакля, театральную эпоху. Среди экспонатов много бесценных документов. Например, Грамота на дворянство Ф. и Гр. Волковым, жалованная императрицей Екатериной II в 1765 году. Фонвизин называл первого русского актера Федора Волкова «мужем государственного ума». А Екатерина II даже предлагала ему пост в своем правительстве. Но актер

ЛЮБОВЬ БОЛДИНА

Волшебный мир ТЕАТРА

предпочел сцену.

Пройдя по залам бахрушинского особняка, можно совершить путешествие в прошлое театра. Даже самый древний период развития театрального искусства отражен здесь — костюмы коз, медведей, в которые наряжались скоморохи несколько столетий назад.

А как богато представлена история крепостного театра! Бесценны эскизы театральных костюмов, выполненные художницей М. Кирцингер для спектаклей крепостного театра графа Н. П. Шереметева.

Но, пожалуй, особая гордость музея — специальный раздел коллекции Алексея Бахрушина — балетные туфли с автографами знаменитых балерин. Есть туфли танцовщиц конца XVIII

века (еще на каблучках), итальянской прима Марии Тальони и балетные туфли гениальной Анны Павловой.

Многие современники Алексея Бахрушина считали его одержимым болезненной страстью. Немногие понимали ценность начатого им дела. Никому и в голову не могло прийти, что когда-нибудь его разросшиеся коллекции могут послужить ценным материалом для изучения истории отечественного театра.

Сколько было иронических замечаний по поводу тех же балетных туфель, собранных Бахрушиным. А ведь теперь они дают возможность представить, как развивалась балетная техника. Тонкие туфельки, плотно облегавшие ножку балерины начала XIX века, напоминают, что танцовщица той эпохи была, по выражению Пупкина, «полувоздушна». Впоследствии пробочный носок позволил балерине проделывать целый ряд сложнейших движений, а появившийся в XX веке стальной носок дал возможность значительно усовершенствовать технику балета.

Бахрушину нельзя было отказать в смелости. Узнав о смерти актера Малого театра А. Ленского (1874—1908), он тут же отправился в театр и, не имея на то никакого права, опечатал его артистическую уборную. Среди театральных вещей Ленского Бахрушин нашел зарисовки созданных актером сценических образов и его гримировальный прибор. Оказалось, что Ленский не пользовался, как многие считали, никакими «наклейками», не прибегал к краскам, а изменения лица достигал простыми средствами: жженой пробкой или черной тушью, румянами, пудрой. Перед самым сносом дома актера П. М. Садовского (1818—1872) Бахрушин добыл ценнейшие материалы. Ведя свои «раскопки» ночью, он нашел письма и записки А. Островского, его дневники, автографы.

К слову сказать, Бахрушин прекрасно знал автографы многих театральных и литературных деятелей, подлинность рукописи определял по одной строке. Он помнил события, имена, связанные с театром, мог ответить на любой вопрос, касающийся жизни театра.

Известно, что в светском обществе к деятельности Бахрушина относились скептически. Коллекционирование считалось одним из способов рационального вклада денег, и поэтому уважением пользовались собиратели бесспорно ценных вещей. Сын Бахрушина Юрий Алексеевич вспоминал, что отца «на вечерах и званных обедах с улыбкой спрашивали, правда ли, что он приобрел для своей коллекции пуговицы от брюк актера Мочалова и помочи Щепкина...». «Петербургская газета» за 27 августа 1911 года поместила заметку, в которой ядовито описывались экспонаты бахрушинской коллекции, подобные «спичке, которой закуривает сигарету Ю. М. Юрьев во время гастрольной поездки во внутрь России, и засохшему яблоку, вывезенному из Плеса Шалапиным»...

Алексей Александрович Бахрушин родился в 1865 году, в семье, история которой типична для судеб русских капиталистов. Бахрушины вышли из среды посадских людей. Семейное предание ведет начало их рода от касимовского татарина, принявшего православие и в конце XVI века переселившегося в город За-

К. Филлерс

ВЪ МОСКВѢ.
А. В. ШЕЛЪ & КОМПА. № 11

райск. По документам фамилия Бахрушиных известна с 1722 года. Крепостными Бахрушины не были, из поколения в поколение занимались торговлей. Дед, Алексей Федорович, в 1821 году с братьями переехал в Москву. И за Серпуховской заставой в Кожевниках возникла перчаточная фабрика А. Ф. Бахрушина, которая до 60-х годов прошлого века оставалась единственным в России сафьяно-кожевенным заводом с паровой машиной. Отец, Александр Алексеевич, построил рядом с заводом суконную фабрику и основал «Товарищество кожевенной и суконной мануфактур Бахрушина и сыновей», занимал видное положение в ряде московских банков, двадцать девять лет избирался в Московскую городскую думу.

Кожевенные товары Бахрушиных были популярны в Москве так же, как машины Бромлея, парфюмерия Брокара, кондитерские изделия Абрикосова, вина Смирнова, и находили сбыт не только в России, но и за границей. По экономическому могуществу Бахрушиных можно поставить в один ряд с Морозовыми, Мамонтовыми, Солдатенковыми, Хлудовыми...

168
Вся Москва знала о больших пожертвованиях Бахрушиных на благотворительные цели. На нужды России семья затратила свыше 3,5 миллиона рублей, что по тем временам считалось значительной суммой. Еще при жизни старших представителей семьи Бахрушиных были построены и содержались за их счет: Бахрушинская городская больница, Дом бесплатных квартир, приют для беспризорных, ремесленное училище для мальчиков, Дом для престарелых артистов, богадельня в Зарайске. Бахрушиных в Москве называли «профессиональными благотворителями». В их семье существовал обычай: по окончании каждого года выделять определенную сумму на пожертвования. За благотворительную деятельность отца создателя музея и его дядю — А. А. и В. А. Бахрушиных — избрали почетными гражданами города (из купечества подобной чести удостоился лишь П. М. Третьяков).

Коллекционированием занималось младшее, третье поколение, к которому и принадлежал Алексей Александрович Бахрушин. В семье были свои культурные традиции: двоюродный брат А. А. Бахрушина, Алексей Петрович, всю свою коллекцию завещал в 1904 году Российскому Историческому музею и Румянцевской библиотеке; младший брат, Сергей Александрович, коллекционировал рисунки русских художников и произведения прикладного искусства.

На примере Алексея Александровича Бахрушина видно, как в России на рубеже веков формировался новый тип людей. Это выходцы из купеческого сословия, которые тянулись к образованной и талантливой интеллигенции, интересовались науками и искусством, испытывали потребность в интеллектуальной жизни.

Алексей Александрович Бахрушин учился в московской частной гимназии Ф. Креймана на Петровке, где учились дети московского родовитого купечества. «Отец учился хорошо, — вспоминал его сын, — но, добравшись благополучно до 7-го класса, решил, что с учением пора покончить, о чем и заявил деду,

сказав, что желает идти работать на фабрику. Впоследствии всю жизнь отец жалел, что он недоучился...» С 1880 по 1890 год А. А. Бахрушин занимался, очевидно, только торгово-промышленной деятельностью, так как началом коллекционирования он в своей автобиографии назвал 1890 год.

К собиранию театральных вещей А. А. Бахрушин пришел не сразу, хотя театром увлекался всегда. С шестилетнего возраста он постоянно посещал Большой театр, а в середине 80-х играл в любительском Перловском театральном кружке и, обладая абсолютным слухом, исполнял вокальные партии.

Позже А. А. Бахрушин стал завсегдатаем Малого театра, преклонялся перед Ермоловой. В 1913 году в своей речи на торжественной церемонии передачи театрального музея Академии наук А. А. Бахрушин сказал: «...Низко кланяюсь Малому театру. Он развил во мне безграничную любовь к искусству...»

Однажды между купцом Н. А. Куприяновым, собирателем портретов артистов в ролях и карикатурах, и Бахрушиным состоялся купеческий спор, кто больше «наберет» экспонатов по театру. С этого времени Бахрушин лихорадочно приобретает все, относящееся к истории театра: фотографии, портреты актеров, афиши, программы спектаклей, книги. Вначале коллекция росла количественно, постепенно стала расти и качественно. Бахрушин знакомился с букинистами и антикварами Москвы, ездил каждое воскресенье на Сухаревский рынок, где можно было купить все что угодно. Именно здесь Бахрушин приобрел 22 эскиза костюмов работы художницы Марианны Кирцингер, выполненные для театра графа Шереметева. Выяснилось, что очень давно эти работы были украдены из Кускова.

Огромное влияние оказал на Бахрушина как на коллекционера режиссер Малого театра А. М. Кондратьев. Их первая встреча произошла в антикварном магазине Б. Аванцо на Кузнецком мосту. Кондратьев, выяснив, чем занимается Бахрушин, «одарил» его автографами актеров Малого театра. Именно через Кондратьева Бахрушин вошел в актерские круги обеих столиц, все больше и больше сближался с театральным миром.

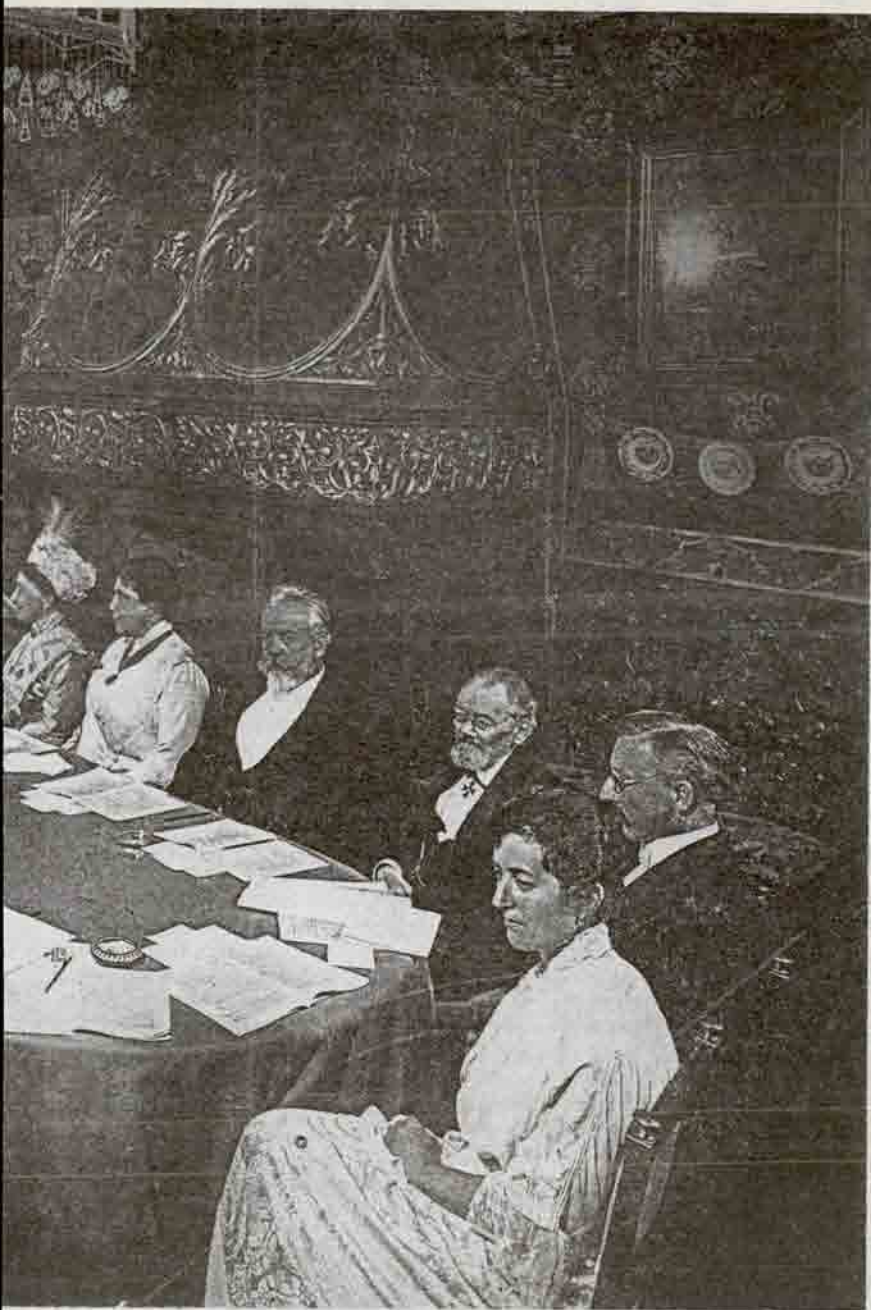
В 1894 году он впервые показал свою театрально-литературно-музыкальную коллекцию театральной общественности.

К этому времени вопрос о создании театральных музеев неоднократно поднимался в прессе и на заседаниях совета Российского театрального общества (РТО). Необходим был именно такой человек, как Бахрушин, чтобы желаемое обратить в действительность.

Актеры, режиссеры, художники, узнав о возможности создания театрального музея, посылали Бахрушину редкие фотографии, автографы, личные вещи. Дары и пожертвования становились одной из основных форм собирательства А. А. Бахрушина. Юрий Алексеевич вспоминал: «...Отец умел стимулировать порывы людей, которые дарили ему экспонаты. В каждом отделе музея он завел «дежурные» витрины. Когда узнавал, что кто-то из пожертвователей собирается посетить его, то в одной из витрин немедленно устраивалась временная выставка — в ней располагалось все, что имелось в музее, касающееся посетителя,

Передача коллекции Российской Академии наук. 1913 г.

причем наиболее интересное и ценное пряталось. При этом говорилось: «...даже обидно, что такой крупный деятель театра, как вы, так слабо отражен в музее...» Этот маневр неизменно увенчивался успехом. В посетителе заговаривало артистическое чувство, и вскоре от него поступал ценный и щедрый вклад».

Вскоре А. А. Бахрушин объявил свое собрание музеем. Вначале музей был открыт лишь для друзей, а в конце октября 1894 года — для всех желающих. Посетители оставляли свои автографы в знаменитых альбомах Бахрушина, приносили дары, становившиеся частью коллекции. Своеобразной формой собирательства стали «бахрушинские субботы». На субботний вечер приходили без приглашения, но с обязательным «сувениром» для хозяина — рукописью, рисунком и пр. Юрий Алексеевич Бахрушин вспоминал: «...Это был день, когда у нас устраивался открытый стол для всех лиц, имевших то или иное отношение к искусству. Приезжали званые и незваные... Начинались «субботы» часов в 10 вечера, затем гости расходились по музею или просто беседовали... Часа в 2 ночи сервировали простой домашний ужин, после которого зачастую устраивались импровизированные артистические выступления... Разъезжались часов в 5 утра...»

Субботние вечера помогали Бахрушину налаживать связи с театральным миром Петербурга и провинции. Музей посещали актеры Александринского театра М. Г. Савина, П. А. Стрелетова, выдающиеся русские балерины Т. П. Карсавина и А. П. Павлова. Кстати, А. П. Павлова оставила в 1904 году такую запись в альбоме: «Как жаль, что нет Бахрушина в Петербурге!»

Музей продолжал расти и все больше привлекал к себе интерес обществу. Зарубежные гастролеры не упускали случая взглянуть на коллекцию театральных редкостей. В 1893 году ее осмотрел известный итальянский певец М. Баттистини.

Петербургская газета в 1903 году писала: «...Потому ли, что Москва — центр русской театральной жизни, или москвичи энергичнее нас, но они сумели объединиться, создать такой клуб».

В поисках редких книг, гравюр, документов по истории театра Бахрушин часто ездил по стране, попутно собирал народные костюмы, старинную мебель и утварь. Интересы его выходили за рамки только русского театра. Он предпринимал специальные поездки по Европе в поисках экспонатов, связанных с историей европейского театра. Из Италии привез материалы по театру комедии масок, там же приобрел редкие музыкальные инструменты, во Франции удалось купить вещи французской актрисы Марс.

Бахрушин так сформулировал принципы своего собирательства: «... собирать старину можно только при условии глубокого личного интереса к ней, коллекционировать через антиквариев, не выискивая самому и не интересуясь глубоко, — занятие пустое». Не получив в молодости хорошего образования, он, благодаря увлечению собирательством, превратился в знатока и ценителя театра. Одной из форм собирательства была так называемая «охота» за наследством или архивами умерших актеров.

Иногда даже в театрах посмеивались и говорили, что «вслед за гробовщиком сейчас же приезжает Бахрушин», на что тот отвечал, что просит не для себя, а для музея.

Историю русского театра Бахрушин стремился представить в своей коллекции по возможности полнее, как по видам и жанрам, так и по этапам его развития. В 1909 году систематизировал свое собрание по трем отделам: литературному, драматическому и музыкальному. Музей стал называться Литературно-театральным, так как, помимо коллекции по истории театра, в нем были собраны архивы драматургов, писателей, деятелей искусства.

Бахрушин понимал, что его коллекция уже вышла за рамки частного собрания и не может принадлежать одному человеку. Поэтому в 1909 году он обратился с предложением о передаче коллекции Академии наук России. Академия приняла основное требование Бахрушина — оставить музей в Москве — и начала длительную разработку «Положения о Литературно-театральном музее императорской Академии наук». Не все понимали желание Бахрушина передать музейную коллекцию именно Академии наук России, а не городу. Бахрушин объяснил свое решение: «От многих я слышу упреки в том, что, будучи коренным москвичом, я передаю свой музей не городу, а Академии наук. Объяснение этому простое: в Академии заседают лица, которых гораздо ближе касаются вопросы искусства, а следовательно, им дороже и память о всем, что связано с ним, нежели городским деятелям, у которых на первом плане политика и платформы, — это соображение только и заставило меня отдать предпочтение Академии».

Окончательного решения о принятии коллекции АН России Бахрушин ждал четыре года, постоянно перебирая, раскладывая свои сокровища, сортируя их по отделам. Дом разбухал от вещей, книг, рукописей, и постепенно коллекция стала вытеснять хозяев из дома.

Наконец в 1913 году после долгих проволочек «Положение о музее» подписал царь, и коллекция получила статус государственного учреждения. 25 ноября состоялся торжественный акт передачи музея Академии наук.

На торжественном заседании в доме Бахрушина, кроме представителей Академии, присутствовали Г. Федотова, М. Ермолова, А. Яблочкина, А. Южин, К. Станиславский, В. Немирович-Данченко, Н. Попов и другие. Бахрушин в своей речи подчеркнул, что «задумался над вопросом — не обязан ли он, сын великого русского народа, предоставить это собрание на пользу своего народа». Торжественное собрание открыл великий князь Константин Константинович, специально приехавший из Петербурга.

Но главная цель все же не была достигнута. Двери музея открылись лишь для исследователей и ученых. Музей не стал общедоступным. Этому мешали два существенных обстоятельства: малая площадь экспозиционных залов и то, что коллекция была бессистемной.

Музей просуществовал в мирных условиях лишь несколько

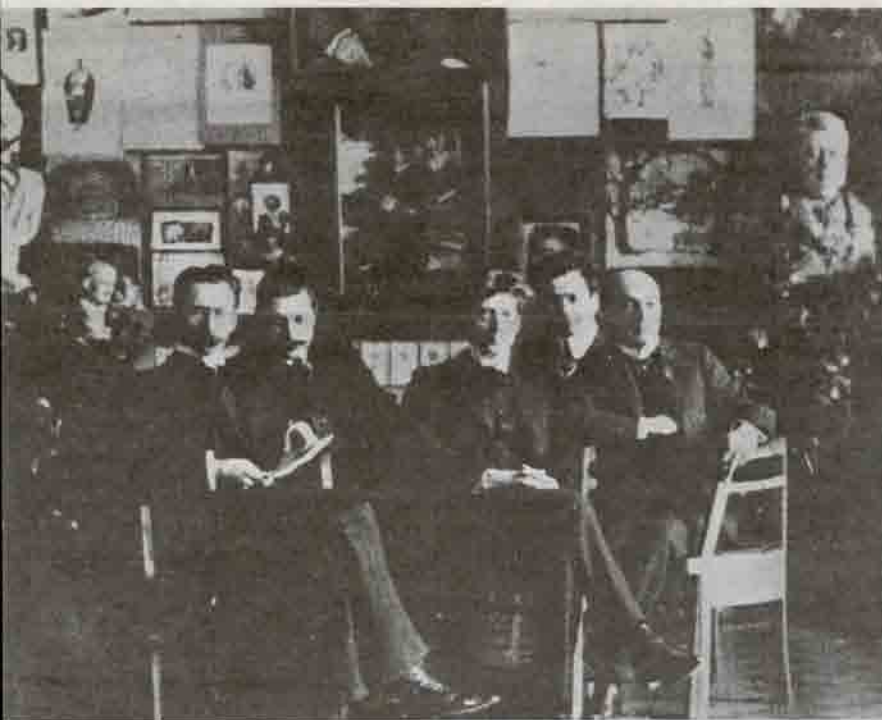
К. Браун. Эскиз декорации к опере А. Верстовского «Аскольдова могила». 1835 г.

Актриса М. Н. Ермолова. Фото 1897 г.

Ф. И. Шаляпин.

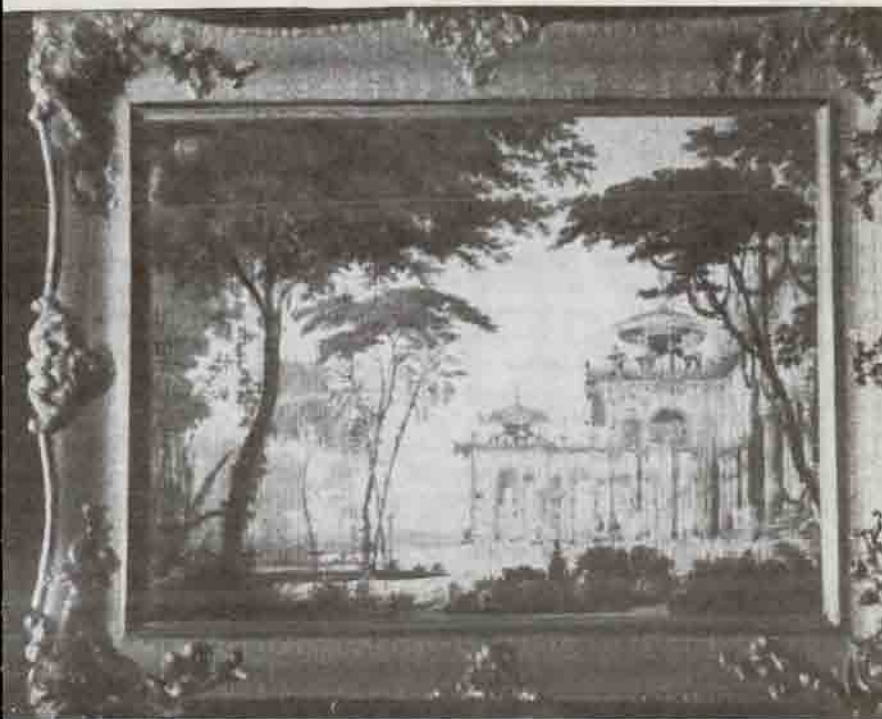

Организационный комитет театральной выставки при II режиссерском съезде. Фото 1908 г.

Танцовщица Авдотья Истомина. XIX в.

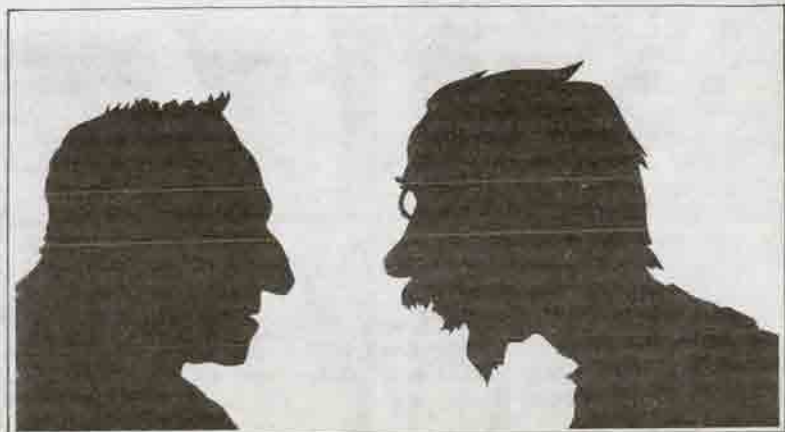
Из коллекции балетных туфель. XVIII—XX вв.

*А. Роллер. Эскиз декорации к опере
М. Глинки «Руслан и Людмила».
1835 г.*

*Ф. Рерберг. Силуэты А. Южина
и А. Бахрушина.*

месяцев. Разруха, вызванная сначала империалистической, а потом гражданской войной, осложнила его работу.

Алексею Александровичу Бахрушину пришлось пережить трудное время. Помощи от Академии он не получал. Коллекция грозила гибелью. Жена Бахрушина, Вера Васильевна Носова, утонченнейшая женщина (о ее былой красоте можно судить по портрету К. Маковского), научилась сапожному ремеслу. Этим заработком и кормилась семья. Некогда красивые руки В. Носовой загрубели, потрескались, потемнели от труда.

Конечно, можно предположить, что все эти невзгоды значительно укоротили жизнь А. А. Бахрушина. Большим стрессом для него, по воспоминаниям сына, оказалось разрушение гробницы родителей и родственников — по декрету Совнаркома все домашние церкви и склепы ликвидировались.

Так же тяжело Бахрушин переживал лишение его избирательных прав. Сохранился документ-заявление, написанное его рукой в Замоскворецкую избирательную комиссию в январе 1929 года. Чего стоили ему строчки: «Лишение прав является опорочиванием не только лично меня, но и учреждения, носящего мое имя».

Замоскворецкая избирательная комиссия лишила избирательных прав Алексея Александровича, несмотря на его дояльное отношение к Советской власти, передачу государству коллекции и каменного особняка. Да мало ли было заслуг у Бахрушина!

178 Весной 1929 года Алексей Александрович занемог, практически никуда не выезжал. Было ли это состояние следствием осложнения после перенесенного гриппа или следствием «удара судьбы», беспокойством за судьбу детей, теперь сказать трудно. Доподлинно известно, что даже в предсмертном бреду Бахрушин вспоминал о музее, думал о своем детище. 7 июня 1929 года Бахрушин умер, так и не дожив до своего 65-летия. Хоронили его на Ваганьковском кладбище. В комитет по организации похорон вошли: Книппер-Чехова, Мейерхольд, Качалов, Москвин, Нежданова, Немирович-Данченко, Собинов, Таиров, Яблочкина...

Как при жизни Бахрушина, так и после его смерти над музеем постоянно сгущались тучи. То его хотели слить с другими музеями, то вообще расформировать, то делались попытки перевести его в другой город. А в 1937 году некие инстанции приняли решение о закрытии музея. Вдова Бахрушина написала письмо Сталину с просьбой сохранить музей в первоначальном состоянии и никуда его не переводить. В письме говорилось о ценнейшей коллекции, о необходимости показывать ее посетителям, продолжать научную работу.

Никто не знает, сыграло ли роль это письмо, дошло ли оно до Сталина, но музей был оставлен в доме своего создателя. Благодаря этому мы и сегодня имеем возможность приходить на бывшую Лужнецкую, восторгаться интерьером старинного особняка и волшебным миром Театра, сохраненным для нас Алексеем Александровичем Бахрушиным.

„И спасает ВНОВЬ ЛЮБОВЬ...“

Музыкальная антенна

Ее упрекают в том, что она — певица с налетом скандальности. Прославляет русскую водку да селедку, размахивая при этом «андреевским флагом». Да, она поет и такие песни. Называет их коммерческими. Считает, что это лучше, нежели из спонсоров тянуть на клипы, записи, «сольники» на престижных площадках, квартире...

— Обходимся своими силами, — не без гордости признается Вика.

— Говоря современным языком, ваше предприятие рентабельное?

— Все это заботы моего мужа Вадима. Приходится ведь думать не только о себе... Есть еще администратор, музыканты, водитель, их семья. Одним словом, люди, благодаря которым и пришел успех.

— А это главное. Что еще нужно артисту?

— Мой первый успех непростой. По брехтовской теории: 49 — «против», 51 — «за». Но меня это устраивает. Пусть любят и ненавидят... Только бы не амебами сидели на концерте.

...«Любовь и смерть. Добро и зло». Один из последних клипов Вики Цыгановой. Он определяет и характер певицы, и ее отношение к жизни. Вика не любит золотой середины. Возможно, ее мужу, продюсеру и автору песен, Вадиму Цыганову приходится несладко. Они с Викой позволяют бросать друг другу колкости, могут поддевать один другого, но если со стороны кто-то себе по отношению к ним это позволит, тогда супружеская пара становится единым целым. Вика для мужа идеал женщины, а Вадиму, утверждает Вика, равных во всем мире нет.

Вика порой со сцены смотрится

хладнокровной, дерзкой. Дома она другая — девчонка-подросток, которой нужны опека, внимание, поддержка.

...Репертуаром Вики занимается Вадим. Где бы ни проходил ее концерт, он всегда рядом, за кулисами. Зритель в восторге, а Вадим переживает, ему-то мельчайший промах виден. Практически все финансовые, творческие, семейные проблемы на Вадиме. Когда они с Викой пришли в загс подавать заявление на регистрацию брака, надо было заполнять анкету. Администратор обратился к Вадиму: «Должность?» Он ответил: «Руководитель...» Дошли до невесты: «Кем работает?» Вадим поясняет: «У меня... Поет...» «Значит, работает в подчинении мужа...»

Посмеялись молодожены, но в анкете ничего менять не стали.

— Вика, быть по натуре лидером и подчиняться беспрекословно мужу... Как это возможно?

— Я доверяю Вадиму, его вкусу, уму. А характер я проявляю в иных ситуациях. Училась на актерском, у меня была «троечка» по сценической речи. Ну, не ладилось с этим предметом. Нашла логопеда, чтобы со мной позанимался. Но ему нужно было платить, вот и устроилась в театр полумыть. Одно тогда меня волновало: не быть «троечницей».

— Вика, какое у вас образование?

— Дальневосточный институт искусства, театральный факультет. По профессии я — драматическая актриса.

— Снять клип — дорогое удовольствие. Сама съемка — процесс трудный, здесь нельзя сфальшивить. На концерте зритель может не увидеть ошибок, мелких помарок — в клипе же приметит все. Как обычно проходят съемки клипов?

— Четыре месяца ушло на клип «Любовь и смерть». По сценарию Вадима Цыганова снимал Михаил Туманишвили. Съемки шли сложно — были споры, доходящие до ссор. Но это проходило, оставалась атмосфера теплоты и увлеченности, заботы друг о друге. Например, такая маленькая деталь. Стояли холодные дни, приходилось переодеваться в условиях далеко не комфортных, и наш костюмер подавал согретые изнутри сапоги. Это трогало до слез.

— Многие актеры считают, что чем горячее скандалы вокруг них, тем лучше. Растет популярность...

— Чем такая дешевая популярность, лучше всю жизнь в тени просидеть.

— И все же вы часто провоцируете зрителей...

— Никаких стараний с моей стороны нет. Просто я очень взрывной, эмоциональный человек. И когда сталкиваюсь с несправедливостью, заводжусь с полуоборота. Но я очень отходчива.

— Вы поете только песни, специально написанные для вас Вадимом?

— Специально писать невозможно. Сюжеты песен подсказывают Вадиму какие-то встречи, жизненные ситуации, события. И, наверное, я, мое исполнение. Мы друг друга дополняем. Его песни для меня — номер 1. Но есть в репертуаре песни и других авторов.

— А кто пишет музыку?

— О, незаменимый Юрий Прялкин. Одна из последних песен, которую Юра с Вадимом мне подарили, — «Илья Муромец». Собираемся сейчас снимать клип. С этой песней я и хотела выступить на конкурсе «Евровидение».

*На честной Руси,
эх, Господи, прости,
Развелось полно
всякой нечисти,
Под окном сирень
больше не цветет.
И Амура нет,
и который год
нет защиты нам,
нет спасения,
по Руси идет разорение.*

— Вика, в «Илье Муромце» и боль, и безысходность, и даже... агрессивность. Интересно, каковы ваши политические пристрастия?

— Далека от политики. Моя жизнь, душа, творчество — все от любви к России. С нее все начинается и к ней сводится.

— Как вы попали в Москву?

— Была такая безумная мечта — работать в столице. После института приехала сюда. Ходила из театра в театр, получала одни отказы. Взяли меня только в Еврейский театр. Ну а потом эстрада...

Да, она поет разные песни. И каждая — своеобразная картинка из нашей жизни. Они и определяют ее имидж, характер, настроение.

ЗЛЬВИРА УЛАНОВА

Фото на IV-й обложке
РИФАТА ЮНИСОВА

РОБИН КУК

СФ

ПРОЛОГ

1301 год до н. э. Гробница Тутанхамона в Долине Царей фиванского некрополя. Десятый год правления Величайшего — Царя Верхнего и Нижнего Египта, сына Ра, фараона Сети I. Четвертый месяц сезона Большой Воды, день десятый.

Эмени ткнул медным резцом в плотную массу известняка прямо перед собой, и тот уперся в каменную плиту, за которой находился Дом Вечности молодого фараона Тутанхамона, оставленного здесь пятьдесят один год тому назад.

Воспрянув духом, Эмени начал копать еще усерднее. Туннель, в котором он распластался на животе, был слишком узок даже для его худощавой, жилистой плоти. Наконец в крошечной тьме руки Эмени наткнулись на покрытую гипсом стену и нащупали печать Тутанхамона на двери, покой которой не нарушался с тех самых пор, как погребли юного фараона. Эмени позволил себе немного расслабиться и прислушался к возне разносчика воды Кемеса, проталкивающего через туннель корзину с молотком, масляным светильником и бронзовым тесаком с рукоятью из бычьей кости.

* Журнальный вариант.

Робин Кук — хирург по профессии, живет в Бостоне и преподает офтальмологию в Массачусетском Центре уха и глаза. Известен как автор двух романов на медицинскую тему — «Год из жизни интерна» и «Кома», а также романа «Сфинкс», принесшего ему популярность далеко за пределами США.

ИШЖС

Рисунок ЛЬВА РЯБИНИНА

При помощи молотка и резца дело с каменной плитой быстро пошло на лад, да и руки Эмени к этому моменту уже приобрели необходимую сноровку. Он поражался убогости Тутанхамоновой гробницы, когда сравнивал ее с Домом Вечности нынешнего фараона — Сети I, на строительстве которого теперь подрабатывал. Однако сетовать было бы грешно: опала Тутанхамона являлась главным залогом успеха ночного предприятия. В противном случае сюда и носа никто бы не сунул. Согласно указу фараона Хоремхеба, сторожевые жрецы Амона были отозваны, и Эмени оставалось лишь подкупить пьянчужку, караулящего домики местных работяг. Дело, впрочем, обошлось двумя мерами зерна и пива. Хотя и в этом не было особой нужды, раз уж Эмени пришлось в голову навестить Тутанхамона во время великого праздника Оп. Весь персонал некрополя, как и основная часть жителей близлежащей деревушки, откуда и сам Эмени был родом, находился сейчас там, где им и положено было находиться, — в Фивах, на восточном берегу Нила. И все же Эмени боялся так сильно, что страх заставлял его орудовать молотком все сильнее и яростней. Плита перед ним поддалась, а мгновение спустя глухо обрушилась внутрь.

С чувством благоговения Эмени двинулся вперед. В погребальном помещении стояла абсолютная тишина. Заглянув обратно в туннель, он увидел в призрачном отблеске лунного света подползающего Кемеса.

Двигаясь быстро, Эмени все же старался не потревожить гирлянду мертвых цветов на пороге и поскорее найти два необ-

ходимых ему золотых ковчега. Обнаружив их, он не без почитительности вскрыл дверцы и вынул драгоценные статуэтки. Это были прелестные изваяния Изиды и Нехбет — хищной богини Верхнего Египта.

Вооружившись снова молотком и резцом, Эмени забрался под усыпальницу Амнута, быстро пробил вход в соседнее помещение и проник туда, держа перед собою лампу. Осторожно поставив лампу на шкафчик из красного дерева, он стал внимательно осматривать ковчежец, не подозревая, что в туннеле в это мгновение жизнь кипела ключом.

Кемес почти добрался до пролома, а следом за ним двигался Ирамен. Амасис, огромный нубиец, с трудом проталкивающий свое тело сквозь узкий проход, чуть отставал от них. Как только три плебея разглядели несметные сокровища, девственно разложенные вокруг них, страх мгновенно сменился непотребной жадностью. Точно голодные гены они метнулись на утонченные предметы загробной роскоши. Заботливо упакованные кофры были вспороты и выпотрошены. Золото инкрустаций безжалостно вырвано. В первое мгновение, когда Эмени услышал грохот и треск, сердце его едва не выпрыгнуло из груди. В голове мелькнула мысль об ужасной расправе. Затем до него донеслись возбужденные знакомые голоса, и он понял, что произошло. Вся затея превращалась в разнузданный ночной кошмар.

— Нет, нет! — закричал он и, схватив лампу, бросился в проход. — Остановитесь! Ради всех богов — остановитесь! — Крик, искаженный малым пространством, словно громом поразил грабителей. Опомившись, Кемес угрожающе поднял свой нож. Амасис заметил это движение и улыбнулся. Ничего хорошего такая улыбка не предвещала.

...Эмени не мог сообразить, как долго он был без сознания. Сначала он услышал приглушенные голоса. Затем увидел свет, падающий из пролома в стене, и, медленно повернув голову, чтобы унять боль, уставился на соседнюю комнату Смерти, где находилась мумия. Скорчившись между двумя черными изваяниями Тутанхамона, он видел силуэт Кемеса. Эти трое осмелились посягнуть на самое неприкосновенное, святая святых Египта. Подтянув ноги под себя, Эмени скрючился, переживая усилившуюся головную боль. Кемес, державший небольшую золотую фигурку, внезапно обернулся, взглянул на Эмени и замер, но тотчас же с гневным криком бросился на несчастного каменотеса.

Забыв о боли, Эмени нырнул в туннель, но Кемес успел схватить беглеца за лодыжку. Собравшись с силами, он позвал своих приятелей, а Эмени, перекатившись на спину, сильно и зло пнул его свободной ногой в скулу. Кемес ослабил хватку, и Эмени быстро пополз по туннелю, выбрался наружу, в сухой ночной воздух, и бросился к казармам охраны некрополя.

В гробнице тем временем запаниковали, понимая, что спастись можно только бегством, но для этого нужно забыть о том, что успели открыть всего-навсего один саркофаг. Амасис, пошатываясь от напряжения, выбрался из комнаты Смерти с большим грузом золотых статуэток. Кемес увязал целую груду мас-

сивных золотых колец. Они лихорадочно швыряли награбленное в тростниковые корзины, а затем в мгновение ока оказались снаружи, взвалили корзины на плечи и пустились к югу. Изнемогающий под тяжестью добычи Амасис решил припрятать под скалой синюю фаянсовую вазу, чтобы освободить хотя бы правую руку. Когда он догнал остальных, те уже выходили на дорогу к храму Царицы Хатшепсут и углубились в бескрайнюю Ливийскую пустыню. Они были свободны и богаты — сказочно богаты.

Эмени мало что знал о пытках. Когда ему сообщили о том, что решено прибегнуть к палочному допросу, он понятия не имел, что это такое. Однако, когда четверо громил в нагрудниках фараоновой стражи разложили его на низенькой скамеечке, а пятый взялся обрабатывать самые нежные и уязвимые участки его ступней, Эмени закричал:

— Остановитесь, я вам все скажу!

Когда же он совсем перестал соображать от боли, принц Майя, шеф охраны некрополя, легко махнул своей ухоженной рукой, и жест этот означал, что процедуру можно прекратить. Парень с дубиной врезал Эмени еще разок, а принц Майя, держа в руке цветок лотоса, повернулся к гостям. Их было двое: Небмара, управитель Западных Фив, и Ненефта, старший архитектор его величества, фараона Сети I. Никто из них на любезность хозяина не откликнулся, и тот сам повернулся к Эмени, лежавшему на спине и на всю жизнь возненавидевшему воровство.

— Скажи-ка, каменотес, откуда ты узнал дорогу к сокровищам Тутанхамона?

— Мой дедушка... Он передал схему гробницы моему отцу, а тот — мне.

— Твой дед тесал камни для гробницы?

— Да, — ответил Эмени.

— А ты работаешь на строительстве пирамиды? — перебил их Ненефта.

Эмени кивнул. Он очень боялся великого архитектора, и основания для этого у него имелись.

— Как ты думаешь, может ли быть ограблена сооружаемая нами гробница?

— Любая гробница может быть ограблена, если ее не охранять.

Гнев сверкнул в глазах Ненефты. Он едва обуздал яростное желание убить на месте эту тварь, олицетворявшую все, что ему было ненавистно.

— И каким образом, позволь тебя спросить, убережешь нам фараона и его сокровища? — выдавил наконец Ненефта.

— Убережешь фараона невозможно. Как было раньше, так будет всегда. Люди не перестанут лазить в гробницы.

С удивительным для своей комплекции проворством Ненефта преодолел расстояние, отделявшее его от каменотеса, и ударил его тыльной стороной ладони в лицо.

— Как смеешь ты, прах, упоминать в своей грязной речи имя великого фараона!

Он замахнулся еще раз, но вдруг остановился, и лицо его

потеряло всякую осмысленность. Сонливый Небмара встрепенулся и перестал жевать финики, не донеся последний до разинутого рта.

— Все ли в порядке с твоим Великолепнем? — подался он вперед, пристально вглядываясь в лицо архитектора.

В жирных складках щек Ненефты неожиданно заиграла довольная улыбка. Повернувшись к столу, он возбужденно обратился к Майя:

— Гробницу Тутанхамона уже опечатали?

— Конечно, — ответил принц. — И немедленно.

— Вскройте ее!

— Вскрыть? — изумился Майя, а Небмара уронил финик.

— Да, я хочу побывать в оскверненном святилище. Слова этого каменотеса пробудили во мне вдохновение, способное потягаться с духом великого Сократа. Я знаю теперь, как сохранить в неприкосновенности сокровища нашего фараона. Невероятно, как я не додумался до этого раньше.

В первую секунду радостного оживления Эмени воспрянул, надеясь на благополучный для себя исход. Однако улыбка на лице Ненефты мгновенно погасла, как только он повернулся к арестанту. Зрачки его сузились, лицо потемнело.

— Твои слова принесли нам пользу, — начал он, — но они не могут искупить твое гнусное злодеяние. Сейчас тебе будет вынесен приговор, но трепещи, ибо это сделаю я. Ты умрешь следующим образом: здесь соберут таких же ублюдков, и пару часов ты будешь издыхать перед ними, посаженный на кол, а тело твое потом сожрут гиены.

Он жестом повелел своим рабам братья за носилки, в которых сидел, и после этого обернулся к остающимся сановникам:

— Вы хорошо послужили фараону сегодня.

— Служить — наша святая обязанность, твое Великолепие, — отозвался Майя. — Но кое-что все же осталось непонятным...

— Тебе и не нужно ничего понимать. Вдохновенная мысль, осенившая меня сегодня, должна пребывать величайшим секретом Вселенной. Она останется тайной навеки.

1922 год, 26 ноября

Гробница Тутанхамона в Долине Царей фиванского некрополя

Возбуждение становилось всеобщим — оно как зараза перекидывалось от одного к другому, пока не поразило всех, и теперь уже не было человека, который лежал бы где-нибудь со спокойным лицом и не задавал бы нервных вопросов. Растущему напряжению не в силах был препятствовать даже кинжальный огонь одиноко висевшего над Сахарой солнца. Арабы-феллахи ускоряли и ускоряли темп, вынося щепень — одну корзину за другой — из распахнутого устья гробницы. Наконец, пройдя по нисходящему коридору, они достигли входа в усыпальницу. Эта дверь простояла запечатанной три тысячи лет. Что за ней? Окажется ли эта гробница пустышкой, как все другие, ограбленные в античности? Ответов пока не было.

Сарват Раман — десятник с большим тюрбаном на голове —

поднялся на поверхность, облепленный слоем мельчайшей пыли. Держа в руках инструменты, он размашисто зашагал к тенту из белого полотна — единственному предмету на многие мили вокруг, отбрасывавшему хоть какую-то тень в этой нещадно палимой солнцем долине.

— Осмелюсь доложить вашему превосходительству, что мы очистили весь коридор, — слегка согнувшись, сказал Раман. — Вторая дверь нами полностью откопана.

Говард Картер прищурился, тронув указательным пальцем поля черной фетровой шляпы.

— Чудесно, Раман. Мы осмотрим дверь, как только уляжется пыль.

— Я с почтением ожидаю ваших указаний. — Раман повернулся и вышел из-под тента в марево раскаленного воздуха.

— Вы несколько холодны, Говард, — произнес лорд Карнарвон, чье полное имя звучало старомодно — Джордж Эдвард Стенхоуп Молинез Герберт. — Я поражаюсь вашей способности сидеть здесь и допивать лимонад, вместо того чтобы бежать сломя голову к гробнице, лихорадочно воображая себе, что именно мы найдем за той дверью. — Карнарвон улыбнулся и подмигнул своей дочери, леди Эвелин Герберт. — Теперь я могу понять Бельцони, который применил гидравлический таран, отыскивая гробницу Сети I.

— Мои методы отличны от методов Бельцони, — неприятно ответил Картер. — И прошу не забывать, что его вандализм соответственно был вознагражден пустой гробницей, не считая, конечно, саркофагов. — Он невольно взглянул в сторону открытой по соседству гробницы Сети I. — Видите ли, Карнарвон, я все еще не могу сказать определенно, что же такое мы здесь нашли. И не думаю, что у нас имеются особые причины для радостного возбуждения, поскольку неясно, можно ли вообще считать это гробницей. Настенная живопись не типична для фараона восемнадцатой династии. Скорее всего это какой-нибудь перенесенный из Ахетатона тайник Тутанхамоновых принадлежностей. Кроме того, нас опередили могильные вору, и даже не один раз. Моей единственной надеждой является тот факт, что кто-то нашел веские основания, чтобы вновь опечатать двери.

К тому времени, когда они вошли в коридор, пыль уже устилала плотным ковром убегающий в темноту спуск. Они старались двигаться плавно и не тревожить блаженно застывший после неистовых рудокопов воздух. Возглавлял процессию Картер. За ним следовали Карнарвон и его дочь. Последним двигался ассистент Картера — Келлендэр. Раман, передав небольшой ломик главе экспедиции, остался у входа. Фонарь и свечи нес ассистент.

— Как я и говорил, мы не первые интересуемся содержимым этой гробницы, — произнес Картер, нервно ткнув пальцем в левый верхний угол каменной плиты. — Дверь была вскрыта и потом запечатана вот в этом месте. А здесь, — он очертил небольшую окружность в центре, — ту же самую операцию проделали вторично. И это очень странно.

Лорд Карнарвон, выглянув из-за спины археолога, увидел погребальную печать фараона, изображающую шакала и девять связанных рабов.

— Вдоль основания двери просматриваются образчики оригинальной печати Тутанхамона, — продолжал Картер. — Ну что же, давайте посмотрим, что за этой дверцей.

На мгновение время остановило свой ход, и, как только глаза Картера адаптировались к темноте, трех тысяч лет словно и не бывало. Слабо засияла слоновая кость зубов Амнута, выступили из черноты веков золотые фигуры животного обличья.

— Что-нибудь видно? — спросил Карнарвон.

— Да! И зрелище неопишемое! — Картер слегка отстранился, чтобы остальные тоже могли взглянуть на комнату, битком набитую невероятными вещами. Три усыпальных ложа венчались золотыми головами, а в углу, куда упал свет фонаря, валялась груда ларцов и ковчегов, инкрустированных золотом. Картер попытался уяснить себе причину беспорядка в погребальном покое. Вместо предписанного ритуалом строго определенного положения предметов загробной жизни здесь царил полнейшая неразбериха. Справа можно было увидеть две статуи Тутанхамона в натуральную величину — каждая в золотой юбочке и в золотых сандалиях, скрещенные руки удерживают символы власти фараона.

Между этими изваяниями была еще одна опечатанная дверь!

Картер отодвинулся от пролома, предоставив спутникам волю наслаждаться созерцанием неправдоподобного для простых смертных феномена. В нем росло желание немедленно разрушить остаток стены и проникнуть внутрь комнаты. Но никто не войдет туда, вплоть до завтрашнего утра...

1922 год, 27 ноября

В это утро Картер провозился у входа более трех часов. Раман и еще несколько феллахов крутились около него. Рядом в ожидании стояли лорд Карнарвон и леди Эвелин. Картер решительно поправил сбившийся галстук и шагнул через порог, глядя себе под ноги.

Не говоря ни слова, он жестом предупредил Карнарвона, чтобы тот не споткнулся о полупрозрачную алавастровую вазу в форме лотоса, лежащую у самого входа. Затем, приблизившись к двери, расположенной между двух статуй, он приступил к осмотру печатей. Обернувшись, чтобы помочь дочери, Карнарвон заметил валявшийся у стены справа свиток папируса. Слева лежала гирлянда сухих цветов, как будто похороны Тутанхамона состоялись не далее чем вчера. Леди Эвелин наконец вошла, влекомая твердой отцовской рукой и сопровождаемая Келлендэром. Раман за недостатком места войти не стал и ограничился тем, что скромно стоял у входа.

— К сожалению, усыпальный покой тоже не остался в неприкосновенности, — сказал Картер, указывая на дверь перед собой. Карнарвон, леди Эвелин и Келлендэр осторожно подошли к ар-

хеологу и стали рассматривать то место, куда указывал его палец. Даже Раман не удержался и сделал шаг вперед.

— Удивительно то, — продолжал Картер, — что сюда входили только один раз, а не дважды — как в первую дверь. Это дает повод надеяться на сохранность мумии, быть может, грабители до нее не добрались. — Картер оглянулся и увидел Рамана. — Раман, мне помнится, я не отдавал никаких распоряжений относительно твоего присутствия здесь.

— Я прошу у вашего превосходительства прощения, но мне подумалось, не мог ли я быть чем-нибудь полезен.

— В самом деле? Ну, если речь зашла о пользе, то принести ее ты можешь только одним способом: немедленно выйдя наружу и не впуская сюда ни одного человека без личного моего разрешения.

— Будет исполнено, ваше превосходительство. — Раман бесшумно выскользнул из комнаты.

— Говард, — заговорил Карнарвон. — Вам следовало проявить чуть больше великодушия.

— Всем рабочим будет предоставлена возможность осмотра, но время для этого я назначу позже, — ответил Картер. — Итак, как я уже сказал, мумия вполне может оказаться нетронутой из-за того, что грабителей, видимо, застали врасплох в самый разгар их святотатства. Есть, правда, кое-что непонятное и таинственное в том, как расположены вещи. После воров здесь все-таки пытались навести порядок, но времени как будто не хватило. Почему?

Карнарвон пожал плечами.

— Взгляните на чудесную вазу у порога, — продолжал Картер. — Почему ее не убрали на место? А этот золоченый ковчег с распахнутой дверкой — статуэтка оттуда украдена, но почему никто не удосужился запереть его? Или вот эта обыкновенная масляная лампа. К чему ее оставили здесь? У меня такое ощущение, словно все находящиеся здесь сияют сказать нам нечто очень важное. И вот это действительно странно. Ох, посмотрите туда! Там еще одна комната. — Картер сел на корточки перед усыпальным ложем и осветил его фонарем. Карнарвон, леди Эвелин и Келлендэр поспешили к нему. Исчезая в проломе под ложем, луч света выхватывал очертания нового помещения, очевидно, тоже набитого золотом и драгоценностями. Как и наверху, все было перевернуто вверх дном. К несчастью для присутствующих, все они, увлеченные новой находкой, позабыли о недоуменных вопросах Картера и перестали размышлять о том, что же все-таки случилось здесь три тысячи лет тому назад.

А позже Карнарвон получил заражение крови. В ночь на 5 апреля 1923 года, менее чем через двадцать недель после событий в гробнице Тутанхамона, весь Каир был взбудоражен необъяснимым ураганом, который явился неизвестно откуда и бесчинствовал всего пять минут. В этот краткий отрезок времени умер лорд Карнарвон.

В течение нескольких месяцев, один за другим, умерли при таинственных обстоятельствах еще четверо участников ноябрь-

ской экспедиции. Один из них, например, исчез с палубы собственной яхты, стоящей на якоре в низовьях Нила при абсолютном штиле. Интерес к раскопкам и историям с могильным грабежом начал спадать, а на смену ему пришли гипотезы об искушенности древних египтян в оккультных науках. Заговорили о «проклятии фараонов» и каких-то «тенях из прошлого», «Нью-Йорк таймс» тревожно сообщила: «Это величайшая загадка, и игнорировать ее или сохранять скептические позиции было бы легкомысленно». Страх тем временем начал просачиваться в научные круги. Слишком много было совпадений...

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
Каир, 15 часов

Когда Эрика Бэрон выходила утром из отеля «Хилтон», она преследовала ясную и вполне достижимую цель — побывать на каирском базаре и посетить секцию ювелиров, чтобы приобрести экзотические подарки. Теперь же, когда людская волна несла ее, сжатую со всех сторон разгоряченными телами, куда-то в глубь базара, акция эта уже не казалась Эрике легко выполнимой. Особенно сильно засомневалась она в успехе, когда чья-то грязные пальцы забегали по ее волосам. Ну что ж, этого было достаточно. Ведь ее интересовала древняя цивилизация художников и жрецов. В принципе в этой стране ей хотелось увидеть только провинциальный Верхний Египет да, пожалуй, еще монументы типа Саккара. Пробираясь сквозь нагромождения лавок, торговавших голубями в тростниковых корзинках, Эрика ускорила шаг. Она уже видела впереди минарет и залитую солнцем площадь.

Внезапно Эрика остановилась как вкопанная, мгновенно потеряв всякое ощущение реальности и уткнувшись в витрину, в которой стояла небольших размеров глиняная урна, излучавшая таинственное сияние Древнего Египта. Края урны были чуть-чуть отбиты, но в остальном сосуд сохранился полностью. Перед ней был великолепный образчик прединастической керамики.

Чуть отступив назад, Эрика попыталась прочесть надпись на витрине, но, к сожалению, так и не смогла разобрать непонятные загогулины арабского шрифта. Правда, ниже и очень мелко было написано: «Антик Абдул».

Сотни цветных бус, закрывавших дверной проем, издали щелкающий звук, когда Эрика вошла в лавку. За прилавком никого не было, и Эрика, повесив сумку на плечо, погрузилась в созерцание изумившей ее керамики. В это мгновение портьера в задней стене магазинчика раздвинулась, и к прилавку прошаркал хозяин, Абдула Хамди.

— Меня интересует эта урочка, — обратилась к нему Эрика. — Можно рассмотреть ее поближе?

— Разумеется, — ответил Абдула, вынул чашу из витрины и сунул ее в дрожащие от волнения руки Эрики. — Идите сюда, здесь больше света. — Он включил висевшую над прилавком электрическую лампочку без абажура.

Эрика подошла к прилавку и осторожно поставила на него сосуд. Затем снова взяла чашу в руки и, медленно вращая ее кончиками пальцев, принялась исследовать рисунок, на котором были изображены танцоры, антилопы и какие-то примитивные лодки.

— Сколько? — спросила она, не отрывая глаз от изящно переплетавшихся линий.

— Двести фунтов, — ответил Абдула, заговорщицки понизив голос.

— Двести фунтов! Но я могу позволить себе фунтов сто, не больше.

— О'кей, только для вас... — Абдула выдержал паузу. — Вы американка?

— Да.

— Это хорошо. Мне нравятся американцы. Пусть я понесу убыток из-за этой плошки. Итак: сотня и еще шестьдесят фунтов. Больше не уступлю.

Перевернув сосуд вверх дном, Эрика увидела нанесенную охрой спираль и потерла рисунок большим пальцем. Часть пигментов охряного покрытия отслоилась, и Эрика поняла, что ей пытаются всучить подделку. Испытывая крайнюю неловкость, она поставила вазу на прилавок и преувеличенно заинтересовалась ремнем своей сумочки.

— Ну что ж, нет так нет.

— А у меня еще есть. — Абдула открыл высокий деревянный шкаф, стоявший у стены, вытащил новую вазу и водрузил ее на прилавок.

Эрика нехотя взяла чашу в руки и принялась внимательно рассматривать рисунок у основания, затем, лизнув указательный палец, потерла им по рисунку. Краска не поддавалась.

— Сколько? — Эрика попыталась скрыть охватившее ее волнение. Не так-то легко совладать с собой, когда держишь в руках вещь, сделанную шесть тысяч лет тому назад.

— Она не продается. Может быть, в другой раз. Но не сейчас. Вы туристка? — Абдула попытался отвлечь внимание Эрики от вазы.

— Нет. Я египтолог.

— Египтолог! Так вы бывали в Египте раньше?

— Нет, я здесь впервые. Давно хотела приехать, но как-то не получалось с деньгами.

— Ну что же, дай вам Бог по-настоящему насладиться этой поездкой. Вы собираетесь в Верхний Египет? В Луксор?

— Конечно.

— Я дам вам адрес моего сына, у него такой же магазинчик, и он может показать вам кое-что интересное. А пока, не согласились бы вы разделить со мной стариковское чаепитие? Чай обещаю с мятой.

Эрика колебалась секунду-другую, прежде чем взять в руки сумочку и последовать за хозяином. Задняя комната оказалась таких же размеров, что и торговая часть магазинчика, правда, без окон и дверей. Стены и пол были убраны яркими восточными коврами. Посередине, в окружении пухлых огромных поду-

шек, стоял низенький столик и поблизости от него — кальян. Вдоль стен громоздились высокие шкафы.

— Садитесь, пожалуйста.— Абдула указал на подушки вокруг столика.— Не часто мне доводится принимать таких красивых и к тому же просвещенных дам. Скажите, радость моя, из каких вы мест?

— Вообще-то я из Толедо, штат Огайо. Но теперь живу в Бостоне, точнее, в Кембридже.

— Бостон, да. У меня там друг. Мы переписываемся время от времени. Вернее, пишет сын. Я не умею. Кстати, где-то здесь у меня его письмо.— Абдула запустил руку в шкатулку, стоящую меж подушек, и выудил оттуда машинописное послание, адресованное Абдуле Хамди, Луксор, Египет.— Может быть, вы его знаете?

— Бостон слишком большой город...— начала Эрика, но тут же осеклась, скользнув глазами по обратному адресу: доктору Херберту Лоури. Это был ее босс.— Вы что, знакомы с доктором Лоури?

— Я дважды встречался с ним, а потом изредка переписывался. Его очень интересовала голова Рамсеса II, которая была у меня год назад. Чудесный человек. Большая умница.

— Да уж,— ответила Эрика, изумленная тем, что сидящий перед нею затрапезный Абдула способен на переписку с такой выдающейся личностью, как доктор Херберт Лоури, заведующим отделом ближневосточных исследований Бостонского музея изящных искусств.

194 У входа застучали бусины. Абдула поднялся и, раздвинув портьеру, произнес несколько слов по-арабски. В комнату бесшумно скользнул босой мальчик, разносчик чая с огромным подносом. Он молча поставил стаканы с металлическими ручками подле кальяна. Абдула положил на поднос несколько монет, и мальчик вышел.

— Скажите, Эрика,— произнес Абдула, прихлебывая чай из стакана.— Почему вы решили стать египтологом?

— Мне просто нравится это занятие. В детстве, когда я ездила с родителями в Нью-Йорк, единственное, что мне запомнилось,— это увиденная в музее «Метрополитен» мумия. А позже, когда я училась в колледже, довелось прослушать курс древней истории. Я просто упивалась лекциями по культуре ушедших цивилизаций.

— Странно,— перебил ее Абдула.— Для меня, например, такое занятие чуть подлучше, чем гнуть спину где-нибудь на огороде. Но для вас... Что ж, раз вы счастливы, значит, такая работа вам подходит. Сколько же вам лет, радость моя?

— Двадцать восемь.

— А ваш муж, где он сейчас?

— Я еще не замужем.

Наблюдая за тем, как Абдула потягивает свой чай, Эрика думала о счастливой случайности, позволившей ей встретить этого милого старикана, и о том, что она будет часто вспоминать часы, проведенные в прохладном магазинчике с цветастыми коврами.

Абдула неожиданно поднялся и сдернул покрывало с одной из укутанных фигур высотой в два метра.

Посмотрев на нее, Эрика глухо вскрикнула и устремилась к изваянию. Лицо было выполнено из кованого золота и напоминало маску Тутанхамона, однако отличалось более искусной резьбой.

— Это фараон Сети I, — заявил Абдула и, бросив укрывавшее фараона тряпье на пол, вернулся к столу.

— Эта статуя — самая прекрасная из всех виденных мною, — прошептала Эрика, пристально вглядываясь в холодный, безжизненный лик. Глаза были сделаны из белого гипса с зелеными зрачками полевого шпата. Брови — из полупрозрачного сердолика. Традиционный древнеегипетский головной убор был, разумеется, целиком из золота, местами украшенного вкраплениями лазурита. На шее крепилось роскошно исполненное нагрудное украшение в форме ястреба, символизирующее богиню Нехбет: золотое ожерелье было испещрено лазуритом, бирюзой и яшмой, а глаза и клюв мерцали обсидианом. На поясе фараона в золотых ножнах висел кинжал с инкрустированной драгоценными камнями рукоятью. Левая рука простиралась вперед, удерживая на весу жезл, также украшенный драгоценностями.

— О, Абдула! Это так чудесно, у меня просто нет слов! — Эрика вновь оказалась лицом к лицу с фараоном и именно в это мгновение впервые увидела иероглифы, вырезанные у основания статуи. В рамочке, именуемой специалистами «картуш», было начертано имя Сети I. Чуть ниже она обнаружила еще один картуш, и в нем было указано совершенно другое имя. Решив, что это — второе имя фараона Сети, Эрика принялась расшифровывать иероглифы. К ее изумлению, они гласили: «Тутанхамон». Сети I являлся чрезвычайно значительной и могущественной фигурой в египетской истории, в отличие от Тутанхамона, фараона-мальчика, оставившего по себе память как о слабом, недолговечном правителе. К тому же их правления разделяло никак не менее пятидесяти лет. Да и общих родственников у них быть не могло: фараоны происходили из разных династий. Но иероглифы откровенно провозглашали и то, и другое имя.

Резкий звук застучавших бусин у входа в магазин вынудил Абдулу быстро подняться на ноги.

— Извините, Эрика, но у меня имеются веские основания соблюдать осторожность. Позвольте только взглянуть на покупателей, и я тут же вернусь.

Абдула, прошаркав к выходу, чуть раздвинул портьеру и осторожно выглянул наружу.

Из комнаты доносились тихие голоса, но вдруг Эрика уловила отчетливую перемену в интонациях приглушенного разговора. Вслед за этим раздался звон бьющегося стекла и сдавленный, мгновенно оборвавшийся крик. Эрику охватил панический страх. Стараясь двигаться бесшумно, она приблизилась к занавесу. Сначала Эрика увидела спину какого-то араба в затасканной, грязной галабии, стоявшего в дверном проеме у входа в магазин, а переведя взгляд чуть левее, зажала рот рукой, чтобы не

вскрикнуть. На прилавке, спиной вниз, лежал Абдула, удерживаемый сзади еще одним арабом в рваной галабии.

Третий, одетый в чистый полосатый халат и белый тюрбан, нависал над Абдулой и размахивал варварски изогнутой поблескивающей саблей. Безжалостная рука откинула голову Абдулы назад, и отточенный клинок вонзился ему в кадык. Из перерезанного горла вырвался булькающий вздох, и, заливая все вокруг, ярким ручьем хлынула кровь.

В магазине тем временем началась глухая возня, как будто передвигали мебель. Потом все стихло. И тут Эрика с ужасом услышала приближающиеся к ней голоса. Она поспешила забраться в щель между стеной и самым дальним шкафом и закрыла глаза руками. Убийцы уже входили в комнату. Арабская речь зазвучала прямо напротив скрывавшего ее шкафа. Она ясно ощущала присутствие этих людей, слышала каждое их движение, затем грузное падение чего-то тяжелого и приглушенное чертыхание. Вслед за этим шаги начали удаляться, и вскоре Эрика с облегчением услышала знакомый треск бусинок. Она медленно повернула голову и выбралась из-за шкафа. Комната была пуста. Изваяние фараона Сети I исчезло!

Шум вновь застучавших бусин у входа окатил ее новым приступом ужаса, ознобом пробежавшего по спине. Эрика опять втиснулась в глухое пространство между стеной и шкафом и услышала, как зашелестела раздвигаемая портьера. Послышался легкий шорох, затем — приближающиеся к ней шаги. Все ближе и ближе.

Чья-то сильная рука железной хваткой взяла Эрику за левое запястье и решительно выволокла ее из спасительного уголка на середину комнаты.

Бостон, 8 часов утра

Резкий сигнал электрического будильника безжалостно вонзился в уши Ричарда Харви. Стукнув раздраженно рукой по будильнику, он тут же чертыхнулся. Рядом с будильником стояла фотография Эрики, сделанная во время лыжной прогулки. Вместо того чтобы улыбаться, как все нормальные люди, когда их снимают, она смотрела в объектив с гримасой на лице, капризно надув нижнюю губку. Ричард приподнялся на кровати и, разрушая чары, повернул фото к стене. Ну как это могло случиться, чтобы такая смазливенькая девчонка втрескалась не в такого же смазливового парня, а в целую цивилизацию, умершую три тысячи лет назад?

Нет, это невозможно — прошло только два дня после ее отъезда, а он уже измаялся как школьник. Что с ним будет в оставшиеся четыре недели?

Ричард поднялся и направился в ванную. Для своих тридцати четырех он выглядел очень и очень неплохо. Занимаясь частной практикой, Ричард всегда находил время для увлекательных баталий на теннисном корте. В пользу подобной склонности красноречиво свидетельствовало его высокое, поджарое тело с хорошо развитой мускулатурой.

Из ванной комнаты он перебрался в кухню и, поставив на огонь чайник, налил себе стакан сока.

«Египет. Это все равно, что улететь на Луну, — обреченно думал Ричард. — Какого черта ей там надо, в Египте?»

День обещал быть ужасным. Тем не менее думать о чем-либо, кроме Эрики, он не мог. В конце концов, совершенно измучившись, Ричард решил позвонить в Толедо, где жила ее мать — с ней, слава Богу, у него были прекрасные отношения. Часы показывали восемь тридцать, и он знал, что еще застанет ее дома.

— От Эрики еще ничего нет?

— Господи, Ричард, она только уехала.

— Знаю. Но мне что-то неспокойно. Никак не могу понять, что произошло. Все было просто чудесно до тех пор, пока мы не заговорили о браке.

— Да уж, лучше бы вам начать этот разговор годик назад.

— Не мог я этого сделать годик назад. Только-только начал практиковать.

— Преспокойно мог. Тебе просто не очень хотелось. А если теперь на душе кошки скребут, так не надо было отпускать ее в Египет.

— Я пробовал.

— Если бы пробовал, дорогой Ричард, она бы сейчас сидела у тебя на коленях.

— Да нет, Дженис, я действительно пытался ее остановить. Я сказал, что, если она уедет, наши отношения могут измениться.

— И что она?

— Ответила, что ей очень жаль, но поездка все равно состоится.

— Это всего лишь поза, Ричард. Со временем все утрясется. А тебе необходимо отвлечься.

— Конечно, конечно, Дженис, я знаю, по крайней мере надеюсь. Если от нее что-нибудь будет, сообщите мне.

Ричард положил трубку, ясно отдавая себе отчет в том, что от разговора легче не стало. Он тут же набрал номер отдела международной связи и выяснил, можно ли переговорить с Каиром. Мысль об Эрике, наслаждающейся в Египте своими прихотями, привела его в бешенство. Однако, злись — не злись, делать нечего.

Каир, 15 часов 30 минут

Осмелившись наконец открыть глаза, Эрика приготовилась увидеть свирепое лицо араба-убийцы, но, к полному своему изумлению, обнаружила перед собой шикарно одетого европейца в бежевом костюме-тройке. Они молча взирали друг на друга, в одинаковой степени пораженные тем, что увидели. Правда, Эрика к тому же была до смерти напугана. Этот ужас, прочно застывший в ее глазах, отнял у Ивона Жюльен де Марго целую четверть часа на уверения в том, что он не собирается ее

зарезать или причинить ей хотя бы малейший вред. И все-таки, несмотря на исчерпывающие объяснения, Эрика никак не могла справиться с охватившей ее нервной дрожью и потому говорила с трудом. Частью словами, частью жестами она сообщила Ивону, где лежит Абдула. Ивон прошел в другую комнату, но очень быстро вернулся.

— В магазине никого нет, — сказал он. — Немного крови на полу, и стекло разбито.

— Я хочу уйти отсюда.

— Да, да, конечно, — успокоил Эрику Ивон. — Однако объясните, что здесь все-таки произошло.

— Мне нужно в полицию, — всхлинула Эрика. — Я оказалась, к несчастью, свидетельницей убийства. Господи! Это невыносимо! Сквозь щель в портьере я видела трех мужчин. Один стоял на пороге, другой держал несчастного старика, а третий... Перерезал ему горло.

— Понятно, — задумчиво произнес Ивон. — Во что были одеты эти трое?

— Это были арабы, черт бы их побрал! Двое из них — вообще натуральная рвань, но третий, похоже, приличный.

— Вы бы узнали их? — бесстрастно продолжал Ивон.

— Не знаю. Все произошло так внезапно. Возможно, я бы узнала человека с клинком. Лица того, кто стоял в дверях, я так и не увидела. Мы просто болтали с Абдулой, хозяином лавки. Долго болтали, пили чай. Такой милый старикан. Господи... Но где же тело? К чему забирать с собой еще и труп?

— Что вы имеете в виду под этим «еще и»?

— Они утащили статую. Легендарное изваяние древнего египетского фараона...

— Сети I, — перебил ее Ивон. — Неужели этот свихнувшийся старик держал статую здесь?!

— Вы что, знали об изваянии? — удивилась Эрика.

— Не только знал, но и пришел сюда лишь для того, чтобы переговорить о нем с Хамди. Давно это случилось?

— Точно не скажу. Пятнадцать, двадцать минут. Когда вы появились, я была уверена, что вернулись убийцы.

Ивон выругался по-французски и начал нервно рассказывать по комнате. Внезапно он остановился и рывком обернулся к Эрике.

— Подождите! Вы что, видели эту статую?

— Конечно. Лучшие образцы из сокровищницы Тутанхамона бледнеют перед этой скульптурой. Она — национальное сокровище Египта. Будучи египтологом, я слышана о черном рынке античных вещей, но не могу себе даже представить, чтобы изваяние стало предметом грязных сделок. Необходимо что-то предпринять!

— Необходимо что-то предпринять! — Ивон цинично расхохотался. — Американская святая невинность. Крупнейший рынок антиквариата — вот что такое ваша Америка. Если бы предметы старины нельзя было сбыть, никакого черного рынка не существовало бы. В конечном итоге во всем виноват покупатель.

— Ах, значит, американская святая невинность! — негодуя, воскликнула Эрика. — А как насчет французской, дорогой мсье? Как у вас язык поворачивается говорить на эту тему, когда вам прекрасно известно, что Лувр просто набит ворованными вещами? Такими, скажем, как Зодиак из Храма Дендеры. Люди за тысячи миль едут в Египет лишь для того, чтобы им в конце концов показали паршивый гипсовый слепок с этого самого Зодиака.

— Плиту перевезли из Египта в целях лучшей ее сохранности, — сухо произнес Ивон. — Ну, хорошо. Не будем спорить. Мы оба считаем, что черный рынок должен быть под контролем. Разница только в методах. Я, например, не думаю, что нам надо немедленно обращаться в полицию. Не собираюсь вас пугать, всего лишь короткая справка. Это Каир. Не Нью-Йорк, не Париж и даже не Рим. Восточная тяга к интриганству и изощренная система взяток — нормальное, повседневное зло. Если вы придете с вашей историей в полицию, то немедленно превратитесь в подозреваемого номер один. Исходя из этого, вас арестуют на месте либо, если очень повезет, посадят под домашний арест. Теперь о сроках. Для того чтобы «шевелинулась» самая плохонькая бумажка, требуется от шести месяцев до года. Я гарантирую, что ваша жизнь станет сущим адом.

— Кто вы такой? — спросила Эрика и, взяв сумку, принялась рыться в ней в поисках сигарет. Ивон вытащил из кармана золотой портсигар и открыл его. Тут же появилась золотая диоровская зажигалка. Несколько мгновений они сидели и молча курили.

— Я — один из тех, кого вы называете беспокойными людьми. Мне не нравится, что гибнут памятники древности, бесследно исчезают античные раритеты, вот я и решил этим заняться. Может быть, что-то получится. Знакомство же с этой статуей было бы... как вы там говорите...

— Находкой, — подсказала Эрика.

Ивон отрицательно качнул головой, одновременно делая руками жест, призывающий Эрику продолжать свои подсказки. Она покачала плечами и предложила «открытие».

— Скажем, для того чтобы раскрыть тайну, — настаивал Ивон, — нам нужен...

— Ключ к ней.

— Вот именно. Знакомство со статуей было бы ключом ко многим тайнам. Однако теперь ничего не известно. Быть может, статуя исчезла навсегда. Конечно, вы могли бы помочь, поскольку видели убийц, но в Каире...

— А вам откуда известно об изваянии? — перебила его Эрика.

— От Хамди. Уверен, что, кроме меня, он написал о нем еще паре сотен людей, — ответил Ивон, оглядывая комнату. — Я мчался сюда как на пожар. — Он подошел к одному из больших шкафов и открыл дверцу. На полках лежали разнообразные предметы старины. — Жаль, здесь нет его писем. Могли бы из них что-нибудь узнать. А все эти штучки наверху подделки.

— Письма лежат в шкатулке, — сказала Эрика.

— Отлично! — воскликнул Ивон. — Даст Бог, что-нибудь

в этих бумагах нам поможет. Но все же мне хочется быть до конца уверенным в том, что здесь больше ничего не припрятано. В смысле корреспонденции, разумеется. — Он раздвинул портьеру и громко крикнул: — Рауль!

У входа в магазин стукнули бусины, и в лавку вошел Рауль. Он был моложе Ивона, с оливковой кожей, черными волосами и задорной улыбкой, напомнившей Эрике Жана Поля Бельмондо.

Ивон представил его, объяснив, что он родом из южной Франции. Рауль сильно тряхнул ей руку и ослепительно улыбнулся. Затем мужчины, потеряв к ней всякий интерес, быстро заговорили на французском, обсуждая, видимо, с чего начать обыск.

— Это займет всего несколько минут, — обратился к Эрике Ивон, осторожно заглядывая в один из высоchenных шкафов. Осмотрев все шкафы, французы нырнули в соседнюю комнату.

Эрика отодвинула портьеру и заглянула туда. Ивон и Рауль перетряхивали лежавшие на полу ковры. Ивон взглянул на нее и сделал знак рукой, чтобы она не беспокоилась и что больше минуты их хлопоты не займут...

Поручив Раулю восстановить в лавке порядок, Ивон вышел с Эрикой из магазина и подвел ее к черному «фиату».

— Вы позволите отвезти вас в отель? Не «ситроен», конечно, однако бегаёт славно.

Эрика растерянно оглядела площадь, вздохнула и села в автомобиль.

— Отель «Хилтон», — сказала она.

Ивон остановил машину у самого входа в отель. Заглушив двигатель, он поспешил выбраться из нее и галантно распахнул перед Эрикой дверцу.

— Мне пора уходить. Я был бы счастлив, если бы вы согласились поужинать со мной сегодня.

— Благодарю вас, но я очень устала. Перелет из Америки оказался слишком суровым испытанием. Давайте как-нибудь в другой раз.

— Мы не будем засиживаться допоздна. Я привезу вас обратно к десяти часам.

«Десять вечера — не слишком поздно, — думала Эрика. — Тем более что поесть все равно где-то надо».

— Ну, если вас не затруднит привезти меня в «Хилтон» к десяти часам, — произнесла она вслух, — то я ничего не имею против ужина с вами.

Бостон, 11 часов утра

Ричард взглянул на часы, хотя прекрасно знал, что перед тем, как можно будет перекусить, ему придется осмотреть как минимум трех человек. Его трехгодичная практика врача-интерна протекала, в общем, на удивление гладко, и сам он был доволен своей работой, но все же иногда она действовала ему на нервы. Девяносто процентов больных страдали от ожирения или хотели

бросить курить. Так что особенно мозгами шевелить не приходилось. Теперь же ко всем этим прелестям добавились досадные неприятности, связанные с выходкой Эрики.

Раздался быстрый стук в дверь, и Салли Марински, сестра из регистратуры, заглянув в кабинет, громко сказала:

— Я дозвонилась, доктор. Можете говорить из своей комнаты.

Лицо Ричарда просветлело. Он просил Салли дозвониться до Дженис Бэрн.

Закрыв поплотней дверь в офис, Ричард снял трубку и нажал белую кнопку на телефоне.

— Привет, Дженис.

— Знаешь, Ричард, Эрика до сих пор ничего не прислала.

— Большое спасибо. Мне просто хотелось сказать, что я скоро сойду с ума. Что делать?

— Думаю, у тебя не такой большой выбор, чтобы мучиться этим вопросом. Остается сидеть и ждать возвращения Эрики.

— А что вы скажете, если я поеду в Египет?

В трубке воцарилось молчание.

— Дженис! — Ричард подумал, что связь прервали.

— В Египет! Боже мой, Ричард!

— Разумеется, это будет непросто. Но если надо, я постараюсь.

На месте все станет понятней.

— Ну... Может, это не такая уж плохая идея. Эрика всегда поступает так, как ей взбредет в голову. А твоя поездка в Египет может и вправду оказаться хорошим выходом.

— В общем, я пока не решил. Но вам, Дженис, большое спасибо за поддержку.

Ричард положил трубку и заглянул в тетрадь со списком больных на сегодня. День обещал быть нескончаемо длинным.

Каир, 21 час 10 минут

Эрика чуть отклонилась назад, позволяя двум весьма предупредительным официантам убрать со стола приборы. Ужинали при свечах за роскошно убранным столом. Ивон со знанием дела заказывал источающие сладостный аромат пряные блюда. Ресторан располагался на самой вершине горы Мукаттам Хилз. Они сидели на открытой веранде, и взору Эрики открывались изрезанные очертания Аравийских гор, купола и минареты Каира. Глядя на это великолепие, Эрика никак не могла избавиться от ощущения, что сказки «Тысячи и одной ночи» обрели свою жизнь в реальности.

После ужина они решили прогуляться по склону горы до живописных развалин средневековой мечети. Но точно в десять, как и обещал, Ивон подвез Эрику к отелю. Поднимаясь в лифте на свой этаж, она с легкой улыбкой призналась себе, что этот француз чуть-чуть вскружил ей голову — Эрика давно не встречала таких обаятельных и утонченных мужчин.

У входа в свой номер она вынула ключ, открыла дверь, щелкнув выключателем в небольшой прихожей, бросила сумку на подставку для обуви и направилась в комнату. Но на полпути

внезапно остановилась и, резко отпрянув назад, пронзительно закричала. В углу комнаты сидел мужчина с лицом типичного бедуина, который по какой-то непонятной причине нарядился в европейский костюм.

— Меня зовут Ахмед Хазан, — глубоким и тягучим голосом произнесла фигура в углу. — Я руковожу Департаментом по делам исторических ценностей Арабской Республики Египет. Приношу свои извинения, но, боюсь, вам придется пойти со мной, Эрика Барон.

Эрика ощутила панический страх. Не отдавая отчета в своих действиях, она механически надела свитер и взяла в руки сумочку.

У выхода из отеля Ахмед поднял руку, и к ним подкатил большой черный «седан».

Хазан указал Эрике на заднее сиденье, и она поспешно забралась в машину, смутно рассчитывая на то, что ей зачтется эта покорность.

Вскоре автомобиль подъехал к массивной колоннаде правительственного учреждения, и ночной сторож открыл перед ними тяжелую дверь.

Войдя в офис, Ахмед указал Эрике на стул, стоявший неподалеку от письменного стола из красного дерева.

Покусывая губу и пытаясь скрыть свое беспокойство, Эрика повернулась к Ахмеду и застыла в изумлении. Он занимался электрическим чайником.

— Хотите чаю?

— Нет, спасибо, — ответила Эрика, совершенно сбита с толку.

Ахмед налил себе чай и перенес стакан на письменный стол. Медленно опуская в него кусочки сахара, он устремил на Эрику властный взгляд.

— Я хочу знать, почему вы находитесь в Египте. Какова цель вашего приезда и на кого вы работаете?

— Я ни на кого не работаю, и у меня нет никакой цели, — нервно ответила Эрика. — Я египтолог. Восемь лет я изучала Древний Египет. Работаю в отделе египтологии Бостонского музея. Всю жизнь мне хотелось приехать сюда, но удалось лишь в этом году.

— Как давно вы знакомы с Ивоном Жюльен де Марго? — Ахмед подался вперед.

— Сегодня я увидела его первый раз в жизни.

— При каких обстоятельствах?

— Мы познакомились, когда я гуляла по Хан эль Халили, — выдавила Эрика.

— Знаете ли вы, что мсье де Марго известен как крупный покупатель старинных вещей? Что он делает в Каире?

— Не имею ни малейшего понятия. Я познакомилась с этим мужчиной несколько часов назад.

— Однако сегодня вечером вы с ним ужинали.

— Совершенно верно, — с вызовом ответила Эрика.

Допив одним глотком оставшийся в стакане чай, Ахмед склонился к своей «гостье»:

— Для вашей же пользы советую никому об этом разговоре не сообщать. Сейчас я отвезу вас обратно в отель.

Каир, 23 часа 15 минут

Ивон Жюльен де Марго сидел в своем номере и внимательно изучал содержимое кейса, заполненного до отказа бумагами, найденными у Абдулы Хамди. Рауль, растянувшись на кушетке, вторично просматривал уже изученные Ивоном письма.

— Вот оно! — воскликнул Ивон, с силой ударяя по лежащему перед ним листу бумаги. — Стефанос Маркулис. Хамди переписывался с Маркулисом! У него бюро путешествий в Афинах.

— Может, это то, что мы ищем, — с надеждой проговорил Рауль. — Думаешь, он угрожал Хамди?

— Не сказал бы, что похоже на угрозы. Он пишет о своей заинтересованности в деле и о том, что ему хотелось бы прийти к любому компромиссному решению. Но в чем состоит дело? Об этом здесь ничего нет.

— Скорее всего имеется в виду статуя фараона Сети, — сказал Рауль.

— Возможно, однако моя интуиция подсказывает, что дело в другом. Зная Маркулиса, можно предположить, что о статуе он написал бы прямо. Здесь кроется что-то еще. Думаю, если кто кому и угрожал, так это Хамди Маркулису.

— Надо сказать, этот Хамди был совсем не глуп.

— Наоборот, глуп непроходимо, — перебил Рауля Ивон, — поскольку уже мертв. Хамди состоял в переписке со всеми крупными музеями мира. Так что Маркулис — надежда слабая. Единственный реальный для нас шанс — Эрика Бэрон.

— Как она может нам помочь? — спросил Рауль.

— Есть у меня одна идея. Эрика видела лица двух арабов из троицы, убившей Абдулу Хамди.

— Может, и так, но я сомневаюсь, что она сумеет узнать их при встрече.

— Конечно, не сумеет. Однако это не важно, если убийцы будут уверены в обратном.

— Не понял...

— Можно ли быстро распространить в преступном мире Каира слух о том, что Эрика Бэрон оказалась свидетельницей убийства и легко опознает нападавших?

— Вот оно что, — протянул Рауль. — Ты хочешь использовать Эрику Бэрон в роли приманки.

— Совершенно верно. Для полиции здесь нет никаких зацепок. Департамент по делам исторических ценностей пальцем не шевельнет, если не узнает о статуе, так что Ахмед Хазан из игры исключен. Он, пожалуй, единственное официальное лицо, способное нам помешать.

— Возникает громадная проблема, — серьезно проговорил Рауль.

— Какая? — спросил Ивон, затягиваясь сигаретой.

— Это очень опасный план. Скорее всего он означает смертный приговор для мадемуазель Эрики Бэрон. Я уверен, что они

убьют ее. Надо нанять подходящего человека для ее защиты.

— Ты имеешь в виду парня по имени Халифа?

— Да.

— С ним всегда одни неприятности.

— Согласен, зато он самый лучший. Если ты хочешь уберечь девушку и заподличить убийц, тебе нужен именно Халифа. Проблема только в том, что он дорого стоит.

— Это не проблема. Мне нужна статуя. Нанимай Халифу. Пусть начинает следить за Эрикой Бэрон с завтрашнего утра. Я думаю, мне и самому придется повозиться с ней.

Афины, 23 часа 45 минут

Освободив одну руку, Стефанос Маркулис дотянулся до лампы и погасил ее. Комната тотчас погрузилась в темноту.

— Афины — самый романтичный город, — сказала Дебора Грэм, высказывая из объятий Стефаноса. Атмосфера томной греческой ночи пьянила ее не меньше вина, которое они выпили. Прямые белокурые волосы Деборы волной упали ей на плечи, и она, кокетливо запрокидывая голову, принялась убирать их за уши.

— С тобой трудно не согласиться, — проговорил Стефанос. — Поэтому я и живу здесь. Афины — город любви. — Он склонился над Деборой и стал целовать ее в губы. Девушка закрыла глаза и с затаенной радостью приготовилась к тому, что так долго в себе сдерживала.

Им помешал резкий звонок телефона, стоявшего у кровати.

— Возьми трубку, — скомандовал Стефанос.

Дебора с удивлением посмотрела на него, однако трубку взяла. Поприветствовав на английском языке абонента, она тут же попыталась передать трубку Стефаносу, говоря, что звонок, судя по всему, международный. Он жестом дал ей понять, чтобы она узнала, кто говорит. Дебора послушно прижала трубку к уху и спросила:

— Кто у телефона? — Зажав ладонью микрофон, она тихо прошептала: — Звонят из Каира. Мсье Ивон Жюльен де Марго.

Стефанос вырвал у нее трубку. Лицо его при этом совершило разительную перемену от похотливости беззаботного фавна до строгой расчетливости лондонского банкира.

— Надеюсь, ты не собираешься сообщить мне, что просто решил поболтать со своим афинским приятелем среди ночи.

— Ты, как всегда, прав, — спокойно ответил Ивон. — Я хотел узнать у тебя кое-что об Абдуле Хамди. Ты знаком с ним?

— Этого ублюдка знает каждый второй.

— У тебя лично были с ним дела?

— К чему ты клонишь?

— Его сегодня убили.

— Какая жалость, — насмешливо протянул Стефанос. — Мне-то что до этого?

— Ты знаешь, кто убил Хамди?

— Многие хотели видеть мертвым этого ублюдка. И я в том

числе. Слушай, де Марго, надоели мне твои вопросы.

— Но я знаю одну вещь, которую тебе очень хотелось бы услышать.

— Что именно?

— У Хамди была статуя Сети I. Точно такая же, как в Хьюстоне.

— Как он ее добыл?

— Понятия не имею.

— Дело уже получило огласку?

— Нет. Я оказался на месте через пять минут после убийства. Все бумаги и письма Хамди у меня. Включая твое последнее письмо к нему.

— Что ты собираешься с ним делать?

— Пока ничего. Но дело в том, что убийство произошло при свидетеле.

Стефанос замер, о чем-то напряженно думая.

— Этот свидетель может опознать убийц?

— Разумеется. Но это не он, а она. И к тому же египтолог. Ее зовут Эрика Бэрн, а живет эта очаровательная особа в отеле «Хилтон».

Нажав на рычаг телефона, Стефанос тут же набрал местный номер.

— Евангелос, укладывай чемодан. Утром вылетаем в Каир. — Он взглянул на Дебору и явно изумился, поскольку совершенно забыл о ее присутствии. — Убирайся отсюда!

Дебора вскочила на ноги и выбежала из комнаты. Греческая раскованность и свобода все-таки выпли на поверку слишком опасными и непредсказуемыми, о чем ее и предупреждали в Сиднее.

205

Каир, 2 часа 45 минут

Резкий чужеродный звук заставил Эрику вскочить на ноги. В первое мгновение она не сообразила, где она и что с нею происходит. Откуда-то доносился шум льющейся воды. Звук повторился, и Эрика, постепенно приходя в себя, поняла, что это гостиничный номер и всего-навсего звонит телефон. Она подняла телефонную трубку. Ей сообщили, что связь с Америкой установлена и ее заказ в течение минуты будет исполнен.

— Я так рад твоему звонку, дорогая. Как ты добралась? — прозвучал воодушевленный голос Ричарда.

— Ужасно, — ответила Эрика.

— Ужасно? А что случилось? — всполошился Ричард. — С тобой все в порядке?

— На этот счет можешь не беспокоиться. Просто я встретила здесь не совсем то, что ожидала. — И она рассказала Ричарду об убийстве и статуе, о своем страхе, об Ивоне и, наконец, об Ахмеди.

— Боже мой! — Ричард был охвачен ужасом. — Эрика, я требую, чтобы ты немедленно вернулась домой. Ближайшим самолетом!

— Я не собираюсь уезжать из Египта.

— Послушай, дорогая, но ты уже доказала все, что хотела. Отчиталась перед собой за свой «пунктик». Ну и хватит! Не надо больше дразнить гусей, особенно если тебе угрожает опасность.

— Мне не угрожает ровным счетом ничего, — спокойно парировала Эрика. — И о каком «пунктике» ты говоришь?

— Да о твоей пресловутой независимости. Думаешь, я ничего не понимаю? Пора наконец перестать выделываться, моя дорогая.

— Ричард, все не так просто, как ты думаешь. И я отнюдь не выделываюсь. Древний Египет на самом деле значит для меня очень много. Восемь лет жизни я потратила на достижение ученой степени и, поверь мне, действительно крайне интересуюсь всем, что с нею связано. Впрочем, не хочу сейчас говорить об этом, но я не приеду в Бостон.

— Тогда я приеду в Египет, — торжественно объявил Ричард.

— Нет. Пожалуйста, не приезжай. Если тебе хочется что-нибудь сделать, свяжись с моим шефом, доктором Хербертом Лоури, и попроси его позвонить мне сюда как можно скорее.

— Я, конечно, позвоню этому Лоури, но все же... ты абсолютно уверена в том, что мне приезжать не нужно?

— Уверена на сто процентов, — отрезала Эрика и повесила трубку.

Примерно в четыре часа утра телефон снова зазвонил. Это был доктор Херберт Лоури.

— Что там с тобой приключилось, Эрика?

— Все в порядке, мистер Лоури.

— Ричард показался мне очень подавленным, когда говорил по телефону. Он передал мне твою просьбу.

— Да, да, я попросила связаться с вами. Сейчас все объясню. — И Эрика вкратце пересказала события предыдущего дня. После этого как можно более детально описала статую Сети I.

— Невероятно, — произнес доктор Лоури, выслушав ее рассказ. — Я ведь своими глазами видел ту, вторую статую из Хьюстона. Ее купил какой-то сказочно богатый человек. Меня и Леонарда из музея «Метрополитен» он доставил в Хьюстон для проведения экспертизы на собственном «боинге-707». Мы оба сошлись во мнении, что это величайшая находка, когда-либо вывезенная из Египта. А из твоих слов вытекает, что у нее объявился близнец.

— Была ли у хьюстонской статуи резьба иероглифами по основанию? — спросила Эрика.

— Да, да, надписей было много. Масса типичных религиозных сентенций. Однако по основанию иероглифы были совсем не такие, как на всей фигуре. С первого взгляда они показались мне очень странными. Надпись с трудом поддавалась переводу, но удалось уловить следующее: «Нерушимый покой обеспечен великому Сети I, тому, кто правил после Тутанхамона».

— Фантастика, — едва проговорила Эрика. — У той статуи, которую я видела вчера, на основании тоже были вырезаны

имена Сети I и Тутанхамона. Я, правда, уже начала сомневаться, однако теперь...

— Да, в появлении на этой статуе имени Тутанхамона действительно нет и крупинцы здравого смысла. Мы с Леонардом, разобрав иероглифы, вообще засомневались в подлинности изваяния. Однако все остальные признаки утверждали обратное. Ты заметила, какое из имен фараона Сети было начертано на твоей статуе?

— Кажется, имя, посвященное Осирису, — ответила Эрика. — Доктор Лоури, не могли бы вы достать фотоснимки иероглифов со статуи из Хьюстона и переправить их сюда?

— Вероятно, смогу. Я помню этого человека. Его зовут Джефри Райс. Наверняка он будет крайне заинтересован, когда узнает о существовании второй статуи, в точности повторяющей его собственную. Я уверен, что он пойдет нам навстречу.

Эрика поблагодарила доктора Лоури за звонок и сообщила, что в скором времени отправится в Луксор для перевода тамошних иероглифов. Он, в свою очередь, призвал ее быть осторожной и как можно больше думать об отдыхе.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Каир, 12 часов 30 минут

Стефанос Маркулис заказал еще виски себе и Евангелосу Паппараису. Они сидели за угловым столиком бара «Ла Паризьен» в отеле «Меридиен». Стефанос пребывал в крайне дурном расположении духа, а Евангелос знал своего босса достаточно хорошо, чтобы помалкивать.

— Черт бы побрал этого француза, — буркнул Стефанос, взглянув на часы. — Сказал, что сейчас спустится, а прошло уже двадцать минут.

Евангелос пожал плечами. Он решил не поддерживать разговора, так как знал, что любые его слова лишь подольют масла в огонь. Вместо этого он склонился под стол и поправил небольшой пистолет, спрятанный в правом ботинке. Евангелос был огромным детиной с неимоверно большими конечностями, очень крупными чертами лица и низким покатым лбом.

В эту минуту в дверях показался Ивон де Марго с чемоданчиком в руке. Он был одет в ярко-синий пиджак с широким галстуком. Следом за ним в бар вошел и Рауль. Задержавшись у входа, они принялись деловито оглядывать комнату.

Увидев Стефаноса, Ивон медленно подошел к ним. Поздоровавшись с греком за руку, он представил Рауля и уселся за стол.

— Как долетели? — тактично поинтересовался Ивон после того, как были заказаны напитки.

— Отвратительно, — сказал Стефанос. — Где письма Абдулы Хамди?

— Берешь быка за рога, Стефанос? — улыбнулся Ивон. — Что ж, может быть, оно и к лучшему. Я только хотел бы знать, не ты ли угробил этого самого Хамди?

— Прости, что разочарую тебя, Ивон, — ответил Стефанос, — но я здесь ни при чем. Убийца Хамди ищи в другом месте.

Подозреваю, что этот Хамди успел нажать себе целую кучу врагов. Ты дашь мне наконец его бумаги?

Ивон положил чемоданчик на стол и прикоснулся руками к замкам.

— Еще один вопрос. Как ты думаешь, где теперь может быть статуя фараона Сети?

— Не знаю, — раздраженно произнес Стефанос, нетерпеливо поглядывая на чемоданчик.

— Мне она очень нужна. — Ивон не торопился открывать замки.

— Если что услышу, обязательно дам тебе знать.

— Статую из Хьюстона я так и не видел. — Ивон пристально посмотрел на Стефаноса.

Оторвав взгляд от чемоданчика, тот придал своему лицу выражение крайнего удивления:

— С чего ты взял, что я имею какое-то отношение к этой статуе?

— Ну, скажем, я обладаю такой информацией.

— Из писем Хамди? — В голосе Стефаноса послышалась злоба.

Вместо ответа Ивон щелкнул замками своего кейса и вывалил все бумаги беспорядочной кучей на стол. Откинувшись назад, он хладнокровно пригубил вино, а Стефанос буквально зарылся в письма. Выудив из них свое письмо, он отложил его в сторону и повернулся к Ивону:

— Что там эта американка? Я хочу повидать ее.

— Она остановилась в «Хилтоне». Ей пришлось пережить сильное потрясение, так что будь с ней помягче. Она — единственная ниточка, ведущая к статуе Сети I.

— Меня не волнует твоя статуя, а поговорить с девчонкой надо. Можешь положиться на мое чувство такта. Скажи лучше, что ты вообще узнал о Хамди?

— Не очень много. Он был выходцем из Луксора. Прибыл в Каир несколько месяцев назад, чтобы открыть новый антикварный магазин. В Луксоре у него остался сын.

— Ты уже виделся с сыном?

— Нет. — Ивон поднялся. От Стефаноса ему больше ничего не было нужно. — Не забудь сообщить, если узнаешь что-либо о статуе. Внакладе не останешься.

— Ты ему веришь? — спросил Рауль, когда они вышли из бара.

— Не знаю, что и сказать, — ответил Ивон. — Верю ли я ему — это один вопрос, а вот доверю ли — другой. Он, пожалуй, самый сильный противник из тех, с кем приходилось играть. Думаю, надо проинструктировать Халифу, чтобы он был особенно внимателен во время встречи Стефаноса с Эрикой. Если грек попытается причинить ей вред, его нужно будет пристрелить.

Каир, 17 часов 35 минут

После очередной прогулки по Каиру Эрика возвратилась в «Хилтон».

Просторное фойе было переполнено. Послеполуденные международные рейсы сделали свое черное дело, доставив с разных концов света в Каир измученных длительным перелетом людей. Пассажиры сидели прямо на своих чемоданах, а сбившиеся с ног служащие отеля метались между ними в тщетных усилиях как-то разместить всех.

Незнакомый мужчина у регистрационной стойки взглянул на Эрику и тотчас махнул кому-то карандашом, указывая рукой в ее сторону. Эрика ускорила шаг, торопясь добраться до лифта. Нажав кнопку вызова, она старалась не оборачиваться и не глядеть по сторонам. Несколько раз она нервно нажимала на кнопку, пока наконец в зеленом окошечке перед ней не зажглась надпись «Лифт прибыл». Она поспешила войти в кабину, и двери начали медленно закрываться. В этот момент кто-то просунул внутрь свою руку и жестом приказал лифтеру остановить лифт. Эрика отпрянула к задней стенке кабины и затаила дыхание.

— Послушайте-ка, дамочка, — обратился к ней крупный мужчина в широкополой шляпе и ковбойских сапогах. — Вы случаем не Эрика Бэрон?

Эрика открыла рот, но не смогла произнести ни звука.

— Меня зовут Джеффри Джон Райс. Я из Хьюстона. Так вы, значит, и есть Эрика Бэрон?

Эрика нерешительно кивнула.

— Рад с вами познакомиться, мисс Бэрон. — С этими словами Джеффри Райс протянул ей свою руку. — Очень рад. Идемте, я познакомлю вас со своей женой.

Джеффри Райс буквально выволок Эрику из лифта.

— Мистер Райс. — Эрика наконец окончательно пришла в себя. — Я, разумеется, не против того, чтобы повидаться с вашей женой, однако не сейчас. У меня был очень тяжелый день.

— Вы, дорогуля, и вправду выглядите не первый сорт, но все же вышить по рюмочке — труд не очень большой, не так ли? — И он опять ухватил Эрику за запястье.

— Мистер Райс! — протестующе воскликнула Эрика.

— И хватит упрямиться, моя дорогая. Мы половину земного шара объехали, чтобы встретиться с вами.

— Что вы имеете в виду? — удивилась Эрика.

— То, что сказал. Мы с женой приехали из Хьюстона лишь для того, чтобы увидеть вас. Вернее, мы для этого прилетели. У меня, к счастью, свой самолет. Так что уж хоть выпейте с нами, не упрямьтесь, пожалуйста.

Внезапно Эрика вспомнила, кто такой Джеффри Райс. Перед ней стоял владелец хьюстонской статуй фараона Сети.

— Так вы приехали из Хьюстона?

— Вот именно. Целую ночь летели без продыха. Приземлились несколько часов назад. Теперь вы пойдете знакомиться с моей Присциллой?

Эрика позволила ему увлечь себя в глубь фойе для того, чтобы быть представленной Присцилле Райс, глубоко декольтированной красотке из южных штатов с массивным бриллиантовым кольцом.

Джеффри Райс повел дам в бар «Таверна» и заказал себе

и своей жене по «бурбону», а Эрике водку с тоником. Выпив, она захмелела и с удивлением обнаружила, что даже способна смеяться над забавным рассказом Райса о том, как они с женой проходили таможенный досмотр.

— Ну что ж, теперь к делу. — Джеффри Райс понизил голос. — Разумеется, не очень хочется портить нашу вечеринку, но, согласитесь, мы проделали слишком большой путь. Говорят, что вы видели статую фараона Сети I. Доктор Лоури сообщил мне, что вы хотели видеть фотоснимки моей статуи, особенно иероглифы в нижней ее части. Фотографии эти у меня здесь. — Он вынул из пиджака большой желтый конверт. — Я их с радостью отдам, как только услышу историю о той статуе, которую вам довелось повидать здесь, в Каире. Дело в том, что я собирался передать свою статую в дар городу Хьюстону, однако теперь, когда узнал, что точно такие же изваяния появляются или могут появляться, черт их дери, по всему свету, где им только заблагорассудится, сами понимаете, подарок мой несколько падает в цене. Короче говоря, я задумал купить и вторую статую. Готов отдать десять тысяч долларов первому встречному лишь за то, чтобы он сообщил мне, где находится статуя и кому за нее нужно платить. Буду очень рад, если таким первым встречным окажется вы.

Эрика бегло пересказала Райсу историю, связанную с Абдулой Хамди и со статуей Сети I. Тот слушал чрезвычайно внимательно, а имя убитого торговца антиквариатом даже записал в отдельную книжечку.

— Кто-нибудь, кроме вас, видел это изваяние? — спросил он.

— Об этом мне ничего не известно, — ответила Эрика.

— Может быть, кто-то еще знал, что статуя находится у Абдулы Хамди?

— Да. Мсье Ивон де Марго. Он остановился в отеле «Меридиен». Мсье де Марго уверяет, что Хамди переписывался с потенциальными покупателями со всего света, так что число людей, знавших об изваянии, может оказаться чрезвычайно большим.

— Пожалуй, дела здесь еще забавнее, чем мы предполагали. — Райс взглянул на Эрику и протянул ей конверт с фотографиями. — Есть ли у вас хоть малейшее подозрение на тот счет, куда они могли утащить эту статую?

— Даже представить себе не могу, — ответила Эрика и взяла у него конверт. Несмотря на слабое освещение, она не удержалась и тут же вынула пачку фотографий, пристально вглядываясь в ту, что лежала первой.

— А ничего себе статуя, да? Рядом с нею сокровища Тутанхамона — просто жалкие побрякушки, — горделиво произнес Райс.

В принципе он не преувеличивал. Глядя на снимок, Эрика готова была согласиться, что статуя производит ошеломляющее впечатление. На первый взгляд ей показалось, что изваяние на снимке является двойником статуи, которую она видела вчера. Однако секундой позже ее уверенность заметно поколебалась. Запечатленный на фотографии фараон держал инкрустированный драгоценными камнями жезл в правой руке, тогда как Эрика отлично помнила, что у статуи Абдулы Хамди жезл

находился в левой руке. Изваяния не были копиями, они представляли собой зеркальные отражения! Эрика стала быстро просматривать другие снимки. Скульптура была изображена на них во всех ракурсах и проекциях. Видимо, фотографировал большой мастер. Наконец она добралась до снимков нижней части скульптуры, и сердце ее забилось быстрее. Эрика смогла прочесть имена двух фараонов: Сети I и Тутанхамона.

— Мисс Барон, — заговорил Джеффри Райс. — Нам было бы очень приятно, если бы вы поужинали сегодня с нами.

— Благодарю вас, — ответила Эрика, складывая фотографии в конверт. — Но сегодняшняя вечер у меня, к сожалению, занят. Давайте как-нибудь в другой раз, ведь вы пока задержитесь в Египте.

— Договорились. Если хотите, можете пригласить к нам и тех людей, которым пообещали сегодняшней вечер.

Эрика на секунду задумалась, но потом все же отклонила заманчивое предложение. Джеффри Райс и Ивон де Марго вряд ли почувствовали бы себя уютно в обществе друг друга.

— Каким образом вы приобрели свою статую, мистер Райс? — спросила Эрика неуверенным тоном, поскольку сомневалась в уместности подобных вопросов.

— За деньги купил, моя дорогая! — рассмеялся в ответ Джеффри Райс, с силой ударяя по крышке стола массивной ладонью. — Мне сообщил об этой статуе один приятель из нью-йоркской богемы. Он позвонил и сказал, что появился изумительный образец древнеегипетской скульптуры, который в скором времени должен выставляться за закрытыми дверями на одном аукционе.

— За закрытыми дверями?

— Ага, без огласки. В общем-то так часто делают.

— Это было в Египте? — продолжала расспрашивать Эрика.

— Не-а, в Цюрихе.

— В Швейцарии, — недоверчиво протянула она. — Почему в Швейцарии?

— На подобных аукционах не принято задавать вопросы. У них там тоже своего рода этикет.

— Вам известно, как статуя попала в Цюрих?

— Да нет же. Я ведь сказал, что там не задают вопросов. Аукцион был организован одним из крупнейших банков, и торг происходил в строжайшем секрете. Все, что им было нужно, — это большая куча американских денег.

Каир, 22 часа

Ужин вдвоем с Ивоном оказался очаровательной передышкой в череде непрерывных событий. Эрика даже была удивлена той неожиданной легкости, с какой она вошла в ресторан. Несмотря на кошмарный день и чувство вины, которое она испытывала с тех самых пор, как позвонила Ричарду, она вдруг ощутила, что сумеет неплохо повеселиться и до конца вкусить все удовольствия, ожидаемые ею от этого вечера. Ивон заехал за нею

в отель, и его автомобиль вскоре покинул душные пределы Каира и помчался вдоль Нила, в сторону городка с нежным названием Маади.

Ресторан «Морская лошадь» был чрезвычайно уютным. Пользуясь наступившей прохладой, которую можно оценить лишь здесь, в Египте, официанты раскрыли все окна. За рекой поверх гряды высоченных пальм виднелись освещенные пирамиды Гизы.

Ивон заказал блюда из свежей рыбы и гигантских креветок, вылавливаемых исключительно у берегов Красного моря. Креветки готовились на открытом огне, после чего обмывались охлажденным белым вином. Эрика с наслаждением взялась поглощать дары моря и винограда.

Подошедший официант поставил перед ними кофе и тарелочки с пирожными из манной крупы, облитыми сахарной массой с изюмом и толченым грецким орехом, и Ивон расплатился по счету.

Выйдя из ресторана, он непринужденно обнял Эрику за талию. В принципе ей показалось, что она как раз этого и хотела. Вечерний воздух значительно посвежел, а в ветвях тянувшихся вдоль дороги серебряных эвкалиптов тихо сияла полная египетская луна.

Эрика уселась в машину, и Ивон попросил ее пристегнуться ремнем.

— Я когда-то занимался автогонками и привык пристегиваться. — Он отъехал от ресторана и помчался на полной скорости в сторону Каира. — В Каир сегодня прилетел грек Стефанос Маркулис. Я думаю, он станет звонить вам и договариваться о встрече. Этот человек занимается египетским антиквариатом в Афинах. Сюда приезжает крайне редко. Причины, которые привели его в Египет на этот раз, мне не известны, а я бы очень хотел их знать. Сам он заявляет, что приехал из-за убийства Абдулы Хамди. Однако по-настоящему привлечь сюда его могла лишь статуя Сети I.

— А меня он хочет увидеть, чтоб расспросить об убийстве?

— Да, — ответил Ивон, не глядя на Эрику. — Даже не знаю, каким образом он вышел на вас, но вот как-то так получилось...

— Ивон, не думаю, что мне захочется беседовать с кем бы то ни было о смерти Абдулы Хамди. Если честно, вся эта история сильно меня пугает. Ведь я уже рассказала вам все, что могла.

— Я понимаю, — мягко произнес Ивон. — Но, к сожалению, вы — это все, что у меня есть.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы — последняя нить, ведущая к украденной статуе. Стефанос Маркулис каким-то образом был замешан в историю с продажей первой статуи фараона Сети человеку из Хьюстона. Боюсь, что он замешан и на этот раз. А вы ведь знаете, как важно для меня, чтоб прекратился этот разнузданный грабеж.

— Человек из Хьюстона, купивший первую статую, тоже приехал сюда. Он ждал меня сегодня днем в фойе отеля. Его зовут Джеффри Райс.

На лице Ивона вздулись желваки.

— Он сказал, — продолжала Эрика, — что установил плату в десять тысяч долларов тому, кто сообщит ему, где находится второе изваяние фараона Сети.

— Боже мой! — заговорил Ивон. — Теперь я вынужден действовать очень быстро. Понимаю ваши чувства, но все же будьте снисходительны и не отказывайтесь от встречи с греком. Мне непременно нужно знать, что он задумал, а вы можете в этом помочь. Раз Джеффри обещал такие деньги, я абсолютно уверен, что статуя находится где-то поблизости. И если сейчас упустить время, она тоже исчезнет в какой-нибудь частной коллекции. Все, о чем я прошу, — это лишь встреча с Маркулисом, а после вы передадите мне его слова. От первого и до последнего.

Эрика пристально посмотрела на Ивона и вдруг подумала, что он использует ее в каких-то своих целях. Она тут же разбранила себя за глупую подозрительность. В конце концов можно еще поспорить, кто здесь кого использует.

Добравшись до своего номера, Эрика быстро вставила ключ в замочную скважину и распахнула дверь. Резко включив свет, она буквально ворвалась в свою комнату. Там никого не было. Посмеиваясь в душе над своими страхами, она сбросила туфли, сняла платье и открыла балконную дверь. Затем прошла в ванную и успела уже смыть тушь с ресниц, как услышала отчетливый посторонний звук у двери своего номера. Эрика затанца дыхание и напрягла слух. Кто-то вставлял ключ в дверной замок. Через секунду, тихо щелкнув, дверь открылась. Объятая ужасом, Эрика бросилась на пол и быстро заползла под кровать.

В комнату вошел мужчина и направился прямо к ее кровати, но секунду спустя исчез из ее поля зрения. Стараясь двигаться бесшумно, взломщик проверил ванную, туалет и остановился посередине комнаты.

Холодный пот выступил на лбу Эрики. Взломщик явно искал ее! Она видела, как он двинулся прямо к кровати и остановился... Внезапно свисавшее покрывало взлетело вверх, и перед Эрикой, возникло небритое мужское лицо.

— Эрика, скажи мне, Бога ради, зачем ты забралась под кровать?

— Ричард! — закричала она и разразилась слезами. — Я так рада, что это ты. Никак не могу поверить. Может, я сплю?

— Не спишь, это действительно я. Возможно, слегка не в форме, но все-таки здесь, в Египте. Мне самому в это трудно поверить. Однако, Эрика, что же ты все-таки делала под кроватью? Я тебя напугал? Прости, если так случилось. Я думал, ты спишь. Хотел тихонько войти и разбудить тебя.

— Напугал? — Эрика хмыкнула. — Знаешь, у меня ноги до сих пор как ватные. Ты просто чуть с ума меня не свел от ужаса. Откуда у тебя ключ? — Она села на край кровати и сжала коленями кисти рук.

— Я просто вошел и попросил ключ от 932-го номера.

— И они ни о чем тебя не спросили?

— Абсолютно. Для отеля в этом нет ничего необычного. Я очень рассчитывал на то, что они дадут ключ. Иначе мой

сюрприз и вполнину не оказался бы сюрпризом. Мне хотелось узнать, какое выражение будет на твоём лице, когда ты увидишь, что я все-таки прилетел в Египет. Ведь я точно знаю, почему ты здесь. Ты испугалась уз и обязательств и решила продемонстрировать нам свою независимость. Это же ясно как день.

— Неправда. Если кто и боялся обязательств и уз, так это, мой милый, ты. А в Египте я оказалась отнюдь не из-за того, что мне хотелось подчеркнуть свою независимость. Я приехала сюда потому, что восемь лет потратила на изучение древней египетской цивилизации и теперь с уверенностью могу назвать это делом всей моей жизни.

Ричард долго молчал.

— Ну, если ты так заботаешься о том, чтобы реализовать себя в науке,— заговорил он наконец,— зачем же выбрала такое мертвое поприще, как египтология? Иероглифы эпохи Нового Царства!

— Древний Египет по сей день вызывает к жизни гораздо больше ужасов и деяний, чем ты способен себе вообразить,— возразила Эрика и, подойдя к бюро, взяла в руки конверт с фотографиями, которые передал ей Джеффри Джон Райс.— За два прошедших тяжелейших дня я на собственном горьком опыте убедилась в этом. Взгляни-ка!

Ричард неохотно поднялся и вынул фотографии из конверта. Быстро посмотрев, он сразу же положил их обратно.

— Симпатичная статуя,— произнес он уклончиво.

— Симпатичная? Да это самая прекрасная античная статуя из всех, когда-либо найденных в Египте, и я была свидетельницей убийства, связанного с ней. А ты говоришь «симпатичная».

Несколько мгновений Ричард изумленно смотрел на Эрику.

— Я думаю, тебе лучше вернуться в Бостон,— сказал он, стараясь, чтобы голос его звучал как можно тверже.

— Я никуда не поеду,— категорично заявила Эрика.— Похоже, здесь я могу помочь борьбе со спекуляцией. И еще мне очень хочется помешать вывозу из Египта пропавшей статуи фараона Сети.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Каир, 9 часов утра

Эрика проснулась от легкого потряхиванья за плечо. Перед нею стоял одетый в джинсы и синюю тенниску Ричард.

— Вставай, спящая красавица,— проговорил он, целуя ее в лоб.— Завтрак будет подан через пятнадцать минут.

Принимая душ, Эрика думала, сможет ли грек или кто-то другой, причастный к этому делу, разгадать истинный смысл иероглифов, начертанных на статуе. Ее загадочное исчезновение, вне всякого сомнения, связано с тайной самого фараона Сети. Три тысячи лет миновало с тех пор, как умер этот древний египтянин. Кроме того, что он провел очень удачную военную кампанию на Ближнем Востоке и в Ливии в самом начале своего

правления, Эрика смогла вспомнить лишь то, что он выстроил обширнейший храмовый комплекс в Абидосе, как бы продолжив идею Карнакского храма, и создал самую впечатляющую пещерную гробницу в Долине Царей.

Догадываясь о том, что наиболее ценная информация обо всем этом хранится в Египетском музее, Эрика решила отправиться туда, захватив с собою рекомендательные письма из Бостона. Это должно было как-то занять ее до тех пор, пока грек не назначит ей встречу. Другим человеком, который мог сообщить ей кое-что ценное, был сам Абдула Хамди, имеющий собственный бизнес в Луксоре. Когда она вышла из ванной комнаты, у нее уже был предварительный план действий.

Ричард заказал в номер обильный завтрак. Стол был накрыт на балконе. В маленьких серебристых судках лежали яйца, бекон и свежий египетский хлеб. Среди сверкающих осколков льда покоились тонкие ломтики папайи. Над голубым кофейником подымался ароматный пар. Стоя у стола, Ричард то и дело поправлял вилочки и салфетки.

— Ваше Высочество, стол готов. — И его рука указала на все стоявшие перед Эрикой блюда.

Эрика была искренне тронута. Ричард не обладал утонченными манерами де Марго, однако временами умел быть весьма привлекательным. Будучи в большинстве случаев человеком прямолинейным, он часто оказывался легко уязвимым в самых, казалось бы, простейших ситуациях. От этого она теперь волновалась, понимая, что сделает ему больно, если расскажет об Ивоне. Но все-таки отступить было некуда, и она с легкой запинкой заговорила:

— Я не знаю, все ли ты запомнил из того, о чем мы говорили сегодня ночью...

— Я помню абсолютно все, — прервал ее Ричард, делая нетерпеливый жест. — Но, прежде чем ты продолжишь, я бы хотел внести одно предложение. Сразу после завтрака мы отправляемся в американское посольство, и ты рассказываешь там обо всем, что с тобою здесь приключилось.

— Ричард, в американском посольстве не смогут для нас ничего сделать. Подумай сам, ведь приключилось-то все не со мной. Я была всего лишь свидетелем. Нет, я не поеду в посольство.

— Ладно, — миролюбиво произнес Ричард. — Если ты так на это смотришь, пусть будет по-твоему. Давай просто проведем вместе один день, так сказать, на твоей территории. Мне нужно посмотреть на все своими глазами.

— Но послушай, Ричард... — начала Эрика, честно пытаясь рассказать ему об Ивоне и о своих переживаниях.

— Прошу тебя, Эрика. Ты же сама признала, что мы никогда не говорили об этом раньше. Дай мне немного времени. Я обещаю, что сегодня ночью мы все обсудим. В конце концов я приuchsался в такую даль. Должно же это хоть что-нибудь для тебя значить.

— Разумеется, должно, — устало согласилась Эрика. Подобные разговоры всегда действовали на нее угнетающе. — И все-таки

такого рода решения нам следовало бы принимать вместе. Я, конечно, ценю все, что ты для меня сделал, однако по-прежнему уверена в твоём непонимании причин, приведших меня в Египет. Кажется, мы по-разному смотрим на будущее наших с тобой отношений.

— Как раз это мы с тобой и обсудим. Но не сейчас, а сегодня вечером. А пока, раз мы решили провести сегодняшний день вдвоем, нам надо составить план. Мне бы, к примеру, хотелось поближе посмотреть на этих малюток. — Он указал рукой в сторону пирамид Гизы.

— Прости, дорогой, — ответила Эрика, — но день уже весь расписан. Утро мы проведем в Египетском музее в поисках новой информации о Сети I, а после обеда посетим место, где произошло убийство Абдулы Хамди. Так что пирамиды немного подождут.

Эрика старалась побыстрее закончить с завтраком, поскольку хотела выйти из номера до того, как прозвучит телефонный звонок. Но, к сожалению, не успела. Звонок застал их в номере, и, стараясь казаться спокойной, она подняла трубку. Естественно, звонил Ивон. Она знала, что не должна чувствовать себя виноватой, и все-таки не могла отделаться от неприятного ощущения какой-то вины.

Ивон был весел и не скупился на слова признательности за вчерашний вечер. Эрика односложно ему отвечала, понимая, что ответы ее звучат неестественно.

— С вами все в порядке? — спросил Ивон.

— Да, да, я чувствую себя прекрасно.

Последовала небольшая пауза.

— Вчера мы оба пришли к заключению, — наконец заговорил Ивон, — что было бы лучше, если бы вчерашний день мы провели вместе. А как насчет сегодняшнего? Я покажу вам замечательные окрестности.

— Нет, нет, большое спасибо, — торопливо ответила Эрика. — Ко мне сегодня ночью из Штатов прилетел гость, которого я совсем не ждала.

— Ничего страшного. Берите гостя с собой.

— Но это мой... — Эрика вдруг запнулась.

— Любовник? — неуверенно произнес Ивон.

— Приятель. — Кладя трубку, Эрика подумала, что одним грехом на душе стало больше.

— Бабье! — выругался Ивон сквозь зубы.

— Американочка слегка упрямится? — усмехнулся Рауль.

— Заткнись! — грубо ответил Ивон и вышел на балкон. Для него было непривычным ощущение дискомфорта и раздражения. — Рауль, наблюдение за Эрикой Бэрон необходимо продолжить.

— Понял. Халифу можно найти через отель «Шехерезада». Все же он — высший класс.

— Скоро у него появится шанс доказать нам это, — сказал Ивон. — Сегодня Стефанос назначит встречу с американкой. Предупреди Халифу. Всякое может случиться.

— Доктор Сарват Фахри готов принять вас немедленно. — Молодая секретарша, с массивным, полным значения бюстом, провела Ричарда и Эрику в кабинет. За большим письменным столом, заваленным книгами, научными журналами и просто бумагами, сидел доктор Фахри, сухой нервный старичок с острыми чертами лица и пышной седой шевелюрой.

— Добро пожаловать, доктор Бэрн. — Он не встал из-за стола, а рука, в которой Фахри держал рекомендательные письма Эрики, заметно дрожала. — Всегда рад видеть у себя любого сотрудника Бостонского музея изящных искусств. Мы в большом долгу перед Рейзнером за его замечательную, уникальнейшую работу. Из ваших рекомендательных писем я узнал, что вы планируете заняться переводами надписей на монументах эпохи Нового Царства. Я могу оценить ваше намерение. Дело это чрезвычайно сложное. Если понадобится моя помощь, я, разумеется, к вашим услугам.

— Благодарю вас, — сказала в ответ Эрика. — У меня как раз есть одна просьба. Я интересуюсь любой информацией о Сети I. Могу ли рассчитывать на материалы вашего музея?

— Вне всякого сомнения, — приветливо произнес доктор Фахри, однако голос его слегка изменился и звучал несколько вопросительно. — К сожалению, мы не располагаем обширными сведениями об этом фараоне, что наверняка вам самой хорошо известно. Кроме переведенных в его гробницах надписей, у нас есть кое-что из его переписки времен ранних военных кампаний в Палестине. Но это, похоже, все. Больше ничего нет. Я думаю, вам удастся самой приумножить наши знания в этой области с помощью тех переводов, которыми вы намерены здесь заняться. Прежние были сделаны слишком давно, с тех пор техника перевода шагнула далеко вперед.

— А мумия фараона Сети находится здесь? — спросила Эрика.

— Да, эта мумия действительно экспонируется в нашем музее. Она попала к нам из сокровищницы Дейр эль-Бахри, которую долгое время грабили представители семейства Расул. Вы сможете увидеть ее этажом выше.

— Эта мумия когда-нибудь подвергалась детальному обследованию?

— Конечно, — ответил доктор Фахри. — Мы проводили аутопсию.

— Вскрытие трупа? — воскликнул Ричард. — Разве мумия — это труп?

Эрика сжала руку Ричарда повыше локтя, и он замолчал. Доктор Фахри между тем продолжал как ни в чем не бывало:

— А совсем недавно группой американских специалистов была сделана рентгенограмма. Я с большим удовольствием предоставляю в ваше распоряжение все имеющиеся в нашей библиотеке документы. — Он поднялся из-за стола и направился к двери.

— Еще одна просьба, — заторопилась Эрика. — У вас, наверное, много материалов, связанных со вскрытием гробницы Тутанхамона...

Ричард обогнал Эрику и, выйдя в приемную, искоса бросил

взгляд на секретаршу. Ничего подозрительного он не заметил. Девушка увлеченно печатала на машинке.

— Ну, в этом мы вам поможем,— проговорил доктор Фахри, когда они вошли в просторный, облицованный мрамором зал.— Вы, очевидно, знаете, что мы планируем при помощи различных фондов, основанных посредством Всемирной выставки-турне «Сокровища Тутанхамона», построить специальный музей для экспозиции найденных в его гробнице произведений древнего ювелирного искусства. Теперь же мы располагаем полным комплектом переснятых нами на микрофильм записей Картера из так называемого «Дневника Входа», а кроме того, еще и значительной частью переписки между Картером, Карнарвоном и другими участниками вскрытия этой гробницы.

Доктор Фахри представил гостей молчаливому юноше по имени Талат. Юноша внимательно выслушал многословные инструкции своего шефа, а затем, поклонившись, исчез за боковой дверью.

— Сейчас он принесет вам материалы о фараоне Сети I,— сказал доктор Фахри.— Благодарю вас за нанесенный визит. Если моя помощь понадобится вам еще раз, не стесняйтесь — немедленно дайте знать.— Он пожал Эрике руку, пытаясь в то же время справиться со спазматической ухмылкой, обезобразившей его морщинистое лицо.

— Господи, ну и местечко,— прошептал Ричард.— Очаровательный тип.

— Доктор Фахри, да будет тебе известно, ученый с мировым именем. Он — лучший специалист в области древнеегипетской религии, похоронных обрядов и методов мумифицирования.

— Методы мумифицирования! Могу себе представить. У меня на примете есть одна церковь в Париже — он с легкостью мог бы устроиться туда кладбищенским сторожем.

— Перестань паясничать, Ричард, — оборвала его Эрика.

Они сели за один из плотно сколоченных дубовых столов, которыми был уставлен читальный зал. Все здесь было покрыто ровным слоем желтоватой каирской пыли, при ближайшем рассмотрении оказавшейся обыкновенным мелким песком.

Вскоре юноша по имени Талат вернулся и принес два больших пакета из плотной бумаги. Он вручил их Ричарду, а тот, ехидно улыбнувшись, передал Эрике. На первом конверте значилось «Сети I, А». Эрика открыла его и разложила содержимое на столе. В большинстве своем это были ксерокопии различных статей о фараоне. Несколько на французском, две-три на немецком, но основная часть на английском языке.

— П-с-с-с-т.— Талат коснулся руки Ричарда.

Тот обернулся, удивленный не совсем обычным обращением.

— Ты хочешь скарабей от древний мумия? Очень дешевый.— Талат протянул вперед левую руку, медленно разжал пальцы, и глазам Ричарда явились два слегка влажных скарабей.

— Слушай, тут этот парень,— обратился Ричард к Эрике.— Он хочет продать каких-то скарабеев.

— Наверняка фальшивки,— не отрываясь от бумаг, задумчиво проговорила Эрика.

Ричард взял одного жука.

— Один фунт, — сразу объявил Талат. Видно было, что он очень нервничает.

— Эрика, взгляни-ка сюда. Какой симпатичный скарабейчик. Этот парнишка затеял тут бизнес, а сам боится до смерти.

— Ричард, в Каире на каждом углу можно купить скарабея. Ты лучше походи пока по музею, а я тем временем закончу свою работу. — Она подняла на него глаза, но Ричард никак не отреагировал. Он внимательно рассматривал скарабеев, лежащих на ладони.

— Ричард, — снова заговорила Эрика. — Не связывайся с ним. Он тебя одурачит. Дай-ка мне одного жука. — Она взяла скарабея, перевернула его, чтобы прочесть иероглифы на брюшке, и воскликнула: — Боже мой!

— Думаешь — настоящий? — заинтересованно спросил Ричард.

— Да нет, не настоящий. Но подделка весьма искусная. Просто виртуозная. Здесь нанесен картуш Тутанхамона. Мне кажется, я знаю, кто это сделал. Сын Абдулы Хамди. Изумительная работа.

Эрика заплатила Талату за жука двадцать пять пиастров и поскорей уснула юношу.

— У меня уже есть такой, сработанный сыном Хамди, только на том значится имя Сети I. Мне его подарил Абдула. Хотела бы я знать, имена каких фараонов он еще использовал.

По настоянию Эрики они вновь вернулись к статьям о фараоне Сети. Даже Ричард — и тот погрузился в чтение ксерокопий. Целые полчаса в зале стояла абсолютная тишина.

— В жизни не читал ничего зануднее, — наконец громко сказал он, отбрасывая от себя бумаги. — А я еще думал, что самая скучная вещь — патология. Теперь понимаю, как я заблуждался.

— Давай посмотрим, что во втором пакете. — Эрика вывалила на стол содержимое конверта с надписью «Сети I, Б».

Ричард заметно оживился. Здесь оказались фотографии мумии Сети I, рентгеновские снимки, письменный отчет о вскрытии и еще несколько статей.

— Господи! — воскликнул, притворно ужаснувшись, Ричард и взял в руки фотографию, где крупным планом было снято лицо фараона Сети. — Твой приятель отвратителен, как тот покойник, которого я потрошил на первом курсе в анатомичке. — Он открыл отчет о вскрытии мумии и начал читать.

Эрика тем временем нашла рентгеновский снимок всего тела. Изображение вызывало в памяти классический образ Смерти, но без косы и со скрещенными на груди руками. Эрика погрузилась в исследование. Спустя некоторое время она обнаружила одну странную особенность. Руки на снимке, как и у мумий других фараонов, были скрещены, однако ладони, вместо того чтобы быть сжатыми в кулаки, оставались свободно и широко раскрытыми. Пальцы выпрямлены во всю длину. Обычно фараонов хоронили со скипетром и цепом в руках — они символизировали верховную власть. Сети I был мумифицирован по-иному. Эрика

напряженно пыталась понять, почему. Интуиция подсказывала ей: в этом кроется что-то важное...

На дне пустого стеклянного шкафа лежали две отпечатанные типографским способом карточки. Халифа склонился над ними и прочитал оба текста — делать-то все равно ему было нечего. Один из них гласил: «Золотой трон Тутанхамона, 1355 г. до н.э.». Другая, совсем новенькая карточка сообщала: «Временно отсутствует в качестве экспоната Всемирной выставки-турне «Сокровища Тутанхамона». С того места, где стоял Халифа, Ричард и Эрика сквозь пустой прозрачный шкаф видны были как на ладони. Никогда он не подошел бы так близко к объекту слежения, если бы сам не был предельно заинтригован. Таких заданий ему исполнять еще ни разу не доводилось.

Как только американцы перешли к следующему экспонату, Халифа тоже переместился за другой стеклянный шкаф с карточкой «Временно отсутствует...». Прикрывая лицо музейным путеводителем, он попытался уловить содержание их разговора. Все, что ему удалось расслышать, было лишь болтовней о сказочном богатстве одного из великих фараонов древности. И все же для Халифы это тоже был в своем роде разговор денежный, поэтому он предельно напряг слух. Ему нравилось доставляемое тесной близостью к «жертве» чувство опасности, пусть даже опасность была лишь воображаемой. Эти люди ничем не могли ему угрожать. Он бы застрелил их обоих в течение двух секунд.

— Большинство по-настоящему ценных экспонатов сейчас находится на выставке в Нью-Йорке, — говорила Эрика, — но все-таки взгляни на кулон. Эти вещи были погребены с малозначительным Тутанхамом, вот и попробуй себе представить, какие сокровища захоронили в гробнице Сети I.

— Что-то у меня не получается. — Ричард переминался с ноги на ногу.

Эрика поняла, что ему скучно.

— Ну, хорошо, — примирительно сказала она. — Ты был паничкой. Поехали обратно в отель — перекусим и посмотрим, нет ли каких для меня известий. После этого отправимся побродить по базару.

В отеле Эрику ждала записка с номером телефона, по которому она должна позвонить. Записка была предельно лаконична: «Очень рад буду встретиться с вами, как только вы сочтете это возможным. Стефанос Маркулис». Одна только мысль о том, что ей придется разговаривать с кем-то, кто имеет отношение к подпольной торговле драгоценностями, а может быть, и к самому убийству, приводила Эрику в содрогание. Но этот мужчина некогда продал уже одну статую фараона Сети и вполне мог оказаться теперь полезным для того, чтобы отыскать вторую. Ей вспомнилось предостережение Ивона о необходимости выбора для этой встречи какого-нибудь людного места, и она впервые порадовалась тому, что Ричард приехал за ней в Египет.

Дозвонилась она довольно быстро.

— Алло, я вас слушаю. — Голос Стефаноса отличался властными нотами.

— Вас беспокоит Эрика Бэрон.

— Ах, да. Спасибо, что позвонили. Я вас разыскивал. У нас, кажется, есть общий друг, Ивон де Марго. Надеюсь, он говорил, что я захочу с вами встретиться. Нам нужно кое о чем поболтать. Давайте сегодня после обеда, ну, скажем, где-то в половине третьего.

— И где? — спросила Эрика, памятуя о словах Ивона.

— Да где хотите, моя дорогая.

Эрику покорила его фамильярность.

— Я не знаю, — проговорила она, глядя на часы. Стрелки показывали одиннадцать тридцать. В половине третьего она с Ричардом будет на базаре.

— Может, прямо у вас в «Хилтоне»? — предложил Стефанос.

— После обеда я собиралась пойти в район базара Хан эль Халили.

— Подождите секундочку, — попросил Стефанос, Эрика услышала приглушенный обмен репликами. — Простите за невольную паузу, — наконец сказал он. — Вам знакома прилегающая к Хан эль Халили большая мечеть Аль Ажар?

— Да, — ответила Эрика. Она вспомнила, что Ивон показывал ей мечеть.

— Встретимся там, — почти приказал Стефанос. — Это место нетрудно найти. В два тридцать. Я с огромным нетерпением буду ждать нашей встречи, дорогая моя. Ивон де Марго рассказывал мне о вас кое-что интересное.

Эрика попрощалась и повесила трубку. После разговора она испытывала крайнее раздражение и даже немного страх. Однако, быстро взяв себя в руки, она вспомнила об Ивоне. Ни за что в жизни он не позволил бы ей встретиться со Стефаносом, если бы это серьезно угрожало ее безопасности. Тем не менее Эрике хотелось, чтобы встреча прошла как можно быстрее.

Луксор, 11 часов 40 минут

Отложив последний из документов, которые он привез с собой в чемоданчике, Ахмед Хазан испытал радостное чувство, какое бывает при завершении важной, но не очень интересной работы. И даже если бы он успел просмотреть материал в Каире и там пережить это ощущение, то здесь он, несомненно, испытал бы его вторично. Таков был Луксор. Древние Фивы. Для Ахмеда в самом воздухе этого города было что-то, наполнявшее его беспечностью и счастьем.

Он поднялся с кресла, стоявшего в большой гостиной комнате. Дом его хоть и был по-деревенски несколько простоват, однако являл собой образец безукоризненной чистоты и порядка. Он был узкий и длинный. Слева во всю длину тянулся зал, а справа открывалась анфилада комнат для гостей. Кухня находилась в дальнем конце дома и не обладала никакими благами цивилизации. Сразу за кухней располагался небольшой дворик, куда выходили ворота конюшни. В ней содержалась гордость Ахмеда,

его призовой капитал, черный как смоль арабский жеребец-трехлетка по кличке Савда.

Ахмед приказал запрячь его к половине двенадцатого. Он планировал посетить Тефика Хамди, сына убитого торговца фальшивым хламом, и допросить его еще до обеда в его собственном магазине. Ахмед интуитивно чувствовал, что должен сделать это лично. В Каир он рассчитывал вернуться вечером.

Лавчонка Тефика Хамди находилась где-то позади Луксорского храма. Ахмед не знал ее точного расположения, а потому, добравшись до места, вынужден был расспрашивать прохожих.

Вскоре ему показали нужный дом, но магазин оказался на замке. Привязав жеребца, Ахмед принялся стучать в соседние магазинчики и наводить о Тефике справки. Ответы добросовестно дублировали друг друга. Да, Тефик сегодня не открывался, да, конечно же, это очень странно, поскольку Тефик Хамди за многие годы не пропустил ни одного дня. Один лавочник предположил, что исчезновение Тефика наверняка связано с недавней смертью его отца в Каире.

Ахмед обошел скопище расположившихся сплошной стеной магазинов и погрузился в лабиринт переулков, ведущих в глубь территории за домиками торговцев. Полуденное солнце немилосердно палило, и на лбу Ахмеда обильно выступил пот. Наконец он вышел к задней двери антикварного магазина Тефика Хамди и налег на нее плечом. Та слегка поддалась и пропустила его внутрь, во двор. Дворик замыкался еще одной деревянной дверью. Она была приоткрыта и вела в небольшую жилую комнату, где, судя по всему, обитал Тефик Хамди. Ахмед переступил порог. На грубо сколоченном деревянном столе валялись гниющий огрызок манго и кусок засохшего козьего сыра. Все вещи были серьезно повреждены. Дверцу стоявшего в углу шкафа кто-то с неимоверной силой оторвал, и она висела теперь на одном исковерканном гвозде. В стенах зияли неизвестно зачем пробитые дыры. Ахмед рассматривал это побоище с болезненно растущим чувством тревоги. Он торопливо подошел к двери, ведущей из спальни в торговую часть дома. Внутри было темно, только сквозь щели в ставнях проскальзывали тонкие солнечные лучики. Разгром в магазине значительно превосходил масштабами беспорядок в жилой комнате. Огромные шкафы, которые до этого, очевидно, стояли вдоль стен, были опрокинуты, разбиты в щепки и свалены кучей в середине комнаты. На полу валялось их содержимое. Казалось, в магазине недавно бушевал циклон. Ахмед начал пробираться сквозь этот завал, но вдруг остановился как вкопанный. Он все-таки нашел Тефика Хамди — лежащим поверх обломков деревянного прилавка и изуродованным нечеловеческими пытками. Отрезанные кисти рук были прибиты к дереву ладонями вниз большими металлическими костылями. Очевидно, сначала ему содрали клещами с пальцев почти все ногти. Потом отрубили руки. Они обрекли его умирать, наблюдая за тем, как потоком вытекает из него кровь. Во рту Хамди торчал омерзительно грязный конец тряпки, запиханной для того, чтобы не было слышно криков.

Ахмед склонился над трупом и заглянул в пустые глаза Тефи-

ка Хамди. Почему? Кому нужна была такая смерть? Он резко выпрямился и стал пробираться к выходу в маленький наружный двор. Там он остановился и, глубоко дыша, минуту или две наслаждался горячими прикосновениями обрушившегося на него благодатного солнца. Ахмед понимал, что не вернется в Каир, пока не разберется в этом деле. Мысли его обратились к Ивону де Марго. Где бы он ни появлялся, непременно случалась какая-нибудь беда.

Ахмед решил напрямик ехать в центральный полицейский участок неподалеку от Луксорской железнодорожной станции, а уже после этого позвонить в Каир. Усаживаясь на любимого Савду, он думал, что же сделал Тефик или что он знал, если убийцы так зверски расправились с ним.

Каир, 14 часов 05 минут

— Какой чудесный магазин! — сказал Ричард, входя с уличной толкотни в прохладную комнатку. — И, главное, какой выбор товаров! Я здесь наверняка смогу сделать все свои рождественские покупки.

Эрика изумленно взирала на пустое помещение. От магазина Абдулы Хамди не осталось почти ничего, кроме двух-трех черепков разбитой керамики. Даже витринные стекла и те исчезли, как в сказке. Не было никаких бус в дверном проеме, не было ковров, занавеса, не осталось ни кусочка ткани или хотя бы заваливающей досочки от некогда стоявших здесь деревянных шкафов.

— Невероятно, — прошептала Эрика, подходя к тому месту, где позавчера находился застекленный прилавок. — Вот здесь висел разделявший комнаты занавес. — Она сделала несколько шагов вперед и вновь обернулась к Ричарду. — Я стояла на этом месте, когда произошло убийство. Боже, как ужасно! Ричард, ты сейчас как раз там, где размахивал саблей убийца старика Хамди.

Ричард посмотрел себе под ноги и отошел со словами:

— Похоже, ворюшки все отсюда утащили. При здешней нищете это неудивительно.

— Ты, несомненно, прав, — отозвалась Эрика, вынимая из сумки «ПолярOID». — Однако взгляни вот на эти отверстия в стенах. Позавчера их не было. Думается, банальный грабег не составлял единственной цели для тех, кто побывал здесь до нас.

Ричард подошел к одной из дыр и пальцем поскреб грязное пятно, оставшееся на полу от щебня и разбитой штукатурки.

— Каирский вандализм — не более. Что же еще?

Эрика покачала головой.

— Я думаю, здесь специально вскрывали стены и пол и что-то искали.

Ричард осмотрелся и заметил, что пол в нескольких местах тоже раскопан.

— А если даже и так? Мало ли что могли искать.

Эрика укрепила вспышку на «ПолярOIDе» и сфотографировала лагерь бывшего магазина.

Ричард догадывался, что она чувствует себя не в своей тарелке. Здесь все напоминало об убийстве.

— У нас десять минут на то, чтобы добраться до мечети Аль Ажар. Мне не хотелось бы заставлять мистера Стефаноса Маркулиса ждать нашего появления слишком долго. — Довольная найденным предлогом, она поспешила выйти из магазина.

Как только Ричард и Эрика появились на людной улице, Халифа отлепился от белой стены и двинулся вслед за ними. Его пиджак висел у него на правом предплечье, скрывая сжатый в руке полуавтомат Стечкина. Рауль сказал, что встреча со Стефаносом должна произойти сегодня после полудня, и потому он не хотел упускать Эрику из виду в этой базарной толчее ни на одно мгновение. Грек славился своей жестокостью и коварством, а Халифе платили большие деньги отнюдь не для того, чтобы он рисковал жизнью своей подопечной.

Всего несколько минут понадобилось Ричарду с Эрикой на дорогу от Хан эль Халили до западной окраины огромной, залитой пальцами солнцем площади Аль Ажар. Через площадь они направились к старинной мечети, но идти в бурлящей толпе становилось все трудней, им даже пришлось взять друг друга за руки. Эрика испытала определенное облегчение, когда они наконец добрались до мечети и, миновав лавки зеленщиков, проскользнули внутрь через главный вход. Все вокруг мгновенно переменялось. Оголтелые крики с площади не в силах были пронзить толстенные каменные плиты, и оттого внутри здания царил глубокая благоговейная тишина.

— Тут у них совсем как в операционной, — улыбнулся Ричард, надевая поверх туфель обязательные для европейцев матерчатые тапочки. Они медленно пошли вдоль длинного вестибюля, заглядывая в открытые по обеим сторонам двери, которые вели в глубокую темноту, и были крайне удивлены, когда оказались на просторном дворе, со всех сторон окруженном галереями остроконечных персидских арок. Это было весьма странное зрелище, поскольку двор находился в самом сердце Каира, но оставался тих и пуст. Эрика с Ричардом молча стояли на пороге этого великолепия и восхищенно разглядывали распахнувшуюся перед ними панораму арок с зубренными парапетами и маленькими, в изящных арабесках, бойницами.

Евангелос Паппарис старался двигаться вокруг мраморной колонны как можно медленней, чтобы ни в коем случае не потерять зачарованную пару из поля зрения. Его интуиция подсказывала, что нужно готовиться к неприятностям. Евангелос был не вполне уверен в том, что Эрика — та самая женщина, которую он здесь ждет, прежде всего из-за сопровождавшего ее мужчины. Однако все остальные признаки целиком и полностью совпадали. Поэтому, как только парочка подошла к арке, ведущей в Михраб, он сделал несколько шагов к анфиладе и медленно провел рукой в воздухе большой круг, подняв после этого вверх два пальца. Стефанос Маркулис, находившийся в глубине соседней молельни, ответно махнул рукой. По знаку, поданному ему Евангелосом, он узнал, что Эрика пришла на свидание не

одна, и, прислонившись к колонне, задумчиво обдумывал создавшуюся ситуацию.

В ту минуту, когда Евангелос Паппараис решил было отправиться к главному входу, между колоннами внезапно мелькнул злобный профиль Халифы. Евангелос мгновенно отпрянул в тень, а когда снова выглянул, хищной фигуры уже не было видно. Но он успел узнать Халифу Халила и тотчас устремился к анфиладе арок, однако Стефаноса на прежнем месте не застал.

Эрика задумчиво смотрела через просветы арок в сторону освещенного солнцем внутреннего двора, и ей вдруг захотелось уйти отсюда. Она решила, что это не самое подходящее место для встреч с кем бы то ни было.

— Уйдем, Ричард, — сказала она и взяла его за руку.

Но Ричард, заинтересовавшись устройством огромного зала с колоннами, неожиданно заупрямился.

— Давай посмотрим на могилу султана Рахмана, — сказал он.

— Я предпочла бы... — проговорила она и замолчала.

Удивленный Ричард обернулся, увидел приближающегося к ним человека и почувствовал, как напряглась в его руке ладонь Эрики.

— Эрика Бэрон, — широко улыбнулся подошедший мужчина. — Я вас узнал бы и в многотысячной толпе. Вы намного прекрасней, чем описывал наш общий друг Ивон. Стефанос Христос Маркулис, — церемонно представился он.

— Это Ричард Харви. — Эрика указала на своего спутника.

Стефанос посмотрел на Ричарда и сразу же отвернулся.

— Я хотел бы, Эрика, поговорить с вами наедине.

— А я предпочла бы, чтобы Ричард остался с нами.

— Ну, как хотите.

— О чем вы хотите со мной говорить? — спросила Эрика.

— Абдула Хамди. Помните его?

— Конечно.

— Вот и расскажите о нем. Он ничего не говорил необычного? Может быть, дал какие-нибудь бумаги или письма?

— А с какой стати, — с вызовом заговорила Эрика, — я должна рассказывать о том, что знаю?

— Возможно, мы могли бы помочь друг другу. Вас интересует антиквариат?

— Да.

— Вот видите! Значит, я действительно могу вам кое-чем помочь. Что конкретно вас интересует?

— Большая статуя Сети I. — Эрика слегка подалась вперед, чтобы не упустить реакции Стефаноса на ее слова.

Если он и был удивлен, то ничем этого не выдал.

— Вы говорите об очень серьезном деле. Понимаете, о каких суммах идет речь?

— Да, — ответила Эрика, и, разумеется, солгала. Стоимость изваяния трудно было даже представить.

— Вам Хамди сказал об этой статуе?

— Хамди.

— А не сказал ли Хамди, от кого получил это изваяние или кому оно предназначалось?

— Он не успел сообщить, кто продал ему изваяние... — Эрика намеренно не ответила на вторую половину вопроса Стефаноса. Пусть грек считает, что она знает нечто весьма значительное и секретное. Это, в свою очередь, позволит ей выманить у него интересующие ее сведения.

Неожиданно за спиной Стефаноса выросла грузная мужская фигура. Эрика увидела крупную бритую голову, по которой багровой полосой сбегала от макушки через переносицу до правой щеки длинная резаная рана. Несмотря на глубину раны, крови было немного. Мужчина протянул руку к Стефаносу, и Эрика вскрикнула, впившись ногтями в ладонь Ричарда.

— Что случилось? — тревожно спросил Стефанос.

— Халифа, — просипел Евангелос. — Халифа в мечети.

Стефанос прислонил покачивающегося Евангелоса к колонне, а сам быстро огляделся вокруг, вытаскивая из левого рукава крошечный автоматический пистолет «беретта».

При виде оружия Ричард и Эрика в испуге прильнули друг к другу.

Вдруг по огромному полупустому залу пронесся леденящий кровь нечеловеческий крик и загрели выстрелы. Ричард и Эрика кинулись на пол, не понимая, откуда грозит смертельная опасность.

— Халифа! — вращая глазами, вновь просипел Евангелос.

Прямо на Эрику неслась толпа обезумевших от страха людей. Выстрелы не умолкали. Бегущие в ужасе сбивали друг друга с ног.

226 Забыв про греков, Ричард и Эрика вскочили и побежали, петляя между колоннами и прилагая все усилия к тому, чтобы быть впереди наступающей их толпы перепуганных мусульман. Они бежали сломя голову до тех пор, пока не очутились в мавзолее, в дальнем углу которого виднелась тяжелая приоткрытая дверь на улицу. Когда они выбежали наружу, рядом с мечетью уже собралась возбужденная толпа горожан.

— Это какое-то безумие, — проговорил Ричард, и в его голосе звучал скорее гнев, нежели вздох облегчения. — Кто он такой, этот твой Стефанос Маркулис?

— Он занимается антиквариатом в Афинах. Судя по всему, связан с подпольной торговлей.

— Ну и как, скажи на милость, ты решилась назначить встречу с таким человеком?

— Меня попросил об этом один мой друг, Ивон де Марго. Он француз. Мне очень жаль, что все так получилось, — сказала Эрика, лукаво сознавая двойственную природу своих извинений.

— Нет, подожди, — сердито заговорил Ричард. — Я думаю, весь этот твой демарш зашел слишком далеко. Сейчас мы отправимся в американское посольство, и ты немедленно вернешься в Бостон, даже если мне придется заталкивать тебя в самолет силой.

— Ричард... — начала Эрика, покачивая головой.

По улице медленно ползло такси, и Ричард поднял левую руку. Не говоря друг другу ни слова, они уселись на заднее сиденье. Эрика испытывала смешанное чувство отчаяния и гнева. Если

он возьмет на себя смелость приказать водителю ехать в американское посольство, она немедленно выйдет из машины.

Ричард подался вперед и прикоснулся к плечу водителя:

— Вы по-английски чуть-чуть говорите?

Тот утвердительно кивнул.

— Знаете, где находится американское посольство?

— Да. — Шофер посмотрел на Ричарда в зеркальце над своей головой.

— В американское посольство мы не поедем, — громко сказала Эрика.

— Боюсь, я вынужден настаивать, — ответил Ричард и вновь повернулся к водителю.

— Ты можешь настаивать на чем угодно, — спокойно продолжала Эрика, — но я никуда не еду. Водитель, остановите, пожалуйста.

— Не останавливайтесь! — приказал Ричард, пытаясь удержать Эрику.

— Остановите такси! — закричала Эрика.

Шофер свернул с проезжей части, и она, открыв дверцу, выпрыгнула на тротуар.

Ричард тотчас последовал за ней. Догнав Эрику, он схватил ее за локоть.

— Прекрати свои подростковые выходки! Мы отправляемся в американское посольство. У тебя с головой не все в порядке. Ты что, решила покончить жизнь самоубийством?

— Ричард. — Эрика слегка щелкнула его указательным пальцем по подбородку. — Если тебе нужно в посольство, поезжай туда, милый. А я еду в Луксор и буду заниматься тем, ради чего, собственно, сюда и приехала.

— Эрика, если ты станешь упорствовать, я вернусь в Бостон. И в таком случае не смогу ручаться за наши с тобой отношения.

— Я отправляюсь в Верхний Египет, — спокойно произнесла Эрика.

Предвкушая все прелести путешествия, Эрика почти не думала о случившихся с нею в последние дни ужасах, да и досадная размолвка с Ричардом беспокоила ее уже не так сильно. Карнакский храм, Долина Царей, Абу Симбел, Дендера — она ведь приехала в Египет лишь для того, чтобы увидеть все это. Ее радовало решение Ричарда вернуться в Штаты. Эрика взглянула на часы. Было без пятнадцати шесть, а поезд отходил в 19.30. Она уже закрывала за собой дверь, когда в номере раздался телефонный звонок. В трубке зазвучал голос Ивона.

— Ну что, встретились со Стефаносом? — бодро спросил он.

— Встретились, — ответила Эрика и замолчала.

— Понятно. И что он сказал?

— О, совсем немного. Важнее было то, что он сделал. У него оказалось оружие. Мы встретились в мечети Аль Ажар, и вдруг откуда ни возьмись появился огромный лысый мужчина, выглядевший так, будто его пытались зарезать бритвой. Он сообщил Стефаносу о том, что некто, по имени Халифа, находится в мечети. Секундой позже там началось сущее столпотворение. Как

вы могли, Ивон, просить меня о встрече с этим ужасным человеком?!

— Боже мой! — воскликнул Ивон. — Никуда не выходите из номера, пока я не позвоню снова.

— Сожалею, Ивон, но я уже уходила, когда услышала ваш звонок. Я вообще из Каира уезжаю.

— Уезжаете?! Мне казалось, вы дали подписку о невыезде. — В тоне его звучала полнейшая растерянность.

— Я и не собираюсь выезжать из страны. Только что позвонила в офис Ахмеда Хазана и проинформировала их о том, что еду в Луксор. Они и не подумали возражать.

— Эрика, не уходите, пока я вам не перезвоню. Скажите... этот ваш... приятель... он тоже собирается ехать с вами?

— Ричард возвращается в Америку. Свидание со Стефаносом произвело на него неизгладимое впечатление. Как, впрочем, и на меня. Спасибо, что позвонили, Ивон. Желаю вам всего хорошего. Я спешу.

Прошло больше часа, прежде чем Эрика добралась до Центрального вокзала. Когда объявили посадку, проводник-нубиец с любезной улыбкой на лице подхватил ее чемодан и отнес в небольшое уютное купе. Получив чаевые, он радостно сообщил, что вагон пойдет полупустым и она вполне может занять еще одно место. Эрика с наслаждением вытянулась в кресле и вздрогнула, услышав знакомый приятный голос:

— Привет, Эрика. Это просто чудо, что я вас нашел. Можно присесть? Я так и знал, что вы поедете на юг поездом. На самолет уже давным-давно нет билетов. Я должен извиниться перед вами за то, что случилось в мечети.

— Да ничего серьезного не произошло. Я больше была обеспокоена тем, что могло бы произойти. Но вы, похоже, предполагали нечто подобное, раз посоветовали назначить встречу где-нибудь в людном месте.

— Да, посоветовал. Но я беспокоился только из-за дурной репутации Стефаноса в отношении женского пола. Не очень-то хотелось подвергать вас непристойным выходкам с его стороны. — Ивон выглянул в окно и, довольный тем, что поезд еще не тронулся, вновь сел рядом с Эрикой. — И все-таки я задолжал вам ужин. Прощу вас, не уезжайте. Мне стало кое-что известно о тех людях, которые убили Абдулу Хамди. У меня есть несколько фотографий.

— Ивон, все же я уезжаю.

— Эрика, вы сможете отправиться в Луксор, когда вам заблагорассудится. У меня есть самолет. Завтра мы полетим туда вместе.

— Благодарю вас за столь заманчивое предложение, Ивон, но я решила ехать поездом. Позвоню вам из Луксора.

На перроне прозвучал свисток к отправлению. Часы показывали 19.30.

— Эрика... — начал Ивон, однако поезд в это мгновение тронулся. — Ну, хорошо. Звоните мне из Луксора. Может, мы там встретимся. — Он быстро прошел по вагону, спрыгнул на ходу и зашагал к залу ожидания. У входа ему встретился Халифа. —

Ты почему не на том поезде? — закричал на него Ивон.

Халифа в ответ нагло ухмыльнулся.

— Мне было поручено следить за девчонкой в Каире. Насчет того, чтобы ездить с нею на юг, ни слова сказано не было.

— А, чтоб тебя! Ладно, иди за мной.

Рауль поджидал их в машине. Увидев Ивона, он тотчас запустил двигатель. Ивон открыл заднюю дверцу для Халифы и, пропустив его, уселся с ним рядом.

— Что произошло в мечети? — спросил он, как только Рауль вырвался на дорогу.

— Заварушка, — ответил Халифа. — Американка встретилась со Стефаносом, но грек пришел не один. В целях безопасности я вынужден был прервать встречу. Слишком плохое место. Правда, из уважения к вашей чувствительности, убитых не оказалось. Я там немного покричал и выстрелил пару раз. Из мечети всех словно ветром сдуло.

— Я рад, что ты заботишься о моих чувствах. Скажи, Стефанос угрожал Эрике Бэрон?

— Не знаю, — буркнул Халифа.

— Но именно это ты должен был выяснить первым делом! — воскликнул Ивон.

— Первым делом я должен был уберечь девушку и лишь после этого что-либо выяснять. Обстоятельства сложились таким образом, что мне пришлось сосредоточиться на ее безопасности.

Ивон был крайне раздосадован. Дела шли из рук вон плохо, теперь еще Эрика Бэрон, последняя его надежда, взяла да уехала из Каира. Он снова взглянул на Халифу.

— Надеюсь, ты готов отправиться в путь? Сегодня ночью полетишь в Луксор.

— Как скажете, — ответил Халифа. — Мне эта работенка нравится.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Балианех, 6 часов 05 минут

— Через час прибываем в Балианех! — не входя в купе, крикнул проводник-нубиец.

Эрика приподнялась и распахнула светлые оконные занавески. Начиная светать, вдали виднелись очертания невысоких песчаных барханов. Поезд, покачиваясь из стороны в сторону, мчался вперед по Ливийской пустыне на предельной скорости.

Часы показывали начало седьмого, когда Эрика сошла на перрон в маленьком городишке Балианех. Еще несколько зашпанных пассажиров прыгнули вместе с ней на платформу. В тени здания вокзала стояли в ряд таксомоторы, поджидавшие клиентов. Один из водителей, размахивая руками, подскочил к Эрике и потянул ее к своему авто. Он сразу же согласился сопровождать Эрику в течение дня и ровно в пять вернуть на вокзал.

Выехав из города, они направились на север, а некоторое время спустя стали удаляться от Нила к западу. Водитель вклю-

чил на полную мощь радиоприемник, привязанный веревкой к приборной доске, и был от этого, казалось, на самом вершине блаженства. По обе стороны от дороги стелились бескрайние поля сахарного тростника, изредка пробиваемые оазисом из двух-трех высоченных пальм. Наконец машина остановилась, и шофер указал рукой прямо вперед.

— Сети,— произнес он, не вынимая изо рта прикушенной сигареты.

Эрика выбралась из машины. Итак, Абидос. Место, выбранное Сети I для постройки своего величественного храма. Она собралась вынуть из сумки путеводитель Бедекера, но тут же была атакована кучей торгующих скарабеями мальчишек. Заплатив им требуемую дань в пятьдесят шиастров и бочком протиснувшись в храм, Эрика сумела наконец избавиться от их настойчивого галдения.

С Бедекером в руках она присела на плиту из известняка и быстро прочитала раздел, относившийся к Абидосу. Ей хотелось уточнить, какие из секций храма были расписаны иероглифами во время правления Сети I. Нюанс состоял в том, что храм достраивал уже его сын и преемник — Рамсес II.

Халифа, не ведавший о планах Эрики посетить Абидос, стоял на платформе в Луксоре и ждал прибытия поезда. Состав прибыл точно по расписанию и тут же был окружен кинувшейся к нему огромной жизнерадостной толпой.

Началась дикая неразбериха, толкотня и вопли, издаваемые в основном бродячими торговцами, которые перекрикивались через окна без стекол с пассажирами, следующими дальше до Асуана.

Халифа выкурил сигарету, затем прикурил еще одну, пуская дым крючковатым носом. Он стоял чуть в стороне от давки и с легкостью мог обозревать как всю платформу, так и главный выход. Перед ним мелькнули еще несколько опаздывающих пассажиров, и состав медленно тронулся с места. Эрика так и не появилась. Докурив сигарету, Халифа прошел через здание вокзала и вышел на улицу. Он направлялся к центральному почтамту. Надо было звонить в Каир. В пути произошло что-то непредвиденное.

Абидос, 11 часов 30 минут

Осматривая храм Сети I, Эрика переходила из одного сказочного помещения в другое. Искусно выполненные барельефы буквально завораживали ее, и она решила вернуться сюда через несколько дней, чтобы попробовать перевести кое-что из этого обилия иероглифов, сетью испещрявших стены храмового комплекса. Пока же она лишь бегло просматривала тексты, надеясь встретить где-нибудь среди бесчисленных упоминаний фараона Сети имя Тутанхамона. Про себя Эрика словно заклинание повторяла краткий перевод фразы, начертанной на статуе фараона Сети: «Вечный покой дан Сети I, тому, кто правил после Тутанхамона». Порывшись в сумке, она выудила оттуда фото-

графий иероглифов, высеченных на пресловутой статуе, и попыталась найти в храме подобное сочетание знаков. Занятие это, однако, оказалось слишком кропотливым и в конечном счете безрезультатным. Ей даже не удалось отыскать имени фараона Сети.

Часы показывали начало четвертого, когда она прошла через молельню Осириса и оказалась во внутреннем святилище этого бога. Некогда здесь был великолепный зал с десятью поддерживающими крышу колоннами. Теперь солнце бесперемонно проникало во все щели, заливая ярким светом наподражаемые барельефы, посвященные культу Осириса — великого бога мертвых. В дальнем конце просторного зала она обнаружила узенький ход, ведущий куда-то в темноту. Справившись в путеводителе, она выяснила, что там находится помещение, именуемое у Бедекера просто «комнатой с четырьмя колоннами».

Посмеиваясь над собственными страхами, Эрика вынула из сумки вспышку и осторожно скользнула в низкий дверной проем. В дальней стене перед ней открылись проходы в три неглубокие молельни: Исиды, Сети I и Гора. Эрика поспешила войти в среднюю. Сам факт того, что молельня фараона Сети находилась внутри святилища Осириса, внушил ей какие-то неясные надежды.

Среди множества иероглифов оказался точно такой же картуш Сети I, какой был вырезан и на его изваянии. Сети на нем отождествлялся с Осирисом.

Эрика принялась бегло просматривать соседнюю с картушем надпись, предположив, что текст следует читать сверху вниз и слева направо. Она поняла, что маленькая часовня была выстроена уже после смерти Сети I и предназначалась для ритуальных обрядов, посвященных Осирису, а затем наткнулась на нечто в высшей степени необыкновенное. Судя по всему, это было чье-то имя. Невероятно. Ничьи имена не должны были упоминаться рядом с именем фараона, особенно в его часовне. Она попробовала произнести иероглифы вслух. У ней получилось: Не-неф-та.

...День пролетел незаметно, и Эрика с большой неохотой покидала храм. Пора было возвращаться в Балианех. Единственным ее разочарованием было то, что она так и не успела сделать фотографию иероглифов, обозначавших «Ненефта», и намеревалась как можно скорее выяснить, чье это имя и не был ли этот человек одним из визирей Сети I.

Поезд на Луксор отправился с пятиминутным опозданием. Эрика уютно устроилась в кресле с книжками о Тутанхамоне, однако ее внимание целиком было поглощено проплывавшими за окном пейзажами. В местечке Наг Хаммади поезд пересек Нил и, оказавшись на восточном берегу, углубился в плантации сахарного тростника, а Эрика открыла книгу «Гробница Тутанхамона», написанную Говардом Картером и А. С. Мэйсом. Наткнувшись на великолепную подборку фотографий, она принялась внимательно изучать снимки. Особенно ее заинтересовали две статуи Тутанхамона в натуральную величину, стоявшие по обе стороны от двери, которая вела в усыпальный покой. Неожиданно

данно Эрике пришло в голову, что место, где были найдены изваяния Сети, с научной точки зрения представляет несколько не меньший интерес, чем сами драгоценные статуи. Быть может, определить это место было бы гораздо более целесообразно, нежели искать пропавшее изваяние. Эрика взглянула на сплошную серую чашу сахарного тростника за окном и глубоко задумалась.

Наверное, наилучший способ выяснить, откуда взялись интересовавшие ее статуи, — представляться везде крупным покупателем от Музея изящных искусств. Если она сумеет убедить потенциальных партнеров в том, что готова выложить крупную сумму в долларах, ей, несомненно, покажут кое-что по-настоящему ценное. Если же среди этих образцов окажутся вещи из гробницы Сети I, она, возможно, сумеет узнать, где они были обнаружены. К несчастью, весь план основывался на шатком «если». И все же какой-никакой, но это был план...

Добравшись до отеля «Уинтер Пэлс», Эрика поняла, отчего так легко удалось заранее забронировать номер, несмотря на наплыв туристов. В отеле полным ходом шел ремонт. Поднявшись к себе на третий этаж, она вынуждена была протискиваться между нагромождениями кирпичей, песка и бочек с негашеной известью. Во всем отеле постояльцами было занято не более десяти номеров. И все же ремонт не обескураживал Эрику, так как ей нравилась эта гостиница.

Эрика прошла в ванную комнату, наполнила до самого верха огромную фаянсовую ванну и уже намеревалась ступить в манящую прохладой воду, когда в соседней комнате звякнул телефон. Она секунду поколебалась — отвечать или нет, но любопытство все-таки одержало верх. Схватив с вешалки полотенце, Эрика вышла из ванной комнаты и подняла трубку.

— Добро пожаловать в Луксор, мисс Бэрн, — раздался голос Ахмеда Хазана.

Мгновенно к ней вернулись все ее страхи. Решив продолжать поиски пропавшей статуи, она почему-то считала, что смерть и ужасы, связанные с ней, остались далеко позади, в Каире. Местные власти, судя по всему, так не считали. «Выследили же», — раздраженно подумала Эрика.

— Надеюсь, вы хорошо устроились, — продолжал тем временем Ахмед.

— Да, можете быть спокойны, — ответила Эрика. — Я, кажется, известила о своей поездке ваших служащих.

— Они как раз и сообщили мне. Я попросил администратора отеля предупредить, когда вы появитесь, с тем чтобы лично приветствовать вас в Луксоре. У меня здесь свой дом, мисс Бэрн. Как только возникает возможность, я сбегаю из Каира сюда. Ну что же, мисс Бэрн... — откашлялся Ахмед. — Я, собственно, хотел узнать: не согласитесь ли вы поужинать со мной сегодня вечером?

— Это официальное приглашение, мистер Хазан, или же частное?

— В высшей степени частное. К половине восьмого я мог бы

предоставить в ваше распоряжение экипаж.

— Хорошо. Мне было бы очень приятно вновь увидеться с вами.

— Прекрасно! — не скрывая радости, воскликнул Ахмед. — Скажите, мисс Барон, как вы относитесь к верховой езде?

— Я очень люблю лошадей, — ответила Эрика.

— Великолепно! Оденьтесь во что-нибудь подходящее, я покажу вам Луксор.

Как только они доскакали до границы пустыни, Эрика, наслаждаясь быстрой ездой, отпустила поводья. Конь вихрем взлетел на невысокую песчаную гряду и галопом промчался по ее гребню. Эрика с трудом обуздала его пыл и стала поджидать Ахмеда. В Луксоре он был очень приветлив с ней, однако почти все время молчал. «Быть может, его опять интересует Ивон де Марго?» — недоумевала Эрика.

— Здесь красиво, не правда ли? — наконец заговорил подъехавший Ахмед.

— Нет слов, — кратко ответила она.

— Я люблю Луксор. — Ахмед повернулся к ней, и лицо его сделалось очень серьезным.

Молча они наблюдали за тем, как среди развалин, провозглашая приход ночи, сгущаются таинственные тени.

— Ах, извините! — воскликнул наконец Ахмед. — Вы, наверное, умираете от голода. Поедем ужинать.

Они повернули коней к деревенскому убежищу Ахмеда и вскоре вошли в дом.

Домоправительница Ахмеда приготовила для них настоящий пир, накрыв стол на две персоны. Эрика была в восторге. Больше всего ее поразили экзотический соус из бобов, чечевичной муки и баклажанов. К нему полагались кунжутное масло и острая приправа из чеснока, земляных орехов и тмина. Ахмед очень интересовался жизнью Эрики в Кембридже, ее семейным положением. Когда она закончила свой рассказ, он сообщил, что учился в Гарварде, и с удовольствием начал отвечать на ее вопросы. Ахмед знал английский в совершенстве — говорил он с легким британским акцентом, оставшимся после Оксфорда, где он получил докторскую степень. Вдруг Ахмед прервал разговор, выскочил из комнаты и вскоре вернулся, держа в руках какие-то старинные вещицы.

— Это изделия, конфискованные департаментом за последнее время у различных торговцев, — гордо произнес он.

Эрика была очарована, особенно восхитила ее деревянная фигурка весьма тонкой резьбы.

— Доводилось ли вам конфисковывать что-нибудь из вещей Сети I? — Она осторожно расставила драгоценные предметы перед собой на столе.

— Нет, думаю, что нет. Почему вас это интересует?

— О, ничего серьезного, просто сегодня я побывала в храме Сети в Абидосе. Кстати, я рада своей поездке уже потому, что смогла на деле убедиться в реальной опасности, которую представляет собой черный рынок. Вообще-то наряду с работами по

переводу я решила заняться еще и этой проблемой.

Ахмед предостерегающе вскинул руку.

— Это очень опасно. Не советую вам вмешиваться. А чтобы вы поняли, насколько это опасно, скажу о некоем юном американце, который явился сюда прямоком из Йельского университета два года тому назад. Он был идеалистом до мозга костей и пытался сделать то же, о чем говорите вы, однако исчез, не оставив никаких следов.

— Ну что вы, — возразила Эрика. — Я не герой. Просто у меня есть парочка безобидных идей. Вы, кстати, знаете, где находится магазин сына Абдулы Хамди?

Ахмед быстро отвернулся. Изувеченное тело Тефика Хамди возникло перед его глазами. Когда он снова повернулся к Эрике, лицо его выражало напряжение и решимость.

— Тефик Хамди был зверски убит совсем недавно. Вокруг происходят какие-то страшные, непонятные для меня вещи, однако департамент вкупе с полицией уже приступил к расследованию. Вы тоже пострадали во всей этой истории, а потому, умоляю вас, не отвлекайтесь от ваших переводов.

Эрика была поражена известием о гибели второго Хамди. Еще одно убийство! Она пыталась понять, что все это могло значить, однако тяготы долгого дня начали брать свое, и Ахмед, заметив ее усталость, предложил проводить ее до отеля. Эрика с готовностью согласилась. Они пришли в отель, когда не было еще одиннадцати. Поблагодарив Ахмеда за гостеприимство, Эрика поднялась к себе в номер, после чего тщательно закрылась на все замки...

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Луксор, 6 часов 35 минут

Радостная мысль о том, что она находится в Луксоре, ни свет ни заря подняла Эрику с постели. Заказав себе завтрак в номер, она распорядилась, чтобы его накрыли непременно на балконе. Вместе с завтраком принесли телеграмму от Ивона: «ПРИБЫВАЮ ОТЕЛЬ НЬЮ УИНТЕР ПЭЛЭС ТОЧКА СЧАСТЛИВ БУДУ ВСТРЕТИТЬСЯ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ В РЕСТОРАНЕ НЬЮ УИНТЕР ПЭЛЭС».

Эрика искренне удивилась. Если она и ждала от кого-нибудь телеграммы, то уж, скорее, от Ричарда. Одним глотком допив кофе, она поднялась из-за стола, вернулась в комнату и занялась сборами к предстоящему путешествию.

Для того, чтобы оказаться в битком набитой туристами старой, разваливающейся лодке, а вслед за тем переплыть в ней на Западный берег, Эрике пришлось заплатить всего несколько центов. Как только лодка причалила, Эрика вышла на берег и тут же увидела ветхий автобус с надписью «Долина Царей», сделанной на куске желтого замызганного картона. Заняв место у окна, она принялась разглядывать очертания фиванских утесов и у самого их подножия храм Хатшепсут — грациознейшее создание египетской архитектуры. Справа от храма на склоне холма располагалась небольшая деревня Курна. Среди крошеч-

ных хижин тут и там в скальном основании виднелись зияющие дыры. Они вели в древние гробницы.

Автобус сильно накренился на повороте и после развилки свернул направо. За окном мелькнул храм Сети I. Вскоре началась пустыня. Дикие скалы и песок в одно мгновение сменили зеленеющие поля сочного сахарного тростника.

Миновав вырубленный в скале пропускной пункт, автобус выкатился на забитую транспортом автостоянку. Несмотря на сорокаградусную жару, площадь буквально кишела туристами. В небольшой палатке бойко шла торговля напитками и разной мелочью.

Большинство пассажиров из вновь прибывшего автобуса тотчас направились к торговой палатке, а Эрика в одиночестве поспешила к входу в гробницу Сети I. Она знала, что это самая крупная и наиболее значительная гробница во всей Долине, и ей прежде всего хотелось побывать именно там. К тому же она все еще надеялась отыскать таинственное имя «Неффта».

Сдерживая дыхание, Эрика шагнула через невысокий порог. Продвигаясь все дальше и дальше, в глубь гробницы, она не переставала изумляться нечеловеческим усилиям тех, кто вручную вырубил в скале эту подземную громадину. Добравшись до погребальной камеры, Эрика в восхищении подняла голову к сводчатому потолку, на который в избытке были нанесены различные астрономические выкладки и орнаменты. Несмотря на то, что в ней росло какое-то глухое беспокойство, она решила заглянуть в маленькую боковую комнатку, где находилась знаменитая статуя богини неба Нут, изображавшая ее в виде коровы. Эрика пробралась к самому входу, однако, заглянув внутрь, обнаружила, что комната переполнена людьми. Резко развернувшись, она едва не сбила с ног входившего следом за ней человека.

— Простите, пожалуйста, — смущенно пролепетала Эрика.

Мужчина внезапно улыбнулся и исчез в толпе туристов. Следующая группа все же затащила Эрику внутрь маленькой комнаты. Она тщетно старалась успокоить себя. Мужчина, столь неожиданно заблокировавший перед нею выход, привел ее в нервное расстройство. Она уже видела его раньше — черные волосы, черный костюм, кривая ухмылка, открывшая острый, как шило, передний зуб, — но не понимала, отчего он вызывает в ней такую тревогу.

Эрика начала подниматься по лесенке, в то время как глаза ее настороженно оглядывали окружавшее ее пространство. Ей приходилось сдерживать себя, чтобы не перейти на бег. Вдруг она замерла. Слева от нее позади одной из квадратных колонн быстро передвигался тот самый мужчина. Он явно преследовал Эрику. Не чуя под собой ног, она побежала по коридорам и лестницам, пока не выскочила на поверхность и только там в растерянности остановилась, жмурясь от слепящих лучей обрушившегося на нее солнца. Мимо прошла группа самодовольных немцев, и она поспешила присоединиться к ней.

Увидев, как Эрика поплелась в глубь раскаленной долины, Халифа, сидевший в машине, с трудом поднял руку и выключил

радио. «Каррах!» — чертыхнулся он, выбираясь из взятого напрокат автомобиля под палящие лучи солнца и не понимая, зачем люди добровольно тащатся в самое пекло.

Луксор. 20 часов ровно

Ивон был одет в темно-синий двубортный пиджак и белые брюки, строгая, элегантная прическа красноречиво говорила о мастерстве местных парикмахеров. Как только они вошли в обеденный зал, он учтиво предложил Эрике свою руку.

Ресторан выглядел достаточно блекло. Нелепый дизайн помещения претендовал на известные образцы утонченного европейского вкуса, но дальше жалкой пародии, стилизации под средней руки континентальный ресторанчик, дело здесь не продвинулось. Тем не менее Эрика скоро забыла о том, что ее окружает, и с интересом слушала рассказы Ивона о Франции. Когда принесли кофе, Ивон заговорил о том, что так волновало обоих.

— Я взял с собой фотографии, о которых мы с вами говорили в вагоне. — Он вынул из кармана пять снимков и разложил их перед Эрикой на столе. — Понимаю, что людей, убивших Хамди, вы видели не более секунды, но, может, узнаете кого-нибудь...

Эрика внимательно изучала лица на снимках.

— Нет, — наконец сказала она. — Но это вовсе не означает, что их там не было.

— Да, да, конечно. В конце концов эти пятеро не более, чем мое предположение. Скажите, Эрика, с тех пор, как вы сюда приехали, у вас не возникало никаких проблем?

— Нет... Правда, я заметила, что за мной следят.

— Следят? — воскликнул Ивон.

— Сегодня в Долине Царей мне повстречался человек, которого я видела раньше. Это араб с огромным крючковатым носом и зловещей ухмылкой. Один передний зуб торчит наружу, как пило. Он меня напугал. — Она помолчала, а потом неожиданно переменяла тему: — Помните, вы говорили о своем аэроплане? Он сейчас здесь, в Луксоре?

— Разумеется. Самолет здесь. А почему вы спрашиваете?

— Мне нужно срочно вернуться в Каир.

— Когда вы хотите лететь?

— Чем скорее, тем лучше.

— А если прямо сейчас?

— Почему бы и нет? — ответила Эрика, улыбнувшись.

Когда самолет набрал высоту, Ивон смог отвлечься от управления и немного поболтать с Эрикой, которая тоже хотела кое-что у него выяснить.

— Вы как-то говорили, что ваша мать — потомок знатного английского рода. Она могла быть знакома с семейством Карнарвон?

— Отчего же нет? Признаюсь, я и сам знаком с нынешним владельцем этого титула.

— Я хотела узнать, жива ли еще дочь лорда Карнарвона. Судя по всему, ее имя — Эвелин.

— Я не знаю,— сказал Ивон,— но, если хотите, могу выяснить. Однако к чему вам это?

— Есть одна идея касательно гробницы Тутанхамона. Надо ее проверить. Я вам потом все объясню. За информацию о дочери Карнарвона буду весьма признательна. Да, и еще! Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Ненефта?

Ивон помолчал, затем отрицательно качнул головой.

— Нет, мне ничего о нем не известно.

Прежде чем они получили разрешение на посадку, им пришлось по довольно замысловатой траектории облететь вокруг всего Каира, но, как только самолет коснулся бетонной поверхности аэродрома, дальнейшие формальности были завершены в предельно короткий срок. Когда они добрались до «Меридиен», часы показывали едва за полночь. Администрация отеля была на удивление радушна и, несмотря на катастрофическое отсутствие свободных номеров, все же ухитрилась отыскать для Эрики запасную комнатку, примыкавшую к роскошным апартаментам самого Ивона. Пожелав друг другу спокойной ночи, они разошлись по своим номерам, и усталая Эрика, едва ее голова коснулась подушки, мгновенно заснула...

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Каир, 8 часов 35 минут

Эрика проснулась около девяти и вышла на террасу. Удобно расположившись под навесом, Ивон в бело-голубом халате читал выходящую на арабском языке газету «Эль Ахмар». В лучах утреннего солнца сверкали серебром судки, в которых томился горячий завтрак.

Увидев Эрику, Ивон поднялся.

— Я просто счастлив, что мы вернулись в Каир,— сказал он, подвигая к ней легкое кресло.

— Я тоже,— ответила Эрика.

Завтрак был изумителен. Ивон тонко шутил, Эрика весело смеялась. Однако с последней долькой лимона она вновь ощутила настоятельную потребность заняться своим исследованием.

— Ну что ж, я отправляюсь в музей,— сказала она, складывая на коленях салфетку.

— Я велю Раулю отвезти вас.

— Нет, нет, не нужно,— запротестовала Эрика.

— Тогда помните, что французский народ думает о вас,— улыбнувшись, напоследок пошутил Ивон.

Доктор Фахри провел Эрику в маленький, душный кабинетик позади читального зала. На единственном притулившемся у стены столике она увидела аппарат для чтения микрофильмов.

— Талат сейчас принесет нужный вам фильм,— сказал доктор Фахри.

— Благодарю вас, ваша забота не знает границ,— ответила Эрика.

— Что это вы у нас ищете? — неожиданно спросил Фахри.

— Меня интересуют грабители, проникшие в древности в гробницу Тутанхамона.

— Могильные вору? — переспросил он и, шаркая, удалился из комнаты.

Эрика присела к массивному аппарату и забарабанила пальцами по крышке стола. Она очень надеялась на то, что в Египетском музее окажется достаточно материала по интересующей ее теме. Вскоре появился Талат. Поставив перед ней полную пленку коробку из-под обуви, он тихонько шепнул:

— Ты покупай скарабея, леди?

Не удостоив его ответом, Эрика стала быстро проглядывать катушечки микрофильмов, заботливо снабженные ярлыками на английском языке. Карточки были изготовлены в Ашмолеанском музее — там, где хранились оригиналы всех этих документов. Эрика была приятно удивлена обилием научного материала. Включив аппарат, она вставила первую катушку. Картер, к счастью, вел свой дневник в форме педантично составленного журнала, и Эрика легко нашла раздел, описывающий хижины рабов-каменотесов. Теперь у нее не оставалось никаких сомнений в том, что они стояли прямо над входом в гробницу Тутанхамона, следовательно, ограбление произошло до начала царствования Рамсеса VI.

Просматривая дневник дальше, Эрика обнаружила специальный раздел, в котором Картер приводил целый список причин, побуждавших его верить в существование гробницы Тутанхамона задолго до ее непосредственного открытия. Наиболее убедительным доводом ей показалась синяя фаянсовая ваза с личным картушем Тутанхамона.

Как только первая катушка закончилась, Эрика немедленно вставила следующую. Теперь она читала об открытии гробницы. Картер описывал наружность внешней и внутренней дверей, которые в незапамятные времена были кем-то вскрыты и вновь опечатаны знаком охраны некрополя. Личная печать Тутанхамона на обеих дверях просматривалась только у их основания. Картер детально объяснял, почему он уверен в том, что двери были пробиты и опечатаны дважды.

Эрика закрыла глаза и попыталась представить себе тех, кто ограбил царственную могилу. Были ли они смелы и дерзки или, напротив, тряслись от ужаса, теряя рассудок при одной только мысли о праведном гневе охранников города мертвых? Потом она подумала о Картере. Как же все-таки происходила эта первая встреча современников с далеким прошлым? Из записок Картера следовало, что его сопровождали ассистент по фамилии Келлендэр, лорд Карнарвон, дочь лорда Карнарвона и старший рабочий Сарват Раман.

После прочтения полевых заметок Картера Эрика зарядила ролик с надписью «лорд Карнарвон: бумаги и корреспонденция». По большей части то были деловые письма, касающиеся субсидирования археологических проектов. Она быстро прокрутила пленку до того места, где даты совпали со временем открытия гробницы. Как она и предполагала, объем переписки лорда Карнарвона в эти дни значительно увеличился. Прежде всего ее

заинтересовало пространное письмо Карнарвона сэру Уоллису Баджу, смотрителю Британского музея, датированное 1 декабря 1922 года. Для того, чтобы весь лист уместился на одном кадре, фотокопию снимали с большой дистанции, поэтому Эрике пришлось сильно напрягать зрение. В письме Карнарвон восторженно описывал «находку» и упоминал многие из тех драгоценных вещей, с которыми Эрика познакомилась во время посещения выставки «Сокровища Тутанхамона». Она быстро пробежала глазами текст, пока не наткнулась на удивившую ее фразу: «Я не открывал этих ящиков и потому не знаю, что в них находится, однако, помимо них, мы обнаружили в гробнице папирус с какими-то письменами, фаянсовые изделия, драгоценности, букеты цветов, свечи в крестообразных подсвечниках». Эрика завороченно смотрела на слово «папирус». Насколько она знала, ни одного папируса в усыпальнице Тутанхамона найдено не было. Фактически это явилось самым большим разочарованием, связанным с открытием гробницы. Многие надеялись на то, что наконец приподнимется завеса тайны над бурной эпохой молодого Тутанхамона, но без письменных документов эта надежда быстро обратилась в прах. Однако в письме к сэру Уоллису Баджу Карнарвон недвусмысленно упоминал о папирусе.

Эрика вновь обратилась к заметкам Картера. Она перечитала все записи, датированные днем открытия гробницы и следующими двумя днями, — о папирусе не было ни слова. Напротив, Картер заявлял о своей досаде по поводу отсутствия письменных документов. «Странно», — подумала Эрика. Вернувшись к письму Карнарвона, она сделала перекрестный анализ всех предметов, упоминаемых тем и другим участниками экспедиции. Единственным пунктом, в котором они расходились, был этот самый папирус...

Когда Эрика наконец вышла из мрачного музейного здания, время уже перевалило за полдень. Неторопливым шагом Эрика направилась в сторону оживленной площади Тахрир. До возвращения в «Меридиен» ей надо было покончить еще с одним важным делом. Вынув из сумки обложку от путеводителя Бедекера, она прочитала записанные на ней имя и адрес: Назиф Мальмуд, 180 Шари эль Тахрир.

Шари эль Тахрир оказался одним из самых фешенебельных бульваров с нарядными магазинами в европейском стиле и строгими зданиями солидных фирм. Среди них дом номер 180, небоскреб из стекла и бетона, запросто мог поспорить с любым из своих нью-йоркских собратьев.

Офис Мальмуда находился на восьмом этаже. Войдя в пустой лифт, Эрика вспомнила о приверженности египтян к долгим обеденным перерывам и испугалась, что Назиф Мальмуд не появится на работе раньше четырех часов. Однако дверь его конторы была приоткрыта, и, прочитав на ней: «Назиф Мальмуд, международное право: отдел Импорт — Экспорт», — Эрика поспешила войти.

В приемной никого не было. Дорогие печатные устройства «оливетти» на столах из красного дерева говорили о том, что бизнес здесь идет в гору.

— Есть тут кто-нибудь? — громко спросила Эрика.

В дверях появился большоголовой коренастый мужчина, одетый в дорогой костюм-тройку. Выглядел он лет на пятьдесят и в принципе мало чем отличался от представителей финансовых кругов Бостона или, скажем, Нью-Йорка.

— Чем могу служить? — деловито спросил он.

— Мне нужен мистер Мальмуд, — ответила Эрика.

— Он перед вами.

— Не найдется ли у вас несколько минут для разговора со мной?

Назиф оглянулся на свой кабинет и поджал губы. В правой руке он держал авторучку, и Эрика поняла, что оторвала его от какого-то важного дела. Вновь повернувшись к ней, он неуверенно произнес:

— Ну, если только на несколько минут... Чем могу быть полезен? — спросил он, пройдя в кабинет и указав Эрике на мягкое кресло с высокой спинкой.

— Я хотела спросить вас о человеке по имени Абдула Хамди.

— Это имя мне незнакомо. Почему я должен знать этого человека?

— Я предполагала, что Абдула Хамди когда-то был вашим клиентом.

Мальмуд снял очки и положил их перед собою на стол.

— Если он был моим клиентом, и не имею права разглашать деловую информацию. От кого вы обо мне узнали?

— От Абдулы Хамди.

Мальмуд с минуту изучающе смотрел ей в лицо, затем встал, вышел в приемную и тотчас вернулся с какой-то папкой в руках. Усевшись за стол, он надел очки и, раскрыв папку, погрузился в чтение единственного лежащего в ней листа.

— Да, похоже, однажды я представлял интересы этого Хамди. — Он выкидывающе посмотрел на Эрику поверх очков.

— Дело в том, что Абдула Хамди умер.

Мальмуд уставился на нее, затем еще раз перечитал лежащую на столе бумагу.

— Благодарю за информацию. В ближайшем будущем я рассмотрю вопрос о моих обязательствах по отношению к его имуществу. — Он встал и, давая понять, что разговор окончен, энергично протянул ей руку.

— Вам известно, что такое Бедекер? — спросила Эрика, подходя к двери.

— Нет, — ответил он.

— У вас когда-нибудь был свой собственный путеводитель Бедекера?

— Никогда в жизни у меня не было путеводителя.

Когда Эрика вошла в номер, Ивон опять сидел на балконе и поджидал ее. У него появился новый комплект фотографий для Эрики. Один мужчина на этот раз показался ей смутно знакомым, однако с полной уверенностью она ничего сказать не могла. Ей захотелось вдруг вернуться в Луксор, и она обратилась

к Ивону с просьбой еще раз воспользоваться его самолетом. Ивон явно не ожидал подобной просьбы, но в конце концов сдался и пообещал, что последует за ней, как только это станет возможным.

В отеле Эрика обнаружила целый ворох записок от Ахмеда с пылкими просьбами позвонить и тут же набрала номер.

— Я очень беспокоился за вас, — сказал обрадованный Ахмед. — Особенно после того, как узнал в отеле, что ночевать вы не приходили.

— Я ездила в Каир, Ивон де Марго отвез меня туда на своем самолете.

— Ну что же, Я, собственно, искал вас, чтобы узнать, не захотите ли вы посетить со мной сегодня вечером Карнакский храм. Думаю, на это стоит посмотреть.

— Поеду с большим удовольствием, — не задумываясь согласилась Эрика.

Они договорились, что Ахмед заедет за ней к девяти часам вечера. Времени у нее было достаточно. Эрика устроилась на балконе с Бедекером в руках и принялась внимательно изучать потрепанную обложку.

Вне всяких сомнений, на ее внутренней стороне стояло имя Назифа Мальмуда. Почему же Мальмуд солгал? Путеводитель был не только хорошо склеен, но и тщательно прошит. С множеством диаграмм и рисунков, изображавших различные памятники древности. Эрика листала путеводитель, задерживаясь иногда на какой-нибудь иллюстрации или кусочке текста. В книге оказались также несколько карт, озаглавленных: «Египет», «Сакара», «Луксорский некрополь».

Когда она попыталась сложить карту Луксора, ей не удалось придать бумаге первоначальное положение. Прежние складки никак не совпадали с новыми. Затем она заметила, что и сама бумага сильно отличается от остальных. Рассмотрев ее повнимательнее, Эрика поняла, что карта напечатана на двух склеенных листах. Она подняла книгу вверх и увидела, что к тыльной стороне одного листа приклеен какой-то документ.

Пройдя в комнату, Эрика закрыла одну створку двери и приложила карту к стеклу так, чтобы солнце светило на нее сзади. Теперь она могла разобрать, что внутри лежит какое-то письмо. Написано оно было мелко, но зато на английском и, в общем, подавалось прочтению. Адресатом был Назиф Мальмуд. «Уважаемый мистер Мальмуд!

Это письмо составлено с моих слов собственным моим сыном. Сам я писать не умею. Я уже старый человек, и, если вы прочтете это письмо, не стоит оплакивать мою участь. Воспользуйтесь лучше данной секретной информацией против тех людей, которые решили, что будет проще заставить меня замолчать, чем заплатить мне деньги. Я хочу сообщить вам маршрут, вернее, схему, по которой уже несколько лет из нашей страны вывозятся наиболее ценные сокровища древности. Сам я был нанят зарубежным посредником (чье имя предпочитаю не называть) с целью контроля над вывозом и отбора некоторых предметов.

Когда появлялся дорогой подлинник, Лахиб Зайед и его сын Фатхи, владельцы антикварного магазина «Курио», немедленно отправляли потенциальным покупателям снимки. Те, кто проявлял интерес, съезжались в Луксор и осматривали «вещь» на месте. Если сделка считалась состоявшейся, покупатель должен был перевести деньги в цюрихский Кредитный банк. «Вещь» после этого попадала в каирский филиал туристического бюро «Эгейские каникулы», владелец — Стефанос Маркулис. Там антиквариат упаковывали в багаж ничего не подозревающей туристской группы (большие предметы разбирались на части) и самолетами югославской авиакомпания по воздуху доставляли в Афины. Подкупленные люди из обслуживающего персонала устраивали секретный багаж на самолет, следующий до Белграда или Любляны. Оттуда «вещь» переправлялась в Швейцарию, где ее получал уплативший деньги владелец.

Совсем недавно был введен новый маршрут, через Александрию. Фирма по экспорту хлопка «Футурис Лимитед», которой руководит Зайед Наквиб, занялась контрабандной доставкой сокровищ древности в Марсель, в галерею «Пирс Фовэ». Антиквариат пакуется в тюки с мануфактурой. Детали этого маршрута мне не известны.

Ваш преданный слуга Абдула Хамди».

Эрика аккуратно свернула карту и вложила ее обратно в книгу. Несомненно, статуя Сети, купленная Джеффри Райсом, попала в Швейцарию именно по афинскому каналу, как она и предположила при встрече с Маркулисом. Это было неплохо придумано, поскольку на таможене багаж туристской группы не проверяют столь тщательно, как вещи пассажиров-одиночек. Кто бы догадался, что в розовом огромном чемодане шестидесятилетней старой девы из Канзаса спрятаны сокровища египетских фараонов? Эрика задумалась над тем, что ей делать дальше. Наверно, нужно отдать книгу Ахмеду или Ивону. Лучше всего Ахмеду. Но, может быть, имело смысл немного подождать; хотя бы до тех пор, пока ей позволят выехать из Египта? Так было бы безопасней. К тому же, понимая всю значимость попавших ей в руки сведений о механизме действия структур черного рынка, Эрика в то же время была заинтересована в поисках статуй фараона Сети, а также и того места, где ее откопали. Прежде всего она вновь выступит в роли заезжего покупателя и побывает в антикварном магазине «Курио». Затем постарается узнать, жив ли еще десятник Картера Сарват Раман. Ему в конце концов должно быть не более восьмидесяти лет. Ивон тем временем успеет навести справки о дочери лорда Карнарвона.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Луксор, 8 часов 15 минут

Протяжный, гнусавый голос муэдзина, доносившийся из мечети у Луксорского храма, вернул Эрику к действительности. Она открыла глаза и вспомнила мучившие ее во сне ночные кошмары. Холодный душ помог окончательно избавиться от них.

После завтрака, уложив в сумку фотоаппарат и путеводитель, Эрика отправилась на поиски антикварного магазина «Курио». Магазин находился на улице Шари эль Мунтазах, около отеля «Савой», так ей объяснили уже знакомые лавочники.

Плотней прижав сумку локтем, Эрика вошла в «Курио». Выбор антиквариата был совсем не плохой, однако при ближайшем рассмотрении почти весь оказался поддельным. У прилавка пожилая французская чета давала продавцу настоящий бой, выторговывая маленькую бронзовую статуэтку.

Из всего многообразия выставленных на продажу предметов Эрика обратила внимание только на черную как смоль фигурку «ушебти» с тонко вырезанным лицом и поврежденным основанием. Когда французы, так ничего и не купив, покинули лавку, хозяин услужливо повернулся к Эрике. Это был rispetтабельно одетый араб с седой шевелюрой и аккуратно подстриженными усами.

— Меня зовут Лахиб Зайед. Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Я бы хотела взглянуть на черную статуэтку Осириса.

— Да, да, пожалуйста. Это один из лучших моих экспонатов. Найден в гробнице крупного сановника. — Он осторожно взялся за фигурку «ушебти». — Поаккуратней, пожалуйста. Это чрезвычайно хрупкая вещь.

Эрика кивнула и незаметно потеряла статуэтку мокрым пальцем, но он не запачкался. Пигмент оказался устойчивым. Тогда она пристально вгляделась в резьбу и раскраску глаз. Фигурка все-таки была подлинной.

— Эпоха Нового Царства, — сказал Зайед. — Такие вещи попадают ко мне не чаще одного раза в год.

— И сколько вы за нее хотите?

— Пятьдесят фунтов. Обычно я прошу больше, но вы так прекрасны.

— Сойдемся на сорока, — улыбнулась Эрика, понимая, что продавец вовсе и не рассчитывает получить назначенную им стартовую цену. В конце концов поладили на сорок одном фунте.

— Вообще-то я представляю группу очень серьезных людей и интересуюсь только по-настоящему дорогими вещами. Имеется ли у вас что-нибудь в этом роде?

— Кажется, у меня есть то, что вы ищете. Но, разумеется, не здесь. Я мог бы показать вам эти предметы в более подходящем месте. Не хотите ли выпить чашечку мятного чая?

Они прошли в заднюю часть магазина. Зайед позвал сына, оказавшегося черноволосяй долговязой копией своего отца, и велел ему принести мятного чаю для гостей.

Усевшись в кресло, он принялся задавать Эрике обычные в таких случаях вопросы. Как она находит Луксор? Побывала ли уже в Карнаке? Что думает о Долине Царей? После этого он интимно признался ей в своей любви к американцам: «Они так дружелюбны».

«И так легко провести их», — добавила про себя Эрика.

Наконец появился чай, и Зайед выставил на обозрение несколько весьма интересных предметов: бронзовые статуэтки, побитую, но узнаваемую голову Менхотепы III и целую коллек-

цию ритуальных фигурок из дерева. Больше всего Эрике понравилось деревянное скульптурное изображение молодой женщины с иероглифами по подолу платья и безмятежным, исполненным улыбочивой насмешки над временем красивым лицом. Зайед оценил его в четыре сотни фунтов. После тщательного осмотра Эрика убедилась в том, что оно подлинное.

— Меня заинтересовали эта деревянная статуэтка и, кажется, каменная голова. — Эрика старалась говорить как можно более деловым тоном.

Зайед в непритворном возбуждении потер руки.

— Я свяжусь с моими клиентами. Однако мне известно о существовании одной вещи, которую они хотели бы приобрести в первую очередь и которая...

— Что это за вещь? — перебил ее Зайед.

— Год назад один человек из Хьюстона купил статую Сети I. Мои клиенты прослышали о том, что недавно была найдена еще одна такая статуя.

— Я ничего подобного у себя не держу, — спокойно произнес Зайед.

— Ну что ж, быть может, вы еще услышите об этой статуе. Дайте тогда знать. Я живу в отеле «Уинтер Пэлэс». — Эрика записала на клочке бумаги свое имя и передала ему.

— А как насчет этих вещей?

— Я уже сказала, что свяжусь со своими клиентами. Деревянная статуэтка мне очень понравилась, но я должна узнать их мнение. — Эрика подхватила завернутую в газету попку и поспешила пройти в торговую часть магазина. Она надеялась, что неплохо справилась со своей ролью. У прилавка Эрика увидела сына Зайеда, обслуживавшего одинокого покупателя. Это был тот самый араб, что вот уже несколько дней следовал за ней повсюду как черная злоеющая тень. Не глядя в его сторону, Эрика поспешила выйти на улицу.

Как только сын отделался от покупателя, Лахиб Зайед закрыл магазин и запер дверь на щеколду.

— Идем со мной, — приказал он. — Это была та самая женщина, о которой предупреждал Стефанос Маркулис. Немедленно отправляйся на центральный почтамт, позвони Маркулису и сообщи о том, что в магазин приходила американка и интересовалась статуей Сети I. Я же пойду к Мухаммаду и скажу, чтобы предупредил остальных.

— А что будет с этой женщиной? — спросил Фатхи.

— По-моему, все понятно. Пару лет назад здесь уже слонялся один молоденький «покупатель» из Йеллы.

— Неужели они с ней сделают то же самое?

— Вне всяких сомнений, — ответил Зайед-старший.

Хаос в здании луксорской администрации едва не поверг Эрику в настоящий шок. Некоторые люди, похоже, ждали своей очереди так долго, что улеглись спать прямо на полу. В углу одной комнаты она увидела целое семейство, разбившее лагерь, судя по всему, на несколько дней. Чиновники в это время сидели за своими конторками и безмятежно болтали о чем-то, не относя-

щемся к этой пошлости и толкотне. Столы были завалены кипами уже оформленных документов, безнадежно ждущих некоей всемогущей подписи. Короче, это был суший ад.

К тому времени, как Эрика нашла хоть кого-нибудь, кто знал бы английский язык, она успела выяснить, что Луксор не является административным центром. Руководство провинции располагалось в Асуане, и потому все данные по переписи тоже находились там. Эрика объяснила вызвавшейся помочь ей женщине, что разыскивает человека, жившего пятьдесят лет назад на Западном берегу. Женщина ответила, что это невозможно.

— Впрочем, — добавила она, — справьтесь в полиции. Всегда есть надежда на то, что человек вступал в конфликты с властями.

Иметь дело с полицией оказалось легче, чем с бюрократией. Находившиеся в полицейском управлении офицеры, все как один, повернули головы к Эрике. Не зная, к кому обратиться, она подошла к конторке, возле которой не было очереди. В ту же минуту симпатичный молодой человек в ослепительно белой униформе поднялся из-за стола и предложил ей свои услуги.

— Чем могу служить?

— Я пытаюсь выяснить, жив ли еще один из десятников Говарда Картера, по имени Сарват Раман. Прежде он жил на Западном берегу.

— Что? — изумленно переспросил полицейский и усмехнулся. — Бывало, ко мне обращались со странными просьбами, но такого я не припомню. Вы ведь о том Говарде Картере, который откопал гробницу Тутанхамона?

— Вот именно, — ответила Эрика. — Мне нужно выяснить, жив ли Сарват Раман.

— Мадам, никто не знает, сколько вообще живет людей на Западном берегу, а вы хотите отыскать определенного человека. Я дам вам маленький совет. Отправляйтесь на Западный берег и зайдите в маленькую мечеть в деревушке Курна. Имам уже старый человек и к тому же знает английский. Может быть, он сумеет вам помочь. Но сомневаюсь. Правительство пыталось переселить этих людей из деревни, подальше от древних гробниц. Возникли кое-какие неурядицы. В общем, они там не очень приветливо настроены. Так что советую быть осторожной.

Прежде чем свернуть в тихую тенистую улочку, Лахиб Зайед судорожно оглянулся по сторонам, опасаясь слежки, и, скользнув вдоль улицы, лихорадочно застучал в крепкую деревянную дверь. Он знал, что Мухаммад Абдулал сейчас дома. Был уже полдень, а Мухаммад в это время обычно предавался сну.

Внезапно в двери открылось махонькое отверстие, и на него уставился налитый кровью, заспанный глаз. Секундой позже звякнул засов и дверь распахнулась. Лахиб шагнул через порог.

Казалось, вся грузная фигура, крупные черты лица, тяжелый раздувающийся нос и подбородок Мухаммада были исполнены гнева.

— Ведь я говорил тебе: никогда не приходи в этот дом. Надеюсь, у тебя достаточно веская причина искушать судьбу.

Лахиб склонился в раболепном поклоне.

— Я бы никогда не пришел, если бы не был уверен, что это необходимо. Сегодня утром в «Курио» явилась американка по имени Эрика Бэрон и сказала, что представляет интересы целой группы покупателей. Она очень хорошо подготовлена. Разбирается в антиквариате: купила у меня единственную подлинную статуэтку. Американка спрашивала про статую Сети I.

— Она была одна? — скорее тревожно, чем зло спросил Мухаммад.

— Думаю, да, — ответил Лахиб.

— И она интересовалась статуей фараона Сети?

— Абсолютно верно.

— Ну что ж, это не оставляет нам никакого выбора. Я займусь подготовкой, а ты извести ее о том, что она сможет увидеть статую завтра ночью. Разумеется, если придет одна. Скажи, чтобы в сумерки пришла в мечеть деревушки Курна. Говорил я, надо было давно от нее избавиться!

Лахиб помолчал, выжидая, не скажет ли Мухаммад еще что-нибудь, и после этого заговорил сам:

— А Фатхи я приказал связаться со Стефаносом и сообщить ему о том, что произошло.

Рука Мухаммада молниеносно взлетела в воздух и звонко шлепнула Лахиба по щеке.

— Каррах! Какого черта ты это сделал, не спросив меня?

Лахиб съежился, ожидая второго удара.

— Он просил сообщить, если женщина у нас появится. Его ведь это касается не меньше, чем всех нас.

— Ты не от Стефаноса должен получать приказы, — закричал Мухаммад, — а от меня! Запомни раз и навсегда! Теперь убирайся отсюда и отнеси американке записку. С ней должно быть покончено.

Луксорский некрополь

Поселение Курна, 14 часов 15 минут

Полицейский оказался прав. Курна на самом деле была не очень приветливым местом. Когда Эрика с величайшим трудом взобралась на довольно высокий холм, отделявший деревню от дороги, она не встретила обычного в таких случаях радушия и гостеприимства. Люди, которые оказывались поблизости, смотрели на нее с неприязнью и пытались укрыться в скудную тень своих убогих жилищ.

Добравшись до мечети, Эрика немного постояла на пороге, привыкая к царившему вокруг полумраку. Перед молитвенной нишей, обращенной в сторону Мекки, стоял на коленях пожилой бородатый человек в ниспадающих черных одеждах. Он что-то бормотал и изредка проводил ладонями по лицу.

Эрика слегка склонила голову и заговорила:

— Я хотела бы узнать у вас об одном старом человеке.

Имам поднялся, изучающе посмотрел на нее темными, запавшими глазами и сделал знак следовать за ним. Они пересекли дворик и вошли в маленькую строгую комнату с убогим ложем

у одной стены и простым некрашеным столом у другой. Имам предложил Эрике стул и сел рядом.

— Что вам понадобилось в Курне? — спросил он. — Мы здесь не доверяем чужим людям.

— Я — египтолог и хотела узнать, жив ли еще один из десятиков Говарда Картера. Его имя Сарват Раман. Он жил в Курне.

— Да, я знаю, — ответил имам. — Но он умер лет двадцать тому назад. Это был очень хороший прихожанин, истинный правоверный. Ковры в мечети — его дар.

— Понятно, — выдавила Эрика, не в силах скрыть разочарования, и поднялась со стула. — Ну что ж, спасибо за помощь.

— Он был добрым человеком, — тихо произнес имам.

Эрика кивнула и вышла во двор, прикидывая, где бы взять такси, чтобы добраться до переправы. Она уже была на улице, когда имам окликнул ее. Эрика обернулась.

— Его вдова все еще живет здесь. Вы не хотели бы поговорить с ней?

— А она согласится? — спросила Эрика.

— Конечно, — ответил имам. — Она помогала Картеру по хозяйству и по-английски говорит намного лучше, чем я.

Он привел Эрику к оштукатуренному домику, стоявшему выше всех остальных в юго-западной части деревни. Сиявший белизною фасад дома был разрисован примитивными, поблекшими на солнце изображениями железнодорожных вагонов, кораблей, лодок и верблюдов.

— Раман хотел, чтобы осталась память о его паломничестве в Мекку, — объяснил имам и постучал в дверь.

Им открыла старая седая женщина. Узнав имама, она улыбнулась и после короткого разговора с ним обратила к Эрике умное, с крупными чертами лицо.

— Добро пожаловать, — сказала она и распахнула дверь. — Меня зовут Аида Раман.

Имам попрощался и оставил их одних.

Аида предложила гостье холодный фруктовый напиток, радуясь возможности поболтать о Говарде Картере.

Потягивая ледяной напиток, Эрика с увлечением внимала рассказам старушки.

— Вы помните день, когда была вскрыта гробница Тутанхамона? — спросила она.

— О да, — ответила старая Аида. — Это был чудесный день. Мой муж чуть с ума не сошел от счастья. Вскоре Картер помог ему добиться права на постройку ресторанчика прямо в Долине. Муж надеялся, что очень скоро туда хлынут миллионы туристов, желающих посмотреть на гробницу, найденную Говардом Картером. И он оказался прав.

— А вы до мельчайших подробностей помните все, что случилось в тот день, когда открыли гробницу? — перебила ее Эрика.

— Конечно, — сказала Аида, несколько раздосадованная тем, что ее прервали.

— Муж что-нибудь говорил вам о некоем папирусе?

Глаза старушки вдруг странно блеснули, а рот задвигался

в немой артикуляции. Эрика заволновалась, глядя на необычное поведение своей собеседницы.

— Вы что, из полиции? — наконец проговорила та.

— Нет, — поспешила заверить ее Эрика.

— Почему вы задаете такой вопрос? Любому известно, что там было найдено. Столько книг об этом написано.

Поставив стакан на стол, Эрика объяснила старушке, что обнаружила нелепое противоречие между записками Картера и письмом Карнарвона, связанное с этим папирусом.

— Нет, — твердо произнесла Анда. — Не было никакого папируса. Мой муж никогда не взял бы его из гробницы.

— Но послушайте, — мягко продолжала Эрика. — Я ведь не говорила, что ваш муж взял из гробницы папирус.

— Да как же не говорили?! Вы только что сами сказали, что мой муж...

— Нет. Я просто спросила, не говорил ли он что-нибудь о папирусе? Я ведь ни в чем его не обвиняю.

— Мой муж был порядочным человеком. Он умер двадцать лет назад и перед смертью строго-настрого запретил мне даже упоминать об этом папирусе, и я молчала. Вот почему я так растерялась, когда вы заговорили о нем. Впрочем, наверное, мне станет легче, если я кому-нибудь расскажу. Вы ведь не станете доносить властям?

— Нет, нет, не стану, — заверила Эрика. — Все будет так, как захотите вы. Значит, все-таки папирус был, и ваш муж взял его из гробницы!

— Да, — прошептала старушка. — Это случилось много лет назад.

Эрика начала догадываться, что Раман попросту стащил папирус и продал его.

— Каким образом ваш муж вынес папирус из гробницы?

— Он сказал, что подобрал его в первый же день. Все были слишком увлечены найденными сокровищами, а он подумал, что это какое-нибудь проклятие, и если о нем узнают, то весь проект немедленно остановят. Лорд Карнарвон очень интересовался оккультизмом и мистикой.

— Это на самом деле оказалось проклятием? — спросила Эрика.

— Нет, муж сказал, что нет. Он никогда не показывал его египтологам. Вместо этого снял копии с разных участков текста и попросил нескольких специалистов перевести их независимо друг от друга. Потом сложил переводы вместе и сказал, что это не проклятие.

— А что же?

— Не знаю. Оно было написано во времена фараонов одним умным человеком и гласило, что Тутанхамон оказал великую помощь Сети I.

При этих словах у Эрики занялся дух. Папирус, как и надпись на статуе, связывал воедино имена Сети и Тутанхамона.

— А куда этот папирус мог задеваться впоследствии? Ваш муж его продал?

— Нет, он не продавал его, — спокойно сказала старушка. —

Этот папирус и сейчас со мной. — Она прошаркала к висевшей на стене лопате. — Ее подарил мужу сам Говард Картер, — сообщила Аида и вынула рукоять из металлической части. Внутри та оказалась полой. — К этому папирусу не прикасались уже пятьдесят лет, — продолжала она, с трудом вытаскивая наружу крошащийся документ. Затем раскатала свиток на столе и прижала его с двух сторон частями разобранной лопаты.

Медленно поднявшись со стула, Эрика буквально впилась глазами в иероглифический текст. Это был официальный документ с государственными печатями. Первое, что она увидела, — картуши Тутанхамона и Сети I.

— Можно сфотографировать? — спросила Эрика, вынимая свой «ПолярOID». Старушка молча кивнула, и Эрика сделала несколько снимков, скрупулезно проверив, годны ли они для работы.

— Благодарю вас, — сказала она, закончив фотографировать. — Можете убрать папирус, но, ради всего святого, будьте, пожалуйста, осторожны. Вы держите в руках невероятно ценную вещь. Она прославит фамилию Раман. Я в скором времени переведу текст и сообщу вам о результатах, а вы решите, как распорядиться папирусом. Но, заклинаю, не показывайте его больше никому.

Луксор, 10 часов 15 минут

Выйдя на балкон, Эрика закинула руки за голову и с наслаждением потянулась. Папирус был переведен. Это не составило особого труда.

Она вернулась к своему рабочему столу, взяла перевод в руки и вновь прочитала его от начала и до конца:

«Я, Ненефта, старший архитектор Живого Бога (да живет он вечно), Фараона, Царя обеих стран, великого Сети I, навеки совершаю в этих жалких стенах и этими скудными средствами благоговейное искупление нашей вины за то, что был нарушен вечный покой юного царя Тутанхамона. Неслыханное святотатство покусившегося на злодейский грабеж каменотеса Эмени, который был посажен нами на кол и чьи останки были рассеяны в пределах западной пустыни на потеху шакалам, принесло неожиданно великие плоды. Каменотес Эмени открыл мне глаза на истинные пути жадных и неправедных. Итак, я, старший архитектор, знаю теперь путь, каким осуществляю в веках неприкосновенность Живого Бога (да живет он вечно), Фараона, Царя обеих стран, великого Сети I. Имхотеп — архитектор Живого Бога Джосера, строитель Ступенчатой Пирамиды, и Неферхотеп — архитектор Живого Бога Хуфу, строитель Великой Пирамиды, тоже пошли этим путем в своих постройках, но без должного понимания. Поэтому вечный покой Живого Бога Джосера и Живого Бога Хуфу был нарушен и осквернен в первую темную эру. Но я, Ненефта, старший архитектор, вполне понимаю путь, а также алчность могильных воров. Итак, я воспользуюсь этим путем, а гробница юного царя Фараона Тутанхамона будет запечатана сегодня.»

Внезапно Эрика пожалела, что не посетила Великую Пирамиду. Ей, видите ли, не хотелось мчаться туда сломя голову, как поступают все обыкновенные туристы. Теперь же она с большой охотой отправилась бы к пирамидам Гизы. Ее интересовало, как это Неферхотеп, возводя Великую Пирамиду, «пошел по этому пути, но без должного понимания». «Нужно обязательно там побывать», — решила она. Возможно, постояв в тени Великой Пирамиды и побродив в ее таинственных глубинах, она и сама сможет догадаться о том, что Ненефта имел в виду под словом «путь».

Эрика взглянула на часы. Она успевала на каирский поезд, отходивший в девятнадцать тридцать. Торопливо уложив в сумку «Поляронд», Бедекера, джинсы и чистое нижнее белье, она позвонила Ахмеду и сообщила, что на день или два возвращается в Каир, так как ей позарез нужно увидеть пирамиду Хеопса.

В ту минуту, когда Эрика садилась в каирский поезд, в отель «Уинтер Пэлэс» вошел Лахиб Зайед. У него была записка для Эрики, гласившая, что если она исполнит необходимые предписания, то сможет увидеть статую Сети I на следующую ночь. Однако американки в номере не оказалось, и он решил зайти к ней попозже, так как сильно боялся того, что Мухаммад мог с ним сделать в случае неудачи.

Халифа, проводив поезд, зашел на почтамт и телеграфировал Ивону де Марго о том, что Эрика Бэрон находится на пути в Каир. Он добавил несколько слов о ее странном поведении и отправился в отель «Савой» ожидать дальнейших инструкций.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ
Каир, 7 часов 30 минут

Вход на территорию пирамид Гизы открывался для посетителей в восемь часов утра. У Эрики в запасе было тридцать минут, и, отвергнув настойчивые призывы воспользоваться осликом или верблюдом, она пошла пешком вверх по дороге, ведущей прямоком к пирамиде, сияющей ослепительным блеском в лучах утреннего солнца. Эрика оказалась первой посетительницей и поспешила войти в туннель. Ослепительная белизна сменилась полумраком и электрическим освещением. Туннель вскоре перешел в тесный коридорчик, некогда перегороженный огромными гранитными плитами. Потолок коридора был не более полутора метров, и оттого Эрике все время приходилось идти согнувшись. Пройдя таким образом метров тридцать, она вышла к началу Большой галереи и с наслаждением выпрямилась.

Глухая решетка справа закрывала вход, по которому можно было спуститься в подземную погребальную камеру — Усыпальный покой царицы. Воздух здесь был тяжелый, и Эрика вспом-

нила о своих неприятных ощущениях в гробнице Сети I. Она закрыла глаза и постаралась собраться с мыслями. Усыпальный покой царицы не украшала настенная живопись. Сводчатый потолок состоял из двух сходящихся под острым углом плит.

Эрика открыла путеводитель и попыталась представить себе, о чем мог подумать Ненефта, когда находился здесь, внутри возведенной за тысячу лет до его рождения пирамиды Хеопса. Судя по схеме в путеводителе, Усыпальный покой царицы располагался точно над первой погребальной камерой и ниже Усыпального покоя царя. Последний сложили уже во время третьей и окончательной перестройки Великой Пирамиды. Эрика решила, что пора навестить и туда. Большая галерея была уже переполнена туристами. За тучным, как нильский бегемот, немцем Эрика прошла к Усыпальному покою царя и нырнула под низкую стенку, с обеих сторон которой ясно просматривались пазы для тяжелой скользящей решетки.

Хотя Усыпальный покой царя был достаточно велик, он все же не смог бы вместить всех похоронных принадлежностей фараона Хеопса. Эрика предположила, что для этих целей использовались другие помещения, особенно Усыпальный покой царицы, а может, и Большая галерея.

— Мисс Барон... — раздался поблизости негромкий мелодичный голос.

Эрика обернулась, пораженная тем, что услышала свое имя, и оглядела стоявших рядом людей. Ни один из них на нее не смотрел. Она опустила глаза и увидела ангельски улыбающегося мальчика лет десяти в затасканной, грязной галабии.

— Мисс Барон?

— Да, — поколебавшись, ответила Эрика.

— Вам надо ехать в магазин «Курио», чтобы смотреть на статую. Вам надо ехать сегодня. И ехать одной. — С этими словами мальчик исчез в толпе.

— Подожди! — крикнула Эрика. Растолкав людей, она выскочила к Большой галерее и посмотрела вниз, но мальчик уже исчез в отверстия узкого восходящего коридора. Она вспомнила его слова, и сердце ее лихорадочно забилось. Магазин «Курио»! Уловка сработала. Она нашла изваяние!

Луксор, 12 часов

Лахиб Зайед почувствовал, как некая страшная сила приподнимает его и ставит на дрожащие от ужаса ноги. Железная рука Евангелоса держала Лахиба за пиворот.

— Где она? — прорычал грек.

Стефанос Маркулис, как всегда одетый в рубашку с распахнутым воротничком, поставил на место небольшую бронзовую статуэтку и обернулся к ним.

— Лахиб, я не возьму в толк, почему, предупредив меня о том, что заходила Эрика Барон и спрашивала о статуе, ты не хочешь сказать нам, где она теперь?

Перепуганный Лахиб никак не мог разобраться, кто для него опаснее — Стефанос или Мухаммад. Однако, чувствуя, как все сильнее сжимаются пальцы Евангелоса, он решил, что это наверняка Стефанос.

— Ладно, я все скажу.

— Отпусти его, Евангелос.

Грек ослабил хватку настолько резко, что Лахиб чуть не упал.

— Итак... — проговорил Стефанос.

— Я не знаю, где она сейчас, но где остановилась — мне известно. Она сняла номер в отеле «Уинтер Пэлэс». Правда, скоро о ней должны позаботиться. Мы уже все приготовили.

— Я хотел бы позаботиться о ней сам, — сказал Стефанос. — Мне так будет спокойнее.

Стефанос махнул своему помощнику, и оба грека вышли из магазина. Лахиб не двинулся с места до тех пор, пока они не исчезли из виду.

— Похоже, в Луксоре будет большая заварушка, — сказал он своему сыну. — Бери мать и сестру, и тотчас отправляйтесь в Асуан. Как только появится американка, я передам ей записку и сразу поеду за вами вслед. А вы собирайтесь немедленно.

Стефанос Маркулис, велел Евангелосу подождать у входа в гостиницу, направился к регистрационной стойке.

— Эрика Бэрон остановилась в вашем отеле? — спросил он у улыбчивого клерка-нубийца.

Клерк открыл какую-то книгу, скользнул по странице черным пальцем и радостно произнес:

— Так точно, сэр.

— Славно. Я хотел бы оставить для нее записку. У вас бумага и карандаш найдутся?

— Разумеется, сэр. — Клерк протянул Стефаносу бланк гостиницы и шариковую ручку.

Стефанос сделал вид, что пишет послание, а вместо этого начертил бессмысленные каракули, запечатал бумагу в конверт и вручил его клерку. Тот положил конверт на полочку с номером 318. Поблагодарив его, Стефанос подошел к Евангелосу, и оба направились вверх по лестнице к 318-му. Дверь была заперта, и Стефанос приказал помощнику разобраться с замком. Старые викторианские запоры для такого мастера, как Евангелос, не составляли никакого труда, и греки вскорости оказались в номере. Стефанос оглядел комнату.

— Ладно, давай-ка тут все осмотрим, — сказал он. — А потом дождемся красавицу.

— Мне ее сразу убить? — спросил Евангелос.

— Нет, сначала мы с ней поговорим. Только, чур, первым разговаривать буду я.

Евангелос заржал и распахнул дверцы шкафа. Перед ним аккуратными стопками лежало шелковое белье Эрики.

Каир, 14 часов 30 минут

— Ты уверена? — недоверчиво переспросил Ивон. Рауль даже

перестал рассматривать картинки в журнале.

— Почти на сто процентов, — ответила Эрика, наслаждаясь его изумлением. После встречи с мальчиком она решила повидать Ивона. Ведь он также интересовался статуей и вдобавок мог быстро доставить ее в Луксор.

— В это очень трудно поверить, — продолжил Ивон. — Откуда ты знаешь, что они хотят показать тебе именно Сети?

— Но я говорила с ними как раз о нем.

— Ты невозможна! Я сбился с ног, чтобы отыскать эту статую, а ты находишь ее, как позабытый в трамвае зонтик.

— Скажем, я ее пока не видела, — отозвалась Эрика. — Поэтому должна сегодня явиться в магазин «Курио». И непременно одна.

— Мы можем вылететь в течение часа. — Ивон снял телефонную трубку. Надо сказать, что слегка настораживал тот факт, что статуя вернулась в Луксор.

— Знаешь, я всю ночь провела в поезде. Ужас как хочется в душ. Не возражаешь? — Эрика подхватила сумку и прошла в ванную комнату.

Ивон прислушался к шуму воды в ванной и повернулся к Раулю.

— Может быть, это тот самый случай, на который мы так надеялись. Однако надо соблюдать дьявольскую осторожность. Настало время, когда мы должны полностью положиться на Халифу. Свяжись с ним и передай, что мы прибываем где-то в шесть тридцать. Скажи ему, что Эрика встречается сегодня ночью с людьми, которых мы ищем. Также скажи, что осложнения будут в любом случае, поэтому пусть приготовится получше. И передай еще, что, если девушку убьют, он больше нам не понадобится.

Маленький самолетик слегка завалился на правое крыло и заскользил вниз, по широкому кругу облетая нильскую долину в пяти милях от Луксора.

Вскоре он уже бежал по бетонной дорожке, вырывая на стоянку.

— Ну что же, обсудим все еще раз. — Ивон повернулся к Эрике. Лицо его было настолько серьезным, что она заволновалась, чувствуя, как нервная дрожь пробегает по всему телу.

— Как только мы выйдем в город, — продолжал Ивон, — ты возьмешь такси и прямым отправиться в магазин «Курио». Мы с Раулем будем ждать в отеле «Нью Уинтер Пэлэс». Впрочем, я уверен, что статуя в магазине не будет.

— Что ты хочешь этим сказать? — Эрика удивленно посмотрела на него.

— Держать ее в магазине слишком опасно. Нет, статуя будет где-нибудь в другом месте, и они тебя туда отведут.

— Однако Абдула Хамди держал статую у себя в магазине, — возразила Эрика.

— Это случайность. На этот раз они непременно поведут тебя в другое место. Постарайся запомнить его. После того как тебе покажут изваяние, начинай торговаться. В противном случае они

что-то заподозрят. Но помни: я согласен платить лишь при условии, что получу товар за пределами Египта.

— Скажем, через цорихский Кредитный банк, — напряженно улыбнулась Эрика.

— Откуда ты знаешь? — удивился Ивон.

— А откуда, по-твоему, я узнала, что надо зайти в магазин «Курио»?

— Ну, и откуда?

— Не скажу. По крайней мере не сейчас.

— Эрика, это не игрушки.

— Я в курсе, — запальчиво ответила она. Ивон пугал ее все больше и больше. — Потому и не скажу, что не игрушки.

— И все же я настаиваю на том, чтобы ты пришла ко мне в отель, как только это станет возможным. Я не хочу, чтобы изваяние снова исчезло. Скажи им, что деньги будут переведены в течение двадцати четырех часов.

Стоя неподалеку от аэровокзала, Халифа наблюдал за тем, как распахнулась дверь маленького самолета. Увидев Эрику, он поспешил к машине и, прежде чем сесть за руль, проверил свое оружие. Уверенный в том, что сегодня наконец придется отработать свое двухсотдолларовое (в день) жалованье, он запустил мотор и помчался к Луксору.

По пути в город Эрика размышляла, не захватить ли ей в отель. Нужно было переодеться и взять кое-что для фотоаппарата. Однако, беспокоясь, что Лахиб Зайед закроет магазин до ее прибытия, она решила направиться прямо к нему.

Лахиб вынырнул из-за прилавка с распростертыми объятиями.

— Я так счастлив увидеть вас снова, мисс Бэрон. Вы даже представить себе не можете, как я счастлив! Не прикажете ли чаю?

— Благодарю вас, нет. Я примчалась сюда, как только получила от вас весточку.

— Ах, да. — Лахиб возбужденно всплеснул руками. — Статуя. Вам очень повезло. Вы увидите подлинное сокровище.

— Изваяние находится здесь? — спросила Эрика.

— О нет, дорогая мисс. Мы вам показываем его без санкции Департамента по делам исторических ценностей. А значит, надо соблюдать осторожность. Статуя слишком громоздка и бесценна, чтобы держать ее здесь, в Луксоре. Она на Западном берегу, но мы доставим ее в любое место, куда пожелают ваши клиенты.

— Как мне туда добраться, чтобы посмотреть на нее?

— Очень просто. Но прежде всего вы должны понять, что мы не хотели бы демонстрировать такое сокровище слишком большому числу людей. Вы будете одна. Если к вам кто-либо подойдет или мы заметим слежку, наш уговор немедленно потеряет силу и вы никогда не увидите статую. Понятно?

— Вполне, — отозвалась Эрика.

— Чудесно. Все, что вам надо сделать, — это пересечь Нил, взять такси до деревни Курна, которая расположена...

— Я знаю, где она расположена.

- В деревне есть маленькая мечеть.
— Я знаю,— вновь перебила его Эрика.
— Невероятно! Тогда вообще нет никаких проблем. Вам надо добраться до мечети, когда стемнеет. Один из наших людей, такой же торговец, как я, встретит вас и покажет стацию. Как видите, все очень просто. И еще. Когда переправитесь на Западный берег, садитесь в такси, которое будет ожидать вас ниже поселка лодочников. Предложите шоферу двойной тариф. В противном случае вам будет непросто выбраться из Курны.
— Спасибо вам за все,— сказала Эрика, тронутая заботой Лахиба.

Прячущаяся в тени высоких скал Курна почти полностью погрузилась в густые сумерки, когда Эрика начала подниматься на ведущий к ней довольно крутой холм. Такси, нанятое на целый вечер, осталось ждать внизу.

Погруженная в темноту мечеть мерцала таинственным серебром. Эрика открыла дверь и заглянула во внутренний двор, освещенный слабым светом звезд. Тихо ступая, она перешагнула через порог и прикрыла за собой дверь. В мечети не было слышно ни звука. Эрика вошла под своды портика и уселась возле белеющей стены. Через темную арку ей был виден весь двор. Она вынула из сумки сигарету, закурила, чтобы унять охватившую ее нервную дрожь, и посмотрела на часы. Пятнадцать минут девятого.

— Мисс Бэрон,— внезапно произнесла неизвестно откуда появившаяся перед ней фигура, закутанная в черный бурнус.— Простите нас за задержку. Следуйте, пожалуйста, за мной.— В темноте блеснули непомерно большие зубы.

Не говоря больше ни слова, мужчина повел Эрику вверх по холму. Они шли по одной из многочисленных тропинок, минуя по пути несколько входных отверстий, ведущих в глубину горы, в древние гробницы египетской знати. Наконец мужчина остановился подле одного из таких отверстий. Войдя в него и спустившись на несколько метров вниз, они уперлись в массивную металлическую решетку, на которой висела табличка с надписью «37».

— Прошу прощения, но вам придется подождать здесь,— сказал мужчина и, не дожидаясь ответа, быстро исчез в направлении Курны.

Подойдя к наклонно уходящему в глубь горы коридору, Эрика взялась за железную решетку и попробовала потянуть ее на себя. Табличка с цифрами в ответ слабо заколыхалась, но запертая решетка не поддавалась. Эрика смогла разглядеть лишь незначительную часть настенной живописи у самого входа. Вдруг она услышала чья-то медленно приближающиеся шаги, и мужской голос произнес:

— Добрый вечер, мисс Бэрон.

Мужчина, стоявший перед ней, был, как и предыдущий, в черном бурнусе, голова скрывалась в складках просторного капюшона.

— Меня зовут Мухаммад Абдулал. Идите за мной.

Они вышли на поверхность и начали взбираться по холму, пока не достигли гигантского валуна, оказавшегося входом в какую-то гробницу. Здесь тоже была тяжелая железная решетка, но уже без таблички с номером. Пока Мухаммад возился с большой связкой ключей, Эрика стояла рядом, замирая от страха. Ей и в голову не пришло бы, что статуя может быть спрятана в таком заброшенном месте. Железная решетка заскрипела и приоткрылась.

— Прошу вас, — сказал Мухаммад, жестом предложил Эрике войти и, обойдя ее, двинулся по узкому коридору вниз.

Войдя в специальное помещение перед усыпальным покоем, Мухаммад поднес спичку к керосиновой лампе, и Эрика смогла разглядеть на стенах какие-то рисунки. Вдруг она остановилась как вкопанная. Статуя Сети II! Она была здесь! Эрика благоговейно приблизилась к изваянию. Его алебастровые глаза со зрачками из зеленого полевого шпата действовали гипнотически, и ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы взглянуть ниже — на иероглифы. Надпись гласила то же самое, что и на хьюстонском изваянии: «Вечная жизнь обеспечена Сети I, тому, кто правил после Тутанхамона».

— Она божественна! — воскликнула Эрика. — Сколько вы хотите за эту статую?

— У нас и другие есть, — сказал Мухаммад. — Подождите, пока посмотрите все. Потом уж и выберете, что понравится.

Эрика повернулась к нему, и тут ее охватил ужас. Мухаммад откинул свой капюшон на плечи, и она увидела густые усы и зубы в золотых коронках. Перед ней стоял один из убийц Абдулы Хамди!

— В соседнем помещении находится отменная коллекция древних изваяний, — глухо произнес Мухаммад. — Прошу вас. — Он слегка поклонился и жестом указал ей в сторону низенького прохода.

Вскоре Эрика увидела впереди широкую нишу, пересекающую потолок. Толстая балка, нижним концом упираясь в пол, исчезала другим концом в этой самой нише. Когда они прошли под ней, Эрика догадалась, что балка поддерживает массивный каменный блок, призванный в случае необходимости запереть коридор наглухо.

— Далеко еще? — спросила она.

— Да нет, почти пришли.

Нащупывая в кромешной темноте ногой ступеньки, Эрика вдруг почувствовала, как что-то коснулось ее спины. Сначала она подумала о руках Мухаммада. Затем с ужасом поняла, что он уперся ей в поясницу своим ботинком. Единственное, что она успела, — вскинуть руки и скользнуть ими по гладким стенам коридора, пытаясь задержать падение. Но лестница была настолько крута, что она продолжала скатываться в непроглядную темноту.

Мухаммад вытащил из-за пазухи небольшой ломик и несколькими расчетливыми ударами выбил поддерживающую нишу балку. Сорокапятитонная машина сначала медленно, а затем все

быстрее заскользила вниз и наконец, запечатав древнюю гробницу, гулко ударилась об пол.

Скатившись до самого конца лестницы, Эрика замерла в сидячем положении. Содержимое сумки вывалилось наружу и с громким стуком раскатилось в разные стороны. Встав на четвереньки, она пошарила руками вокруг себя. Наткнулась на камеру, затем нашла путеводитель, пачку сигарет и плоскую картонку со спичками, засунутую в целлофан.

Чиркнув спичкой, Эрика подняла ее над головой и осмотрела небольшое помещение, стены которого были разрисованы бытовыми эпизодами из жизни древних египтян. Она попала в гробницу одного из высокопоставленных чиновников фараона.

— Помогите! — закричала Эрика, и крик ее откликнулся в гробнице жутким эхом. Затем наступила невыносимая тишина. Слезы хлынули у нее из глаз, и она безвольно опустилась на колени. Все страхи, связанные со смертью и одиночеством, внезапно выползли наружу из темных глубин подсознания, заставляя ее измученное тело вздрагивать от новых приступов безудержного плача. Она вдруг до конца осознала, что ее похоронили заживо!

Случайно Эрике под руку попался фломастер, и она решила оставить нечто вроде послания на стене, хотя прекрасно понимала всю бесполезность своих действий. Закончив разметку, Эрика стала выводить замысловатые черточки и фигуры. Спичек оставалось мало, но она старалась не думать, насколько хватит ей света и воздуха. Она склонилась пониже и начала рисовать птицу, однако спичка в ее руке неожиданно погасла, догорев слишком быстро. Эрика растерянно хлопала в темноте глазами и чиркнула другой, но спичка вновь мгновенно погасла. Тогда она зажгла третью и медленно опустилась к тому месту, где рисовала птицу. Вначале спичка горела ровно, затем огонек заколыхался из стороны в сторону. Лизнув пальцы, Эрика почувствовала, что из небольшой вертикальной трещины в гипсе у самого пола тянет сквозняком. Она выбрала из кучи камней осколок поувесистей и стукнула им по гипсу в том месте, где виднелась трещина. Затем продолжала наносить сильные удары до тех пор, пока не нащупала маленькую дырочку, в которую можно было просунуть палец. За стеной ощущалось пустое пространство, и Эрика продолжала колотить в стену, пока не почувствовала, что трещина постепенно увеличивается. Внезапно большой кусок гипса треснул и, покачнувшись, исчез по другую сторону стены. Дыра теперь составляла сантиметров тридцать в диаметре, и Эрика осторожно просунула в нее левую руку, ощутив внутри гладкую оштукатуренную поверхность. Судя по всему, ей удалось обнаружить еще одну комнату.

Воспрянув духом, Эрика методично увеличивала отверстие. Наконец дыра сделалась достаточно велика для того, чтобы просунуть в нее голову. Вооружившись несколькими бульжниками, Эрика улеглась на пол и осторожно заглянула в отверстие. Выпуская один за другим камни из рук, она прислушивалась к звукам их падения, пытаясь представить размеры помещения

и размышляя о том, что же делать дальше. «Впрочем, — подумала она, — какая разница, где умирать?»

Эрика взяла в руки сумку и бросила ее в отверстие. Затем, опустившись на четвереньки, приблизилась к дыре, потихоньку стала вползать в нее и полетела вниз. Не устояв на ногах, она свалилась на песчаный пол. Наконец ей удалось подняться. Она не спеша огляделась и обнаружила, что потолок в некоторых местах сильно потрескался, а кое-где даже обвалился. В углу чернел низкий, вырубленный в скале ход. Прижав к груди сумку, Эрика с трудом начала двигаться вперед, пока наконец не почувствовала струю свежего воздуха. Она стояла на пороге катакомб, прямо под нею лежала Курна. Эрика отыскала глазами домик Аиды Раман. Больше всего ей хотелось сейчас увидеть дружеское лицо.

Удаляясь от заброшенных катакомб, она осторожно двинулась вдоль основания горы. Подойдя к домику Аиды, Эрика вошла во двор и тихо постучала.

Аида Раман крикнула что-то по-арабски. Эрика назвала свое имя и спросила, может ли она поговорить с ней.

— Уходите прочь, — ответила старушка через закрытую дверь.

— Прошу вас, миссис Раман, дайте хотя бы попить.

Щелкнул замок, и дверь широко распахнулась.

— Благодарю вас, — прошептала Эрика. — Простите, что беспокою, но меня ужасно мучает жажда.

Старушка сильно сдала за те два дня, что они не виделись.

— Хорошо, но лучше подождите здесь, у двери. Вам нельзя у меня оставаться. Мои родные рассердились на меня, когда узнали, что вы обманом выведали все о папирусе, — сказала она.

— Родные? — удивилась Эрика. — Мне казалось, вы говорили, что, кроме вас, никого из Раманов уже не осталось.

— Да, больше никого нет. Оба моих сына давно мертвы. Но, кроме них, у меня были еще две дочери, которые вышли замуж. Одному из своих внуков я и рассказала о вашем визите. Он очень рассердился и тут же забрал папирус.

— Что он с ним сделал? — встревожилась Эрика.

— Я не знаю. Он сказал, что с ним надо обходиться весьма осторожно и что он знает, куда его спрятать. Еще он сказал, что в папирусе было проклятие и раз вы его увидели, то в скором времени непременно умрете.

— Миссис Раман, я перевела весь папирус. Там ничего не говорится о проклятии. Папирус был написан древним архитектором фараона Сети I.

— Вам надо идти, — настаивала на своем Аида Раман. — Мой внук может вернуться. Прошу вас.

— Как зовут вашего внука?

— Мухаммад Абдулал.

Для Эрики это имя прозвучало как гром среди ясного неба.

— Вы его знаете? — спросила старая Аида.

— Пожалуй, чуть ближе, чем мне бы этого хотелось. Он живет в Курне?

— Нет, в Луксоре.

— А сегодня вечером вы его видели? — Эрика начала нервничать.

— Скорее днем. Прошу вас, уходите.

Эрика заторопилась. Она была напугана даже больше, чем Аида Раман.

— А кем работает Мухаммад Абдулал?

— Он начальник охраны некрополя и еще помогает своему отцу управлять рестораном в Долине Царей.

— Аида, — волнуясь, заговорила Эрика. — Послушайте меня. Как и ваш муж, я считаю, что нет никакого «проклятия фараонов», и могу доказать это, если вы мне поможете. Надо только выиграть время. Не говорите никому, что я снова была у вас. Даже вашим родным. — Она схватила старушку за руку.

— У вас действительно есть доказательства?

— Вне всяких сомнений, — ответила Эрика.

— Хорошо, я согласна, — кивнула Аида.

— У меня к вам еще одна просьба, — спохватилась Эрика. — Нужен какой-нибудь фонарь.

— Здесь нет ничего, кроме керосиновой лампы.

— Отлично! — воскликнула Эрика и обняла Аиду.

Воспользовавшись знакомой тропинкой, Эрика с лампой и спичками в руках принялась взбираться на гору. Она понимала, что нарушает данное самой себе обещание ни во что больше не вмешиваться, но разговор с Аидой вновь пробудил в ней интерес к тайнам прошлого. Теперь она знала разгадку всего, что произошло с нею в Египте. Даже смысл таинственной надписи на статуе и содержание переведенного папируса стали понятны. А мысль о том, что Мухаммад Абдулал в жизни не догадается о ее побеге, придавала ей дополнительное чувство уверенности в задуманном деле.

Через некоторое время Эрика уже стояла перед пробитым в скальных породах отверстием потайного хода и отрешенно смотрела в темноту. Глубоко вздохнув и прижав к груди сумку, она сползла в туннель. Сразу же за входом лаз расширился и уходил наклонно вниз. Сначала ей пришлось идти, сильно согнувшись, но через несколько минут она выпрямилась и попыталась определить направление. Туннель этот вел прямо к гробнице Тутанхамона.

По некоторым признакам Эрика решила, что гробница должна быть где-то совсем рядом. Из-за неровного пола она двигалась вперед очень медленно. Прямо перед нею туннель круто сворачивал влево, а за поворотом ее ожидали вырубленные в скале ступеньки, ведущие в какое-то помещение. Эрика осторожно спустилась по ним и вошла в скрытую глубоко под землей просторную комнату.

Подняв голову, она поняла, что находится под Усыпальным покоем Тутанхамона. Лампа осветила гладкие, ничем не украшенные стены. В длину комната была не более восьми метров, в ширину — около пяти. Потолок представлял собой гигантскую плиту из хорошо отесанного известняка. Опустив глаза вниз, Эрика увидела безобразную груду человеческих скелетов. При

свете лампы можно было разглядеть, что все черепа пробиты каким-то тяжелым и тупым предметом.

— Боже мой, — прошептала Эрика. Она знала, откуда здесь эти скелеты. Когда-то они были каменотесами, но, как только работа в комнате подошла к концу, от них избавились.

Она медленно прошла мимо останков несчастных строителей, спустилась по длинной лестнице, упиравшейся внизу в кирпичную стену, и замерла от восторга. Вот они, сокровища фараона Сети I! Старший архитектор Ненефта понял, что самое безопасное для них место — находиться под другими сокровищами. Мерцающий свет лампы играл на бесчисленных сосудах, ящиках и статуэтках. В отличие от маленькой гробницы Тутанхамона, здесь царил строгий порядок. Каждая вещь стояла на своем месте. Две позолоченные колесницы, казалось, только и ждали, когда запрягут лошадей. Вдоль правой стены расположился ряд инкрустированных черным деревом сундуков из кедра.

Одна небольшая шкатулка слоновой кости стояла открытой, а драгоценности, исполненные неподражаемого изящества, были аккуратно разложены на полу. Очевидно, здесь Раман и черпал свои средства на покупку ковров для мечети.

Бродя между колонн в центре комнаты, Эрика обнаружила еще одну лестницу, ведущую в следующее помещение, также полное сокровищ. Она поняла, что оказалась в обширном комплексе связанных между собой сокровищниц, каждая из которых служила входом в пять-шесть следующих кладовых. Неожиданно Эрика вспомнила о знаменитом тайнике Дейр эль-Бахри, найденном в XIX веке семейством Расул. Целых десять лет они потихоньку таскали из него драгоценности. Видимо, здесь произошло нечто подобное. Сначала Раман, а следом за ним Абду-лад в течение долгих лет подкармливались возле этих сокровищ.

Войдя в очередную комнату, Эрика остановилась. Помещение выглядело непривычно пустым, не считая четырех ковров с изображениями Осириса. Черный сводчатый потолок мерцал золотыми звездами. Дверь была запечатана кирпичной кладкой. На ней просматривались знаки охраны некрополя. По обе стороны от двери возвышались алебастровые постаменты. На лицевой стороне каждого из них виднелась одинаковая иероглифическая надпись. С неожиданной легкостью Эрика перевела ее: «Вечная жизнь обеспечена Сети I, тому, кто покоится под Тутанхамоном». Она поняла, что два постамента некогда служили основанием для пресловутых статуй фараона Сети и что это не просто сокровищница фараона, а его настоящая гробница. Статуи, из-за которых, собственно, и разгорелся весь сыр-бор, изначально стояли здесь, точно так же, как два истукана Тутанхамона охраняли вход в оскверненную усыпальницу последнего. Сети I не был похоронен в гробнице, сделанной по образцу гробниц всех остальных фараонов эпохи Нового Царства. В этом и заключалась главная хитрость архитектора Ненефта. Чужое тело, похороненное в официальной гробнице, он объявил мумией Сети I, тогда как сам фараон покоился в секретной усыпальнице под Тутанхамоном. Ненефта позаботился буквально обо всем.

Встряхнув лампу, Эрика поняла, что керосина почти не оста-

лось, и решила немедленно возвращаться. С большой неохотой она шла по знакомым уже помещениям и размышляла о значении своего открытия и об огромных ставках в опасной игре. Теперь ее больше не удивляло, что вокруг лилось так много крови. «Сколько же человек они успели убить за пятьдесят лет? — думала Эрика. — И этот юноша из Йелля... И лорд Карнарвон...»

Дойдя до самой первой комнаты, Эрика задержалась там, чтобы взглянуть на вынутые из шкатулки драгоценности, и подняла массивный золотой кулон с картушем Сети I. Необходимо было взять что-нибудь с собой на случай, если Ивон с Ахмедом ей не поверят...

Шел второй час ночи. Легкая фелука скользила по воде ровно и безмятежно. Переправа через Нил была для нее последним испытанием, поэтому она позволила себе чуть-чуть расслабиться. Впереди ждал уютный и безопасный Луксор. Впечатление от находки вытеснило из ее головы воспоминания о часах смертельного ужаса в гробнице Ахмоса, а предвкушение того, как она расскажет о своем открытии Ивону или Ахмеду, не давало ей теперь уснуть.

Глядя на оставленный Западный берег, Эрика с удовольствием вспоминала, как выбралась из Долины Царей, прошла через спящую Курну и пересекла возделываемые поля без каких бы то ни было затруднений. Она еще не решила, кому в первую очередь сообщить о своем открытии — Ивону, Ахмеду или Ричарду. Первые двое могли как следует его оценить, а Ричард ужасно удивится. И то и другое было чрезвычайно приятно.

В фойе гостиницы Эрику встретил заспанный клерк и, ни слова не говоря, протянул ключ и запечатанный конверт. На нем стояли печать отеля и ее имя, выведенное твердым, уверенным почерком. Поднявшись на третий этаж, она надорвала бумагу и развернула сложенный лист, покрытый бессмысленными каракулями. Снова взглянув на конверт, Эрика решила, что это чей-то розыгрыш, и слегка занервничала, внимательно глядя на дверь своего номера. Ей показалось, что за дверью кто-то шевелится. Оставив ключ в замке, она стремглав побежала по коридору, улавливая за спиной звук шумно хлопнувшей двери.

Эрика понятия не имела, кто находился в номере. Одна только мысль билась в голове: надо бежать к Ивону в отель «Нью Уинтер Пэлэс». Она как на крыльях пролетела через фойе и выскочила на улицу.

Несмотря на свои габариты, Евангелос передвигался легко и быстро. Особенно когда был собран и жесток. Теперь же, обуреваемый жадной убийства, он мчался за Эрикой со скоростью гончей.

Она миновала большую клумбу, выбежала к бассейну, но Евангелос догнал ее и остановился на расстоянии выстрела.

— Стой! — кричал он, направляя оружие Эрике между лопаток.

Эрика машинально остановилась, глядя на него расширенными от страха глазами. Она узнала человека из мечети Аль Ажар.

Длинный разрез, полученный им в тот день, был теперь зашит и придавал всей его внешности сходство с чудовищем Франкенштейна.

Пистолет в руках грека издал глухой, кашляющий звук, но Эрика боли не ощутила. Затем произошло нечто в высшей степени странное и неожиданное. На лбу Евангелоса распустился маленький красный цветок, и, выронив пистолет, он рухнул лицом вниз.

Эрика была не в силах двинуться с места. В эту минуту в кустах что-то зашевелилось, и тотчас раздался голос:

— Не следовало так ловко убегать от меня, мисс Бэрн.

Она медленно повернулась. Перед нею стоял мужчина с кривым носом и остроконечным зубом-резцом.

— Еще чуть-чуть, и было бы, пожалуй, поздно, — сказал Халифа, махнув рукой в сторону Евангелоса. — А вы направляетесь к мсье де Марго? Вам лучше поторопиться. Неприятности еще не закончились.

Когда Ивон открыл дверь, Эрика буквально рухнула ему на руки, бормоча что-то о выстрелах, о гробнице и найденном изваянии. Ивон усадил ее в кресло, дал ей стакан воды, сел рядом и спокойным голосом попросил рассказать все с самого начала.

Не успела она открыть рот, как в дверь постучали.

— Кто там? — крикнул Ивон.

— Халифа. Меня наняли защитить девушку и изловить того, кто попытается ее убить. Он перед вами. — Халифа втолкнул в комнату затравленно озирающегося по сторонам Стефаноса.

— Послушай меня, Ивон, — заговорил Стефанос. — Что нам с тобой делить? Ты злишься на меня за то, что я будто бы продал первую статую Сети тому парню из Хьюстона. Но я лишь обеспечивал доставку в Швейцарию. Выполнил работу извозчика, и все. Между нами нет никакой конкуренции. Ты хочешь контролировать черный рынок? Пожалуйста! Меня волнует только моя часть бизнеса. Я мог бы вывозить для тебя драгоценности из Египта в любом направлении и в любое время. Нам надо работать вместе, Ивон.

Ивон пригладил рукой волосы.

— Зачем вы напали на Эрику? — спросил он после небольшой паузы.

— Она слишком много узнала от Абдулы Хамди. Мне надо было спасти свою систему перевозок. Но если вы работаете в паре, тогда проблема исчерпана.

— И ты не имеешь никакого отношения к смерти Хамди и исчезновению второй статуи?

— Ни малейшего, — поспешил с ответом Стефанос. — Клянусь тебе. Я даже ничего о ней не знал. Поэтому, собственно, и забеспокоился.

Закрыв глаза, Эрика осталась наедине со своими мыслями. Оказывается, контроль над черным рынком был нужен Ивону лишь в его собственных интересах, а не ради торжества науки и справедливости. Страсть к антиквариату заглушила в нем все человеческие чувства и, главное, чувство порядочности. Эрика

оказалась обманутой самым бессовестным образом и — что всего сильнее ее задевало — могла запросто погибнуть. Пальцы ее судорожно вцепились в подлокотники кресла. Надо было выбираться из комнаты Ивона и разыскать Ахмеда. Только ему можно рассказать о настоящей гробнице фараона Сети.

— Стефанос не убивал Абдулу Хамди, — неожиданно громко произнесла Эрика. — Его убили люди, живущие здесь, в Луксоре, и контролирующие источник всех проданных и продаваемых в Египте сокровищ. Изваяние Сети они привезли обратно в Луксор. Я его видела, поэтому легко могу провести... провести к нему. Еще я думаю, что югославский маршрут Стефаноса гораздо удобней, чем путь через Александрию, и ему не надо прятать антиквариат в тюки с мануфактурой.

Стефанос кивнул и быстро повернулся к Ивону.

— Мисс Бэрон — очень проникательная женщина. Она совершенно права. Неужели ты в самом деле собирался упаковывать драгоценности в тряпки? Боже мой, да это сработало бы от силы раза два.

Эрика безмятежно потянулась. Ей надо убедить Ивона в ее собственной корыстной заинтересованности.

— Завтра я покажу вам, где находится статуя Сети I.

— И где же она? — спросил Ивон.

— В одной из гробниц без номера на Западном берегу. На словах объяснить дорогу почти невозможно. Могу только показать. Это чуть выше поселения Курна. Там есть и другие интересные вещи. — Эрика вынула из кармана золотой кулон и небрежно бросила его на столик. — Давайте договоримся так: за удачные поиски статуй Стефанос расплатится тем, что вывезет для меня из страны эту безделушку.

— Очаровательная вещица, — произнес Ивон, вглядываясь в картуш Сети I.

— Таких драгоценностей там видимо-невидимо, и даже лучше, чем этот кулончик. Его просто удобно было нести. Ну, а теперь, ради всего святого, мне нужны ванна и глубокий сон. Осмелюсь напомнить, что ночь выпала в прямом смысле слова убийственная. — Поблагодарив Халифу за чудесное спасение в парке, Эрика уверенными шагами направилась к двери.

— Рауль, — обратился Ивон к своему помощнику. — Соберись. Пойдешь вместе с мисс Бэрон.

— Спасибо, но мне кажется, что я не нуждаюсь в надзирателе, — сказала Эрика, открывая дверь.

— Это нужно только для твоей безопасности, — ответил Ивон. — Я должен быть уверен в том, что с тобой ничего не случится.

Труп Евангелоса по-прежнему лежал около бассейна. Если бы не лужица крови вокруг головы, он выглядел так, будто просто пьян и свалился здесь на пару часов. Когда Рауль склонился над телом, Эрика отвернулась и заметила пистолет Евангелоса, лежавший неподалеку от того места, где из кустов выбрался Халифа. Она украдкой покосилась на занятого осмотром тела Рауля, сделала несколько шагов в сторону и торопливо подняла

пистолет с асфальта. Палец ее нерешительно коснулся спускового крючка. Когда Рауль выпрямился и заговорил, Эрика повернулась к нему, не выпуская из рук оружия.

— Он умер еще до того, как ударился об землю. — Рауль вытер ладони платком. — А, вы нашли его пушку. Давайте сюда, надо вложить ее ему в руку.

— Не двигайся, — тихо проговорила Эрика.

Взгляд Рауля заметался.

— Что-то я не пойму вас.

— Заткнись и шагай к гостинице.

Перед входом в отель вереницей растянулись покинутые водителями таксомоторы. Вечером они вовсю сновали между гостиницей и аэровокзалом, но после прибытия последнего рейса в 21.00 обычно замирали на автостоянке рядом с отелем. Эрика стала заглядывать в окна пустых машин. Почти в каждой из них ключи были в гнезде зажигания. Можно спокойно ехать к Ахмеду, но как поступить с Раулем?

— Ложись! — скомандовала Эрика.

Рауль подчеркнуто неторопливо шагнул на газон и лег на траву.

— Вытяни руки перед собой. — Эрика открыла дверцу первой попавшейся машины и уселась за руль. С приборной доски свисал белый пластиковый брелок в форме игровой кости. Двигатель сначала почихал, покапризничал, наконец, изрыгнув клуб черного дыма, с перебоями заурчал. Продолжая держать Рауля под прицелом, Эрика захлопнула дверь и потянула рычаг коробки передач. Автомобиль дернулся, отъехал немного и неожиданно остановился. Эрика краем глаза увидела, как Рауль стремительно вскочил на ноги и бросился к машине. Она все еще возилась с рычагом и педалью газа, когда он, словно кошка, прыгнул на багажник и прильнул к заднему стеклу.

Выехав на залитый огнями бульвар, Эрика включила вторую скорость. Других машин вокруг не было, поэтому, миновав Луксорский храм, она решительно нажала на акселератор и, как только двигатель набрал обороты, переключилась на третью. Рауль по-прежнему сидел на багажнике. В зеркальце она видела, как развеваются на ветру его темные волосы. Стиснув зубы, Эрика резко крутанула руль. Машина, завизжав колесами, вильнула, но Рауль с раскинутыми руками тесно прижался к стеклу, лицо его превратилось в какую-то расплюсченную белую маску.

Эрика включила четвертую скорость. Такси рванулось вперед, но через секунду заходило из стороны в сторону. Вибрация оказалась настолько сильной, что, проносясь мимо двух министерских особняков, Эрика уже с трудом удерживала руль обеими руками. Солдаты на посту, увидев содрогающийся автомобиль с мужчиной на багажнике, засмеялись, затараторили и начали размахивать руками.

Тогда Эрика свернула на обочину, и автомобиль поскакал по рытвинам. Передняя дверца распахнулась, брелок с приборной доски сорвался и вылетел наружу.

Каждый удар, каждое сотрясение подбрасывало тело Рауля в воздух, но он цепко держался на багажнике.

Неподалеку от дома Ахмеда свет фар упал на тянущуюся вдоль дороги кирпичную стену. Эрика резко затормозила и дала задний ход. Машина стукнулась багажником об стену, однако Рауль по-прежнему не сдавался.

Включив первую скорость, Эрика быстро пустила машину вперед. От неожиданного рывка правая дверь захлопнулась и прицелила Раулю пальцы. Закричав, он инстинктивно отдернул руку. В это мгновение автомобиль, выбирающийся на проезжую часть, сильно встряхнуло, и Рауль кубарем полетел с него в придорожный песок. Едва коснувшись земли, он вскочил на ноги и, прижимая к груди поврежденную руку, бросился за машиной, въезжавшей во двор невысокого општукатуренного дома. Рауль постарался запомнить это место и поспешил обратно к Ивону.

С мыслью о коварных планах Стефаноса и Ивона Эрика вихрем ворвалась в прихожую. В гостиной сидел беседующий с кем-то Ахмед.

— За мной гонятся! — одним духом выпалила Эрика. — Быстрее! Нужно немедленно что-нибудь предпринять!

Ахмед никак не мог прийти в себя от изумления. Прошло несколько минут, прежде чем он вскочил и, не говоря ни слова, выбежал из комнаты. Эрика повернулась к его собеседнику, чтобы попросить позвонить в полицию, но в эту секунду глаза ее расширились, а по спине пробежала дрожь...

Прикрыв за собой дверь, в гостиную вернулся Ахмед. Он порывисто обнял Эрику и взволнованным голосом произнес:

— Снаружи все тихо. Там никого нет — вы в полной безопасности. Дайте посмотреть на вас. Глазам своим не верю!

Но Эрика молчала, не в силах отвести взор от лица того, кто сидел за спиной Ахмеда. Это был Мухаммад Абдулал! Судя по всему, Мухаммад растерялся не меньше ее, однако быстро подобрался и изрыгнул целый поток гневных арабских слов.

Сначала Ахмед не обратил на его брань никакого внимания. Он начал с участием расспрашивать Эрику о том, что случилось и кто за нею только что гнался. Однако не успела она открыть рот, как Мухаммад произнес энергичную фразу, которая тут же произвела в Ахмеде разительную перемену. Лицо его потемнело, глаза хищно сузились. Эрика посмотрела на стол — не было ли там подходящей для броска в стену фаянсовой чашечки, а Ахмед подскочил к Мухаммаду и зашипел что-то по-арабски. Вначале он говорил тихо, со сдержанной угрозой в голосе, но через несколько мгновений все же сорвался и принялся кричать.

Эрика в испуге переводила взгляд с одного на другого, уверенная, что Мухаммад вот-вот вынет из-под полы припрятанное оружие. Однако, к ее облегчению, после зажигательной речи Ахмеда убийца явно поостыл и даже как будто струсил. Он послушно уселся на стул и больше не говорил ни слова. В эту минуту облегчение в душе Эрики сменилось дурным предчувствием. Когда Ахмед повернулся к ней, она с трепетом заглянула в его черные властные глаза.

— Эрика, — мягко начал Ахмед, — это поистине чудо, что вам удалось вернуться... Похоже, сам Аллах хочет, чтобы мы были

вместе, и я склонен покориться его воле. Вот уже несколько часов мы с Мухаммадом говорим только о вас. Я собирался идти к вам и признаться во всем.

— Выходит, вы знали о моем заточении в гробнице?

— Да, знал. Мне было нелегко решиться на этот шаг, но вас надо было как-то остановить. Я распорядился, чтобы вам не причинили никакого вреда, а вскоре и сам собирался пойти в гробницу просить вас присоединиться к нам. Я хочу, чтобы вы стали полноправным членом нашей семьи — моей и Мухаммада.

— Вы что, с Мухаммадом родственники?

— Да. Мы с ним двоюродные братья. Аида Раман — наша общая бабушка. Моя мать приходит к ней дочерью. — И Ахмед в деталях разъяснил непростую генеалогию их семьи, начиная с Сарвата и Аиды Раман.

Эрика бросила боязливый взгляд в сторону Мухаммада.

— Эрика... — снова заговорил Ахмед. — Вам удалось сделать то, что в течение пятидесяти лет не удавалось никому и ни при каких обстоятельствах. Папирус могли видеть лишь члены нашей семьи. Любой посторонний, начавший хотя бы только догадываться о его существовании, должен был замолчать навеки. Спасибо газетчикам, все эти смерти со временем приписали какому-то мистическому проклятию. Для нас это было очень удобно.

— Еще бы, — вздохнула Эрика. — Вам оставалось лишь расставить вокруг гробницы охрану.

— О какой гробнице вы говорите? — спросил Ахмед.

— О той, что расположена под усыпальницей Тутанхамона.

Мухаммад вскочил на ноги и снова обрушил на Ахмеда неудержимый поток арабской речи. На этот раз тот слушал двоюродного брата, не пытаясь его прервать. Когда Мухаммад закончил, Ахмед вновь повернулся к Эрике.

— Вы в самом деле чудо. Тем не менее теперь вам известно, почему ставки в этой игре так высоки. Да, мы сторожим неразграбленную усыпальницу одного из самых великих египетских фараонов. Вам нетрудно понять, что это означает невероятное, немислимое богатство, и вы, наверное, догадываетесь, в какое затруднительное положение нас поставили. Однако, если примете мое предложение, проблема будет исчерпана. К тому же с вашей помощью нам легче разобраться во всех этих сокровищах.

Эрике пришлось снова думать о бегстве. Сначала она была вынуждена обмануть Ивона, теперь то же самое предстояло сделать с Ахмедом.

— А почему вы до сих пор в гробнице почти ничего не тронули? — спросила она, выигрывая время.

— Ценность находящихся там сокровищ настолько значительна для всей истории Египта, что изъятие даже самой малой их части требует скрупулезнейшего планирования. Наш дед Раман считал необходимой смену целого поколения лишь для того, чтобы наладить механизм сбыта драгоценностей из гробницы. Наша семья, говорил он, должна занять положение, в котором она смогла бы законным образом контролировать вывоз сокровищ за пределы Египта. В течение последних лет его жизни из усыпальницы было изъято ровно столько, чтобы хватило на

оплату образования тех, кому предстояло осуществить этот грандиозный замысел. Наконец в прошлом году я занял пост руководителя Департамента по делам исторических ценностей, а Мухаммад стал начальником охраны некрополя.

— Простите, а лорд Карнарвон тоже был в числе тех несчастных, которых ваша семья приговорила к «молчанию»? — спросила Эрика.

— Точно я не могу сказать, — начал Ахмед. — Это случилось слишком давно. Но думаю, что так оно и было. А как вы докопались до истины? Я имею в виду: что натолкнуло вас...

В эту секунду во всем доме погас свет. Эрика сидела не шелохнувшись. Она слышала, как один из арабов снял с телефона трубку, а затем, чертыхнувшись, бросил ее обратно. «Наверное, это Рауль с Ивоном, — подумала Эрика. — Даже телефон отключили».

Затем она услышала быстрый приглушенный обмен репликами, а еще через несколько мгновений ее глаза мало-помалу начали различать очертания предметов. Внезапно из темноты на Эрику надвинулась чья-то фигура. Она инстинктивно отпрянула. Это был Ахмед. Он крепко взял ее за запястье и, потянув к себе, поднял на ноги.

— Вы так и не сообщили мне, кто вас преследовал, — свистящим шепотом произнес Ахмед.

Эрика не могла ответить. Язык от страха ей не повиновался. Мысль о том, что она оказалась меж двух враждующих сил, буквально парализовала ее. В конце концов она с трудом выдавила:

— Ивон де Марго.

Ахмед заговорил с Мухаммадом, и Эрика увидела, как у того в руках тотчас блеснуло какое-то оружие. В полной растерянности она озиралась по сторонам, понимая, что ситуация снова вышла из-под контроля и можно ожидать самых непредсказуемых последствий.

Внезапно Ахмед повлек ее в глубину дома. Они быстро миновали гостиную и, пробежав по длинному темному коридору, оказались где-то в задней части строения. Эрика пыталась освободить свою руку, но цепкие пальцы Ахмеда держали ее кисть не хуже стальных наручников. Мухаммад бежал следом за ними.

Через секунду они выскочили в небольшой дворик и, обогнув конюшню, оказались у потайной дверцы. После быстрого обмена репликами Ахмед приоткрыл низенькую калитку. Улица снаружи была пустынна и темна. Первое, что услышала Эрика, — четкий и резкий звук выстрела. Ахмед остановился на мгновение, а потом начал медленно падать в дверной проем, увлекая за собой Эрику. Его застрелили так же, как Евангелоса, — точно между глаз. Высвободившись из мертвых рук Ахмеда, Эрика поднялась, а Мухаммад стремительно перепрыгнул через нее и бросился под спасительную сень пальм. Тут же раздались еще несколько выстрелов. Затем Эрика услышала за своей спиной топот ног внутри дома, и ее оцепенение мгновенно сменилось ужасом. Она знала, что Ивон пришел сюда специально за ней. Задняя дверь дома распахнулась, и перед Эрикой появился осторожно ступающий человек. Это был Рауль. Склонившись на мгновение над Ахмедом, он тотчас выбежал из калитки на улицу. Собравшись с силами, Эрика заставила себя отлепиться

от стены конюшни, пробралась через погруженный в темноту дом Ахмеда и вышла на улицу. Постояв немного, она оглянулась и нерешительно, трусой побежала в сторону Нила. Путь ее лежал вдоль узкого переулка, затем через какие-то дворы, где она устроила сущий погром, угодив сначала в курятник, а вслед за ним в открытый сток для помоев. В окнах домов стали зажигаться лампы. Невдалеке все еще раздавались выстрелы.

В эту минуту Эрика вспомнила о двух министерских особняках, охраняемых постоянно сменяющимися солдатами. Не раздумывая, она направилась в их сторону, стараясь держаться в тени деревьев. Приблизившись к особнякам, Эрика вышла на залитое огнями шоссе. Солдаты были на посту. Они болтали о чем-то, курили, поплевывали на песок, смеялись. Завидев Эрику, оба солдата повернулись к ней, и она медленно приблизилась к тому, что помоложе. Мешковатая униформа смешно пузырилась у него на груди, высокие ботинки ослепительно сверкали в лучах висевшего у ворот прожектора, на левом боку покоился в кобуре автоматический пистолет.

Не останавливаясь, Эрика прошла мимо изумленного новобранца на территорию охраняемого им дома.

— О аф андак! — завопил солдатик и двинулся следом за нею.

Собрав последние силы, Эрика крикнула: «Помогите!» — и продолжала кричать до тех пор, пока в доме не зажегся свет. Вскоре на пороге появилась массивная фигура в халате.

— Вы говорите по-английски? — задыхаясь, спросила Эрика.

— Разумеется, — ответил мужчина. В его голосе явственно слышалось раздражение.

— Вы работаете в правительстве?

— Да, я — заместитель министра обороны.

— А к Департаменту по делам исторических ценностей имее-те какое-нибудь отношение?

— Нет, ни малейшего.

— Чудесно, — сказала Эрика. — В таком случае у меня есть для вас просто невероятная история...

Бостон

Большой двухпалубный авиалайнер слегка накренился и начал плавно заходить на посадку над аэропортом Логана. Прильнув к стеклу иллюминатора, Эрика не отрывала глаз от раскинувшейся под нею восхитительной панорамы осеннего города. Никогда еще, возвращаясь домой, она не испытывала такого волнения.

Самолет слегка встряхнуло, и через секунду он покатился вдоль посадочной полосы. Пока тяжелый «Боинг» выруливал к месту стоянки, Эрика вновь с изумлением припомнила то, что ей довелось пережить с момента своего отъезда. Она возвращалась домой совершенно другим человеком. И прежде всего человеком, которому наконец удалось шагнуть из кабинетной тиши в бурный водоворот реальной жизни. А приглашение египетского правительства возглавить научные работы в найденной ею гробнице Сети I меняло к лучшему ее служебное положение и, честно говоря, могло обернуться в будущем блестящей карьерой.

Пассажиры начали вставать с мест и вынимать из багажных отсеков свои вещи. Эрика продолжала сидеть в кресле, рассеян-но

поглядывая на обложенное тучами небо и вспоминая ослепительно белый мундир явившегося проводить ее лейтенанта Искандера. Именно он рассказал ей о той ужасной ночи в Луксоре: Ахмед Хазан умер от ранения в голову, Мухаммад Абдулал находился в состоянии комы, Ивон де Марго каким-то образом получил разрешение на вылет и, обретя статус «персона нон грата», немедленно покинул Египет, ну а Стефанос Маркулис просто исчез.

Здесь, в чопорном Бостоне, все эти события казались ей горячечным бредом. В душе неприятно саднило из-за бессмысленной гибели Ахмеда, а то, что она не сумела с самого начала угадать подлинной сущности Ивона, ставило теперь под сомнение самую способность ее хотя бы мало-мальски разбираться в людях. После всего, что случилось, у француза хватило присутствия духа телефонировать ей из Парижа в Каир и предлагать крупные суммы за частную информацию об открытой ею гробнице фараона Сети.

Войдя в здание аэровокзала, Эрика быстро прошла таможенный контроль, получила багаж и направилась в зал ожидания.

Они увидели друг друга почти одновременно. Ричард сорвался с места и нетерпеливо обнял ее. Уронив чемоданы, Эрика стояла с ним в проходе, перекрывая путь другим пассажирам. Наконец она оторвала голову от его груди.

— Вы все были абсолютно правы, Ричард. Я вела себя как глупый и капризный ребенок. Это просто чудо, что я не погибла там.

Глаза Ричарда увлажнились. Таким Эрика его еще никогда не видела.

— Нет, нет, — быстро заговорил он. — Мы оба были правы и оба поступали неправильно. Из всей этой истории следует только то, что мы еще многому должны друг у друга научиться. И, уж поверь, я к этому готов. Да, кстати, тут какой-то человек из Хьюстона хотел с тобой повидаться. Похоже, он знаком с доктором Лоури. Тот дал ему номер моего телефона. А вот и он. — Ричард указал пальцем на человека, который приближался к ним, галантно помахивая в воздухе своей широкополой шляпой.

— Боже правый! — воскликнула Эрика. — Да ведь это Джефри Джон Райс.

— Простите, что надоедаю вам в такую минуту, однако, мисс Бэрон, пожалуйста, чек за успешные поиски статуи.

— Я, кажется, чего-то не понимаю, — сказала Эрика. — Изваяние ведь принадлежит египетскому правительству. Вы теперь не сможете его купить.

— В этом-то все и дело. Моя статуя опять стала единственной за пределами Египта. Благодаря вам стоимость ее значительно подскочила. Хьюстону теперь можно не бояться никакой конкуренции.

Эрика опустила взгляд на чек в десять тысяч долларов и неудержимо расхохоталась. Ричард, не понимая, что происходит, несколько мгновений изумленно смотрел то на нее, то на чек, то на хьюстонца, а затем тоже рассмеялся. Райс, продолжая держать чек в руках, недоуменно пожал плечами, надел свой стетсон на голову и двинулся за смеющейся парочкой к выходу.

Перевод с английского АНДРЕЯ ГЕЛАСИМОВА.

БОРИС КАМОВ

ПОЖИЩЕНИЕ ЖИЗНИ

270

Импотенция калечит нашу жизнь

Импотенция сегодня входит, как я уже писал в предыдущем номере, в число наиболее массовых недугов на планете*. Еще недавно об импотенции говорили полупешелотом, а слово «импотент» считалось для мужчины глубоко оскорбительным. В последние десятилетия понятия «импотент» и «импотенция» сделались привычными и обиходными.

Меня потрясло коротенькое газетное объявление: «Скромная интеллигентная женщина без детей... ищет надежного спутника (можно импотента)». Трудно представить, чтобы несколько лет назад «скромная интеллигентная женщина» осмелилась бы написать

слово «импотент» даже в глубоко личном письме.

Ограниченность своих зрительских возможностей все отчетливее сознают и мужчины. Некоторые из них пытаются найти для себя выход. Вот еще одно газетное объявление:

«Молодой человек 33/179 хотел бы познакомиться для... интимного общения с ласковой, симпатичной, умной лесбиянкой».

Предложение неожиданное, однако лишь отчасти. Молодой человек, которому 33 года, готов оказывать девушке любые знаки сексуального внимания, кроме одного: он не в состоянии в нее войти, а если и в состоянии, то весьма ненадолго. Молодой человек ищет партнершу, которая согласится на альтернативные половые контакты.

Эпидемия половой неврастении породила и своеобразную форму мужской проституции. Об этом

* Окончание. Начало в № 10.

свидетельствует такое предложение: «Два молодых человека, 20/180 и 20/190, познакомятся с состоятельной привлекательной дамой не старше 45 лет».

Два молодых человека решили сделать себе состояние на торговле собственным телом. Однако сознают, что в свои двадцать лет при богатырском росте не могут удовлетворить зрелую женщину. И они изобрели «вахтовый метод».

Состоит он в том, что, пока один занимается с клиенткой, второй находится рядом, наготове. Когда первый сходит с дистанции, не доведя даму до финиша, его место занимает напарник. Первый же номер, понимая, что в его распоряжении совсем мало времени, спешит разными нехитрыми способами привести себя в работоспособное состояние. Так они меняются несколько раз, что, впрочем, не гарантирует им и клиентке стопроцентного успеха.

Сто десять лет назад сверстник парней из этой «сексуальной бригады» Жорж Дюруа, герой романа Г. Мопассана «Милый друг», вознамерился, обольщая женщин, сделать карьеру, достичь богатства, «завоевать Париж», но ассистенты и помощники в любовных делах ему не понадобились. Он чувствовал себя абсолютно уверенно и с состоятельными дамами «до 45 лет», и с уличными проститутками. Те и другие, кстати, были от него в полном восторге.

Существуют ли средства для восстановления сексуального здоровья мужчин?.. Да, существуют. Некоторые достаточно просты и надежны, но если двадцатилетние парни почти двухметрового роста нуждаются сегодня, чтобы их прежде всего вылечили от импотенции, значит, что-то рухнуло в «датском королевстве», особенно в системе общего и полового

воспитания. Ведь запас эротической энергии и «расходного материала» отпущен небом каждому мужчине в расчете на интенсивную сексуальную жизнь, способную длиться многие десятилетия. Это четко понимали в старину и потому неотступно заботились о здоровье будущего мужчины.

Я особо подчеркиваю: то, что молодой человек утрачивает в результате мастурбации, секс-наука вернуть не в состоянии. Самое любопытное, что врачи даже не стремятся к этому. Они знают, что это им не по силам.

В итоге от мастурбационной неврастении страдают десятки миллионов мужчин и не меньшее количество женщин. По сведениям из американских источников, до 70 процентов улыбающихся американок понятия не имеют об оргазме.

Как помочь женщинам? Ответ донельзя прост: нужно не пожалеть сил и средств (как их сейчас не жалеют, скажем, на поиски способов лечения СПИДа) для устойчивого, решительного оздоровления половой сферы мужчины.

Но я уже обращал внимание: в «теоретических» выкладках сексологов, в методах их «лечения» присутствует загадочная заданность, которая противоречит здравому смыслу.

Европейская сексология для борьбы с последствиями мужской мастурбации, для достижения женщиной оргазма предлагает... «онанизм для дам».

Еще совсем недавно о женской мастурбации было мало что известно. Сейчас, если верить спецам из интиммедслужбы, ею занимаются десятки миллионов женщин. О ней свободно пишут и говорят. Давайте посмотрим: что же?

Методичка по женской мастурбации

Тридцатилетняя Рэйчел Свифт, автор книги «Наслаждение женщины», в шестнадцать лет начал половую жизнь, долго не имела представления об оргазме. Обращение «к медикам, психологам, всякого рода консультантам... совершенно не помогло». Тогда Р. Свифт разработала собственную систему достижения оргазма «с помощью партнера или без него».

Воздадим ей должное. Не будучи медиком, Р. Свифт бросила вызов интеллектуальной импотенции сексологов. Снимем перед Р. Свифт шляпу: она не побоялась поведать о тайнах своей интимной жизни, чтобы помочь другим. Но именно внушающая доверие искренность Р. Свифт позволяет различить не только рациональные, но и опасные стороны ее «инструктивных разработок».

Любопытны идейные обоснования, которые приводит Р. Свифт в пользу женской мастурбации. Это, утверждает она, «чистая форма полового удовлетворения», замечательное «средство от бессонницы». Но мне особенно понравился третий довод: «Животные ничуть не стесняются заниматься этим (т. е. мастурбацией — Б. К.) в открытую». Поскольку животные не стесняются и многого другого, то нужно ли нам и в остальном следовать их примеру?

В своей книге Р. Свифт предлагает достаточно жесткую поэтапную систему мастурбационной подготовки женщины.

Где, по мнению Р. Свифт, женщина должна заниматься мастурбацией? Ответ ошарашивает: *езде*. А именно: в транспорте, в учебном заведении (если вы его посещаете), в читальном зале библиотеки, в офисе, где служите,

в кафе, где обедаете, в общественном туалете, в театре, в кинозале (особенно если идет эротический фильм).

Не менее серьезен вопрос: *чем?* Автор перечисляет: «скатанным в ролик носком, лапкой плюшевого мишки», перьями, мехом, церковной свечой, луковицей, различными корнями, бананами, которыми «часто пользовались женщины в гаремах Востока», в некоторых случаях выпуклыми деталями статуи. Кроме того, «можно также сесть в ванну и направить струю душа между ног» или воспользоваться вибратором для массажа лица, поскольку он напоминает «поднявшийся мужской член».

Перепробовав в процессе своей исследовательской деятельности разные заменители, Р. Свифт пришла к обнадеживающему выводу: пенис представляет собой хорошо продуманный инструмент. Дело не только в форме, но и в уникальном сочетании качеств. Будучи твердым, он одновременно является мягким и, кроме того, теплым.

Важное место в книге Р. Свифт занимает вопрос: сколько оргазмов должна вызывать у себя женщина за один раз? «Я знаю женщину, которая мастурбирует тринадцать раз за один присест», — сообщает Р. Свифт. — Я считала это отличным результатом, пока не прочитала, что другая женщина проделала то же самое 134 раза. Попробуйте с ней посоревноваться!»

Для меня самым большим открытием в книге стала эволюция психики автора. Р. Свифт рассказала, в частности, о том, что не теряет времени по дороге на службу. Сидя в вагоне метро, она, пользуясь тряской в вагоне, мастурбирует сумкой.

Р. Свифт не заметила, что роль мужчины в ее интенсивной сексу-

альной жизни свелась до уровня «мастурбационного станка», подобно тому, как для мужчины, который занимается онанизмом, близость с женщиной всего лишь «мастурбация в лоно». Мало того, под эти явно ненормальные отношения Р. Свифт пытается подвести теоретический базис.

«Мужчины», — декларирует она, — не должны быть (в сексе. — Б. К.) главным действующим лицом». В другом месте автор книги заявляет: в отношениях с мужчиной главное — «страсть, а не личность любовника».

Человечество в своей незавершенной эволюции проделало немалый и дорогостоящий путь, чтобы облагородить половой инстинкт. Известно, что даже в мире высших приматов, которые отличаются повышенной сексуальностью, существуют «личностные» симпатии или антипатии. Подмечено, что самка орангутанга отдает предпочтение вожаку стаи перед рядовым самцом, даже если второй претендент значительно моложе предводителя. Самке, до сих пор живущей на дереве, далеко не все равно, кого она примет.

А госпожа Свифт решительно навязывает нам «моральный кодекс» обитателей молочнотоварной фермы или того же стада, пасущегося на просторе под присмотром лихих ковбоев. В мире парнокопытных личность представителя сильного пола для пола слабого в самом деле значения не имеет.

Р. Свифт с присущей ей решительностью отделила секс от нравственных взаимоотношений. Из ее эротического обихода напроць выпало, например, такое понятие, как «любовь». На это еще до меня обратили внимание мужья и возлюбленные учениц г-жи Свифт. Они, мужчины, решительно воспротивились тому, чтобы их

роль в семейных и любовных отношениях свелась к исполнению обязанностей церковной свечи или выпирающей детали статуи. Мужчины не желали, чтобы их любимые женщины, готовясь ложиться в постель, по методу Свифт, сначала напивали бы их вином или даже подсыпали им снотворного.

Догадывалась ли Р. Свифт об этом бунте? Конечно. Сделала она выводы? Еще какие: она разработала кодекс репрессивных мер против мужчин, не согласных с ее методом совращения женщин.

В главе «Как заставить мужчин сотрудничать (?) в мастурбационном совершенствовании» г-жа Свифт дает шесть возможных ответов. Среди них такие: «Хитрость. Это ваши манипуляции с пьяным или сонным партнером. *Подкуп или сделка*.., вы обещаете ему (то есть партнеру. — Б. К.) сделать то, что он хочет, потом, если он исполнит вашу просьбу сейчас... *Угрозы*. Пригрозите, что бросите его... если он упорно не желает доставить вам удовольствие...» И последняя мера: «отказаться от старого и найти нового партнера».

Р. Свифт не заметила, что на самом деле она создала учебник по развиту в женщине мастурбационного психоза, жертвой которого сделалась в первую очередь она сама. Начав с негромких рассуждений о равноправии женщины в интимных отношениях, Р. Свифт дошла до утверждений о практической ненужности мужчины в сексуальной жизни женщины, если мужчину с успехом может заменить свернутый жгутом носок.

В самом деле, какой мужчина способен стать равноправным партнером женщины, которая может вызвать у себя 134 оргазма «в один присест»? Ведь природой это не предусмотрено.

В природе человека все тонко

сбалансировано. Сверхразвитие в одном направлении нередко оборачивается потерями в другом. Р. Свифт научилась получать наслаждение в любой обстановке с помощью разных предметов, но она утратила множество черт, необходимых живой женщине. Мастурбация лишила ее нежности, ласковости, преданности мужчине, готовности заботиться о нем. Ни для кого из своих многочисленных партнеров, упоминаемых в книге, Р. Свифт не нашла тепло-го слова.

Говоря о юношеской и мужской мастурбации, я уже писал, что она опустошает душу. Исповедь Р. Свифт убеждает нас в том, что такое же разрушительное действие производит и мастурбация женская.

Я не отговариваю вас, уважаемые читательницы, от знакомства с книгой «Наслаждение женщины». Наоборот, найдите, купите, изучите ее с карандашом в руках. И перед вами без всяких прикрас предстанет одинокая, опустошенная и при этом агрессивна настроенная женщина — Рэйчел Свифт, — у которой в холодном огне мастурбации обуглилась ее женская душа. А душа — это не пара туфель. Ее нельзя пойти и купить в магазине.

Женский онанизм угрожает семейному счастью

Р. Свифт стала сексологом-любителем. Но будем к ней справедливы: к экспериментам на самой себе ее подтолкнули сексологи-профессионалы, которые по малым своим интеллектуальным возможностям для решения любых сексуальных проблем предлагают один только способ лече-

ния — онанизм. Идиотизм этих рекомендаций легче всего моделируется на таком примере.

Вот на Земле появились Адам и Ева. Что произошло бы на планете, если эти двое, вместо того чтобы стремиться навстречу друг другу, разбежались бы по разным углам райского сада и занялись бы поодиночке онанизмом? И что произойдет с человечеством в третьем тысячелетии новой эры, если эпидемия мастурбации не будет решительно остановлена?

Убежденной пропагандисткой женской мастурбации выступает М. Кинесса, автор книги «Брак под микроскопом». М. Кинесса — гинеколог и сексолог с полувековым стажем. Урологом-сексологом был ее муж. М. Кинесса, по ее словам, была с ним счастлива. И вот теперь она призналась, что была в ее браке тайная радость — поршеньек. Предмет этот женщинам в принципе хорошо знаком. Он напоминает ершик, которым отмывают молочные бутылки.

Когда женщина в полном одиночестве вводит в себя поршеньек, он раздражает сразу множество эrogenных точек. Ощущения, как от наркотика. Сравнение не случайно. Поршеньек тоже взламывает все естественные пороги ощущений.

Один мой знакомый, Толя, работал слесарем в больнице. Там с ним расплачивались исключительно мензурками со спиртом. После девяностоградусной «огненной воды» любой другой напиток (кроме водки) был для Толи кислятиной. «Кислятиной» становится для женщины и любой мужчина после поршеньковой любви.

Но женщину подстерегают и другие опасности. Начнем с того, что по прошествии какого-то времени ей станет очевидным, что прежние размеры поршенька ее

уже не устраивают. Требуется больший. А потом?

Возьмем среднестатистическую девочку, назовем ее скромным именем Галя и посмотрим, что с ней может произойти, если Галя с детсадовской поры начнет следовать наставлениям сексологов, которые якобы денно и нощно пекутся о нашем эротическом здоровье и потому навязывают нам всем мастурбацию.

Начнем с того, что существует физиологический закон эталонности первых эротических ощущений и впечатлений. Скажем, мальчик, который впервые возбудился от поцелуя полной женщины, став взрослым, будет искать похожую на нее женщину. До середины XX века женщины носили длинные платья. Ноги их были скрыты, запретны для взоров. Женская ножка, впервые увиденная Пушкиным в детстве, навсегда стала предметом его эротических мечтаний.

Психофизическая конструкция девочек еще более тонка и впечатлительна. Если же быть точным: еще более ранима. Ее невероятно легко повредить. Девочке порой достаточно подглядеть живую эротическую сцену, чтобы увиденное определило сексуальное развитие будущей женщины на всю последующую жизнь. Известны случаи, когда девочки становились невольными свидетельницами орального секса и, начав взрослую жизнь, уже не признавали других способов сексуального общения.

Предположим, что наша Галя в девять лет нечаянно раздвинула свои половые губы, испытала новые для нее ощущения и бесконтрольно ринулась им навстречу. Что же ее на этом пути ждет?

Первый вариант. Галя уже никогда с интересом не посмотрит в сторону мужчины. Он ей будет

не нужен. Она скорее всего откажется от замужества, если ей предложат.

Второй вариант. Галя будет по-прежнему волновать присутствие мужчин, но в ней появится чрезмерная стеснительность. Она станет скованно чувствовать себя в обществе молодых людей, что не прибавит ей привлекательности и не повысит ее шансы на счастливый брак.

Третий вариант. Гале 18—19 лет. Она занимается мастурбацией, но ее влекут к себе мужчины. Она этого не скрывает, однако молодые люди возле нее не задерживаются и стремления сблизиться с ней не проявляют. В чем же дело? В одной сверхинтимной подробности. При эротическом возбуждении в присутствии мужчин у Гали возникает обильное «сокоотделение». Мужчины о нем скорей всего не догадываются, но «сокоотделение» сопровождается запахом, который не всегда приятен.

Четвертый вариант. Гале повезло. Она встретила симпатичного парня. Ему Галя тоже понравилась. Парень без лишних сантиментов добился любовного свидания. Когда же наш Ромео увидел Галю без одежды, он переменялся в лице, натянул рубашку, брюки и в буквальном смысле сбежал. Что же его напугало?

Вид Галиных половых губ. От многолетнего раздражения руками и разными неживыми предметами они разрослись, стали воспаленно-красными и чрезмерно влажными. В сексологии такое явление именуется «готтентотским передником». Вероятно, Гале сумел бы помочь хирург, но я не слышал, чтобы к врачам обращались с просьбой о такой косметической операции.

Пятый вариант. Галя продолжает заниматься мастурбацией, но ей

повезло: ее не перестали интересоваться мужчины, она не перестала им нравиться. Галя счастливо избежала обильного «сокоотделения», а ее половые органы не утратили красоту. Когда же Галя впервые в жизни соединилась с мужчиной, то обнаружила, что это не доставило ей ни малейшей радости. От мастурбации она получала гораздо больше волнующих ощущений.

Причин здесь может быть в лучшем случае две. Первая. При половом акте остались в бездействии те зоны, которые раздражались при мастурбации. Эта ситуация отчасти поправима: либо нужно найти соответствующую позу, либо дополнить близость ручной стимуляцией.

Гораздо хуже, если обнаружится, что у нашей Гали половая анестезия — нечувствительность эротических зон к половому акту. Историю такой Гали поведал известный сексопатолог Н. Ходаков. Его пациентка обрела половую анестезию к 18 годам. И это оказалось необратимо.

На одной лекции меня спросили:

— Вы хотите лишить женщину последней радости — самой вызвать у себя оргазм?

Я ответил:

— Нет. Я хочу вернуть женщинам и мужчинам радость полноценной любви. Такую не способен подарить никакой стерженек. И еще. Если человек пользуется спичками, он должен знать: спичкой можно зажечь газовую конфорку, можно разжечь костер, но можно и спалить дом.

О том, что от «милого и безобидного пустяка», каким пытаются представить онанизм, человек может дотла сгореть, большинство авторов писать не любит. Среди женщин, которые давно приохоти-

лись к мастурбации, я не встретил ни одной счастливой. Да, у них нет голодного блеска в глазах. Они не обмирают, завидев интересного мужчину. Это избавляет их от горькой необходимости по неволе принимать приглашения от случайных и не всегда приятных мужчин провести вместе вечер или целую ночь.

Однако та же мастурбация обрекает женщину на одиночество в близости, когда мужчина получает свою полурадость с ней, в ней, но без нее, а она после такого «пиршества любви» вынуждена бежать в ванную комнату, чтобы самой вызвать у себя оргазм, обмирая от страха, что муж когда-нибудь догадается, почему она так стремительно выпрыгивает из постели, вместо того чтобы восторгаться его несравненными достоинствами. И это, по всей видимости, навсегда, если женщина не встретит современного Казанову, для которого не существовало фригидных женщин.

Казанова был великим тружеником секса. Радость каждого нового романа состояла для него не столько в том, чтобы насладиться самому, сколько в том, чтобы пробудить в полную силу страсть, таящуюся в женщине. Это свидетельствовало о мужском благородстве, но еще больше о мужском эгоизме Казановы. Колоссальный опыт научил его тому, что ночь, проведенная с «ледышкой», не идет ни в какое сравнение с полчасом в обществе пробужденной женщины, способной быстро достигать оргазма и тут же требовать повторения.

**«Подайте ваши слезы
на пропитание
секс-индустрии»**

В старину, если совершалось

преступление, говорили: «Ищите женщину». Теперь говорят: «Ищите криминальный бизнес». В нашей с вами истории долго ничего искать не нужно. Торговцы мастурбацией на самом деле торгуют куда более материальными предметами. За спиной каждого сверхактивного пропагандиста мужского и женского онанизма стоят деловитые производители секс-инвентаря, часто весьма залежалого.

Помню, как лет десять назад в наших галантерейных магазинах был завал вибраторов для массажа. Каждый прибор имел запас резиновых насадок. У наших женщин этот прибор (возможно, вполне достойный) успехом не пользовался. Не исключаю, что на Западе тоже. Но там на помощь производителям этих приборов пришла Рэйчел Свифт.

В своей книге «Наслаждение женщины» она объяснила, что в своих занятиях пользуется вибратором небольших размеров, причем рассказала, что первый вибратор, запущенный ею в работу по новому своему предназначению, у нее просто-напросто сломался. Я лично сделал из этого вывод, что закупать вибраторы следует целыми партиями...

Активно пропагандирует секс-инвентарь и М. Кинесса. Вот что она пишет о поршеньках: «Теплый, нагретый до 40 градусов, со скользящей поверхностью, эластичный, подобно мужскому члену, поршеньек оказывает на женские половые органы самое благоприятное воздействие».

Мне лично импонирует фраза М. Кинессы, что «поршеньек столь же прост по устройству, как и половой член мужчины». В самом деле, чего уж проще. Только вот в чем беда. В этом примитивном предмете, именуемом мужским половым органом, с помощью современных медиков что-то незримо

повредилось, и приблизительно пятая часть населения Земли сделалась зримо несчастлива.

Понимая, что поршеньек должен вызвать неприязнь у многих женщин, М. Кинесса кокетливо вопрошает: «Но скажите, а что нам, женщинам, нравится с первого раза?» Отлично зная об отрицательных последствиях применения этого изобретения, М. Кинесса пишет: «Поскольку поршеньек особенно хорош, если он туго входит во влагалище, то, когда наступит момент физической близости с мужем, женщина может почувствовать некоторую пустоту во влагалище, слабо ощущать член мужа. Не огорчайтесь, так и должно быть (то есть муж ничего не должен стоять рядом с поршеньком.— Б. К.). Женщине будет достаточно и этого, чтобы «закончить» (разрядка моя.— Б. К.).

Здесь трудно не вспомнить Р. Свифт, которая тоже считает, что мужчина — лишь один из предметов, пригодных для мастурбации.

В каких же случаях М. Кинесса рекомендует семейным парам пользоваться поршеньком? «Я знаю семьи, — сообщает она, — где сильно занятый (!) или стеснительный (???) муж просит жену «подготовиться». Через некоторое время, вдоволь насладившись поршеньком, жена заявляет мужу, что готова и он может начинать». Идеальный случай, с точки зрения М. Кинессы, если ласкать женщину «поршеньком будет мужчина».

Пропагандируя «поршеньковую любовь» для всех, М. Кинесса на самом деле опирается на аномальные «случаи из практики». Когда «муж сильно занят», перед нами сюжет, где любовь давно ушла, жена мужчине безразлична, но он готов на несколько секунд войти в нее, чтобы «исполнить долг».

«Стеснительный муж» скорей

всего полуимпотент. Его сексуальных возможностей хватает лишь на самое короткое время. Поршеньковая подготовка такому партнеру необходима для самообмана, что его прикосновение мгновенно вызывает у женщины оргазм. Третий случай, когда мужчина сам берет в руки поршеньек, пригоден либо для совершенного импотента, либо для мужчины, который способен возбудить себя лишь такой разновидностью «любовных ласк». Любому понятно, что М. Кинесса настойчиво толкает нас в сферу сексопатологии.

Таким образом, М. Кинесса навязывает всем без исключения здоровым женщинам и мужчинам матрицы поведения людей со значительными половыми отклонениями. Понимая, что ее теоретические выкладки в пользу поршенька достаточно шатки, М. Кинесса пускает в ход «тяжелую артиллерию». «В США, — продолжает она агитировать нас, — поршеньек применяет каждая богатая женщина». Заявление впечатляет, не правда ли? Но я ценю М. Кинессу за то, что она часто неверно толкует факты, но никогда их не подтасовывает. «Каждая богатая семья» — это сколько? М. Кинесса отвечает: «Всего около восьмисот (разрядка моя. — Б. К.) человек». Для США, где более 110 миллионов женщин, это не особенно много. Но вот что любопытно: откуда взялась цифра — «около 800 человек»? И что заставляет М. Кинессу при таком скромном рынке сбыта столь неотвязно рекомендовать поршеньек? «Выполненные по заказу поршеньки подбираются врачами-сексологами по индивидуальному размеру влагалища», — поясняет М. Кинесса.

Поршеньки на заказ не единственные изделия, которые рекламирует М. Кинесса. Она тепло от-

зывается об игрушках для взрослых: «Мониках» для мужчин и «Жанах» для женщин. Это «половые игрушки», как называет их М. Кинесса, со всамделишными половыми органами, пригодными для использования по прямому назначению. Выпускали их... игрушечные фабрики.

«Хорошо выполненная «Моника», — радуется нас М. Кинесса, — комфортабельна, нежна и приветлива к мужскому члену».

А про «хорошо выполненного «Жана» можно сказать, что это лилипут со взрослым искусственным фаллосом.

Недавно я специально знакомился с инвентарем для «вооруженного онанизма» — изделиями западной секс-индустрии последнего поколения.

Сверхвежливый охранник у входа в один из московских секс-шопов получил с меня плату и выдал билет. Я перешагнул порог и очутился в помещении, где царил будуарный полумрак и лилась плавная, подкашивающая ноги музыка. В ней слышались женское воспаленное дыхание, нежные стоны и даже легкие вскрики.

Осознав, что это лишь запись, я огляделся, чтобы понять, куда же я все-таки попал. И невольно вздрогнул. Мне показалось, что я по собственной воле нахожусь в празднично разукрашенном морге или на кафедре анатомии медицинского института за полчаса до прибытия очень высоких гостей. Со всех сторон на меня смотрели многочисленные анатомические препараты. На одних полках были выставлены фаллосы, на других — нижние части женского туловища.

Товар этот был заключен в коробки с прозрачными крышками, сквозь которые виднелись разные интимные сопутствующие детали. Я обратил внимание, что фаллосы были все возрастающих размеров,

включая и такие, которые в реальной жизни не могли принадлежать мужчинам. Они больше подошли бы орловским скакунам.

Именно эти суперчлены позволили мне понять, что конструкторы и изготовители секс-инвентаря имеют отчетливое представление о том, что «вооруженный онанизм» калечит женщину, что лонно ее в результате проникновения в него искусственных раздражителей теряет эластичность, утрачивает волшебное свойство растягиваться при необходимости, а затем возвращаться к первоначальным размерам. По загадочным законам, которые никто из европейских медиков никогда не изучал, в результате мастурбации с заменителями живого фаллоса влагалище только растягивается. Это молчаливый протест нежных, сложнейших по строению тканей на грубое и частое вторжение неживого.

Вот почему в отличие от гигантов сексологической мысли клерки из СПК — Сексуально-Промышленного Комплекса — без труда рассчитали: женщина, которая приобрела в интим-шопе или заказала по почте самый скромный по своим габаритам пластмассовый фаллос размера № 1, обречена будет заказывать размеры № 2, 5, 7... до 12-го. Такое простое открытие подарило капитанам секс-промышленности веру в свое светлое будущее. Правда, при одном условии: если капитаны сексологической науки не перестанут насаждать мужской и женский онанизм.

Если мы и дальше станем бездумно плестись за сексологами, которые вполне осмысленно семянят за секс-бизнесом, в нашем интимном существовании мало что изменится.

Давайте проявим мужество и скажем сами себе:

— счастье каждой семьи — в руках самой семьи;

— в холодности женщины на 90 процентов виноват мужчина;

— если представитель сильного пола хочет, чтобы его считали настоящим мужчиной, он должен в возрасте от 18 до 70 лет быть способен удовлетворить женщину;

— если мужчина пока не может этого сделать, он должен работать над собой, чтобы восстановить и укрепить свое сексуальное здоровье. (Как — разговор особый.)

Население планеты отмечает много всемирных дат: день защиты природы, день защиты детей, день борьбы с курением или со СПИДом. Давайте введем еще одну дату: день сексуального здоровья. Пусть он станет днем просвещения, днем борьбы с онанизмом, с мужской импотенцией и женской фригидностью. Предлагаю отмечать его каждый год 1 августа.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Уважаемые читатели! Вы познакомились с главами из книги Бориса Камова «Как стать женщиной. Как остаться мужчиной», которая готовится к печати.

С отзывами о прочитанном и вопросами можете обращаться в редакцию и к автору по адресу: 103064, Москва, ул. Земляной вал, 34а. Фонд «Лечение без лекарств».

Шахматная эпиграмма

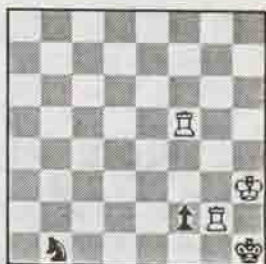

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Публикуем очередную подборку оригинальных композиций, присланных на III международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр «Смены». В этом году в журнале будет опубликовано рекордное количество задач. К сожалению, многие из присланных задач останутся «за кадром», хотя и будут оценены судьей при подведении итогов конкурса.

Композиции, присланные в редакцию после 1 сентября с.г., примут участие в конкурсе следующего года.

97. В. ЖЕЛТОНОЖКО
Екатеринбург

Мат в 2 хода

98. М. МАРАНДЮК
г. Новоселица, Украина

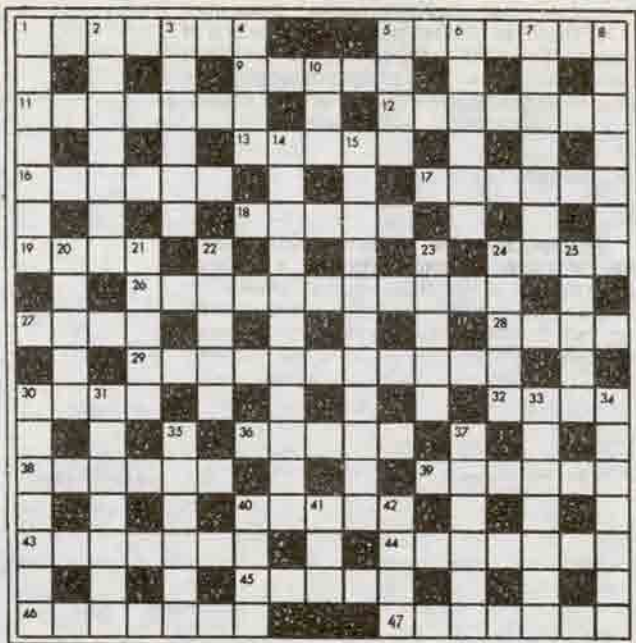

Мат в 2 хода

99. А. ХИЛЬДЕБРАНД
Швеция

Мат в 2 хода

По горизонтали.

1. Немецкий поэт, бравший в своих эпиграммах за образец Марциала. 5. Русский философ, удачнее других переведший «Критику чистого разума» И. Канта. 9. «Непоемное место», «ровное пастбище», «потное место», «ручей со ржавчиной» (В. Даль). 11. Степной эпос о стране Бумба, пятисотлетний юбилей которого отмечали в 1940 году. 12. «Виртуоз палочки», каким был Х. Бюлов. 13. «...зла» — знаменитая книга, которую автор сначала хотел назвать «Круги ада». 16. Пушной зверек, за сутки съедающий пищи в несколько раз больше, чем весит сам. 17. Один из обычных священных предметов, какие вдевали в рукояти рыцарских мечей в средние века. 18. Рисунок, способный стать картиной. 19. «Курортное» озеро в бассейне реки По. 24. Большой деревянный молот. 26. Предохранение дорог от зимних заносов. 27. Древний народ, упоминаемый в летописях как завоеватель и мучитель славян. 28. Прудовая рыба, живущая в воде, какую уже не переносит карп. 29. Сыворотка как средство от змеиного укуса. 30. Княжеская дружина на Руси. 32. Азиатская сахарная пальма. Из сока ее плодов делают слабоалкогольный напиток. 36. Французский художник, под влиянием которого выросли Э. Вюйяр, М. Дени, П. Бонар. 38. А. Буль, Т. Чиппендейл (художественное прише). 39. Наружный ряд кирпичей или камней, по которому ровняют кладку. 40. Урочище, единственное место в Приуралье, где сохранилась рослянка.

43. Французский поэт, участник русской революции 1905—1907 годов. 44. Объект охоты Остапа Бендера за миллионами. 45. Богиня, которой в Риме приносили в жертву белых коров. 46. Представитель сословия в Древнем Риме, за которым в театре были закреплены первые четырнадцать рядов. 47. Сценический трюк.

По вертикали.

1. «Ячменный» народ в Индии. 2. Беда — предчувствие, ... — предвкушение. 3. Шлак, образующийся в кузнечном очаге. 4. Одно колебание в секунду. 5. В стихотворении Н. Некрасова «Выбор» девица уже готова броситься в прорубь, как вдруг «синие ... затрещали кругом». 6. Птица. Пара строит несколько гнезд, хотя занимает лишь одно. 7. Обычная одежда красного командира или чекиста. 8. Фламандский живописец, сотрудничавший с П. Рубенсом. 9. Божество охоты в дагомейской мифологии. 10. Измеритель вязкости, обычно основанный на законах Пуазейля или Стокса. 11. Одноклеточное, возбудитель сонной болезни в Африке. 12. Самая примитивная лошадь. 13. Курум в Сибири и Средней Азии (суть). 14. Самая красивая, по М. Пришвину, из левчих птиц. 15. Мера объема зерна, сухофруктов у ингушей и чеченцев. 16. Живая вязь пантомимы и танца. 17. Три тоекратных удара в корабельный колокол в полдень. 18. Организатор гравировального класса Петербургской Академии художеств. 19. Предмет, с помощью которого Гулливер в стране великанов сыграл жигу на рояле. 20. Настоящее название дамских пальчиков (винограда). 21. «Город артистов» (Геродот). 22. Самая первая английская золотая монета. 23. Средство защиты Великой французской революции, быстро ставшее для правящей верхушки оружием удержания власти. 24. Витаминное среднеазиатское лакомство. 25. Прием японской поэтики («призыв — отклик»). 26. Один из предметов, между которыми к палатке-кабаку в «Кому на Руси жить хорошо» Н. Некрасова пробираются двое подьячих.

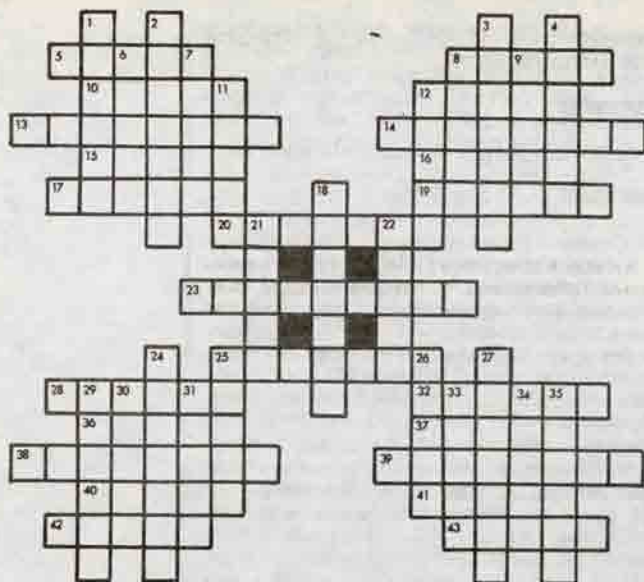
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали.

3. Цюпфнер. 9. Гохуа. 10. Семга. 11. Бисмарк. 12. Франция. 13. Повар. 14. Разин. 19. Бес. 22. Вендидад. 24. Пор. 25. Вече. 26. Серов. 28. Лучник. 29. Гаруда. 30. Монти. 32. Наос. 34. Ван. 35. Асмалдук. 36. Вех (цикута). 39. Якуты. 43. Алтай. 44. Журавль. 45. Книппер. 46. Зверь. 47. Рузда. 48. Пилястр.

По вертикали.

1. Домра. 2. Шушна. 4. Юлия. 5. ...фиммиам. 6. Евреинов. 7. Щеголев. 8. Аглия. 11. Бир. 15. Эвгена. 16. Аничков. 17. Литий. 18. ...час. 20. Секунда. 21. Чеканка. 23. Девон. 24. Почта. 27. «Харач». 30. Масканы. 31. Иск. 33. Серебро. 37. Утопия. 38. Олива. 40. Тур. 41. ...разум. 42. Гладь. 44. Жест.

КРОССВОРД
Составил
А. ЯДЫКИН,
Климовск
Московской
области

По горизонтали.

5. Представитель азиатского народа, считающего волка своим прародителем. 8. Упомянутый в «Илиаде» Гомера певец, дерзнувший бросить вызов музам, но проигравший в состязании и ослепленный ими. 10. «Он мягок, гибок; тело не чувствует его на себе; он, как послушный раб, покоряется самому малейшему движению тела» (И. Гончаров «Обломов»). 12. Главная книга мусульман. 13. Эстонский остров с бездонным озером Каали. 14. Горная порода, названная по имени основателя Калькутты. 15. «Честный» пират, нападающий только на корабли враждебных держав. 16. Река, на которой зимовало войско Красса во время галльских походов Юлия Цезаря. 17. Турецкий народный рассказ. 19. Напиток бессмертия индийских богов. 20. Имя итальянского дирижаблестроителя Нобиле. 23. Бабочка, гусеница которой увеличивается в весе в пятьсот раз. 25. Суспензия графита как электропроводящий слой в электронно-лучевых трубках. 28. Редкий белый или зеленый самоцвет. 32. Охряного цвета спутник Юпитера, напоминающий Марс. 36. Накладные металлические украшения на упряжи. 37. Один из основоположников латышской профессиональной музыки. 38. Явление, какое наблюдал в 1887 году с воздушного шара Д. Менделеев. 39. Неудачник. 40. Металл. Ларец для хранения пробирок с ним Марии Кюри в 1921 году подарил президент США У. Гардинг. 41. Город на юго-востоке Австралии. 42. Плод одной из самых рас-

пространенных пальм. 43. Игра, которую насаждали при дворе Екатерины Второй.

По вертикали.

1. Арабский сорт голубой и чистой, как ясное небо, бирюзы. 2. Чтец чужих мыслей. 3. Американский астроном, открывший звезду в созвездии Змееносца с большим собственным движением. 4. Соль металла, сплав которого с магнием горит голубым или зеленым пламенем. 6. Жилище в архипелаге ГУПАГ. 7. Резной камень с выпуклым изображением. 8. Римская площадь, бывшая в средние века каменоломней и даже названная «пастбищем коров». 9. Аборигены Новой Зеландии, использующие воздушные змеи как средство сигнализации. 11. Эстонский город, упоминаемый в «Повести временных лет» как град Юрьев. 12. Тропическая птица, самец которой строит гнездо-тюрьму. 18. Дорожный ящик. 21. Заячий след на снегу. 22. Предмет кухонного обихода. 24. Историческая область в низовьях Дона и Днепра. 25. Главное помещение в древнеримском доме. 26. Каучуковое дерево, чьи семена в Англию тайно доставил Г. Уикхэм, за что его избрали членом Академии наук. 27. Врач. 29. Город в Северной Ирландии. 30. Самое маленькое из копытных, отличный альпинист. 31. Стихотворная стопа. Ее часто использовал Анакреонт. 33. Американский писатель. 34. Обычная внешняя форма бурых железняков. 35. Древнегреческий философ, сказавший: «Все находятся в войне со всеми и каждый — с самим собой».

285

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали.

3. Змея. 6. Идол. 10. Шишак. 11. Баран. 12. Бонистика. 13. Жуков. 15. Фанза. 16. Нежон. 17. Эрмитаж. 23. Толстоголовка. 24. Лазейка. 26. Трек. 27. Горец. 29. Долгопят. 31. Нур. 33. Ударение. 34. «Гудок». 35. Жнец. 39. Частник. 40. Победоносиков. 43. Челомей. 44. Дьюар. 47. Авлос. 49. Холст. 50. Полинезия. 51. Щенок. 52. Ветум. 53. Дока. 54. Овин.

По вертикали.

1. Фикус. 2. Канон. 4. Многоголосие. 5. Яшин. 6. Истерика. 7. Отклик. 8. «Гараж». 9. «Кайза». 14. Венок. 15. Фаланга. 18. Болт. 19. Эсперанто. 20. Йомен. 21. Терпентин. 22. Скит. 25. Колокольчики. 28. Цуг. 30. Пекинес. 32. Рубеж. 33. Усач. 36. Цион. 37. Жозефина. 38. Монах. 41. Болото. 42. Еврей. 43. Чохов. 45. Рогоз. 46. Юстус. 48. Сено.

**ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ
«СМЕНЫ» —
МОСКВИЧИ И ЖИТЕЛИ ПОДМОСКОВЬЯ!**

Если вы хотите и впредь читать наш журнал, но не имеете возможности платить лишние деньги почте за доставку или киоскерам, продающим «Смену» с большой наценкой, приезжайте к нам в редакцию, и мы подпишем вас с любого номера по цене, указанной в каталоге. При этом у вас будет стопроцентная гарантия, что вы получите журнал в срок.

Более подробную информацию об условиях подписки мы даем по телефонам:

257-30-55, 212-15-07.

Марина ГЕРЦОВСКАЯ

Считается, что именно Марине Герцовской принадлежит честь закрытия истории андеграунда в советской живописи. Это произошло в 1988 году после проведения первой в России выставки эротического искусства, организованной художницей. Театральный критик Александр Соколянский писал по этому поводу: «Официализация пола стала последним деянием художественного подполья». Парадокс ситуации заключался в том, что Марина, абсолютно не интересующаяся политикой, вдруг органически вписалась в отряд инакомыслящих по той простой причине, что работала в направлении «ню», бывшем под запретом.

Марина Герцовская родилась в Ленинграде, занималась в детской театральной студии и мечтала поступить на режиссерский факультет. Но судьба распорядилась по-иному: она успешно окончила

Художественное училище имени Мухомовой, приехала в Москву и начала выставляться на полулегальных в то время «квартирных» выставках. За участие в одной из них даже отсидела в Бутырке (правда, всего несколько дней).

Эта маленькая, хрупкая женщина известна сегодня далеко за пределами России. Ее работы во многих частных собраниях и в зарубежных музеях современного искусства.

— Марина, вы являетесь вдохновителем и организатором первых в России выставок эротического искусства, вокруг которых в 80-х годах поднималось столько шума...

— В свое время друзья в шутку прозвали меня «мамой отечественной эротики». После первой официальной выставки эротического искусства я вдруг была приглашена консультантом сразу в несколько газет и журналов: «Андрей», «Модель», «Душа и тело», «Эрос», «Спид-инфо». Мою семью в буквальном смысле преследовали телефонными звонками художники и страшно возмущенные зрители, интересовавшиеся у членов семьи, не Фрейд ли по мне плачет... Поэтому, когда я готовилась к очередной выставке, специально пригласила на все время ее проведения врача-сексопатолога, который в течение 30 дней сидел в зале и отвечал на вопросы посетителей.

— Расскажите немного о последних выставках...

— Недавно в Москве прошла выставка «Эпоха сновидений». Все выставленные работы объединены общей темой: «Женщина и морской берег». Вспомните Цветаевское: «...мне имя — Марина, я брэнная пена...» Позже была

еще одна выставка — «Силуэты». Больше всего меня интересует человеческая фигура, особенно женская. Это и есть ФОРМА, существовавшая в природе всегда!

— Именно поэтому вы так часто в своих работах обращаетесь к обнаженному женскому телу?

— Да, ведь оно совершенно. Через женский образ художник может выразить все чувства, все оттенки настроения — от любви, страсти, вдохновения до отчаяния и горя, может передать различные образы, например, утро, облако, бабочку, цветок. И свои работы я называю: «Снег», «Пена», «Воздух», «Солнце», «Лебедь», «Весна», «Отдохновение»...

— Вы занимаетесь только художественными проектами собственных выставок или, помимо этого, у вас есть другие планы и занятия?

— За последнее время я выпустила несколько каталогов выставок эротического искусства 1988—1990 годов и каталог своих работ. Это очень кропотливое, отнимающее много времени, но и увлекательное занятие. Кроме того, я руковожу детской изостудией и стараюсь развивать в своих студийцах творческую индивидуальность. Но главное, конечно, семья. Моей дочери 13 лет, а мой муж, Михаил Молочников, — художник-график. Он — прекрасный организатор, и без его помощи навряд ли так удачно прошли бы мои персональные выставки. В свободное же время, хотя его бывает очень мало, люблю играть в теннис, плавать в бассейне и — немножко — вести светскую жизнь...

АЛЛА ТРИСТАН

▲ МАРИНА ГЕРЦОВСКАЯ. Фламинго. ▲

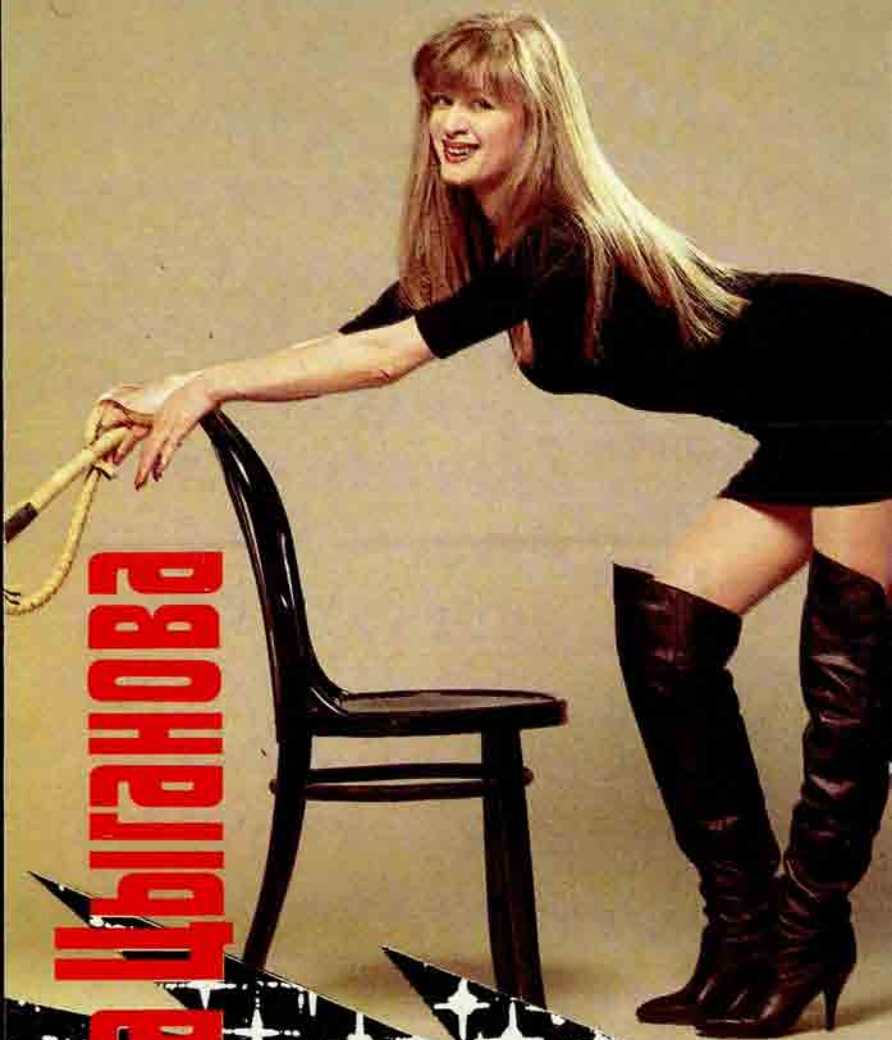
▲ Воспоминание.

▲ Лебедь. ▼

ИНДЕКС 70820

Вика Цыганова

Музыкальная антенна представляет: